

православная мысль

Архимандрит
Владимир (Гетге)

Папство
как причина
разделения
церквей

Архимандрит Владимир (Гетте)

ПАПСТВО КАК ПРИЧИНА
РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ,
ИЛИ РИМ В СВОИХ СНОШЕНИЯХ
С ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

Москва
ФондИВ
2007

По благословию
архиепископа Самарского и Сызранского Сергия

Составитель серии М.Б. СМОЛИН

Архимандрит Владимир (Гетте). Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной Церковью. / М.: Издательство «ФондИВ» — 2007. — 248 с.

ISBN 978-5-9139-9-003-7

В книге архимандрита Владимира (Гетте) исследуется один из центральных вопросов церковной истории о влиянии папства в деле отделения Римской церкви от Вселенского единства.

Архимандрит Владимир (Гетте Рене Франсуа) (1816–1892) бывший католический, впоследствии православный священник, крупный историк церкви. Родился во Франции. В 1862 году присоединился к Православию. В следующем, 1863 г. о. Владимир Гетте издал свою книгу «La papauté schismatique, ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale» («Схизматическое папство». Paris, 1863), за которую был удостоен Московской Духовной академией степени доктора богословия. Издавал православный журнал «Union Chretienne». Умер в Люксембурге 8/20 марта 1892.

Для всех интересующихся церковной историей и богословием.

© Издательство «ФондИВ», 2007

© Бикашов Д.Е. Оформление, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Сочинение, заглавие которого мы только что привели, принадлежит перу о.Владимира Гетте, появилось в свет на французском языке в начале семидесятых годов, и во французском оригинале носит название: «*La Papauté schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Église orientale*». Полагаем, что нами указанное название, по особенным свойствам русского языка, точнее соответствует основному содержанию этого сочинения, чем буквальный перевод французского заглавия: «*Схизматическое папство и пр.*». Конечно не все папы были схизматиками: но верно то, что непомерные папские притязания вызвали в Церкви разделение или *схизму*. Именно это хочет сказать своим французским заглавием книги о.Владимир; это же подтверждается и историческими обстоятельствами появления в свет его сочинения.

О. Владимир Гетте по своему происхождению был француз и первоначально принадлежал к составу римского клира. Он был священником французской католической церкви; но исполняя обязанности приходского пастыря, он в то же время отдавался глубоким и многосторонним историческим исследованиям. По своим отличным дарованиям и по своей научной подготовке он был по преимуществу историком. И он посвящал большую часть трудов своих историческим исследованиям; его многотомное сочинение по истории французской церкви, первый том которого появился в печати, когда о.Владимиру едва исполнилось 26 лет жизни, произвело сильное впечатление в католическом мире и вызвало страстную борьбу между ученым аббатом-историком, державшимся галликанских убеждений, то есть защищавшим вольности древней галликанской церкви, и ультрамонтанами, отвергавшими эти вольности и домогавшимися безусловного подчинения французской церкви папскому престолу. Это обстоятельство имело решающее влияние на всю последующую жизнь о.Владимира. Оно привело его к разочарованию в римской церкви, подвергло преследованию со стороны ультрамонтан и сопровождалось для него тяжелыми условиями жизни; но в то же время оно возбудило в нем сильное желание научным путем выяснить богооткровенную истину, то есть найти истинную Христову Церковь. То было мучительное и опасное время его жизни. Он сам говорит, что после того, как разошелся в своих убеждениях с римской церковью и сознал ее заблуждения, он вошел в сношение с англиканскими епископами и священниками, равно как и протестантскими пасторами. Пред ним открылись широкие распутия, конечно увлекательные для свободомыслящего человека, но опасные, сомнительные и могшие удалить его далеко от истины православия. Но по основному на-

правлению своих убеждений, он не мог сродниться ни с англиканством, ни с протестантством. Он не мог, по примеру протестантов, смотреть на христианство, как на психологическую систему религиозных убеждений, которую можно по произволу наполнять своими личными мнениями; он искал истину несомненно богооткровенную, которую церковь передавала бы из века в век от Самого Иисуса Христа и Его Апостолов, и которая оставалась бы *священным залогом* для верующих на все времена. С другой стороны, он далек был и от того, чтобы разгадать истину православия и сделаться православным христианином. Воспитанный в недрах римской церкви, усвоивший себе ее воззрения с молоком матери, он не имел надлежащих сведений о Восточной Церкви и смотрел на нее с точки зрения недобросовестных и часто злостных рассказов о ней западных писателей. Таким образом он отстал от одного берега, римского, и не мог пристать к другому — восточному. Но его авторская добросовестность и честность предохранили его от религиозных распутий. Его научные изыскания побудили его сравнивать учение римской церкви, которая требует от своих последователей рабского подчинения папству своей совести и своего разума, с учением церкви истинно христианской и православной, которая всегда предлагает своим чадам одну только веру апостольскую и этим обеспечивает за ними законную свободу совести и убеждений, — и сравнение это окончательно поколебало его католические предрассудки. Случайное знакомство с о. протоиереем И. Васильевым, бывшим настоятелем парижской русской церкви, и беседы с ним имели решающее влияние на образ мыслей о. Владимира Гетте и, при его искренней любви к богооткровенной истине и Христовой Церкви, сделали его настолько православным, что о. Васильев уже мог сказать ему однажды: «вы настолько православный, что кажется будто изучали богословие в Московской Духовной Академии». Преосвященный Леонтий, бывший в те времена викарным епископом Петербургской митрополии и прибывший в Париж для освящения новоустроенной русской Церкви в этом городе, окончательно рассеял все колебания о. Владимира и открыл для него дверь в ограду православной Церкви. О. Владимир сделался православным священником при Парижской посольской Церкви. С тех пор он посвятил все свои силы и весь свой прекрасный талант на служение Церкви православной, которая благословляет всякое добросовестное изыскание истины и с любовью смотрит на благородные усилия человеческого ума приблизиться к этой истине и усвоить ее себе. О. Владимир сам говорит о себе: «Все мои научные изыскания, приводя меня к православию, утверждали меня в истинных принципах *католических*, и я нашел эти принципы, во всей их чистоте, в православной Церкви. Я всегда считал себя исключительно католиком в недрах папства. Но мои научные занятия доказали мне, что я ошибался и что папство, вместо того чтобы быть *католическим* в подлинном смысле этого слова, создало раскол в Церкви Иисуса Христа. Итак, я

должен был сделаться православным, чтобы достигнуть истинного католичества»¹.

Переход о. Владимира Гетте в православие вызвал против него в католическом мире целую бурю упреков и порицаний. Ультрамонтане никак не могли помириться с подобным, небывалым во французской церкви событием. Они решились мстить ему. Они преследовали о.Владимира насмешкою, клеветою и даже судебными злоухищрениями; преимущественно же они укоряли его в незаконном и схизматическом отделении от римской церкви. Чтобы опровергнуть эти клеветы и доказать лживость и ошибочность этих упреков, о.Владимир в 1863 г. напечатал свой капитальный труд под заглавием: «*La Papauté schismatique, ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise Orientale. Paris, 1863*». В этом труде он, на основании исторических свидетельств и общецерковных документов, доказывает, что не он, а именно паписты вместе со своим папою отделились от единства Вселенской Церкви и поэтому заслуживают названия схизматиков. Эту основную мысль он подтверждает несомненными историческими фактами и изысканиями. В своих «Воспоминаниях» о.Владимир так говорит об этом: «мои враги были смущены, узнавши, что я перешел в православие. Они начали кричать, что я сделался схизматиком, вступив в Церковь схизматическую. Я ответил им сочинением, под заглавием: «*La Papauté Schismatique*». Сочинение это привело в ярость моих врагов. Я получил массу анонимных писем, в которых меня оскорбляли самым беспощадным образом. Вместо того, чтобы отвечать мне, меня называли ужасным схизматиком и говорили мне, что моя рука должна была дрожать при написании даже одного заглавия столь страшного сочинения. Но моя рука не дрожала нисколько, потому что в душе и по совести я был глубоко убежден в том, что самый ужасный схизматик есть папа»². Таковы исторические обстоятельства появления в свет этого сочинения.

Что касается самой идеи этого сочинения, то есть идеи о том, что именно папство было главной причиной разделения церквей: то она развита и доказана о.Владимиром Гетте на основании глубокого изучения исторических памятников Церкви, несомненных фактов церковно-исторической жизни и неопровержимых святоотеческих свидетельств. Его труд по преимуществу есть исторический. В своем предисловии к этому труду, он сам говорит, что для доказательства своей идеи он не имел надобности прибегать ни к софизмам, ни к спорным аргументам, ни к эмфатическим возгласам. Факты, заимствованные из первоисточников, совершенно были достаточны для него в деле твердой постановки основного его положения и его развития. И он действительно, на основании церковно-исторических памятников, последовательно рассматривает римское епископство с самого начала христианства, сопро-

¹ См. «Souvenir d'un prêtre romain devenu prêtre orthodoxe». 1889. С. XII р. 354.

² «Souvenir», *ibid.*, р. 357.

вождает его почти чрез все века и приходит к заключению, что в течении первых восьми веков абсолютическое папство, каким мы знаем его в настоящее время, не существовало; что римский епископ в первые три века христианства был таким же епископом, каким были епископы и прочих христианских церквей; что лишь в четвертом веке ему усвоено было первенство чести, но без вселенской юрисдикции; что это первенство было даровано ему не по *божественному праву*, а по историческим условиям церковной жизни; что наконец, та *ограниченная* церковная юрисдикция, которая усвоена была папам соборами и простиралась на некоторые соседние церкви, тоже основывалась не на *божественном праве*, а на *обычае*, узаконенном соборами. Что же касается папского верховенства — всемирного, абсолютного, по *божественному праву*, — то исторические факты и вселенские свидетельства не только не подтверждают этого, но и решительно опровергают. Исторические факты несомненно показывают, что абсолютическое папство есть явление позднейшее, что его первоначальное происхождение надобно искать во мраке средних веков, что оно возникло, сложилось и окрепло лишь с девятого века, воспользовавшись благоприятствовавшими ему историческими обстоятельствами, и лишь с этого времени оно стало предъявлять свои неслыханные права на двойной характер своей власти, политический и церковной. О.Владимир приходит к заключению, что действительным основателем папства, со всеми последующими притязаниями его, был Адриан I; Николай I много способствовал развитию папских идей; Григорий VII вознес папство на высочайшую степень могущества. Таким образом, современное нам папство, по историческим исследованиям о.Владимира, есть явление новое в Церкви и ведет свое начало лишь со времен Адриана I-го.

Отсюда открывается, что защитники папства впадают в самые грубые исторические заблуждения, относя возникновение папства к первым временам христианства и признавая его учреждением божественным. Это заблуждение роковым образом приводит их ко многим другим заблуждениям; и они напрасно стараются найти в церковной истории и в писаниях древних отцов церкви доказательства в защиту своих вольных и невольных ошибок. О.Владимир Гетте, вооруженный глубоким знанием истории, отличаясь тонкой исторической критикой, после тщательной проверки приводимых защитниками папства доказательств, приходит к заключению, что исторические факты искажены ими, святоотеческие свидетельства извращены и самые ссылки на священное Писание истолкованы неправильно, насильственно, вопреки вселенскому пониманию их. Словом, о.Владимир доказывает, что защитники папской теории не только впадают в исторические заблуждения, но и совершают сознательный или бессознательный исторический подлог. На основании всех этих ученых исследований, в своем сочинении он приходит наконец к заключению, что 1) папство по *праву боже-*

ственному появилось лишь в IX веке и только с этого времени папы задумали наложить на Церковь Божию иго, которого она не знала в течение первых восьми веков; 2) что эти непомерные папские притязания всегда вызывали со стороны Восточной церкви законный протест и живейшее сопротивление; 3) что именно этим путем папы сделали первую причину разделения церквей; 4) что затем папы намеренно утвердили и увековечили это разделение своими нововведениями и в особенности возведением в догмат своего незаконного главенства; 5) что наконец этими притязаниями на главенство и своим высокомерием они произвели действительную схизму, образовав церковь папистическую даже в недрах Церкви Восточной, и поставив таким образом жертвенник против жертвенника, епископство незаконное против епископства апостольского.

Таково в общих чертах содержание книги о. Владимира Гетте. Как только сочинение это вышло в свет, оно в том же 1863 г., через посредство о. протоиерея Г. Васильева, сделалось известным ученойшему богослову русской земли, митрополиту Московскому Филарету, и произвело на него сильное впечатление. Он оценил его по достоинству. Святитель Московский, в конце того же года, поручил ректору Московской духовной Академии, протоиерею А. В. Горскому, тоже первоклассному богослову и глубокому знатоку церковно-исторических наук, рассмотреть это сочинение и дать свой отзыв о том, не может ли автор этой книги быть признан достойным какой-либо из высших ученых академических степеней. Святитель пожелал также узнать мнение об этом сочинении члена академической конференции о. П. М. Терновского, которого он высоко ценил за его личные достоинства и обширные богословские познания. Оба они, и о. Горский и о. Терновский, дали наилучший отзыв о сочинении о. Владимира Гетте. Их отзыв всего лучше можно видеть из следующих выражений — докторского диплома, которым был почтен за свое сочинение о. Владимир по представлению конференции Московской Духовной Академии и по особому ходатайству перед Св. Синодом митрополита Филарета. Приводим этот отзыв в переводе с латинского языка, на котором диплом был написан: Мужа ученойшего, Священника Владимира Гетте, за прекрасные статьи (*specimena*) по священной и церковной образованности, а также за другие изданные им произведения, отличающиеся богатством знания и любовью к истине, преимущественно же за сочинение «*La Papauté Schismatique*», — в котором он посредством добросовестного изложения фактов и освещения древних времен мужественно защищает справедливейшее дело истинно католической Восточно-Православной Церкви, признанной им своею матерью, — Конференция Московской Духовной Академии, в силу представленного ей права, сим почетным дипломом объявляет доктором священного Богословия и публично свидетельствует, что утверждает за ним и усваивает ему почести и преимущества,

соединенные с дипломом»¹. Эта ученая оценка сочинения о.Владимира тем более была лестна для писателя, что он не искал и не домогался ее. Вот что пишет в своих «Воспоминаниях» по поводу этого диплома сам о.Владимир: «Этот диплом вполне вознаградил меня за оскорбительные преследования папских писак, которые, несмотря на все желание свое обвинить меня, никогда не могли найти во всех моих многочисленных сочинениях ни одного действительного заблуждения. Они могли упрекнуть меня только в одном: я не преклонил головы пред бесстыдными учениями ультрамонтан. Признаюсь они имели основание упрекать меня в этом; но я горжусь этим и считаю себя счастливым, что еще *до вступления в досточтимую православную церковь, я мог так ясно открыть истину в отношении ко многим вопросам, которые были извращены папством*»². Но и это еще не все.

Патриарх Константинопольский, которому сочинение о.Владимира тоже сделалось известным, отозвался о нем в самых лестных выражениях. Он почтил писателя своим письмом и благословлял его литературные труды. Это была такая награда за литературный труд, которая редко выпадает на долю церковных писателей. Разумеется, иначе отнеслась к сочинению о.Владимира римская церковь: Римская Конгрегация Индекса поспешила занести сочинение его в индекс, в число отверженных книг. Сам о.Владимир рассказывает об этих обстоятельствах в следующих выражениях: «Римская Курия, которая не могла опровергнуть меня, была достаточно талантлива, чтобы осудить меня и занести мою книгу в каталог индекса. Вместо всякой полемики с священной Конгрегацией Индекса, я поблагодарил ее за честь, которой она удостоила меня. Но в тот самый день, когда я узнал из газет о зачислении в индекс моего сочинения, я получил чрезвычайно похвальное письмо от его святейшества Вселенского Константинопольского патриарха. Этот досточтимый епископ считается первым патриархом Церкви с тех пор, как римский епископ, своим расколом и ересью, потерял права, дарованные ему первыми вселенскими соборами. Если бы я нуждался в утешении по поводу осуждения индексом, то был бы утешен, даже с избытком, похвалами первого епископа Церкви. Таким образом, я вступил в православную Церковь при счастливых обстоятельствах»³.

Полагаем, приведенных нами фактов совершенно достаточно для надлежащей оценки ученых достоинств сочинения о.Владимира Гетте. Сочинение это одобрено не только первоклассными восточными богословами, но и лицами, принадлежащими к высшим сферам иерархии в Православной Церкви; поэтому оно давно пользуется справедливою известностью в ученном богословском мире. Но, сколько нам известно, оно никогда не было переведено на русский язык; и таким образом всегда оставалось недоступным

¹ См. ж. «Вера и Разум» 1889 г. Т. I. Ч. 1, стр. 566.

² См. «Souvenir» *ibid.* p. 358.

³ «Souvenir» *ibid.*, p. 358.

для лиц, не владеющих французским языком. Причин этой литературной невнимательности к сочинению о.Владимира, как полагаем мы, надобно искать уже в неблагоприятных социальных условиях того общества, среди которого оно появлялось в свет. Оно появилось в те бурные времена, когда в нашем обществе едва теплился интерес к богословской литературе. А между тем и по своему содержанию, и по своим задачам и целям, как тоже полагаем мы, сочинение это вполне заслуживает общераспространенной известности Мы думаем это на следующих основаниях:

Римско-католические писатели признают нас, православных христиан *схизматиками*, то есть раскольниками, удалившимися от единения со Вселенской Церковью. Они вполне верят голосу папы, который говорит им: «Только мною и через меня вы можете находиться в общении и единении со Вселенской Церковью; только от меня ваши пастыри могут получить законное священство; только посредством меня сохраняется подлинное учение Христовой веры. Я верховный пастырь; я верховный судия и верховный учитель в христианском мире». Подобные папские притязания или заблуждения распространены не только среди римско-католиков, но отголоски их можно слышать и среди протестантов и даже рационалистов. О.Владимир с силою опровергает эти заблуждения и неопровержимо доказывает, что единение со Вселенскою Церковью условливается не признанием абсолютной папской власти, а тщательным хранением *божественного залога веры*, и утверждается на единстве апостольского вероучения, священноначалия и священнодействия. Чтобы находиться в общении со Вселенской Церковью надобно признавать лишь то, что предлагала и предлагает св. Церковь *всем, всегда и повсюду*; и вовсе нет надобности отказываться от своей совести, своей свободы и своего понимания истины в пользу непогрешимого папского авторитета. *In necessariis unitas, in dubiis libertas (единство в необходимом и свобода в сомнительном)* — таково основное правило Православной Церкви. Но и это еще не все.

Многие римско-католические писатели смотрят на папские притязания или заблуждения как на законное или законченное развитие христианской идеи, как на завершение полного развития христианства. С подобными мнениями можно встретиться даже и в нашей, так называемой светской литературе. Но о.Владимир доказывает, что по существу христианского вероучения папские нововведения не суть развитие, а *отрицание* евангельской идеи, *подлог и искажение* истинного христианства. Но отрицание, подлог и искажение могут ли быть признаваемы развитием христианства? Нам кажется, что именно эти последние суждения писателя, принадлежавшего к составу римского клира и высказывавшего их даже до обращения своего в православие, имеют особенную цену для нас, православных христиан. Католические писатели, обольщаясь своими церковными нововведениями, признают их прогрессом, развитием и совершенствованием своей церкви; вместе с тем

они упрекают Восточную церковь, остающуюся верной апостольскому учению и апостольскому преданию — в неподвижности, застое и окаменелости. Они даже укоряют православных богословов в том, что последние не могут, или не способны понять и признать великого прогресса римской церкви, сжившись или сроднившись со своими традиционными воззрениями. Но вот западный писатель, вышедший из среды их, несомненно талантливый, ученый и глубоко преданный христианской истине, фактически опровергает их заносчивые клеветы. Он доказывает, что истинный прогресс религиозной жизни состоит не в измене или извращении истины: но в строгом хранении ее и глубокой преданности ей.

Наконец мы должны обратить внимание на искренность и прямоту, с которыми о.Владимир излагает свой предмет. Он сам говорит: «Быть может удивятся, что мы касаемся подобного предмета с *такою* откровенностью. Мы ответим, что в эпоху, когда мы живем, надобно говорить открыто, без затаенных мыслей. Мы не понимаем сдержанности в отношении к заблуждению. Будучи снисходительными и благорасположенными к людям, которые обманываются, мы думаем, что повинuemся одному лишь истинному чувству любви, когда строго преследуем самое заблуждение, в которое они впадают. «Говорить истину — это самое лучшее доказательство любви к людям», — утверждает патриарх Фотий в письме к папе Николаю. Этому же правилу хочет следовать и наш писатель¹. Во всяком случае, при своих исторических изысканиях и суждениях, о.Владимир всегда остается столько же искренним, сколько и объективным. Предпославши эти предварительные замечания, переходим к самому переводу сочинения о.Владимира Гетте.

ПАПСТВО КАК ПРИЧИНА РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ, ИЛИ РИМ В СВОИХ СНОШЕНИЯХ С ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

I

Христианская Церковь глубоко разрознена. Если бы кто захотел представить внутренние раздоры, волнующие все христианские общества, а также все противоречивые учения сект, восстающих против матери церкви, то он нарисовал бы безотрадную картину. Впрочем, споры и ереси имеют свои причины существования. Что касается учений, не принадлежащих к *залогу* откровения и не бывших *определенными* на соборах, то о них в самом деле спор возможен и свобода человеческого духа должна быть уважаема. Что же касается ересей, то св. Павел говорит нам, что и они *необходимы*, дабы вера христиан была твердою и просвещенною.

Но превыше всех разногласий существует одно, самое важное, которое преимущественно должно привлекать внимание по причине своей важности и производимых им действий. Это то разногласие, которое существует между церковью Католической Восточной и церковью Католической Римской.

Каждый человек, с истинно христианским сердцем, должен быть огорчен при виде того разделения, которое столько веков существует между церквами, из коих и та и другая имеют апостольское начало и, за исключением *одного слова*, сохраняют один и тот же символ, те же таинства, то же священство, то же нравоучение, тот же культ. Но несмотря на эти элементы единства, разделение с девятого века есть совершившийся факт среди этих церквей. На кого же падает ответственность в этом великом религиозном и социальном преступлении? Вот один из важнейших вопросов, которого богослов может касаться. Но он не может решить его, не подвергая суду одну из этих церквей, не обвиняя ее в пренебрежении к слову Иисуса Христа, Который из *единства* сделал существенное условие бытия Своей церкви. Очевидно только посредством самого решительного извращения христианского смысла, разделение могло быть вызвано и утверждено. С этим соглашаются в обеих церквах — Восточной и Римской. Вот почему обе они взаимно подвергают друг друга обвинению в схизме; они не хотят пред Богом и пред обществом принять ответственность в том, что обе они признают пятном.

Надобно предположить, что одна из двух церквей виновна. Ибо даже тогда, когда бы с той или другой стороны могли быть указаны действия предосудительные, то эти частные ошибки не объяснили бы разделения. Несогласие во второстепенных пунктах, незначительное раздражение, причиняемое тщеславием или честолюбием, могут порождать только скоропреходящие распри. Чтобы вызвать разделение — основное и постоянное, для этого должна существовать причина более коренная, которая касалась бы самой сущности предмета.

Поэтому поставленный нами вопрос возможно решить только открывши эту причину, сильную и глубокую, вызвавшую схизму и продолжающую жить до наших дней. Касаясь этого вопроса, мы прежде всего останавливаемся на различии упреков, коими обе церкви — Восточная и Западная — взаимно поражают друг друга. Эта последняя утверждает, что церковь Восточная отделилась от нее ради удовлетворения своего недостойного памятозлобия, из-за интереса, ради честолюбия. Но подобными побуждениями можно разумно объяснять только мимолетные раздоры. Напротив того, церковь Восточная указывает в разделении мотив коренной и логический. Она утверждает, что церковь Римская вызвала его, желая во имя Божие наложить на Церковь Вселенскую незаконное иго, т.е. папское властвование, столько же противоречащее Божественному установлению церкви, как и предписаниям Вселенских Соборов.

Если упреки церкви Восточной основательны, то отсюда следует, что виновна церковь Римская. Чтобы разобраться в этом пункте, мы исследовали, каковы были сношения двух церквей до их разделения. В самом деле, надобно ясно установить природу этих сношений, чтобы видеть с какой стороны последовало отделение. Если справедливо, что Римская церковь в девятом веке захотела наложить на всю церковь властвование, неизвестное в предшествовавшие века и, следовательно, незаконное, то отсюда надо заключить, что она одна должна нести ответственность за схизму. Мы предприняли это исследование спокойно и без предубеждений, и оно привело нас к следующим заключениям:

Епископ Римский в течение первых восьми веков не обладал властью по *божественному праву*, которую он захотел пользоваться впоследствии.

Притязания Римского епископа на властвование по *божественному праву* над всею Церковью и суть истинные причины разделения.

Мы приведем доказательства в подтверждение этих заключений. Но прежде приведения их, считаем полезным обратиться к Св. Писанию и исследовать, имеют ли притязания Римского епископа на вселенское властвование в Церкви какие-либо основания в Слове Божием, как утверждают это римские писатели?

Папская власть, осуждаемая Словом Божиим

Церковь, по учению св. Павла, есть храм, религиозное здание, в коем все верующие составляют камни. «Вы, говорит он Ефесским христианам (11, 20), утверждены на основании апостолов и пророков; и Иисус Христос есть краеугольный камень этого здания; именно на Нем все здание утверждается и возвышается, дабы сделаться храмом, посвященным Господу; именно на Нем вы устраиваетесь в духовное жилище, где обитает Бог».

Таким образом, по учению св. Павла, Церковь есть общество всех верующих Ветхозаветных и Новозаветных. Первые, наставляемые пророками, а вторые, наставляемые апостолами, составляют вместе духовное здание, имеющее основанием Иисуса Христа, Которого одни ожидали как Мессию, а другие почитают, как Божественное Слово, облекшееся в человечество. Пророки и апостолы полагались в первые ряды камней этого таинственного здания; верующие возвышались на этих основаниях и составляли самое здание; наконец, Иисус Христос есть главный камень, треугольный камень, сообщающий всему зданию его твердость.

Нет другого основного и главного камня, кроме Иисуса Христа: «Никто, — пишет св. Павел коринфянам (1 Кор. III, 11), — не может положить другого основания, которое есть Иисус Христос». Ап. Павел преподает Коринфянам этот урок потому, что многие из них приурочивали себя к проповедникам Евангелия, как если бы эти проповедники были (основным) камнем Церкви: «Я узнал, говорит он им, что среди вас существуют споры. Один говорит: “я Павлов”; другой: “я Аполлосов”; третий: “Петра”; иной: “я Христа”. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас?»

Да и ап. Петр, по учению святого Павла, не может быть признаваем основным камнем Церкви, или первым заместителем Иисуса Христа, как не может быть признаваем ни сам апостол Павел, ни Аполлос. Петр и все остальные апостолы или апостольские мужи были в его глазах только служителями Иисуса Христа, только первыми рядами камней таинственного здания. Святой Павел сравнивает еще Церковь с телом, коего глава есть Иисус Христос, а члены суть пастыри и верующие.

«Христос, говорит он (Еф. IV, 11—16), поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого

все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена получает приращение для созидания самого себя в любви».

Итак, существует одна только церковь, коей глава есть Иисус Христос; она состоит из верующих, равно как и из пастырей; в недрах ее пастыри трудятся для развития христианской жизни, то есть любви, составляющей ее существенное содержание, и они трудятся при посредстве различных служений, вверенных им.

В этих понятиях о церкви можно ли усматривать монархию, управляемую первосвященником — верховным, абсолютным и нерешимым?

На эту церковь, понимаемую так в ее единстве и вселенскости, святой Павел смотрит как на сокровищницу божественного наставления; именно ее называет столпом и утверждением истины (1. Тим. III, 15).

Святой Петр, которого римские богословы хотят представить первым абсолютным монархом Церкви, не имел ни малейшей идеи о высоких преимуществах, которыми его награждают и которые столь охотно передают епископам Рима как его преемникам. Обращаясь к предстоятелям Церкви, он выражается следующим образом: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно (и богоугодно), не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите не увядающий венец славы» (1 Петр. I, 1 и след.).

Св. Петр знает одного только верховного начальника пастырей, Иисуса Христа. Что же касается его самого, то он есть лишь сотоварищ пастырей по священству; он не говорит ни о своем первенстве, ни о своем верховенстве. Он не превозносится над остальными пастырями Церкви; напротив, он обращается к ним как к братьям своим и равным ему, ссылаясь, при сообщении своих советов, только на качество *свидетеля* страданий Иисуса Христа и своей будущей славы, которая ему была открыта на Фаворе.

Во всех книгах Священного Писания мы не встретим ни одного текста относительно занимающего нас предмета, где бы Иисус Христос не был признаваем единственным главою всей Церкви и где бы вся церковь не была признаваема *единою* и тождественною, составленною из верующих, равно как и из пастырей.

Эти пастыри получили от Иисуса Христа необходимую власть для надлежащего управления Церковью. Этого нельзя оспаривать. Равным образом нельзя отвергать и того, что власть, дарованная апостолам, была передана их законным преемникам; ибо Церковь и общество пастырей, по учению Иисуса Христа, должны продолжаться во все века. Прежде оставления земли, Иисус Христос сказал своим апостолам: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все,

что Я повелею вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. XXIII, ст. 12—20).

Таким образом, Иисус Христос непрестанно пребывает с обществом пастырей Церкви. Именно им Он сказал в лице апостолов: «Слушающий вас, Меня слушает; отвергающий вас, Меня отвергает». Именно им также Он сказал: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Иоан. XX, ст. 22—23).

Эту власть, дарованную апостолам всем вообще, Иисус Христос *обещал* и святому Петру в частности, и в тех же самых выражениях. Вот одно из доказательств, приводимых папами в защиту своей теории о власти — особенной и высшей, полученной ап. Петром от Иисуса Христа, и от него переходящей к ним; но они не замечают, что эта власть *дарована* всем, что она была обещана ап. Петру не *лично*, но всем апостолам в его лице. Таково замечание святого Киприана и большинства отцов Церкви. Но папы приводят еще другие тексты в защиту этой теории. Мы рассмотрим их. Вот первый:

«Ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 19).

Если мы поверим папам, то этот текст доказывает, что святой Петр и римские епископы, его преемники, поставлены Иисусом Христом основным камнем Церкви; и что заблуждение, в переносном смысле названное вратами ада, никогда не одолеет этого камня. Отсюда они выводят следующее заключение: папы суть верховные главы Церкви.

Чтобы признать это рассуждение правильным, надобно было бы допустить, что святой Петр был поставлен превыше прочих апостолов, *основным* камнем Церкви; и что это преимущество было даровано не ему только лично, но что оно перешло и на епископов Рима.

Но это не так.

Прежде всего, святой Петр не был назван *камнем* Церкви с исключением прочих апостолов. Он не был поставлен абсолютным главою. Доказательство этого мы видим в тексте святого Павла, приведенном выше, в котором этот апостол положительно утверждает, что основные *камни* Церкви суть пророки и апостолы, соединенные воедино посредством треугольного камня, который есть Иисус Христос.

Нельзя усвоить святому Петру преимуществ *камня* Церкви, не насилуя смысла священного Писания, не разрушая церковного домостроительства и не удаляясь от католического предания. Иисус Христос объявил, что Он Сам есть этот камень, предуказанный пророками (Мф. XXI, 42; Лук. XX, 17—18). Святой Павел говорит, что «Иисус Христос есть камень» (1 Кор. X, 4). Святой Петр учит той-же истине (1 Петр. II, 7, 8).

Таким же образом большинство отцов Церкви не допускали игры слов, которую наши ультрамонтане усвоят Иисусу Христу,

и не применяли к святому Петру следующих слов: «На этом *камне* создам церковь Мою»¹. Чтобы убедиться в том, что толкование Отцов наиболее истинно, достаточно припомнить обстоятельства, среди которых Иисус Христос обратился к святому Петру со словами, неправильно толкуемыми римскими богословами. Он спросил своих учеников: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» — Ученики отвечали: «Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков». — «А вы, снова спросил Иисус, за кого почитаете Меня?» — Симон же Петр, отвечая, сказал: «Ты — Христос, Сын Бога Живого». Тогда Иисус сказал ему в ответ: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыла тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и пр.».

Эти слова означают не иное что либо, как только следующее: поэтому Я говорю тебе, что Я переименовал тебя Петром по причине твердости твоей веры и говорю тебе, что истина, которую ты исповедал, есть основной *камень* Церкви; и заблуждение никогда не преодолет этого камня.

Как замечает блаженный Августин, Он не сказал Симону, сыну Ионину: Ты *камень* (*греческое слово камень — πέτρα имеет женское окончание*², но ты Петр (*греческое имя Петр — πέτρος; имеет мужское окончание*). Слова блаженного Августина заслуживают тщательного внимания: «не на тебе, говорит Он, Петре (Пётрос), как камне, но на *камне* (пётра), который ты исповедал, на *этом камне* твоего исповедания, на камне выказанного тобою убеждения: Ты Христос, Сын Бога Живого, — именно на этом камне создам церковь Мою. Я создам тебя на Мне, а не буду создан на тебе». Те, которые хотели быть созданными на людях, говорили: Я Павла, я Аполлоса, я Кифы, то есть Петра; но те, которые хотели быть созданными не на Петре, а на *камне*, говорили: Я Христа. На французском языке (тоже и в русском языке) название, заимствованное от какого либо предмета, удерживает окончание (мужское или женское), одинаковое с называемым предметом; и это приводит к двусмысленности, которая не встречается ни в греческом, ни в латинском языке. В этих языках имя человека имеет окончание мужское, между тем как имя пред-

¹ Лоноа (Lanoü), доктор Сорбонны, известный по весьма значительному числу богословских сочинений, обширной учености которого никто не может оспаривать, сосчитал голоса католического предания по этому вопросу. Он посредством текстов ясных и подлинных доказал, что лишь весьма незначительное число отцов и учителей церковных усвоят святому Петру преимущества *камня*, на котором должна быть создана Церковь; между тем как большинство не усвоят ему этого и понимают слова Иисуса Христа совершенно иным образом. Об этом можно справиться в его «Письмах», которые тоже суть трактаты, достойные первостепенного ученого.

² Слова в скобках принадлежат переводчику. — *Ред.*

мета имеет окончание женское; это и делает более легким различие двух предметов, которые Иисус Христос имел в виду. При помощи местоимения и женского члена, предшествующего слову *камень*, еще легче заметить, что в обоих этих языках эти слова относятся не к подлежащему мужского рода, обозначающему человека, но к другому предмету. Кроме того, недостаточно обращали внимания на греческое слово *ὄτι*, которое очень точно переводится по латыни *quia*, и означает *потому что*. Переводя это слово в этом смысле, избегают двусмысленности, к которой приводят рассуждения пап и их сторонников.

В священных книгах часто говорится о *камне* в переносном смысле. И это слово всегда обозначает Иисуса Христа и никогда, ни в ближайшем, ни в отдаленном смысле, не означает святого Петра. Лучшим толкованием Св. Писания служит само же Св. Писание. Поэтому огромное большинство Отцов и древних учителей справедливо усваивало спорному месту толкование, предложенное нами, относя слово *камень*, которым пользуется Спаситель, или к *Иисусу Христу*, или к вере в Его *божественность*. Это толкование имеет тройное преимущество; так как оно более сообразно с текстом, лучше согласуется с другими местами Св. Писания и не усваивает Иисусу Христу игры слов, не достойной Его¹.

Что касается незначительного числа древних писателей, допущавших эту игру слов, то надобно признать, что никто из

¹ Между Отцами, усваившими это толкование знаменитому месту:

«*Ты еси Петр*», мы укажем: св. Илларию Поатьерского, *О троичности*, кн. 6; св. Григория Нисского, *На вознесении Господа нашего*; св. Амвросия, кн. 6 на IX гл., еван. Луки и на II-ю гл. послания к Ефессеям; блаженного Иеронима на стих 18 гл. XVI св. Матфея; святого Иоанна Златоустого, беседа 56 и 83 на еванг. Матфея, и на 1 главу послания к Галатам; блаженного Августина, *Трактат 7* и 123 на евангелие Иоанна, слово XIII на слова Господни, заимствованные из евангелия Матфея, кн. I *Поправок*; Акакия, беседа, произнесенная им на соборе Ефесском; святого Кирилла Александрийского, кн. IV на Исаию, кн. IV *О Троице*; св. Льва I, слово 2 и 3. *На возведение его во епископство*, слово на *Преображение Господа Нашего*, слово 2 на *день Апостолов Петра и Павла*; святого Григория Великого, кн. 3, посл. 33; святого Иоанна Дамаскина, рассуждение о *Преображении Господа Нашего*.

Это толкование Отцов сохранялось на Западе до эпохи, когда ультрамонтанство, посредством иезуитов, преобразовало его в свою теорию, в XVI столетии. Для доказательства этого достаточно привести: Иону Орлеанского, кн. III *о почитании икон*; Генкмара Реймского, сочинение 33; папу Николая I, письмо 6 к Фотию; Одона Клунийского, *Слово о кафедре святого Петра*; Руперта, кн. III на *святого Матфея* и кн. XII на Апокалипсис; Фому Аквината, *Дополнение* в. 25, ч. 1; Ансельма, на *XVI гл. еванг. Матфея*; Эккия кн. II *О первенстве святого Петра*; кардинала Кузу, *Католическое согласие*, кн. II, глава 13 и 18.

них не толковал текста в смысле благоприятном для папского верховенства и не доходил до крайних выводов этой системы. Их выводы диаметрально противоположны всему папскому учению.

Справедливо, что Иисус Христос непосредственно обратился к Петру; но достаточно прочитать весь текст, чтобы видеть, что Он поэтому еще не усвоил ему преимуществ исключительных пред прочими апостолами. В самом деле, произнеши выше приведенные слова, Иисус Христос, все же обращаясь к Петру, присовокупил:

«Дам тебе ключи царствия небесного; все, что ты разрешишь на земле, будет разрешено на небе». В обеих частях текста Иисус Христос только дает Петру два *обещания*: первое, что Церковь будет столь твердо создана на вере в божественность Его лица, что заблуждение никогда не одолеет этой истины; второе, что Он дарует Петру важное служение в Церкви.

Нельзя доказывать, будто власть ключей была обещана Петру с исключением прочих апостолов; ибо Иисус Христос обещал ключи и всем им, в то же самое время, употребляя те же самые выражения, которыми Он пользовался при обещании Петру (Мф. XVIII, 18). Более того, Он обещал всем апостолам совместно, а не одному Петру, пребыть с ними до скончания века.

«Иисус, говорит евангелист Матфей (Мф. XXVIII, 18 и след.), приблизившись к Своим апостолам, сказал им: дана мне всякая власть на небе и на земле: и так *идите, научите* все народы, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века».

У евангелиста Иоанна мы читаем (Иоан. XX, 21 и след.): «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав сие, дунул и говорит им: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся».

Очевидно, Иисус Христос даровал Своим ученикам совместно преимущества, которые Он обещал Петру. Обещание, данное Петру, осуществляется во всей совокупности в пастырях. Это доказывает, что Иисус Христос говорил с Петром, как с представителем сотоварищей его, как с *образом* (figure) апостольского общества¹.

Но из того, что Он обращается к нему одному среди этих торжественных обстоятельств, не надобно ли заключить, что Христос даровал ему преимущества в особенном и высшем смысле?

Надобно заметить, что из Евангелий не видно, чтобы Он осуществил в отношении к одному святому Петру, какого либо особенного обещания. Петр получил власть равную с другими апосто-

¹ Так толкуют этот текст: Ориген, на евангелиста от Матфея; святой Киприан, О единстве Церкви; блаженный Августин, трактат 50 и 118 на евангелиста Иоанна; слово 205 в день апостолов Петра и Павла; святой Амвросий, на псалом 38; святой Пациан, письмо III к Семпронию.

лами. Но если бы, по намерению Иисуса Христа, Петр должен был обладать в Его церкви главенством верховным, абсолютным, то учреждение подобного главенства было слишком важным, чтобы в священных книгах не сохранилось воспоминание о нем, особенно о моменте, когда Иисус Христос возлагал на верховного главу высшую власть. Напротив, из Евангелий ясно, что личное присутствие Иисуса Христа для сохранения откровенной истины, равно как и власть ключей, обещаны Петру только совместно с его сотоварищами по апостольству.

Святой Павел, равно как и евангелисты, ничего не знают о верховной власти, дарованной святому Петру. Кроме текстов, уже приведенных нами, мы читаем в послании к Галатам (XI, 7, 8, 9), что Павел самому себе усваивал среди язычников ту же власть, какую Петр имел среди иудеев, и что он не смотрел на Петра, как на высшего пред Иаковом и Иоанном, которых он, как и самого Петра, называет столпами Церкви. Он даже говорит об этом Иакове, епископе Иерусалимском, прежде Петра, когда усваивает всем им титул *столпов Церкви*; он так мало знает о власти Петра, что противостоит ему в лицо, когда он, как говорит Павел, зазорен ему был (*там же 11 и след.*).

Когда апостолы собрались в Иерусалиме, Петр говорил на соборе как простой член собрания, не *первым*, но после многих других. Он признал себя обязанным, — в присутствии остальных апостолов, старцев и верующих, — торжественно отказаться от своего мнения о необходимости обрезания и иудейских обрядов. Иаков, епископ Иерусалимский, делает краткое изложение спора, формулирует принятое решение и действует как истинный председатель собрания. (Деян. XV, 7 и след.).

Итак, апостолы не смотрели на святого Петра как на основной *камень* Церкви. Следовательно, папское толкование знаменитого текста: *Ты еси Петр*, столько же противоречит Св. Писанию, как и католическому преданию.

Мы не видим никакого серьезного возражения против нашего понимания этого текста. Наше толкование необходимо вытекает из сравнения различных текстов Св. Писания касательно одного и того же предмета. С точки зрения католической или традиционной оно обладает всеми гарантиями; наконец, текст, рассматриваемый в себе самом, не может иметь другого законного смысла. Из простого чтения этого места следует, что главною целью Спасителя было сосредоточить на Себе и на Своем божественном посольстве все внимание Своих учеников: Его божественность есть идея, к которой, очевидно, относятся Его вопросы и ответ Петра. Следовательно, заключение должно относиться к этой идее. К святому Петру как главе Церкви, нельзя применять этого заключения, не утверждая, что Иисус Христос, сказавши о Своей божественности, извлекает отсюда следствие о первосвященнической власти, каковая идея существенно уже другая.

Посмотрим теперь, доказывают ли другие тексты, приводимые римскими богословами в пользу папской власти, то, что Иисус Христос действительно установил эту власть в Своей Церкви.

Богословы эти ссылаются еще на следующее место евангелия Луки: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда обратившись, утверди братьев твоих» (Лука XXII, 31 и след.).

Иисус Христос обращается к апостолам в лице Симона прозванного Петром. Он говорит, что сатана испрашивал дозволения сеять их, то есть, подвергать их веру тяжким испытаниям. В тексте надобно заметить слово *вас*, по-гречески ὑμᾶς. Сатана не получил испрашиваемого дозволения. Апостолы не потеряли веры среди искушений, которые должны были возникнуть у них при виде страдания и смерти их господя; один лишь Петр в наказание за свою самонадеянность подвергнется падению и отречется от своего господя три раза. но благодаря особенной молитве Спасителя, он придет в раскаяние. Тогда он обязан будет исполнить великий долг в отношении к братьям своим введенным в соблазн его падением. Для укрепления и для вознаграждения их своею ревностью и своею верою, надобно было, чтобы он подвергся огорчению.

По истине непонятно, каким образом папы могли сослаться на это место святого Луки для возведения своей системы. Надобно заметить, что приведенные слова были обращены Иисусом Христом к святому Петру в тот самый день, когда он должен был отречься от него, и содержат лишь предсказание о его падении. Святой Петр именно так понял их, ибо тот час же ответил Иисусу Христу: «Господи! С Тобою я готов и в темницу и на смерть идти». Но Иисус присовокупил: «Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня».

Евангельский текст святого Луки говорит скорее против твердости веры святого Петра, чем в пользу этой твердости; тем более нельзя делать из текста никакого вывода в пользу верховенства Петра относительно учения или управления. И отцы церкви, и наиболее ученые толкователи Священного Писания никогда не думали давать тексту подобного толкования. За исключением последующих пап и их приверженцев, желавших во чтобы то ни стало добыть из него доказательства, хорошие или дурные, — никто не видел в приведенных выше словах ничего другого, кроме требования, обращенного к Петру, о заглаждении его верою соблазна падения и укрепления остальных апостолов, коих это падение могло поколебать¹. Обязанность укрепления других вытекала из этого соблазна; слова *утверди братьев* суть только следствие слова *обратившись*. Если первым словам хотят дать общий смысл, то почему не дают этого же смысла второму слову? Из этого следо-

¹ До девятого века нельзя находить ни одного Отца, ни одного церковного писателя, который допускал бы это ультрамонтанское толкование.

вало бы, что если преемники Петра наследовали преимущество *укреплять* в вере своих братьев, то они унаследовали также надобность обращаться к Иисусу Христу после отречения от Него. Мы не видим, что могла бы выиграть первосвященническая власть отсюда.

Папы, нашедшие такое исключительное доказательство в стихе 31 и 32 главы XII святого Луки в подтверждение своих притязаний, благоразумно поостереглись однако же приводить предшествующие стихи.

Евангелист повествует в них, что среди апостолов возник спор с целью узнать, кто из среды их должен быть признаваем самым большим. Знаменитые слова: *Ты еси Петр* уже были произнесены, а это доказывает, что апостолы не поняли их так, как понимают последующие папы. Даже накануне смерти Иисуса Христа, они не знают, что Петр избран первым среди них и основным камнем Церкви. Иисус Христос обращает внимание на спор. Вот представляется Ему превосходный случай заявить о власти Петра; наступило время, когда Он должен был это сделать, потому что идет на смерть. Сделал ли Он это? Спаситель не только не утверждает верховенства, будто бы обещанного Петру, но преподает своим ученикам урок, совершенно противоположный, говоря: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются; а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий».

Сближая повествование святого Луки с повествованием святого Матфея, ясно, что спор, возникший среди апостолов, возбужден был вопросом, который мать апостолов Иакова и Иоанна предложила Иисусу Христу ради своих детей. Она просила для них двух первых мест в Его царстве. Иисус Христос положительно не говорит ей того, что Он отдал уже первое место Петру. А этот ответ был бы очень естественным и даже необходимым, если бы святой Петр в самом деле был облечен высшею властью. Десять апостолов пришли в негодование по поводу честолюбивого вопроса, который Иаков и Иоанн предложили при посредстве своей матери; Иисус Христос немедленно преподает наставление, которое мы привели и которое непосредственно предшествует тексту, на котором римские богословы думают основать свою систему (Мф., XX, 20 и след.).

На основании указанного контекста уже можно оценить силу их предполагаемого доказательства.

Папы приводят в пользу свою еще следующее место Евангелия святого Иоанна (XXI, 15 и след.):

«Иисус сказал Петру: «Симон Ионин! любишь ли ты меня больше, нежели они?» Он отвечал Ему: «так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». — Иисус сказал: «паси агнцев Моих». Еще говорит ему в другой раз: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» Петр говорит Ему: «так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». — Иисус говорит ему: «паси овец Моих». Говорит ему в

третий раз: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня?» Петр *опечалился*, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня и сказал Ему: «Господи! Ты все знаешь! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Иисус говорит ему: «паси овец Моих».

На основании этого текста римские богословы рассуждают следующим образом:

«Иисус Христос поручил святому Петру, в обширном смысле, заботу пасти агнцев и овец; но агнцы суть верующие, а овцы суть пастыри; следовательно Петр, и в лице его преемники его, получили высшую власть над пастырями и верующими».

Чтобы рассуждение это было правильным, надобно было бы доказать, что: 1) служение, вверенное Петру, не было вверено и другим пастырям Церкви; что 2) агнцы означают верующих, а овцы — пастырей.

Но сам святой Петр научает нас, что пастыри церкви все получили служение пасти стадо Господне. Мы уже приводили место из его первого послания, в котором он говорит ко всем, бывшим во главе разных церквей: «Пасите стадо Божие, вверенное вам» (1 Петр. V, 2).

Но торжественность, с которою Иисус Христос возлагает эту обязанность на Петра, не означает ли, что Петр обладает этою обязанностью в высшем смысле? — Ничто не доказывает этого. Отцы и наиболее просвещенные толкователи в тройном засвидетельствовании любви, которое Иисус Христос потребовал от Петра, всегда видели только заглаждение тройного отречения. И сам Петр не видел в этом ничего другого; потому что *он опечалился*. Если бы он знал, что Иисус Христос уступает ему власть высшую: то он скорее обрадовался бы, чем опечалился по поводу слов, обращенных к нему; но он был убежден, что Спаситель торжественно потребовал тройного заявления о его верности лишь для восстановления его в числе пастырей Своего стада; ибо он подал законное основание усомниться в этом, отрекшись от своего Учителя. Иисус Христос должен был обратиться только к нему одному, потому что только он один оказался виновным в этом преступлении.

Далее, агнцы означают ли верующих, а овцы пастырей? Это толкование совершенно произвольно; напротив, предание совершенно противоречит этому, и в защиту толкования нельзя привести ни одного отца Церкви. Даже более того. Это толкование не согласно с Священным Писанием. Слова: *агнцы* и *овцы* безразлично употребляются в священных книгах для обозначения одного и того же предмета. Так, у святого Матфея мы читаем: «Я посылаю вас, как овец среди волков» (Мф. X, 16). И у святого Луки: «Я посылаю вас, как агнцев среди волков» (Лук. X, 3). В Священном Писании слово овцы означает верующих. У Иезекии читает: «Мои овцы рассеяны, потому что не было пастыря» (Иез. XXXIV, 5). Иисус Христос усвоит название овец верующим: «Я имею других овец, которые не суть от двора сего», говорит Он. Святой Павел,

обращаясь к верующим Понта, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, говорит им: «Вы были, как овцы блуждающие (не имея пастыря), но возвратились ныне к Пастырю и Блюстителю душ ваших» (1 Петр. II, 25). Итак, нельзя ни основывать, ни сообщать различного смысла словам: *овцы* и *агнцы*; нельзя и толковать слова *овцы* в смысле *пастырей*.

Если уже хотят сообщать двум выражениям различный смысл: то не естественнее ли под агнцами разуметь юных верующих, имеющих надобность в более нежных заботах; а под овцами тех, которые достигли мужского возраста в отношении к вере?

Папское толкование овец и агнцев до такой степени лишено основания, что один комментатор Евангелий, которого не могут заподозрить римские богословы, иезуит Мальдонат, говорит об этом в следующих выражениях: «Не следует вдаваться в тонкие различения, чтобы узнать, почему Иисус Христос скорее употребляет слово агнцы, чем овцы. Кто захотел бы вдаваться в эти различения, тот должен тщательно остерегаться не подать повода к смеху людям ученым; ибо неоспоримо, что те, кого Иисус Христос называет агнцами, суть те же самые, кого Он называет Своими овцами» (*Comment., in. cap. XXI, Иоанн., § 30*).

Итак, святой Петр не был поставлен ни основным камнем Церкви, ни ее верховным пастырем.

Однако же нельзя отвергать, чтобы некоторое первенство не было даровано этому апостолу. Хотя он не был первым в числе апостолов по времени избрания Иисусом Христом, но он числится первым евангелистом Матфеем. Этот Евангелист, желая назвать двенадцать апостолов, выражается следующим образом: «Первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, и пр.» (*Мф. X, 2*). Святой Лука и святой Марк тоже называют святого Петра первым, хотя не следуют одному и тому же порядку при перечислении остальных апостолов (*Лук. VI, 13* и след.; *Мар. III, 16* и след.). Во многих случаях Иисус Христос оказывал Петру знаки внимания совершенно особенного; его переименование Петром, не имея решительно значения, которое соединяют с ним римские богословы, даровано ему однако же для обозначения твердости его веры и с почетной целью. Обыкновенно Петр первым вопрошал Иисуса Христа и первым отвечал Ему от имени апостолов. Евангелисты пользуются следующим выражением: «Симон и бывшие с ним» для обозначения сообщества апостолов (*Мар. I, 36; Лук. VIII, 45; IX, 32*). Из этих фактов можно ли заключить, как заключает доктор Ла-Шамбр, что «Иисус Христос даровал святому Петру, превыше всех его сотоварищей по апостольству, первенство юрисдикции и власти в управлении церковью?» (*Traité de l'Eglise, t. 1-er*). Это заключение не логично. Прежде всего, нельзя быть *первым* в каком либо обществе, не обладая при этом *юрисдикцией* и *авторитетом*; в таком обществе можно быть только, как говорят, *primus inter pares, первым среди равных*. Затем, святой Петр не всегда называется первым в Священном

Писании. Так, Иоанн называет Андрея прежде него (I, 44); святой Павел называет его только после Иакова (*Галат. II, 9*); он называет его также после *других апостолов и братьев Господних* (1 *Кор. IX, 5*). «Итак, Петр был первым в числе апостолов в таком же смысле, в каком Стефан был первым среди диаконов». Таковы слова блаженного Августина (слово 316). Ориген (на святого Иоанна), святой Киприан (письмо 71 к Квинт.) держатся того же мнения, как и блаженный Августин. Можно положительно утверждать, что никакой отец Церкви не видел в этом первенстве Петра права *юрисдикции, авторитета* в управлении Церковью. Нельзя извлекать противоположного заключения, не противореча самому Священному Писанию.

Иисус Христос запретил своим апостолам принимать в отношении друг к другу название господина, учителя и даже отца или папы (*Мф. XXIII, 7* и след.): «Не называйтесь учителями, ибо один у вас учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Большой из вас да будет вам слуга».

Пусть сопоставят эти евангельские слова с изображаемыми римскими богословами картинами преимуществ римского епископа и без труда увидят, что эти богословы не говорят истину.

Святой Матфей повествует, что когда Петр спросил Иисуса Христа относительно апостольских преимуществ, то Иисус ответил ему: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын человеческий на престол славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах, судить двенадцать колен Израилевых» (*Мф. XIX, 28*).

Если Иисус Христос назначил Петру престол высший сравнительно с остальными престолами, если Он обещал ему высшую власть: то сказал ли бы Он Сам Петру, что двенадцать апостолов воссядут на двенадцати престолах, без различия?

Вывод из всего этого вытекает тот, что в Церкви пребывает только один Учитель, один Господь, один верховный Пастырь: «Я есмь, говорит Иисус Христос, пастырь добрый; вы называете Меня Учителем и Господом, и хорошо делаете; потому что Я есмь таков» (*Иоан. X, 11* и след.). «Один у вас Наставник — Христос» (*Мф. XXXIII, 10*).

Он один восседает на престоле величества, в святом граде, «коего стена имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца»; это первые пастыри восседают там на своих престолах, судя колена нового народа Божия (*Апок. XXI*). Когда здесь, на земле, возникают споры, которых нельзя умиротворить кротостью, то их надобно представлять к их престолам, — к престолу не одного, но всей церкви, представляемой теми, которые поставлены руководить ею.

Итак, Новозаветных Писаниях нет ничего благоприятствующего, хотя бы в отдаленном смысле, верховному авторитету, ус-

воюемому римскими богословами святому Петру и римским епископам, которых они признают его преемниками.

Можно даже сказать, что авторитет этот в этих книгах в самом существе своем осужден. Выше мы приводили слова Иисуса Христа достаточно решительные. Книга Деяний и Послания содержат факты, которые очевидно показывают, что святой Петр не пользовался никаким верховенством в обществе апостолов. В самом деле, в книге Деяний можно читать: «Находившиеся в Иерусалиме апостолы, услышавши, что Самаряне приняли Слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна» (VIII, 14). Итак, Петр был подчинен не только всему обществу апостолов в совокупности, но и *многим* апостолам, сошедшимся в Иерусалиме; потому что он *был послан ими*. В той же книге можно читать, что *верующие* от обрезания упрекали Петра в том, что он ходил к неверным, и Петр оправдывался в этом, повествуя, что он подчинялся повелению от Бога (XI, 2—3). Могли ли так поступать в отношении к верховному главе, и так ли поступил бы глава в отношении к подчиненным? На соборе Иерусалимском (*Деян.* XV, 7 и след.), Петр не председательствовал; именно Иаков произнес следующее слово: *Я полагаю* и пр. Петр говорил уже после него как простой член. Но председательство принадлежало бы Петру *по праву*, если бы он был главою, облеченным авторитетом и юрисдикцией над всем апостольским обществом. Святой Павел (*Посл. к Галат.* II, 1, 8, 9, 14) отвергает первенство Петра; он утверждает, что равен ему; помещает его после Иакова и повествует, что он укорил его, потому что он не поступал *согласно с евангельской истиной*. Это же верховенство он отвергает (1. *Кор.* III, 4—5), когда положительно утверждает, что Петр есть только простой *служитель*, как он сам и как Аполлос; и что не надобно прилепляться ни к тому, ни к другому, но единственно к Иисусу Христу. Наконец сам святой Петр отвергает первенство, которым его хотят наградить; ибо обращаясь к пастырям основанных им Церквей, он представляет себя только *их сослужителем* (1 *Петр.*, гл. V, ст. 1).

III

О власти римских епископов в течение первых трех веков Церкви

История нам показывает, что отцы и епископы в течение первых восьми веков Церкви усвоили Священному Писанию смысл (папской власти), нами изъясненный. Если бы римский епископ пользовался вселенскою властью в Церкви *по праву божественному*, если бы он в качестве преемника святого Петра был викарием и представителем Иисуса Христа, необходимым центром Церкви, то нет сомнения, что эти преимущества были бы признаваемы хри-

стианской древностью, точной хранительницей веры и божественных установлений. Если бы Церковь с течением веков подпадала некоторому ослабеванию по человеческой своей стороне, то есть ослабеванию в людях, управляющих ею и составляющих часть ее, то нельзя думать, чтобы это ослабевание не было обнаружено с самого начала. Поэтому естественно и логично восходить к первоначальному появлению учреждения, чтобы узнать его истинный характер. Вот необходимая точка отправления для оценки развития этого учреждения, его прогресса или его упадка с течением веков. И если мы докажем, что первоначальная Церковь не признавала за римским епископом власти, которую он теперь приписывает себе; что эта власть есть хищение, начавшееся только с девятого века, то отсюда необходимо заключить, что власть эта не есть Божественная по своему первоначальному происхождению и что, следовательно, долг всех Церквей и всех верующих протестовать против нее и опровергать ее.

Но после предпринятого нами глубокого и сознательного изучения исторических и учительных памятников восьми первых веков церкви мы можем утверждать, что римский епископ несправедливо заявляет притязания на вселенскую власть, что эта власть не имеет основания ни в слове Божиим, ни в законах церковных.

Первый документ, на который ссылаются приверженцы папского верховенства, есть послание, написанное св. Климентом от имени римской церкви к церкви Коринфской. Они предполагают, что Климент написал его в силу верховной власти, соединенной с титулом римского епископа.

Но несомненно, что 1) св. Климент не был епископом римским, когда писал Коринфянам; что 2) среди этих обстоятельств он действовал не в силу собственной власти, но от имени римской церкви и по любви.

Письмо, приписываемое св. Клименту, было написано в 69 году от Р. Х., вскоре после гонения Нерона, которое имело место между 64 и 68 годами, как признают это все ученые. Все писатели, признавая несомненным, что послание к Коринфянам было написано, когда Климент был епископом Римским, относят дату его к царствованию Домициана. В самом деле, Климент сделался преемником Анаклита на престоле Римском только в двенадцатый год царствования Домициана, то есть в 93 году общепринятой эры, и занимал этот престол до 102 года. Свидетельство Евсевия не оставляет никакого сомнения в этом отношении¹. Из самого письма видно, что оно написано после гонения. Если же предположить, что это гонение было Домициана, то написание послания надобно относить к последним годам первого века, потому что преимущественно в 95 и 96 годах происходило гонение Домициана. Но легко видеть из самого послания, что оно написано было прежде этой эпохи, ибо в нем говорится об иудейских жертвах, как существовавших еще в храме Иерусалимском. Храм же вместе с городом

Иерусалимом был разрушен Титом в 70 году общепринятой эры. Таким образом, послание было написано прежде этого года. С другой стороны, оно появилось после гонения, во время которого в Риме было много весьма знаменитых мучеников. Но подобных мучеников не было во время гонения Домициана. Гонение Нерона продолжалось от 64 до 68 года. Отсюда следует, что послание к Коринфянам могло быть написано только в 69 году, то есть за 24 года прежде, чем св. Климент сделался епископом Римским.

В виду этого простого вычисления, что происходит с соображениями приверженцев папского верховенства о важности документа, истекшего *от св. папы Климента?*

Когда утверждают, что послание св. Климента было написано во время его епископства, то из этого решительно нельзя ничего заключить; ибо послание было писано им не в силу высшей и *личной* власти, которою он обладал, но по требованию любви и *во имя церкви римской*. Послушаем Евсевия об этом предмете: «от Климента существует послание, признаваемое единодушно; оно превосходно и удивительно. Климент написал его от имени церкви Римской к церкви Коринфян, среди которых возникло важное разногласие. Мы нашли, что у большинства церквей, как и в нашей, с незапамятных времен было обыкновением читать его. Гегзип есть очень достоверный свидетель того разногласия, которое возникло среди Коринфян во времена Климента¹.

Несколько далее Евсевий возвращается к посланию Климента и еще раз замечает, что оно написано *от имени церкви Римской*². Он не мог выразиться более ясно о том, что Климент среди этих обстоятельств действовал не во имя *собственного авторитета* и не в силу власти, которою он обладал *индивидуально*. Ничто в этом послании не дает предполагать подобного авторитета. Оно начинается следующими словами: «Церковь Божия, существующая в Риме, Церкви Божией, существующей в Коринфе». Автор говорит о церковном служении по поводу многих священников, которых Коринфяне отвергли вопреки всякой справедливости; он смотрит на это служение, как на проистекающее во всей своей полноте от апостольского преемства, и он не приписывает ни себе, ни другим никакого первенства в этом служении.

Повсюду признавали, что св. Климент был писателем послания к Коринфянам. С самых первых веков оно было признаваемо его произведением. Оно было написано не в качестве епископа Римского, но в качестве ученика апостольского. Не неся обязанностей управления Римскою церковью, Климент был рукоположен во епископа св. Петром и был спутником св. Павла во многих его апостольских путешествиях. Быть может, он трудился с этим последним апостолом и в деле обращения Коринфян. Поэтому естественно было, чтобы на него возложена была редакция послания от Римской церкви, которой он был одним из основателей.

¹ Ibid, кн. III. гл. XVI.

² Ibid. кн. XXXVIII.

Поэтому же Климент говорит Коринфянам от имени апостолов и преимущественно от имени св. Павла, который обратил их к вере. Даже если бы он писал в качестве Римского епископа, то и отсюда нельзя было бы ничего заключать в пользу его авторитета. Св. Игнатий Антиохийский, св. Ириней Лионский, св. Дионисий Александрийский писали послания ко многим церквам и даже к самой Римской церкви, не заявляя этим притязаний на какую-либо другую власть, кроме власти, принадлежавшей им как епископам, обязанным трудиться повсюду для дела Божия.

Ни из самого послания, ни из обстоятельств, среди которых оно было написано, нельзя заключать ничего такого, что в поведении Коринфян могло бы быть сочтено за признание верховной власти Римского епископа или Римской церкви, ни в самом ответе Климента нельзя видеть акта авторитета. Коринфяне обращаются к церкви, где имели прибывание сотрудники св. Павла, их отца по вере; и эта церковь при посредстве Климента обязывает их к миру и согласию без малейшего притязания на какой-либо авторитет.

Таким образом, в участии Климента в этих делах нельзя видеть никакого доказательства в пользу мнимой власти Римских епископов. Климент был уполномочен клиром Римским на это дело ради своих способностей, по своим связям с Коринфянами, по своим сношениям с апостолами и по влиянию, вытекавшему из всех этих различных обстоятельств. Но он решительно не действует, как епископ Римский, еще менее, как обладающий властью над церковью Коринфскою.

Во втором веке был возбужден весьма оживленный вопрос о Пасхе. Многие восточные церкви хотели следовать иудейским преданиям, принятым многими апостолами при совершении этого праздника и приурочивали его к 14 дню лунного месяца Марта; другие же восточные церкви вместе с западными церквами и на основании предания равным образом апостольского, совершали праздник Пасхи в *воскресение*, которое следовало за 14 днем лунного месяца Марта.

В сущности вопрос не был высокой важности; однако же вообще думали, что все церкви должны вместе праздновать великий христианский праздник и что одни не должны пребывать в радости о воскресении Спасителя, когда другие предаются размышлению о тайнах Его смерти.

Как же был разрешен этот вопрос? Можно ли видеть в епископе Римском человека, налагающего свой авторитет и господствующего при разногласии, как это открылось бы в данном случае, если бы Римский епископ пользовался верховным авторитетом?

Послушаем свидетельство истории. Когда вопрос был возбужден, «открылись (*eurent lieu*) синоды и собрания епископов, говорит Евсевий¹, и все, по единодушному соглашению, в посланиях изложили пред всеми верующими церковное правило... Мы

и теперь имеем послания собиравшихся в Палестине под председательством Феофила, епископа Кесарии Палестинской, и Наркиса, епископа Иерусалимского. Существует также *послание синода Римского*, под которым стоит имя *епископа Виктора*. Мы обладаем также посланием епископов Понта, среди которых председательствовал Пальм, из уважения к его наибольшей старости; обладаем посланием Гальских Церквей под председательством Иринейя; посланием церквей, основанных в провинциях Осроэнских и в городах этой страны; посланием Бакхильским, епископа Коринфского, и многими другими посланиями. Все, исповедуя одну и ту же веру и одно и то же учение, высказали одинаковое мнение».

Очевидно, что Евсевий говорит о послании синода римского с тем же значением, как и о других посланиях; он приписывает послание не епископу Виктору, но собранию римского клира; наконец он упоминает о нем на втором месте, после послания епископов Палестинских.

Итак, вот неоспоримо установленный факт в вопросе о Пасхе: церковь римская рассуждала и судила по такому же праву, как и остальные церкви, и римский епископ подписал послание во имя синода, представлявшего эту церковь. Приверженцы папского авторитета утверждают, что именно Виктор *приказал* составляться собором. Но это утверждение совершенно ложное¹.

Многие восточные епископы не соглашались с решением остальных. Поликрат Ефесский по преимуществу заявил себя против этого решения². Тогда возникло оживленное разногласие между им и Виктором, епископом римским, который, по-видимому, думал, что Ефесский епископ был одиноким со своим решением, и поэтому пригласил остальных епископов этой провинции высказать свое мнение. Поликрат согласился с этим, и эти епископы объявили себя сторонниками его мнения; он написал об этом Виктору, который угрожал им отлучением от общения.

Поликрат не смутился; он ответил ему с силою, и лично ему, в частности, говорил: «Я узнал от тех, которые больше меня, что надобно больше повиноваться Богу, чем людям». Виктор, получивши это послание, *пытался*, говорит Евсевий, отлучить от общения все церкви Азии и соседних провинций, как державшихся мнений, противоположных вере; он пишет по этому поводу послания, в которых осуждает всех братьев этой страны и *объявляет*, что они отлучены от церковного единства.

С трудом можно поверить, чтобы сторонники римских притязаний, в этих словах Евсевия и в поступке Виктора, могли находить доказательство в пользу своей теории. В этих фактах без

¹ В числе римских богословов, выражающих это ложное утверждение, укажем преимущественно на Баррюэля в сочинении под заглавием: *Du Pape et de ses droits*. Эта книга его есть краткое изложение всех ошибок и всех крайностей римских богословов.

² Евсевий, *Церк. Истоп.*, кн. V. гл. XXIV.

труда можно находить доказательство противоположного. Прежде всего, надобно отметить выражение Евсевия, что Виктор *попытался*¹ отлучить церкви Азийские от общения с другими Церквами; ясно, что это *попытался* не доказывает его *власти* сделать то, что он имел в виду; иначе дело следовало бы за его волевым решением. Однако же Виктор делает все, что может, чтобы это отлучение было признано; он даже объявляет его; но дело его остается только *стремлением* и для своей известной силы должно быть подтверждено другими церквами. Итак, Виктор как римский епископ не обладал властью отлучать другие церкви; потому что действие не последовало за его решением, которое он счел себя в праве объявить от имени Западных церквей, по причине важности своего престола. Епископы, обязанные принять его решение, если бы они признавали его главою церкви и облеченным вселенским авторитетом, не только не повиновались ему, но и сильно порицали его поведение.

«Этот образ действий, говорит Евсевий², не нравился всем епископам; вот почему они убеждали Виктора поступить иначе и проникнуться чувствами более миролюбивыми, более согласными с *единством* и с любовью, обязательною в отношении к ближним.

Таким образом, вместо того, чтобы признавать *единство* в единении с Виктором, епископы увещевают его самого держаться лучших понятий истинного единства. Многие пошли даже далее: «Существуют, продолжает Евсевий, послания, в которых, они укоряют его весьма энергично. В этом числе был Иринеи, который писал ему от имени братьев Галлии, среди которых он председательствовал. В своем послании, заявляя себя полным сторонником решения, приурочивающего празднования Пасхи ко дню Воскресения Господа, он однако же уведомляет Виктора в выражениях сдержанных, что не должно отлучать от общения Божиих церквей, сохраняющих предания своих предков». Иринеи в своем послании старается выяснить Виктору, что дисциплинарные разномыслия не должны вредить единству, и он напоминает ему, что таково было учение его предшественников; в частности, он говорит ему: «Когда блаженный Поликарп прибыл во времена Аникиты в Рим, и когда между ними возникло легкое разногласие по некоторым вопросам, то они вскоре дали друг другу лобзание мира. Аникита не мог убедить Поликарпа оставить обычай, которому он следовал вместе с Иоанном, учеником Господа нашего, и с прочими апостолами, в близком общении с которыми он находился. Поликарп, со своей стороны, не мог убедить Аникиту сохранять этот обычай, потому что, как говорил последний, он должен держаться того обычая, который получен от предков, живших до него. Хотя дело это оставалось в таком положении, но они находились в общении друг с другом. Аникита уступил даже

¹ Пеццабб, Евсевий, loc. cit.

² Евсевий, *Церк. Ист.* кн. V гл. XXIV.

Поликарпу честь совершения святых таинств, и все сохранявшие различные обычаи оставались в общении со всею церковью... Ириней писал не только к Виктору, но и разослал ко многим другим епископам послания, составленные в том же духе».

Итак, на самом деле Виктор не мог своим авторитетом отлучать те церкви, которые он объявил отлученными. Другие епископы энергично восстали против него, и святой Ириней, великий учитель в ту эпоху, в своих посланиях опровергал его послания, написанные с целью вызвать схизму.

Таким образом, это разногласие, на которое приверженцы папских притязаний ссылаются в свою пользу, всею тяжестью своею упадают на них с силою, которую нельзя отвергать при добросовестности.

Аникита не обращался к своему авторитету против Поликарпа; Виктор равным образом не обращался к этому авторитету против Иринея и других епископов. Поликарп и Ириней рассуждают и пишут как равные с римским епископом по епископскому авторитету и признают только одно правило: *древнее предание*.

Каким же образом церкви пришли к единству в одной общей практике? Евсевий так повествует об этом счастливом событии, которое несомненно не было обязано авторитету римского епископа¹.

«Епископы Палестинские, о которых мы говорили выше, то есть Наркис и Феофил, Кассий Тирский, Клар Птолемаидский, и все собравшиеся с ними, высказавши предание о дне Пасхи, как оно дошло до их дней чрез непрерывное преемство, рассуждают о многих других вопросах и заключают свое послание следующими словами: «Позаботьтесь, чтобы экземпляры нашего послания были разосланы во все церкви, в виду опасения не быть обвиненными теми, которые легко совращают души от правого пути истины. В то же время мы уведомляем вас, что праздник Пасхи совершается в Александрии в то же время, как и у нас. Епископы этой страны, равно как и мы, посылаем вам взаимно наши послания, так как мы одновременно празднуем святой день».

Однако же многие церкви сохраняли предание церковей Смирнской и Ефесской и из-за этого не были признаваемы схизматическими, хотя Виктор отделился от общения с ними.

Приверженцы папской теории соединяют большую важность с влиянием, проявленным римским епископом в вопросе о Пасхе, а также при некоторых других обстоятельствах; они превращают это влияние в *авторитет*. Вот несносное лжемудрование. Ничего нет удивительного в том, что римский епископ с самого начала имел высокое влияние в вопросах религиозных; ибо он занимал первый престол на Западе и в качестве епископа столицы империи был естественным посредником между Востоком и Западом. Из этого уже легко понять, что церковь католическая не заключалась исключительно в одной какой-либо стране; что Восток, равно как

¹ Евсевий, *Церк. Истор.*, кн. V, гл. XXV.

и Запад, не пользовались вселенским авторитетом. Вот почему некоторые еретики, появившиеся и осужденные на Востоке, искали защиты на Западе и преимущественно в Риме, который и защищал их. Вот почему и некоторые святые мужи, как, например, Поликарп Смирнский отправлялись в Рим для совещаний с епископом этого города по религиозным вопросам. Но нельзя сознательно изучать эти факты по достоверным документам, не извлекая из них следующей истины: влияние римского епископа не истекало из *вселенского авторитета*; оно даже не имело своего источника в авторитете, признаваемом всеми западными церквями; оно единственно проистекало из важности его епископского престола.

Рим был центром всех сношений между различными частями империи. Верующие притекали сюда со всех сторон, то по политическим делам, то по своим частным интересам. Вот почему свидетельство этой апостольской церкви было подтверждено верующими, прибывавшими сюда со всех сторон и приносившими сюда собственные свидетельства от всех церквей, к которым они принадлежали.

Таков смысл одного места в сочинении св. Ириней, которым римские богословы злоупотребляют самым крайним образом. Этот великий учитель, обращаясь к еретикам, старавшимся совратить римских верующих, устанавливает *вселенское правило* веры, сохраняемой *повсюду и всегда*; «но, прибавляет он, так как было очень долго исчислять в этом сочинении преемство всех церквей, мы укажем на преемство церкви очень обширной и очень древней и известной всем, которая была основана и учреждена в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом, которая обладает преданием, проистекающим от апостолов в том виде, в каком вера возведена была людям, и которая передала нам его чрез преемство своих епископов. Этим мы приводим в смущение всех тех, которые каким бы то ни было образом, или по ослеплению, или по дурному намерению, не разведывают об этом там, где это следовало бы; *ибо вся церковь, то есть верующие, существующие повсюду, должны отправляться (se rendre vers) в эту церковь, по причине более важного начальствования; в этой церкви предание, истекающее от апостолов, сохранено теми, которые существуют повсюду*»¹.

¹ Приводим текст св. Ириней, чтобы можно было сличить его с нашим переводом:

Quoniam valde longum est, in hoc tali volumine omnium ecclesiarum enumerare successiones; et antiquissimae et omnibus cognitae, a gloriosissimis duobus apostolis Petro et Paulo, Romae fundatae et constitutae Ecclesiae, eam, quam habet ab apostolis traditionem et annunciatam hominibus fidem, per successiones episcoporum pervenientem usque ad nos, indicantes, confudimus omnes eos, qui quoquomodo, vel per caecitatem et malam sententiam, praeterquam oportet colligunt. Ad hanc enim Ecclesiam, propter potentiolem principalem, necesse est omnem convenire ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles; in

Римские богословы стараются переводить это место дурно, чтобы в нем найти доказательство в пользу папского верховенства. Вместо того чтобы сказать, что верующие целого мира должны собираться в Риме, так как он был столицей империи, местопребыванием правительства и центром политических и гражданских дел, они переводят слова *convenire ad* словами *соглашаться с*, что *противоречит смыслу*; они относят *potentio rem principalitatem* (более важное начальствование) к церкви Римской и видят здесь ее первенство; между тем как эти слова сказаны только в *общем смысле*, и ничто не показывает, чтобы они не обозначали только *города столичного или главного* в империи; они переводят *maximae, antiquissimae* словами: *наибольшая, наидревнейшая*, не задумываясь над тем, что приписывают святому Иринею утверждение очевидно ложное; ибо, если можно было сказать, что церковь римская в это время была *наибольшей*, то она, по крайней мере, не была *самою древней*. Всему миру известно, что весьма большая часть церквей на Востоке была основана прежде церкви Римской. Равным образом римские богословы переводят в заключение слова писателя о том, что апостольское предание сохранено в Риме *теми*, которые существуют *повсюду*, *Ab his* и проч. не так, как этого требует текст, но так, как переводит их Пий IX в своей «Энциклике к Восточным христианам»: *во всем*, чему веруют христиане; и они не задумываются над тем, что таким образом допускают бессмыслицу и эту бессмыслицу приписывают святому отцу.

Все принимают текст в том смысле, в каком мы его перевели; святой Ириней, высказавши, что надобно признавать только *вселенскую веру*, указывает на римскую церковь римским еретикам, как на предлагающую им свидетельство тем более сильное, что апостольское предание сохраняется в ней *посредством верующих* целого мира.

Каким же образом святой Ириней, указавший во *вселенской вере* правило для верований частного лица и нарочито распространившийся по этому пункту в главе, из которой заимствован вышеприведенный текст, каким образом *логически* мог бы сказать то, что папы и их богословы приписывают этому тексту? Тогда он рассуждал бы следующим образом: *необходимо* признавать правилом верование всех церквей, но *достаточно* в этом отношении обращаться к Церкви римской, к которой надобно принадлежать и которой надобно подчиняться по причине ее первенства. Святой Ириней не мог высказать мнение столь мало резонное. В принципе он признает правилом вселенскую веру и он указывает на веру римской церкви, как на истинную, благодаря стечению верующих, собиравшихся в ней со всех сторон и таким образом *сохранявших* апостольское предание. Каким же образом они сохраняли его? Поелику протестовали против всяких видоизменений

qua semper ab his qui sunt undique, conseroata est ea quae est ab apostolis, traditio.

преданий своих собственных церквей, о каковых преданиях они свидетельствовали в Риме. Святой Ириней не указывает в мнимой божественной власти епископа Рима принципа для сохранения придания в церкви этого города; но он логически приписывает это сохранение верующим других церквей, которые контролировали его верования посредством верований своих собственных церквей и которые таким образом полагали неборимую преграду всякому нововведению.

Естественно было, чтобы епископ столицы империи, именно по причине множества верующих, собиравшихся сюда со всех сторон, приобретал большое влияние в церковных делах и пользовался иногда инициативою. Но все памятники, равно как и обстоятельства событий, в которых он принимал участие, свидетельствуют, что он не пользовался властью высшею, сравнительно с властью других епископов.

Ясно, что в основе всех разногласий относительно текста святого Иринея дело касается смысла, который надобно соединять с словом *convenire*. Если это слово означает *соглашаться*, то отсюда надобно заключить, что уважаемый писатель полагал, будто надобно, по всей необходимости, *находиться в соглашении* с римскою церковью и без этого нельзя пребывать в церковном единении. Если же это слово означает *собираться*, тогда вся ультрамонтанская постройка падает сама собою; ибо нельзя разумно утверждать, будто все верующие *со всею необходимостью* должны собираться в Риме, хотя бы даже основанная в этом городе церковь была церковью главною и первою, центром единения. Итак, надобно определить смысл этого слова на столько очевидным образом, чтобы не оставалось никакого сомнения в этом отношении.

Мы уже замечали, что предлог *ad* показывает здесь на подлинный смысл; мы можем к этому решительному доказательству присоединить еще другие.

Если бы мы обладали греческим текстом спорного места, то нет никакого сомнения, что двусмысленность, вытекающая из этого латинского слова, не существовала бы. Но Евсевий и Никифор сохранили нам другие отрывки первоначального текста. В этих отрывках святой учитель пользуется точно таким же выражением, которое латинский переводчик передал словом *convenire* и которое не имеет другого значения, как *приходите* или совместно, или отдельно.

В книге II, гл. XXII (edit. Migne, col. 785), святой Ириней говорит: «Все пресвитеры, прибывшие в Азию к Иоанну, ученику Господа, засвидетельствовали».

Греческий текст: «Καὶ πάντες οἱ πρεσβυτέρα μαρτυροῦσιν, οἱ κατὰ τὴν Ἀσίαν Ἰωάννη τῷ τοῦ κυρίου μαθητῆ συμβεβληκότες».

Латинский перевод: Omnes seniores testantur qui in Asia, apud Ioannem discipulum Domini convenerunt.

В книге III, гл. XXI (edit. Migne, col. 947), говоря о семидесяти переводчиках Священного Писания, святой Ириней утверждает о них: «Собравшись у Птоломея».

По гречески: «*Συνελθόντων τὲ αὐτῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ παρὰ τῷ Πτολεμαίῳ*».

Латинский переводчик передает эти слова следующим образом: «*Convenientibus autem ipsis in unum apud Ptolemaeum*».

Бенедиктинец о.Массе (Massuet), издатель сочинений святого Иринея, утверждает, что святой учитель в спорном тексте должен был бы употребить слова *συνβαίνειν πρὸς τὴν τῶν κομμοίων ἐκκλῆσιαν*. Далее он утверждает, что *συνβαίνειν πρὸς τινα* то же самое, что *συνβαίνειν τινι*.

Если бы это мнение было неопровержимо, то и тогда эта ученость не привела бы ни к чему, ибо довольствуются одним лишь *предположением*, что святой учитель пользовался словом *συνβαίνειν*. Нам представляется более естественным и более логичным искать неизвестного слова, переданного переводчиком словом *convenire*, в словах известных. Но из этого приема толкования следует, что святой Иринея пользовался бы не словом *συνβαίνειν*, но словом *συνβεβλήκότες*, которое имеет смысл *стекаться к одному месту*, или словом *συνελθότες*, имеющим аналогичное значение, ибо в сохранившихся греческих текстах он пользовался этими словами для выражения идеи, переданной переводчиком словом *convenire*.

Вообще латинский переводчик святого Иринея дает слову *convenire* смысл *приходит*, а не *соглашаться*. Итак, зачем давать слову этот последний смысл в знаменитом спорном тексте, когда в том же самом тексте предлог *ad* дает идею направления к месту, а наречие *undique* дает смысл отправления из всех различных мест Рима, где находились верующие?

Все приводит к убеждению, что нельзя давать словам святого Иринея смысла, приписываемого им римскими богословами. Итак, святой учитель просто говорит только, что *стечение верующих со всех стран, привлекаемых потребностями по своим делам, — так как этот город был первым и самым могущественным в империи, — способствовало к сохранению апостольского предания, потому что эти верующие приносили туда веру церквей, к которой принадлежали.*

Достоверно, что Рим, в качестве *церкви апостольской*, пользовался очень большим авторитетом в течении первых веков, а потому основательно Тертуллиан обращался к нему в своем свидетельстве против еретика, которому он говорил: «Ты имеешь Рим, которого авторитет пред нами. Счастливая церковь, которой апостолы даровали все учение вместе со своею кровью» (*De praescript.*, с. XXXVI)! Но разве и одна *апостольская* церковь не могла представлять *свидетельства веры* против ереси, хотя бы и не пользовалась *авторитетом* всемирным и божественным?

Святой Киприан справедливо называет церковь римскую «*кафедрою Петра, главной церковью*, откуда изошло священническое единство (св. Кипр. посл. 55 к Корнил.). Но утверждает ли он поэтому, что она пользуется *авторитетом* по праву божествен-

ному? Он так мало думает об этом, что в «Трактате о единстве Церкви» под кафедрой Петра понимает все епископство в совокупности; что смотрит на св. Петра, как на *равного* прочим апостолам и отвергает его первенство; что делает из св. Петра простой образец (*figure*) единства апостольского общества¹. Итак, только в ограниченном смысле он называет церковь римскую кафедрой Петра. Он называет ее церковью *главной*: но это *главенство* было *фактом*, вытекавшим из ее внешней важности. Она была источником *священнического единства* в том смысле, что Петр был *знаком и образцом* (*signe et figure*) единства апостольского общества. Давать другой смысл тексту, заимствованному из послания святого Киприана к Корнилию, — это значит приписывать св. Киприану два противоположные учения, и, следовательно, лишать его всякой логики и всякого авторитета.

Люди, соединившие столь высокую важность с текстом св. Киприана, заимствованным из послания к Корнилию, забыли другой текст, объясняющий его так хорошо, что с трудом можно понять не упоминание о нем — это тот текст, где он объявляет, что «Рим должен предшествовать Карфагену *по причине своей величине, pro magnitudine sua*»². Это учение согласно с учением св. Ириней и других отцов, которые никогда не говорили ни о каком *божественном* преимуществе, которым римская церковь будто бы одарена.

Св. Опат, блаж. Иероним, блаж. Августин и многие другие западные отцы восхваляли Римскую церковь как церковь апостольскую и соединяли высокое значение с ее свидетельством в вопросах веры. Но никто из них не приписывал ей *учительного авторитета* в том смысле, что *ее свидетельства* достаточно для прекращения разногласий. Надобно даже заметить, что блажен. Августин противопоставляет донатистам авторитет восточных церквей и ничего не говорит им об авторитете церкви римской, хотя она была на Западе церковью *апостольской*. Св. Ириней был бы *единственным* отцом, утверждавшим это, если бы толковать текст его, как толкуют богословы римские. Но мы видели, что это толкование ложное, и что святой отец приписывал свидетельству римской церкви великую важность лишь в том смысле, что она получила апостольское предание и, благодаря верующим, стекавшимся к ней со всех сторон, предание это сохранилось у нее чистым *до его времен*. Итак, ее свидетельство имело преимущественное значение не потому, что церковь римская была *главною, первою, наиболее могущественною* в христианстве, но *по причине* верующих других церквей, которые укрепляли ее своим одобрением.

Когда Константинополь сделался столицей римской империи, то св. Григорий Назианзин говорил об этой церкви то же, что св. Ириней говорил о церкви римской, и в выражениях еще бо-

¹ Ниже мы в целости приведем тексты святого Киприана и Тертуллиана.

² Св. Киприан, пис. 59 к Корнилию.

лее решительных: «Этот город, говорит он, есть око мира, самые отдаленные народы отправляются к нему со всех сторон, и они почерпают из него, как из источника, начала веры» (Greg. Naz. рассужд. 42, § 10, стр. 470, edit. Migne). Латинский переводчик св. Григория Назианянина пользовался, как и переводчик Иринея, словом *convenire* для обозначения стечения народов в Константинополе. Надобно ли этому слову усвоить смысл *соглашаться с кем-либо или с кем-либо*, так как св. учитель называет Константинополь не только главной и могущественною церковью, но и *оком мира, источником веры*?

Одного правила Антиохийского собора, бывшего в 341 году, достаточно для определения смысла текста св. Иринея. Вот это правило: «Подобает епископам, поставленным в каждой провинции, знать, что епископ митрополии обязан пещись о всей провинции, *потому что все имеющие дела со всех сторон прибывают в митрополию*. Вот почему представляется приличным воздавать ему высшую честь».

Если простая митрополия привлекала верующих по *их делам*, то тем более это должна была делать *столица* империи, которая была *необходимым* для них центром, и в которой они должны были встречаться со всех частей империи. Таков *факт*, утверждаемый Св. Иринеем, и из которого он заключает, что свидетельство римской церкви может быть достаточным для опровержения еретиков.

Наконец заметим, что в сочинении святого учителя дело идет только о римских еретиках, которым он предназначал свою книгу; и нельзя не быть убежденным, что надобно крайне злоупотреблять его словами, чтобы усвоить им абсолютный смысл, относя их ко всем вообще еретикам и на все времена, ибо писатель утверждал только, что римская церковь *сохранила* апостольское предание до его времен, а не то, что она *сохранит* его навсегда.

Спор о крещении еретиков проливает новый свет на исследуемый нами вопрос.

От самых древних времен¹ было в обычае ограничиваться одним лишь возложением рук на тех, которые впали в ересь и желали возвратиться в недра церкви. В третьем веке возник сильный спор по этому предмету. Святой Киприан, епископ Карфагенский, первый стал утверждать на Западе, что надобно вторично совершать крещение над обращающимися еретиками. Дионисий, епископ Александрийский, пользовавшийся тогда сильным влиянием во всей церкви ради своей святости, своей ревности и своих познаний, открыто заявил себя на стороне епископа Карфагенского и по этому поводу писал к епископу Римскому, Стефану. Этот последний, будучи убежден в том, что не должно ничего изменять в предании, сохраняемом с незапамятных времен, был очень опечален мнением, на которое он смотрел, как на нововведение. Святой Киприан допускал существование этого обычая, но утвер-

¹ Евсевий, *Церк. Ист.* кн. VI, гл. II и III.

ждал, что обычай незаконен. Сам же он следовал учению, сохранявшемуся в его церкви, по которому на крещение, совершенное еретиками, смотрели, как на ничтожное.

Святой Киприан, созывавший многие соборы епископов Африканской провинции, послал акты (этих соборов) Стефану, вместе с посланием, в котором говорил¹: «Я счел долгом написать вам по предмету, касающемуся единства и достоинства вселенской церкви и в письме побеседовать (en conféger) с человеком, *столь важным и столь мудрым*, как вы».

Как очевидно, он обращается не к высшему, но к равному, коего влияние и мудрость ценит. Он старается даже выяснить ему, что он находится в заблуждении, когда защищает римский обычай: «Я убежден, говорит он, что ваше благочестие и ваша вера делают для вас приятным то, что сообразно с *истиной*. Наконец мы знаем, что существуют люди, не желающие отказываться от своих привычных мнений и сохраняющие свои частные обычаи, не причиняя этим однако же ущерба единению между епископами. В этом отношении мы не желаем насилия и не налагаем закона ни на кого».

Итак, святой Киприан не желает навязать свое мнение Стефану, но порицает охранение того, что признает предрассудком, противным истине.

Стефан отверг мнение Киприана; он даже объявил, что не будет находиться в общении ни с ним, ни с епископами Сицилии, Каппадокии и Галлии, державшимися того же самого учения. Дионисий Александрийский² написал к нему письмо, увещывая хранить мир и говоря, что все восточные церкви, которые расходились в своих суждениях о Новате, находятся (теперь) в совершенном мире и радости по поводу этого счастливого результата. Это означало, что он советовал ему не возмущать снова Церкву спором о крещении еретиков.

Между тем Ксист сделался преемником Стефана. Дионисий Александрийский поспешил написать ему с целью предотвратить его от следования по тому же пути, по которому шел Стефан. Он говорил этому епископу³: «Он (Стефан) писал послания против Гелена, против Фирмилиана и против других епископов Сицилии, Каппадокии и смежных провинций, говоря, что он отказывается от общения с ними, так как они перекрещивают еретиков. Подумайте, прошу вас, о важности подобного дела. В самом деле, я узнал, что на весьма больших соборах епископов было решено, что приходящие от ереси в Церковь вселенскую, должны быть прежде всего оглашены и затем, посредством крещения, очищены от прежней, нечистой закваски; относительно

¹ Кипр. письмо 72 и 73 к Стефану.

² Письмо святого Дионисия Александрийского, в *Истории Евсевия*, кн. VII, гл. V.

³ Письмо святого Дионисия к Ксисту, в *Истории Евсевия*, кн. VII гл. V.

всех этих предметов я писал к нему послание, в котором просил и умолял его».

Святой Дионисий видел в послании Стефана не властный акт, но вмешательство, которое могло породить в церкви зародыш нового смятения. Именно поэтому он хотел удержать его от этого. Но Стефан умиротворял бы Церковь, а не возбуждал бы в ней смятение, если бы за ним был признаваем вселенский авторитет. Этого простого замечания достаточно для оценки совершенно частного характера его послания.

Какой же был результат всего этого? Подчинились ли Стефану, как это произошло бы, если бы римский епископ обладал авторитетом? Признали ли его отлучение разрушающим единство Церкви? Конечно, нет. Святой Дионисий Александрийский поступил при этих обстоятельствах, как поступил святой Ириней в вопросах о Пасхе; он открыто объявил себя за тех, которые расходились с епископом римским и к этому последнему отправил настоятельные просьбы о мире Церкви. Святой Киприан собрал новый собор епископов Африканских, утвердивших его прежнее мнение, и вошел в соглашение с Фирмилианом, чтобы противопоставить в этом вопросе всю Церковь церкви римской. Фирмилиан ответил святому Киприану посланием, которое дает понять воззрение восточных христиан на авторитет римского епископа¹.

«Фирмилиан, брату своему о Господе Киприану желает спасения:

«Мы получили от возлюбленного диакона Рогациона, посланного вами к нам, письмо, которое вы, возлюбленный брат, написали нам; и мы вознесли Богу величайшую благодарность за то, что вы, будучи далеко от нас телом, соединены с нами духом, как если бы мы обитали вместе не только в одной стране, но и в одном доме. Вот прекрасный случай сказать, что духовный дом Божий есть *единый*. В последние времена, говорит пророк, *гора Господня и дом Божий, устроенный на вершине гор, будут явны*. Соединенные в этом доме, мы наслаждаемся в нем счастьем единства. Именно этого просил Псалмопевец у Господа, чтобы *жить в дому Божием во все дни жизни своей*. Тот же Псалмопевец в другом месте говорит, что великое счастье святых состоит в пребывании *в единстве: сколь приятно и сколь отрадно жить братьям вместе!* В самом деле, единение и мир доставляют весьма большую приятность не только верным людям, знающим истину, но и самым ангелам небесным, которые, по свидетельству Слова Божия, испытывают радость, когда грешник раскаивается и возвращается к союзу единства. Этого он не сказал бы об ангелах, живущих на небе, если бы и они не были соединены с нами. Но если ангелы радуются нашему единству, то бывают и печальны, когда видят души и сердца некоторых в разделении, не потому что эти некоторые не призывают единого и того же Бога, но потому что не

¹ Письмо Фирмил. к св. Кипр., в числе писем последнего. Письмо шестьдесят пятое. Издание Балюза, проверенное Бенедиктинцами.

могут ни согласиться, ни понимать друг друга. Итак, мы не можем быть признательны Стефану за то, что он, по своей жестокости, представил нам случай иметь свидетельство вашей веры и вашей мудрости; ибо хотя мы утешились этой приятностью из-за Стефана, но мы обязаны не ему в этом отношении. В самом деле, Иуда своим вероломством и своей изменой, преступно направленными им против Спасителя, не должен быть признаваем причиною великих благ, приобретенных страданиями Господа, освободившего мир и всех людей. Но удалимся на минуту от того, что сделал Стефан, опасаясь, чтобы чрез воспоминание *о его дерзости и о его высокомерии* не почувствовать слишком большой печали от его дурных действий».

Этот приступ в письме Фирмилиана показывает, что он был очень далек от того, чтобы папу признавать центром единства. Стефан в его глазах был только епископом, исполненным *дерзости и высокомерия*, потому что он осмелился отделиться от общения с теми, которые сохраняли другое верование, чем он, по вопросу о крещении еретиков; и он сравнивает его даже с Иудею. Не надобно забывать, что Фирмилиан был одним из святейших и ученейших епископов своего времени.

Что касается принципа единства, то он полагал его в Боге: «Как один и тот же Господь обитает в нас, говорит он, так Он же соединяет и связует между собою всех своих союзом единства, где бы они ни находились».

Что же касается римской церкви, которую в наше время представляют *центром единства*, то он так говорит об этом:

«Живущие в Риме не сохраняют всех обычаев, переданных (им) с самого начала; и они тщетно заявляют притязание ссылаться на авторитет апостольский. Таким же образом о дне празднования Пасхи и о большом числе других религиозных действий (*mystères de la religion*) у них существуют некоторые различия; они не соблюдают всего того, что соблюдают в Иерусалиме. Подобным же образом и в других провинциях встречается много разнообразия, смотря по различию мест и языков. Во всяком случае, из за этого никто их не отделял от мира и единения с церковью вселенской».

По учению Фирмилиана, Церковь *Иерусалимская была образцовой церковью*; она была матерью всех других церквей и самым чистым типом, с которым надобно сообразоваться. Что же касается Церкви Римской, то она, как и всякая частная церковь, может быть отлучаема от единства. Вот почему он энергично восстает против Стефана, который *осмелился нарушить мир* с епископами Африки, и *который бесславит апостолов Петра и Павла*, заявляя, будто он следует их преданиям. «Справедливо я негодную на явное безумие Стефана, который, с одной стороны, тщеславится престолом своего епископства и заявляет притязание на обладание преемством от Петра, на котором положены основания Церкви; но, с другой стороны, вводит новых Петров (Pierres) и устроит новые здания многочисленных церквей, утверждая собственною властью, будто они обладают истинным крещением...

«Стефан, который *тщеславится преемственным обладанием кафедры Петра*, не являет никакой ревности против еретиков... Вы, африканцы, вы можете сказать Стефану, что узнавши истину, отвергли *ошибочный обычай*; а мы, мы в то же время обладаем истиной и обычаем; мы противопоставляем римскому обычаю свой истинный, сохраняя изначально все, что нам дано было Христом и апостолами... И Стефан не стыдится утверждать, что находящиеся во грехе могут отложить грех, как будто баня жизни может находиться в доме смерти! Как! ты не боишься суда Божия, заявляя себя благорасположенным к еретикам в отношении к церкви? Но ты хуже всех еретиков, ибо когда некоторые из них, сознавши свое заблуждение, приходят к тебе для принятия истинного света церкви, то ты спешишь на помощь к их заблуждениям, и погашая свет истины церковной, сгущаешь вокруг них ночной мрак ереси. Разве ты не знаешь, что в день Суда от тебя потребуют отчета в этих душах, так как ты отказал в церковном питии тем, которые имели жажду, и причинил смерть тем, которые хотели жить? И ты еще негодуешь! Посмотри, какое безумие, когда ты осмеливаешься порицать тех, которые борются против лжи ради истины! Кто же с большим правом может негодовать против другого? Тот ли, кто соглашается с врагами Божиими, или тот, кто ради церковной истины объявляет себя против того, кто соглашается с врагами Божиими?.. Какие распри, какие споры ты приготавливаешь всем церквам мира! Какой тяжкий грех ты совершил, когда отделил себя от толикого стада! Ты убил самого себя; не обманывайся; ибо *тот по истине раскольник, кто отказался от общения в единстве Церкви. Когда ты думаешь, что все другие отделены от тебя, ты сам отделился от других.*»

Так говорил Фирмилиан римскому епископу; и никто не думал обвинять его в заблуждении, даже и те, которые не разделяли его верования относительно крещения еретиков¹.

¹ Некоторые ультрамонтане оспаривают подлинность письма Фирмилиана, но наиболее ученые среди них соглашаются с учеными других школ и признают подлинность письма. Самая сильная причина, которая приводит Баррюэля (Barthel) к сомнению в подлинности письма, состоит в том, что Фирмилиан не мог писать подобного письма, потому что, по свидетельству Дионисия Александрийского, он примирился с папою прежде эпохи, когда было написано письмо. Но если б Баррюэль был немножко более учен, то он знал бы, что в письме святого Дионисия Александрийского к Стефану, — письме, на которое он ссылается, — Дионисий не говорит того, будто все церкви находятся уже в мире по предмету крещения еретиков, так как спор только начинался. Но он говорит только, что римский епископ будет виновен в возмущении этим спором Церкви, которая столь счастлива, что в это время наслаждается миром после возмущений, возбужденных Новатом. Другие мнимые доказательства Баррюэля еще более слабы и не заслуживают опровержения. Скажем только, что Баррюэль должен обладать дерзостью, мало обыкновенною, чтобы восставать против самых знаменитых ученых всех школ, признающих без пререканий подлинность письма Фирмилиана.

Святой Дионисий Александрийский, не присоединяясь открыто к партии противной римскому епископу, старался склонить его к мнению второкрещенцев. С этой целью он изложил ему свои сомнения относительно одного человека, которого он принял в общение, не подвергая вторичному крещению, и которого однако же он с трудом согласился допустить к приобщению телом Господним, так как тот принял крещение от еретиков, с произнесением слов и совершением обряда неправильно¹ «*Брат*, писал он Ксисту, я нуждаюсь *в вашем совете* и я прошу вашего мнения, дабы мне не обманываться в деле столь важном, которое меня смущает». Он обращается не к высшему, испрашивая *его решения*, но к равному, к *брату*, чтобы узнать его образ мыслей, с тем, чтобы вслед за тем самому принять решение. Мы спрашиваем всех искренних людей: писал ли бы так епископ Александрийский, желая покончить со спорами догматическими или дисциплинарными, к епископу Римскому, если бы последний пользовался вселенским авторитетом?

В актах последнего собора святого Киприана, мы находим весьма замечательную критику притязаний Римского епископа, начавших обнаруживаться. Спрашивая о мнении своих сотоварищей, он говорит следующим образом: «Пусть каждый из вас скажет свое мнение, не осуждая никого и *не отлучая от общения* того, кто не разделяет его мнения, ибо никто из нас *не поставлен епископом епископов* и не должен заставлять своих сотоварищей повиноваться ему при *посредстве тиранического страха*, так как каждый епископ обладает полною свободою своей воли и всей силой, и как не может быть судим другим, так равно не может и судить другого. Все мы будем ожидать Суда Господа Нашего Иисуса Христа, Который *один* имеет верховную власть управления своей Церковью и есть верховный судия над нашим поведением»².

Очевидно, что святой Киприан имел в виду епископа Римского, Стефана, который осмелился объявить вне своего общения тех, которые иначе думали чем он о крещении еретиков. Римские богословы хотят признавать эти отлучения со стороны Римских епископов (окончательными) приговорами (*sentences*), отлучавшими от единства тех, которые были поражены ими. Но приемы, с которыми встретили приговор Виктора в вопросе о Пасхе и приговор Стефана в споре о крещении, показывают, что приговоры эти признавали личными действиями Римского епископа, имевшими следствием своим лишь прекращение сношений меж ним и теми, которые не разделяли его образа мыслей. Что же касается единства Церкви, то оно осталось неповрежденным по той совершенно простой причине, что это единство не заключалось в единении с Римским епископом, и что отлученные от его общения находились в общении с остальной Церковью. Признавали находящимися вне

¹ Письмо святого Дионисия, в *Церк. Истор.* Евсевия, книг. VII, гл. IX.

² Соборы Карф., *Твор. св. Киприана*. стр. 329, 330, издан. Бенедикт.

Церкви только тех, которые были поражены отлучением самой Церкви, соединенной на Соборе вселенском или на соборах частных, к которым присоединялась остальная Церковь.

Критика, высказанная св. Киприаном относительно титула *епископ епископов*, подает мысль, что епископ Римский уже в те времена старался усвоить себе этот титул и напоминает критику Тертуллиана. Этот умный Карфагенский пресвитер иронически говорил об одном епископе, коего учение он порицал¹. «Я узнал, что издан закон, и даже решительный закон; *верховный первосвященник*, то есть *епископ епископов*, сказал: «Я прощаю грехи нечистоты и беззакония тем, которые принесли покаяние. Вот так закон! По крайней мере, к нему нельзя приложить надписи: *прекрасное дело!* Но где же надобно обнародовать этот закон, столь либеральный? Я думаю, что это надобно сделать на дверях мест бесстыдства»... Тертуллиан равным образом издевается над титулами *папы* и *апостольский*, принятыми римскими епископами. Люди, подобные Зефирину и Каллисту, его преемнику², могли усвоить себе титулы, которых они не заслуживали; но церковь, вместо того, чтобы признавать это законным и истекающим *из права божественного*, порицала их при посредстве самых ученых своих учителей, и смотрела на титулы, как на дурной плод гордости и честолюбия. Святой Киприан не был бы последователен с самим собою, если бы одобрял это и если бы объявил себя в пользу притязаний Римского епископа. В самом деле, в сочинении своем *О единстве церкви* он положительно отвергает первенство самого святого Петра; он признает этого апостола только *образцом* единства, пребывающего в совокупном обществе апостолов и чрез преемство от них — в совокупной епископской корпорации, которую он называет *кафедрою Петра*. Только вследствие самого странного предубеждения, под этим последним выражением римские богословы могли увидеть указание на *Римский престол*. Выражению этому можно усвоить подобный смысл, лишь совершенно забывая остальной текст святого Киприана, откуда оно заимствовано. Мы приведем его как один пример из тысячи других недостаточной добросовестности приверженцев папства, когда они ссылаются на памятники предания. Упомянувши о власти, обещанной святому

¹ Тертулл. *Книга о целомудрии*, § 1.

² О соблазнительной жизни этих двух недостойных Римских епископов см. сочинение под заглавием: *Φιλοσόφουζενα*, которое основательно приписывают святому Ипполиту, епископу Остийскому, или ученому священнику Каию. Достоверно, по крайней мере, что эта книга есть произведение писателя современного епископам, о которых он рассказывает, и пользовавшегося большим авторитетом в церкви римской. Тертуллиан упрекает одного епископа в принятии, вследствие обольщений Праксея, ереси *патрипассианской* (Кн. прот. Пракс., § 1) Писатель *Φιλοσόφουζενα* приписывает эту ересь Зефирину и Каллисту, Римским епископам в эту эпоху. Как очевидно, тогда не верили в их непогрешимость.

Петру, святой учитель замечает, что она обещана ему *одному*, хотя должна принадлежать всем вместе¹ Конечно, и прочие апостолы были тем, чем был Петр. Они обладали той же честью и той же властью, как и он². Все пастыри были поставленными и стадо. *пасомое* всеми пастырями *вместе*, есть *единое*, дабы Церковь Христова являлась в своем единстве».

Кафедра Петра, согласно с идеей святого Киприана, есть власть апостольского общества и преемственно власть епископской корпорации; все епископы обладают *одинаковой честью и одинаковой властью*, в делах касающихся духовного чиноначалия, как и апостолы обладали *одинаковою честью и одинаковою властью*, какою обладал и Петр. Коль скоро святой Киприан признавал этот принцип, то каким образом возможно злоупотреблять некоторыми его выражениями, как это обыкновенно делают? Даже если бы под *кафедрю Петра* надобно было разуметь Римский престол, то что из этого следовало бы в пользу притязаний епископа этой кафедры, ибо как епископ он не обладал бы *ни большей чашей, ни большей властью* сравнительно с другими епископами, как утверждает далее святой Киприан, *епископство есть единое и каждый епископ обладает им совместно с другими?*

Но епископ Карфагенский называет Церковь Римскую корнем и матерью католической Церкви³. Что однако же отсюда следует, коль скоро подобные выражения в его время были во всеобщем употреблении для обозначения *всех апостольских церквей*? Никто не отвергает того, будто Церковь Римская не была основана апостолами. Итак, она была *одним* из корней католической Церкви, *одной* из матерей; но она не была по преимуществу *корнем и матерью Церкви*. В самом деле, Тертуллиан все апостольские

¹ Вот объяснение места, о котором мы говорили выше, где святой Киприан называет Церковь Римскую *Источником священнического единства*.

² В некоторых рукописях в этом месте прибавлены слова: «Но первенство было даровано Петру, дабы существовала только одна церковь и только одна кафедра». *Sed primatus Petro datur ut una Ecclesia et cathedra una monstretur*. Слова эти можно объяснять в смысле не ультрамонтанском, принимая во внимание предшествующее выражение святого Киприана о Петре, *образце единства*; но бесполезно терять время на объяснение текста, внесенного чужою рукою. Его признавал вставленным позже и ученый Балюз, который приготовил издание творений святого Киприана, обнародованных потом о. Мараном, бенедиктинцем. Когда это издание было опубликовано, некто по имени Мабаре (Masbaret), профессор в Анжерской Семинарии, потребовал от правительства распоряжения, чтобы место было восстановлено. С тех пор принято не противоречить Риму, и место было восстановлено посредством вставного листа. См. в *Histoire des Capitulaires* примечания Хиниака (Chiniac) к *Catalogue des ouvrages d'Etienne Baluze*.

³ Св. Киприана, письмо 45 к Корнилию.

церкви называет *матерями и первородными* (originales)¹, что значит: «*матери и дающие начало другим*»; тот же учитель называет Иерусалим *матерью религии, matricem religionis*². Первый Константинопольский собор³ дает иерусалимской Церкви титул *матери всех церквей*. В Африке усвоили титул *матерей* всем митрополитанским церквам⁴. Один Гальский епископ пятого века, Вьенский Авит, писал патриарху иерусалимскому: «Ваше Апостольство пользуетесь первенством, дарованным вам от Бога»; и он старается показать, что этот епископ занимает первое место (principem locum) в церкви не только по своим привилегиям, но и по своим заслугам⁵. Итак, нет ничего удивительного в том, что святой Киприан дает титул *матери, корня* — церкви Римской, которая возродила другие церкви, быть может даже в Африке, так как первоначальное возникновение Африканской церкви восходит к апостолам. От них она, по тому же праву, как и другие апостольские церкви, стала *матерью и корнем церкви католической*. Коль скоро же эти названия не даны ей исключительным образом, то они ничего не доказывают в пользу усвояемой ею себе власти. Никто не оспаривает, будто Рим не был одним из важнейших центров христианского сияния в мире; никто не отвергает, будто римская церковь не была церковью могущественною, уважаемою, апостольскою. Тем не менее, все приводит к убеждению, что ее важность не сообщала ей власти в течении первых веков.

Очевидно, что с третьего века Римские епископы в следствие того обстоятельства, что св. Петр был одним из основателей их престола, *заявили притязание* на пользование известной властью над остальною Церковью и иногда усвоили себе титул *епископа епископов*. Но также очевидно, что вся Церковь протестовала против этих честолюбивых притязаний и не давала им никакого значения.

Так как Римские богословы придают большую важность свидетельствам святого Киприана и Тертуллиана, то мы должны были установить смысл этих свидетельств ясным и точным образом. Но к текстам великого Карфагенского епископа присоединим еще некоторые другие тексты Тертуллиана, величайшей важности; так как римские богословы хотят объяснять их в свою пользу.

В своей книге против Маркиона⁶, Тертуллиан выражается следующим образом: «В сущности, если справедливо, что более истинное есть то, что более первоначально, а более первоначальное есть то, что было в самом начале; а в начале было то, что было установлено апостолами, то равным образом справедливо, что лишь

¹ Тертул. *Praescript*, с. XXI.

² Тертул. *Contr. Marcion*. кн. VI, гл. XXXV.

³ См. *Деян. Соборов*.

⁴ *Соборы Африканские*, см. там же.

⁵ См. *Oeuvres de saint Avit*, editées par le P. Sirmond, t. II des *Oeuvres diverses* de Sirmond.

⁶ Тертул. *Contr. Marc*. кн. IV, § V.

то даровано апостолами, что было *священно* для всех апостольских Церквей. Посмотрим *какое же млеко* получили Коринфяне от святого Павла; каким правилом были исправлены Галаты; что читают Филиппийцы, Фессалоникийцы, Ефессяне; что возвещают Римляне, *живущие возле нас*, римляне, получившие Евангелие от Петра и Павла, запечатленное их кровью. Мы имеем также церкви, вскормленные грудью Иоанна...»

Церковь Римская правильно поставлена здесь по порядку времени, то есть после апостольских церквей, коих основание предшествовало ее основанию. Тертуллиан не смотрит на ее свидетельство как на высшее сравнительно со свидетельством других церквей; он утверждает только *один факт*: именно, что церковь Римская, единственно *апостольская* на Западе, была *более близка*, чем другие; и следовательно, и для него и для его противников легче было узнать ее *свидетельство* относительно вопросов, разделявших их.

В своей книге о Давности (*De praescriptione*) Тертуллиан развивает то же учение относительно *свидетельства апостольских церквей* и упоминает о свидетельстве Римской церкви таким же образом, как и в своей книге против Маркиона.

«То, что было проповедано апостолами, говорит он¹, то есть, что открыто им Христом: это, утверждаю я, относительно *давности* не должно быть доказываемо иначе, как только посредством основанных апостолами церквей, которых они наставляли или *живым голосом*, как говорят, или своими посланиями. Если это так, то всякое учение согласное с учением *апостольских церквей, матерей и источников веры*², сообразно с истиною.

Немного ниже Тертуллиан применяет следующий общий принцип:

«Пройди, говорит он³, апостольские церкви, в которых еще стоят кафедры апостолов; среди которых читают их подлинные послания; в которых еще раздается их голос и присутствует их образ (figure). Если к тебе близка Ахаия? — Ты имеешь Коринф. Если ты не далеко от Македонии? — Ты имеешь Филиппы и Фессалоники. Если можешь отправиться в Азию, ты имеешь Ефес; если ты живешь вблизи Италии, ты имеешь Рим, авторитет которого возле нас. Как счастлива она, эта церковь, которой апостолы преподали все учение с своею кровью! где Петр потерпел смерть, как Господь; где Павел был увенчан смертью Иоанна Крестителя; где апостол Иоанн был погружен в кипящее масло, не потерпев от этого ничего, после чего был сослан на остров! Посмотрим чему она научена, эта церковь, чему она учит, о чем свидетельствует, согласно с Апостольскими церквами».

Римские богословы обыкновенно довольствуются ссылкой на часть текста, подчеркнутого нами. Они тщательно избегают заме-

¹ Тертул. *De praescript.*, § XXI.

² *Matricibus et originalibus fidei.*

³ Тертул. *De praescript.* § XXXVI.

чания, что Тертуллиан говорит о церкви Римской только после других апостольских церквей *и по тому же самому праву*, что он, в частности, указывает на ее свидетельство потому, что она была апостольской церковью, *ближайшей* к Африке, такую, коей свидетельство ему легче всего было показать. Эти замечания, важность и точность которых понятна каждому, совершенно разрушают толкование, которое эти богословы стараются сообщить несколькими приводимым ими строкам. Вот, без сомнения, почему они обыкновенно проходят молчанием другие строки.

Богословы римские старательно собрали многие спорные дела, предложенные Римскому престолу на рассмотрение в течении первых трех веков, и эти дела представляют столькими же доказательствами верховного авторитета епископов римского престола над всею церковью. Однако же эти апелляции абсолютно не доказывают ничего в пользу этого авторитета. Главные дела, на которые они ссылаются, суть дела касательно Оригена, святого Дионисия Александрийского, Павла Самосатского и Новациана.

Установим прежде всего общий принцип, определяющий истинный характер этих дел, равно как и характер апелляций, которые были обращаемы к Римскому престолу впоследствии. Апелляция к престолу или к епископу не есть еще доказательство в пользу авторитета того и другого. В течении первых трех веков между епископами существовали частые сношения; и если возникал спор в какой-либо частной церкви, то люди, старавшиеся доказать своим противникам их заблуждения, обращались к другим епископам, прося их объявить верование своих церквей и таким образом осудить тех, которые хотели бы сообщить преимущественную силу новым мнениям. Вообще обращались к церквам отдаленным, которых нельзя было заподозрить в пристрастии, — к церквам апостольским, или к епископам, пользовавшимся самой большой известностью ради своих познаний и святости. Люди, осужденные на Западе, апеллировали к Востоку, а люди, осужденные на Востоке, обращались к Западу, и преимущественно к Риму, который был *единственной апостольской церковью* в этой стране.

Совершенно естественно, что церковь Римская не была свободна от апелляций; но чтобы можно было приводить эти апелляции в доказательство ее высшего авторитета, надобно было бы, чтобы только она одна обладала правом обсуждать апелляции, и чтобы ее решения были принимаемы, как проистекавшие из этого права. Мы увидим, что это было не так.

Ориген не апеллировал в Рим, хотя многие римские богословы утверждают это. Будучи осужден в начале Египетскими епископами, затем многими другими и, в частности, епископом Римским, но поддерживаемый большим числом Восточных церквей, он хотел оправдаться пред теми, которые обвинили его. «Он писал, говорит Евсевий¹, письма к Фабиану, епископу города Рима, и к

¹ Евсевий, *Церк. Истор.*, кн. VI, гл. XXXVI.

большому числу епископов других церквей, чтобы оправдать чистоту своей веры». Таков во всей своей простоте факт, в котором римские богословы находят доказательство первенства власти и юрисдикции епископов Рима. Они остерегаются приводить текст Евсевия, и они обходят молчанием мнение блаженного Иеронима касательно осуждений, коих предметом был Ориген. Иероним, указавши на бесчисленные труды ученого пресвитера Александрийского, восклицает¹: «Какую же награду получил он за толикие свои труды и старания? Он был осужден епископом Димитрием, и за исключением епископов Палестины, Аравии, Финикии и Ахаии, он был осужден единодушно повсюду. Даже Рим собрал против него свой сенат (то есть, свой собор), не потому что он учил новым догматам, не потому что держался еретических мнений, как хотят уверить нас в этом те, которые лаяли на него подобно разъяренным псам; но потому что не могли выносить блеска его красноречия и его познаний, и когда он говорил, то все остальные казались немymi».

Таким образом, по мнению блаженного Иеронима, Римский клир примкнул к низкой интриге против Оригена; а по словам Евсевия, этот великий человек писал к епископу Римскому, *как и ко многим другим*, чтобы оправдать свою веру.

Спрашиваем, подобный факт говорит ли в пользу авторитета Римских епископов?

Дело святого Дионисия Александрийского не служит большим доказательством этого авторитета.

Многие верующие, не понявши учения, изложенного этим великим епископом против Савелия и его последователей, отравились в Рим и приписали ему еретическое учение. В этом городе происходил тогда собор. Епископ Римский от имени этого собора написал письмо к Дионисию Александрийскому, чтобы узнать, справедливо ли, что он держится приписываемого ему учения? Епископ Александрийский послал в Рим составленное им сочинение, в котором с точностью изложил свои верования. Таково в немногих, но точных словах содержание того, что по этому поводу писал Евсевий и святой Афанасий. Но из того обстоятельства, что один епископ от имени собора требует сведений от другого епископа о его вере, надобно ли заключать, что епископ, требующий сведений, обладает *авторитетом и юрисдикцией* над тем, кому пишет? Не только по *праву*, но и по *долгу* каждый епископ должен стараться просветить брата, о котором думает, что он заблуждается, и должен сам быть готовым дать отчет о своей вере. Итак, Римский и Александрийский епископы исполняли строгий *долг*; никто из них не пользовался преимущественной властью.

Но из того обстоятельства, что многие прибыли в Рим для обвинения его, не будет ли справедливо заключать, что они признавали за римским престолом высшую власть?

Фаустин, епископ Лионский, желая осудить Маркиана Арльского¹, обвинял его пред святым Киприаном. Признавал ли он поэтому высшую власть святого Киприана? Испанские епископы донесли тому же Киприану на двух дурных епископов, которые в защиту свою указывали на письма епископа Римского, и Киприан осудил этих двух виновных епископов². Надобно ли отсюда заключать, что Испанские епископы признавали не только власть над своими церквами святого Киприана, но и власть высшую власти епископа Римского? Церковная история представляет нам многочисленные примеры епископов, которые апеллировали одни к другим, и делали это без какого-либо признания авторитета тех, коим представляли на апелляцию дела.

И сам Дионисий Александрийский³ получал жалобы на учение Павла Самосатского, епископа Антиохийского, как епископ Римский получал жалобы на его собственное учение. Подобно тому, как Римский епископ писал к нему, так и он написал к епископу Антиохийскому, извещая его о взведенных на него обвинениях; он обращался к Павлу от имени своего клира, как Римский епископ обратился к нему самому от имени Римского собора. Епископ Антиохийский отвечал, стараясь объяснить; и Дионисий, не находя его объяснений достаточными, написал опровержение на них. Сирийские епископы собрались в Антиохии для суда над Павлом; они писали к Фирмилиану Кесарийскому в Каппадокии и к Дионисию Александрийскому, прося их прибыть для суждения совместно с ними. Если бы они написали епископу Римскому, то как торжествовали бы римские богословы при этом факте, который однако же не более говорил бы в пользу юрисдикции этого епископа, как не говорит и в пользу юрисдикции Фирмилиана или Дионисия.

Этот последний не мог прибыть на собор по причине тяжелой болезни, которая спустя немного времени свела его в могилу: но он написал Антиохийскому собору послание, которое разослано было ко всем церквам Вторым собором, закончившим дело Павла Самосатского.

Когда этот еретический епископ продолжал жить в епископском доме, то епископы, чтобы заставить его выйти оттуда, писали в Рим к императору Адриану, который, как говорит Евсевий⁴, «очень разумно приказал отдать дом в руки тех, коим предпишут это италийские епископы христианской религии, а также епископ Римский». Второй Антиохийский собор писал епископу Римскому, равно как и преемнику Дионисия на престоле Александрийском. Италийская церковь присоединилась к решению Второго собора против Павла Самосатского, и он был изгнан.

¹ См письма св. Киприана.

² Ibid.

³ Евсевий, *Церк. Истор.*, кн. VII, гл. XXVIII и XXX. *Bibliothèque des Pères*, t. XI.

⁴ Евсевий, кн. VII, гл. XXX.

В решении Аврелиана хотят видеть доказательство в пользу вселенской юрисдикции епископа Римского. Правильнее надобно было бы сказать, что император хотел сослаться, в доложенном ему деле, на свидетельство епископов, коих обе партии не могли бы отвергать с достаточным основанием; так как епископы эти не имели никакого интереса благоприятствовать одной партии преимущественно пред другой; он желал сослаться на епископов, коих решение и сам он мог хорошо знать, так как жил среди них. Надобно заметить, что император не признает решения епископа Римского беспрекословным: он указывает на римского епископа наряду с другими итальянскими епископами и *после них*. Если же он упоминает о нем частным образом, то очевидно, это по причине важности его кафедры находившейся в столице империи, а не потому будто этот епископ пользовался особенным авторитетом. Поистине надобно иметь большую нужду в *доказательствах* в пользу римского верховенства, чтобы решиться искать их в поведении языческого императора, когда все подробности церковного дела Павла Самосатского доказывают, что это верховенство не было признаваемо Церковью.

Дело Новациана, к которому тоже прибегают римские богословы, не более благоприятствует их теории.

Раскол Новата Карфагенского смешивается с расколом Новациана Римского. Последователи Новациана, равно как и Новата, требовали крайней строгости в отношении к тем, которые ослабевали во время преследования. Когда Новациан вызвал раскол в Риме, а Новат в Карфагене, то увидели, что раскольники римские старались ссылаться на церковь Африканскую, как раскольники Карфагенские ссылались на церковь Римскую. Из их сношений и апелляций столько же можно заключать о верховенстве Карфагена, как и Рима. Но богословы римские останавливают внимание только на Риме. Понятно почему. Но их усилия напрасны. Факты опровергают их.

Святой Киприан на многих соборах строго осудил мнения Новата и Новациана. Первый, бывший одним из ревностнейших приверженцев этих мнений и не менее великим преступником, увидевши, что он подвергается осуждению, ушел в Рим. Там он вошел в соглашение с Новацианом, честолюбиво домогавшимся престола этого города, и посвятил его в епископа, хотя законно был уже избран Корнилий.

Корнилий и его соперник обратились к Карфагенскому епископу. Киприан предполагал уже законность избрания Корнилия, однако же не принял его тотчас в общение, по причине писем его соперника. Он созвал собор Африканских епископов, которые решились послать в Рим двух из них, чтобы узнать, что там произошло. Когда получены были благоприятные известия о Корниле, то общительные сношения между ним и Африканскими епископами были восстановлены.

Тем не менее Новациан не переставал выдавать себя за епископа Римского и обратился с новыми представлениями к церкви

Африканской. При энергии Киприана, он не достиг ничего, однако же приобрел нескольких сторонников. Его партия в Риме была значительной; Киприан принимал участие во всем этом для восстановления порядка в этой Церкви. Он действовал успешно, и Корнилий сообщил ему эту приятную новость.

До сих пор скорее епископ Карфагенский оказывал влияние на дела церкви Римской, чем епископ Римский на дела церкви Карфагенской. Но скоро раскольники Карфагена избрали себе епископа, который старался войти в общение с епископом Римским. Партия разделилась на две части, из коих каждая избрала себе своего епископа. Это разделение ослабило их. Не имея возможности приобретать сторонников в Африке, они отправились в Рим для обвинения Киприана, как прежде обвиняли Корнилия пред епископом Карфагенским. Епископ Римский сначала позволил себе поколебаться их клеветами; но скоро пришел к другим мыслям, получивши письма Киприана.

Партия Новациана существовала в Риме и после смерти Корнилия. Новациан имел сторонников в большей части Церквей. Епископ Арльский, Маркиан, тоже был в числе их.

Среди этих обстоятельств, Фаустин, епископ Лионский, признавал необходимым, для осуждения Маркиана, опереться на главных епископов Запада. Поэтому он обратился к Римскому епископу, Стефану, и к Киприану. Этот последний писал епископу Римскому, указывая ему, что он должен делать среди этих обстоятельств. Сам же он был слишком удален от тех мест, чтобы деятельно заниматься делами их, и он просил своего Римского собрата написать Арльскому клиру и народу о низложении Маркиана.

Во всех этих делах, рассказанных нами с точностью по подлинным документам¹, нельзя видеть ничего другого, кроме одинакового участия епископов Рима и Карфагена в церковных делах, одинакового желания сохранить между собою добрые отношения и оставаться в полном общении. Если святой Киприан хвалит Корнилия и Римскую Церковь за то, что они осудили Африканских раскольников, то прежде он порицал их за то, что они колебались в выборе между ним и незаконным епископом, который обратился в Рим. Счастливый тем, что его противники не нашли в этой церкви поддержки, на которую надеялись, он воздал великие похвалы Римлянам, и именно тогда написал следующую знаменитую фразу, которой так много злоупотребляли: «Они (его противники) осмелились сесть в корабль и принести письма кафедре Петра, Церкви главной, откуда изошло священническое единство, — не подумав, что там находятся *те Римляне*, которых веру хвалит Апостол и среди которых вероломство не может иметь успеха».

Мы объяснили, согласно с учением самого святого Киприана, выражения, из которых римские богословы старались вывести столь широкие заключения. Поэтому нам остается только заме-

¹ См. преимущественно *собрание писем св. Киприана*.

тить, что обстоятельства и контекст отнимают у них всю важность, которую хотят им усвоить. В самом деле, святой Киприан должен был поблагодарить церковь Римскую, высказавшуюся в защиту его и против его противников. Для этого он возобновляет воспоминание о двух основателях ее: о святом Петре, который был *символическим знаком* единства апостольской корпорации и, следовательно, символическим знаком единства епископского общества; и о святом Павле, который похвалял веру *Римлян*. Надобно заметить, что эти похвалы свои он обращает не к Римскому епископу, но к клиру и к верующим этой церкви, которые, по его просьбе, приняли его общительные грамоты, и пред которыми он защитил свое дело. В его глазах епископ не имеет значения без клира и верующих, и он не усваивает ему никаких личных преимуществ. Этот текст святого Киприана, таким образом, противоречит, а не благоприятствует теории папского авторитета. В этом совершенно можно убедиться из чтения полной переписки между епископами Рима и Карфагена. И тот и другой действуют в согласии с клиром своих церквей и епископами своей провинции; ни тот, ни другой не приписывают себе личного авторитета.

IV

О власти епископов Рима в течение четвертого и пятого веков

Исторические факты присоединяются к учительным свидетельствам в деле выяснения того, что папство не пользовалось вселенскою властью в течении первых трех веков существования церкви; они же доказывают, что римские епископы, в церковных делах, обладали лишь влиянием, необходимо вытекавшим из важности и достоинства их престола, признаваемого всеми *единственным апостольским* на Западе.

Кроме того, римская церковь была матерью многих других церквей, в отношении к которым она сохраняла известную власть, как это показывает нам шестое правило Первого вселенского собора, созванного в Никее в 325 г.

Много толковали об этом знаменитом правиле, в котором римские богословы усиливались находить свидетельство в пользу своих мнений. Они сличали манускрипты с целью отыскать, не найдут ли среди них таких, которые благоприятствовали бы их намерениям. И в самом деле, они встретились с некоторыми рукописями, удивительным образом сослужившими им службу, посредством тех прибавок в них, которые не оставляли желать ничего лучшего, если бы только эти прибавки были подлинными. Такова следующая прибавка: «Итак, когда святейший собор утвердил первенство *апостольского престола*, что было достоинством (*meritum*) святого Петра, который был князем (*princeps*) всего

епископата (*буквально* — епископской короной), и что было преимуществом (*dignitas*) города Рима и пр.»¹. Вот несомненно прекрасная предварительная речь к шестому никейскому правилу, но, к сожалению, обманщик выдает себя, даже своим слогом, который мог появиться только в эпоху, когда была написана рукопись, то есть в Средние века. В одном римском манускрипте в начале шестого правила находятся следующие слова: «Римская церковь всегда имела первенство». Эти слова, с которыми можно соглашаться, скопированы с деяний Халкидонского собора и не принадлежат собору Никейскому, равно как и следующая другая фраза, вставленная в другой манускрипт: «что римская церковь всегда обладала первенством». Все эти прибавки не были еще известны в восьмом веке; потому что писатель *Ложных декреталий*, который жил в те времена и который не опустил бы случая воспользоваться этим, приводит правила первых соборов согласно со сборником Деонисия младшего. А этот ученый, составивший свой сборник правил в самом Риме, умер в первой половине шестого века. Но в его сборнике нельзя находить никаких вышеприведенных прибавок и он приводит шестое правило Никейского собора в следующих выражениях:

Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентополе, дабы епископ Александрии имел власть во всех этих странах; так как и Римскому епископу это *обычно*. Подобно и в Антиохии, и в иных областях да сохраняются преимущества церквей. Вообще же да будет известно следующее: если кто без соизволения Митрополита поставлен будет епископом, о таком великий собор определяет, чтобы он не был епископом и пр.»

Целью этого правила было защищение власти епископа Александрийского в отношении к приверженцам Мелетия, епископа Ликопольского, который не хотел признавать этой власти при епископских посвящениях.

Таким образом, шестое правило имеет свою цель только утвердить древние обычаи относительно этих посвящений и вообще утвердить преимущества, сохранявшиеся древним обычаем. Следовательно, только *в силу древнего обычая* и Рим пользовался известными преимуществами, которых у него не оспаривали. Из *этого факта* собор выступает для утверждения аналогичных преимуществ Александрии, Антиохии и других церквей.

Какие же это были церкви, в отношении к которым римская церковь имела право наблюдения (*surveillance*)? Руфин называет их *пригородными*. Этот писатель, составивший свою *Церковную*

¹ Мы приводим эти слова, как пример подобного рода прибавок: *Cum igitur sedis apoccolicae primatum, sancti Petri meritum qui princeps est episcopalis coronae, et Romanae dignitas civitatis, sacrae etiam synodi firmavit auctoritas*. Достаточно прочесть две страницы церковных документов четвертого века, чтобы с первого взгляда открыть здесь обман и быть убежденным, что этот набор слов, неправильный и честолюбивый, появился уже в позднейшую эпоху.

Историю в четвертом веке, рожденный в Аквилее и живший в Риме, должен был знать объем юрисдикции римской церкви его времени. Что же он разумеет под именем *пригородных церквей*? Известно, что со времен царствования Константина, церковь была разделена на диоцезии и провинции, подобно тому, как была разделена и самая империя¹. Соответственно с этим неопровержимым фактом известны были и *пригородные* церкви; они находились в местностях, носивших в четвертом веке эти же названия; следовательно это были те местности, которые зависели от *диоцезии* или префектуры римской, то есть это были семь провинций, называвшихся: «Сицилия, Корсика, Сардиния, Кампания, Туския, Пригородная Пицена, Апулия с Калабрией, Брутия, Самния, Валерия». Северная Италия составляла вторую диоцезию, коей префектурой был Милан, и она не была в зависимости от Рима. Римская диоцезия называлась не Италией, а римской территорией. Вот почему св. Афанасий называет Милан *митрополией Италии*, а Рим *митрополией римской территории*². Итак в четвертом веке юрисдикция римских епископов простиралась только на южную Италию и на острова — Сицилию, Корсику и Сардинию.

Когда отцы церкви говорят о римском престоле, как первом на Западе, то говорят не о вселенской его юрисдикции, а о важности его, как единственного апостольского престола в этих странах.

Провинции, подчиненные Никейским собором епископу Александрийскому, составляли Египетскую диоцезию, подобно тому, как провинции, подчиненные юрисдикции епископа Римского, составляли диоцезию Римскую. Собор установил пределы той и другой диоцезии, вполне подтверждаемые комментариями Руфина. Шестое и седьмое правило Никейского собора может быть признаваемо *законным* началом патриархатов; титул еще не был введен в употребление, но *сущность* была уже установлена. Согласно с началом, принятым на Первом вселенском соборе, число патриархов не было ограничено четырьмя; из соборных известий легко понять даже, что кроме четырех великих апостольских церквей Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима, существовали и другие церкви, пользовавшиеся аналогичными привилегиями. Епископы этих церквей не получили титула патриархов, но они пользовались другими титулами, которые возвышали их над простыми митрополитами, каковы титулы *экзарха* и *примаса*.

Несмотря на *увертки* римских богословов, они не могут уклониться от следующих двух выводов из шестого правила Никейского собора: 1) собор провозгласил, что власть Римского еписко-

¹ В те времена *диоцезией* называлось соединение многих провинций, а провинцией — часть диоцезии. Но эти названия переменили свое значение; в настоящее время церковная провинция состоит уже из многих диоцезий

² См. Афан. *Письмо к пустынникам*.

па простирается только на *определенную местность*, как власть Александрийского епископа тоже простиралась на свою местность; 2) эта власть утверждалась только на *обычае*.

Отсюда следует, что эта власть, в глазах собора, не была *вселенской*; она не вытекала из *божественного права*. Ультрамонтанская же теория, будучи всецело основана на характере *вселенской и божественной* папской власти, диаметрально противоположна шестому правилу Никейского вселенского собора.

Надобно однако же согласиться, что этот собор, подтверждая римский обычай для укрепления обычая Александрийского, признает законность установленного обычая и воздает *честь* достоинству римского престола; но надобно прибавить также, что эти преимущества, которые он признает за ним, совершенно не похожи на те, на которые Рим заявил притязания впоследствии.

Всеобщий Константинопольский собор (381), второй вселенский, прекрасно объяснил правило Никейского собора своим третьим правилом, выражаясь следующим образом: «дабы Константинопольский епископ обладал *первенством чести* (*priores honoris partes*) после епископа римского, *потому что* Константинополь есть новый Рим».

Итак, Римскому епископу усвоили *первенство чести*, поелику он был епископом столицы империи; но когда Византия стала второю столицею под именем Константинополя, то епископ этого города должен был приобрести второе место, на основании начала, руководившего собором Никейским во *внешнем* устройстве церкви, и принятого церковью сообразно с *разделением* империи.

Вселенский Халкидонский собор (451), созванный столетием позже Константинопольского собора, бросает новый свет на этот пункт; он следующим образом выражается в своем двадцать восьмом правиле:

«Во всем последуя определениям святых отцов и признавая ныне читанное правило (третье правило второго собора) ста пятидесяти боголюбнейших епископов, бывших на соборе, и мы определяем и поставляем о преимуществах святейшей Церкви того же Константинополя, *нового Рима*. Ибо престолу древнего Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий (столичный) город. Следуя тому же побуждению, и сто пятьдесят боголюбнейших епископов предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, дабы город, получивший честь быть городом царя и синклита и имеющий равные преимущества с древним царственным Римом, и в церковных делах возвеличен был, и будет второю по нем». В следствие этого определения, собор подчинил юрисдикции Константинопольского епископа диоцезии Понта, Азии¹ и Фракии.

¹ Под этим именем разумели Малую Азию, коей древней митрополией был Ефес. Часть Азии, подчиненная юрисдикции епископа Антиохийского, называлась *Востоком*.

Легаты папы Льва I на соборе Халкидонском восставали против этого правила; они не соглашались принять его. Однако отцы собора адресовали к Льву I почтительное письмо, в котором, упомянувши о сопротивлении легатов, говорили: «Итак, мы просим вас, *уважьте* наше решение вашими собственными определениями».

Римские богословы хотят видеть в этом поступке доказательство того, что Халкидонские отцы признавали за Римским епископом власть высшую соборных определений, которые не имели силы, если не были утверждены папою. Более справедливо видеть в этом поступке только высокую вежливость, внушенную любовью к миру и согласию. Собор должен был желать, чтобы Запад был единомыслен с Востоком. Римский епископ, будучи представителем Запада на соборе, был единственным епископом, занимавшим на Западе *апостольский престол*; с другой стороны, так как его престол обладал *первенством чести* в Церкви вселенской, то очевидно его должны были просить присоединиться к решению собора. Его просят не *утвердить*, а только *почтить* собственными декретами принятое *решение*. Если бы при этом необходимо было утверждение Римского епископа, то Халкидонское постановление содержало ли бы *решение*, или определение, провозглашенное прежде этого утверждения?

Св. Лев не понял послания Халкидонского собора, как понимают его наши римские богословы. Он отказался не утвердить его своим авторитетом, а только *согласиться* с ним: «Никогда, говорит он, это определение не может приобрести *нашего согласия*»¹. Почему же он отказывает ему в своем согласии? Потому что Халкидонское определение отнимает у Александрийского епископа второе место, а у Антиохийского третье место, и, таким образом, противоречит шестому правилу Никейского собора; и еще потому, что это же определение наносит ущерб правам многих примасов и митрополитов².

В другом письме, адресованном к императору Маркиану³ св. Лев рассуждает подобным же образом: «Константинопольский епископ, несмотря на славу своей церкви, не может превратить ее в *апостольскую*; он не имеет права увеличивать ее в ущерб других церквей, коих преимущества, *установленные правилами святых отцов* и утвержденные определениями досточтимого собора Никейского, не могут быть ни поколеблены перетолкованиями, ни нарушены никаким нововведением».

Римская церковь забыла этот принцип одного из величайших своих епископов.

В своем письме к императрице Пульхерии⁴, св. Лев заявляет, «что он отверг (*cassé*) Халкидонское определение властью блажен-

¹ Св. Льва, epist. LIII, vet. edit; LXXXIV edit. Quesn.

² Ibid.

³ Св. Льва, epist. LIV, vet. edit.; LXXVIII edit. Quesn.

⁴ Св. Лев, epist LV, vet. edit.; LXXIX edit. Quesn.

ного апостола Петра». Слова эти с первого разу, по видимому, побуждают думать, будто он приписывал себе верховную власть в церкви, во имя св. Петра, но вникая с большим вниманием и без предвзятой идеи в его письмо и в другие его сочинения, невольно приходишь к убеждению, что св. Лев говорит в данном случае лишь как епископ *апостольского престола*; что только во имя этого, то есть во имя апостолов, основавших его Церковь, а также церкви западных стран, представляемых им, он приписывает себе право восставать против определения, по которому Восточная Церковь приняла важное решение одна, и при том деле, имевшем интерес для всей вселенской церкви.

Доказательством того, что именно так смотрел св. Лев на вещи, служит то обстоятельство, что он не приписывает себе никакой *личной* власти, истекшей к нему *через святого Петра*, из божественного источника; напротив, он выставляет себя защитником канонов, смотрит на права и взаимные обязанности церквей, как на *установленные* отцами и утвержденные собором Никейским. Он не заявляет притязаний на то, будто его церковь обладает исключительными правами, истекающими из иного источника; он указывает только на *право церковное*, по которому он есть первый епископ; и кроме того, он занимает *апостольский* престол на Западе. Во имя этих двух преимуществ своих, он признает себя обязанным вмешаться в это дело и воспрепятствовать тому, чтобы честолюбие частной церкви не причиняло ущерба ни правам, канонически усвоенным другим епископам, очень слабым в деле сопротивления, ни миру вселенской Церкви. Внимательно вчитываясь во все то, что писал св. Лев против правила Халкидонского собора, нельзя сомневаться, чтобы не таково было его мнение. В своем письме к отцам Халкидонского собора он представляет себя только «стражем католической веры и постановлений отцов, а не вождем и владыкою Церкви, *по божественному праву*»¹. Он признает правило Халкидонского собора вынужденным у членов этого собрания посредством влияния Константинопольского епископа, и он писал епископу Антиохийскому², что и тот должен признавать правило не существующим, ибо оно противоречит определениям собора Никейского. «Мир вселенной, присовокупляет он, может существовать только под условием уважения к канонам».

Новейшие папы уже не пишут подобным образом и поставляют свою личную власть на место канонов.

Анатолій Константинопольский писал св. Льву, что он ошибочно приписывает его влиянию двадцать восьмое правило Халкидонского собора; что отцы собора пользовались всею своею свободою, и что лично он не дает никакого значения преимуществам, которые ему усвоили. Однако же эти преимущества продолжались вопреки сопротивлению Римского епископа и даже были признаны на Западе. Приведем одно доказательство из тысячи других;

¹ Св. Льва, epist. LXI, vet. edit.; LXXX edit. Quesn.

² Св. Льва, epist. LXII, vet. edit.; LCII edit. Quesn.

таково письмо знаменитого Гальского епископа, св. Авита, митрополита Вьенского, к Иоанну, епископу Константинопольскому¹. Во всяком случае на споры между епископами Рима и Константинополя по поводу Халкидонского правила можно указать как на начало разногласий, приведших позже к полному разрыву. В принципе св. Лев имел основание защищать Никейские каноны; но он не мог отвергать того, чтобы вселенский собор не имел тех же прав, какими обладал другой, предшествовавший ему, в особенности, когда оставался верным духу, которым он руководился. Никейский собор освящая *обычай*, побуждавший смотреть на Римского епископа как на *первенствующего чество* в Церкви, менее имел в виду *апостольское* начало его престола, чем его блеск, возникавший из важности города Рима, потому что многие другие Церкви равным образом имели *апостольское* начало, а Церковь Антиохийская, как основанная святым Петром, обладала даже первенством пред Римом. Почему же епископский престол Константинополя, когда Константинополь стал второю столицей империи, не мог занять второго места, коль скоро Римский епископ занимал первое место только по причине первенства столицы? Понятно, что собор Халкидонский не был неверным духу, одушевлявшему собор Никейский; и хотя он изменил нечто *по букве* в своих распределениях, но сделал это повинувшись тем же мотивам, коими руководилось и первое вселенское собрание. Кроме того, он основывался на втором вселенском соборе, который, не усвоив Константинопольскому епископу никакой патриаршей юрисдикции, тем не менее почтил его титулом второго епископа вселенской церкви, и при этом ни Римский епископ, ни другой какой-либо епископ Запада не восставали против этого.

Двадцать восьмое правило Халкидонского собора было только следствием третьего правила собора Константинопольского; настояла тем более крайняя нужда даровать патриарху юрисдикцию над диоцезиями Азии, Понта и Фракии, что епископские избрания и посвящения подавали повод в этих диоцезиях к непрерывным спорам между примасами и митрополитами. Когда Никейский собор освятил права, основанные на обычае, тогда каждый примас, каждый митрополит стал усвоить себе эти права.

Подобным же образом и Антиохийский епископ хотел распространить свою юрисдикцию на остров Кипр; но с незапамятных времен эта церковь управлялась сама собою, своими епископами, находившимися в единении с митрополитом. Дело было перенесено на вселенский Ефесский собор, который высказался в пользу независимости Кипрской Церкви; он мотивировал это тем, что «надобно опасаться, чтобы из за священства не потерять свободу, которую даровал нам ценною Своей крови Господь наш Иисус Христос, освободитель всех людей»². Вот почему Кипрские митро-

¹ См. Творения св. Авита в *oeuvres diverses* du P. Sirmond.

² Св. Льва, *epist.* XCII; Labbe, *Collect. concil.*; Cabassut, *Not. eccl.*, p. 209.

политы именуются, как прежде, *αὐτοκεφαλοὶ* (независимыми), и не признают юрисдикции никакого высшего епископа. Епископ иерусалимский равным образом был автокефальным или не имел начальника, согласно с седьмым правилом Никейского собора и он сохранил *древнюю честь свою престола*.

Итак, святой Лев имел основание высказаться в пользу уважения к канонам; но он ошибался, поставляя дисциплинарные каноны на одной линии с догматическими определениями. В самом деле, первые могут быть видоизменяемы, когда важные обстоятельства потребуют этого, даже иногда они *должны быть* изменяемы *по букве*, коль скоро хотят сохранить их *дух*; между тем, как определения веры никогда не должны быть видоизменяемы, как в отношении к букве, так еще менее в отношении к духу.

Каноны первых вселенских соборов неоспоримо проливают сильный свет на преимущества епископа Рима; они восполняются одни другими; двадцать восьмое Халкидонское правило, хотя и вызвало возражение на Западе в лице Римского епископа, по причине лишения его характера вселенского епископа, как утверждают это римские богословы, но оно не противоречит учению, нами защищаемому; ибо надобно заметить, что св. Лев опровергает его, не как противоположное *божественной и вселенской* власти Римского престола, для которого он требует только *церковного первенства*; но единственно потому, что канон нарушает шестое правило Никейского собора, понижая Антиохийского епископа на третье епископское место, а епископа Александрийского на четвертое.

Итак, неоспоримо, что в эту эпоху Римский епископ не обладал в Церкви вселенскою властью, *по праву божественному*.

Это еще яснее открывается из участия, принимаемого Римскими епископами на соборах. Достоверен факт, что Римские епископы не созывали первых четырех вселенских соборов; не председательствовали на них; не утверждали их.

Мы докажем это в отношении к каждому из этих соборов, в частности.

Вот что сообщает Евсевий¹ о созвании, председательствовании и утверждении первого, вселенского Никейского собора: «Константин решился открыть брань с невидимым врагом, возмущавшим церковь. Дабы выступить против него как бы с божественною армиею, он созвал *всеобщий собор*, приглашая почтительными письмами епископов всех стран прибыть на собор, как можно скорее. Это не было с его стороны *прямыми и простым приказанием*; но император проявил в письмах много доброты; он предложил к услугам одних епископов публичные коляски, а другим — лошадей (*montures*). Более того, было назначено самое удобное место для собрания; таков был город, получивший свое название от *победы*², — Никея в Вифинии. Когда *императорский*

¹ Евсевий, Жизнь Константина, кн. III, гл. V и след.

² Νίκη.

приказ был получен во всех провинциях, все собрались с усердием... Они прибыли в числе более двух сот пятидесяти человек. А священники, диаконы и клирики, сопутствовавшие им, были почти бесчисленны. Между этими духовными лицами одни отличались мудростью своих речей, другие строгостью своей жизни и перенесенными ими мучениями, другие украшались скромностью и добрыми нравами. Некоторые пользовались великим почетом по причине своей старости; другие сияли юношескою силою тела и духа. Были некоторые, которые только числились в духовном звании. Император приказал снабдить их в изобилии всем, в чем только они нуждались.

«В назначенный день заседания, все члены собора поспешили собраться. Все те, которые были призваны, введены были в самую обширную залу дворца, где были расположены седалища с двух сторон, и каждый занял свое место. Когда общество уселось с приличною скромностью, то прежде всего все хранили молчание, ожидая появления императора. Вскоре за тем вошел один из родственников императора, за ним другой, а потом и третий; все они не были окружены солдатами или гвардией, как это было в обычае, но прибыли только в сообществе некоторых друзей, исповедовавших веру во Христа.

«По сигналу, возвещавшему о появлении императора, все встали. Тогда император прибыл в средину собрания; он казался ангелом Божиим... Когда он приблизился к месту, где поставлено было первое седалище, он воссел на первом посредине седалище, но только после того, как епископы подали ему знак сесть. После императора все сели. Тогда *тот епископ, который занимал первое седалище с правой стороны*, обратился к императору с кратким приветствием.

Этот рассказ доказывает, что именно император *созвал* собор и издал для этого формальные *приказы*; что именно он занимал в собрании место председателя.

Без сомнения, он не имел церковного *права* созывать собор; но если прямое участие императоров при созвании соборов первых веков не доказывает, что они обладали церковными правами, то по крайней мере оно доказывает, что Церковь не обладала тогда *центральной* властью, которая могла бы созывать всех епископов. Иначе императоры христианские обращались бы к этой власти, и все предпринятое ими, без участия этой власти, было бы признаваемо не имеющим значения и незаконным! Но этого не было.

Епископ, восседавший на самом высшем месте на Никейском соборе, занимал только *первое место с правой стороны*. Константин поместился в *середине*, в глубине залы и на отдельном седалище. Какой же это епископ занимал первое место? Евсевий не называет его, что подает мысль, что это был сам он. Историк Сократ в самом деле утверждает, что это был Евсевий, епископ Кесарии в Палестине. Кесарийская кафедра была самой важ-

ной на Востоке и первую в Палестине со времени разрушения Иерусалима. В начале своей «Жизни Константина», Евсевий выражается следующим образом: «Я сам недавно обратился с похвальной речью к победоносному государю, заседавшему в собрании служителей Божиих». Если эти слова и не могут служить убедительным доказательством председательствования Евсевия, то по крайней мере они сообщают большую вероятность подобному утверждению Сократа.

Но пусть это будет Евсевий Кесарийский, или Евсевий Антиохийский, как утверждает Феодорит¹, или Александр Антиохийский, как заявляет Никита по Феодору Мопсуэтскому², — все это не важно. Достоверно только, что послы Римского епископа не председательствовали. Вот факт, признаваемый всеми историками, достойный вероятия. Чтобы отвергнуть его, надобно принять позднейшее известие Геласия Кизического и уже от него узнать, будто епископ Римский председательствовал на соборе Никейском в лице своего делегата, Осии Кордовского. Но прежде всего, Осия не был делегатом Римского епископа; он не усваивает себе этого титула ни в актах соборных, ни в другом каком-либо документе; епископ Римский был представляем только священниками Витоном и Викентием, а не Осиею. Итак, если бы даже Осия председательствовал на соборе, то этот факт ничего не доказывал бы в пользу мнимой власти Римского епископа. Но достоверно, что Осия не имел этой чести, и что собрание в церковном отношении находилось под председательством епископов наиболее великих кафедр, как то Александрии, Антиохии и Кесарии Палестинской, и под гражданским председательством самого императора.

Выслушавши хвалу от первого епископа собрания, Константин произнес речь, в которой сказал, что он созвал всех епископов с целью позаботиться о мире и что он просит их доставить его христианскому миру. Окончивши речь, он предоставил слово председателям собора³. Итак, председателей было много. Пред этим известием Евсевия, свидетеля-очевидца, — известием, которому ничто не противоречит, можно ли на разумных основаниях утверждать, будто собор находился под председательством Римского епископа в лице Осии, как папского делегата? Какой факт может оправдывать подобное утверждение, диаметрально противоположное свидетельству столь важному и столь положительному Евсевия?

Этот ученый историк прекрасно очертил роль Константина.

Когда слово было представлено епископам, поднялись сильные споры. «Император, продолжает Евсевий, выслушивая всех с большим терпением, очень хорошо понимал предлагаемые вопросы; он высказывал свое мнение, делал свои замечания и кончил тем, что примирял споривших с наибольшею страстностью. Так

¹ Феодорит, *Церк. Ист.* кн. 1, гл. VII.

² Никита, *Сокров. прав. веры*, кн. V, гл. VII.

³ Евсевий. *Жизнь Константина*, кн. III, гл. XIII.

как он беседовал со всеми спокойно и говорил на греческом языке, на котором говорил превосходно, то всех восхитил своею ласковостью и некоторых склонил к своему мнению силою своих доводов; он просил, он убеждал; он увещевал всех к миру: он хвалил тех, которые хорошо говорили; наконец он достиг восстановления согласия между всеми теми, которые прежде враждовали».

Константин *созвал собор и председательствовал* на нем. Вот *два факта*, которые *при искренности* нельзя оспаривать. Третий факт, не менее твердый, состоит в том, что именно Константин обнародовал определения. Чтобы установить этот факт, достаточно перевести нижеприводимые строки письма императора, адресованного ко всем епископам, не присутствовавшим в собрании, и написанного с тем «дабы, как говорит Евсевий, сообщить им достоверные сведения обо всем, что происходило в собрании»¹. Сам Евсевий сохранил нам это письмо:

«Константин август, Церквам:

«Уразумевши из счастливого состояния, в котором находится государство, сколь велика в отношении ко мне милость всемогущего Бога, я подумал, что на мне лежит обязанность позаботиться о воцарении среди всех благочестивейших народов католической Церкви единой веры, искренней любви, религии, достойной (uniforme) Бога всемогущего. Но так как невозможно было установить дела твердыми и стойкими без созвания епископов или, по крайней мере, наибольшего числа их для предварительного рассуждения о том, что принадлежит к святейшей религии, то я *собрал*, сколько было возможно для меня более епископов, и в моем присутствии, — как если бы я был один из вас (ибо я не отвергаю этого и даже считаю для себя счастьем заявить, что я один из вас), — все дела были тщательно исследованы прежде постановления решения благоугодного Богу всевидящему, дабы не оставалось более никакого повода к разногласиям и спорам касательно веры».

После этих предварительных слов, замечательных самих по себе, Константин сообщает соборное определение о праздновании Пасхи; он разъясняет основания для этого и увещевает сохранять определение. Прежде чем распустить епископов, Константин обращается к ним с речью, увещевая их хранить мир между собою. В особенности он советовал тем, которые «поставлены наиболее высоко, не превозноситься над теми, которые стоят ниже их; ибо, присовокупил он, одному Богу приличествует судить о добродетели и преимуществе каждого»². Затем он преподавал им несколько советов и *позволил* возвратиться к своим церквам. Все они возвратились радостные, приписывая посредничеству императора восстановление согласия между теми, которые расходились в своих мнениях.

Что же касается вопроса самого важного, разбиравшегося на соборе, то есть вопроса об арианстве, то Константин писал о нем в

¹ Евсевий, *Жизнь Константина*, кн. III, гл. XVI и XVII.

² Там же, кн. III, гл. XXI.

Египет, где этот вопрос получил начало: «*утверждая*, — говорит Евсевий, — и *санкционируя* определения собора по этому предмету»¹.

Итак, нельзя отвергать полного и всецелого участия Константина в Никейских делах; Константин *созывает* собор, он *председательствует*, он *утверждает* определения. Евсевий, историк и современный свидетель событий, принимавший в них участие, положительно свидетельствует об этом; и историки позднейшие и достойные веры, каковы Сократ, Созомен и Феодорит, представляют подтверждения достоверности его рассказа.

Геласий Кизический, автор романа о Никейском соборе, живший уже в пятом веке, первый упоминает, как мы уже заметили, об участии Римского епископа в созвании собора и председательстве на Никейском соборе. Его ошибочное известие распространилось по Востоку, и Седьмой вселенский собор, в седьмом веке, не возражал против известия, когда его высказали в присутствии собора. Но надобно согласиться, что ошибочное утверждение писателя, противоречащего всей истории и самым ясным документам, не может быть признано достоверным на том только основании, что против него не протестовали на соборе, созванном в позднейшую эпоху, — на соборе, который не был созван для произнесения своего решения по этому вопросу, да и самый вопрос не принадлежал к его компетенции. Итак, нельзя с искренностью противопоставлять подобные доказательства многочисленным свидетельствам писателей современных и даже самому собору, который в письмах своих никогда не говорил об участии Римского епископа на соборе.

Достоверно, что Константин не усвоил себе *церковных* прав; он председательствовал на соборе только для того, чтобы охранять свободу прений; он предоставил решение епископскому суду. Но не менее достоверно, что он *созвал* собор, *председательствовал* на нем и *утвердил* его; что под его гражданским председательством, собрание имело *многих председательствовавших епископов*; что делегаты Римского епископа не председательствовали на нем; что Осия, первый подписавший соборные деяния, не был делегатом Римского епископа, хотя об этом и говорит Геласий Кизический, коего свидетельство не имеет никакой силы, по сознанию даже римских богословов, наиболее просвещенных².

¹ *Ibid.* ch. XXIII.

² Вот суждение об этом писателе, высказанное иезуитом Феллером: «Автор пятого века, грек, он написал «*Историю Никейского собора*», созданного в 325 г. Эта история есть *ничто другое, как роман, по суду лучших критиков*; по крайней мере, во многих пунктах она не согласна с актами и известиями, наиболее достойными вероятия». Феллер, хороший ультрамонтанин, утверждает, что Геласий руководился исключительными мотивами; и *это заставило его несколько приукрасить свою историю*. Таким образом, по Феллеру, Геласий Кизический мал, но его ложь извинительна, потому что он *руководился своими намерениями*, а эти намерения были добрыми. Феллер остается верным духу своего Общества.

Какое участие принимал Римский епископ в созвании второго вселенского собора? Никакого.

Этот собор был созван императором Феодосием (381), который даже не посоветовался с Римским епископом. Этот епископ, коим был тогда Дамас, не посылал на собор своих делегатов; никакой другой западный епископ не принимал в нем участия. Собор был составлен из ста пятидесяти членов, в числе которых были такие люди, как св. Григорий Назианзин, св. Григорий Нисский, св. Петр Севастийский, св. Амфилохий Иконийский, св. Кирилл Иерусалимский. Председательствовал же на этом соборе св. Мелетий Антиохийский.

Но в Антиохии существовала схизма, продолжавшаяся довольно долго. В этом городе было два епископа: Мелетий и Павлин. Епископ Римский находился в общении с этим последним, и следовательно, признавал Мелетия схизматиком, что не помешало последнему быть *святым* в глазах Церкви Восточной и Западной. Таким образом, Второй вселенский собор происходил под председательством епископа, который не находился в общении с епископом Римским. Мелетий умер во время этого собора. Отцы, известные своим красноречием, произнесли в честь его похвальные слова. До нас дошло только рассуждение св. Григория Нисского. Верующие наперерыв оказывали св. Антиохийскому епископу знаки своего уважения; все признавали его святым, и когда тело его переносили в Антиохию, то это перенесение являлось непрерывным торжеством.

После св. Мелетия на соборе председательствовал св. Григорий Назианзин. Собор не признал Павлина законным Антиохийским епископом, хотя он находился в общении с епископом Римским, и не придал никакого значения компромиссу, в силу которого оставшийся в живых после смерти Мелетия или Павлина, должен быть признаваем законным епископом. Поэтому собор избрал св. Флавиана преемником св. Мелетия, и Антиохийская церковь, за исключением приверженцев Павлина, примкнула к этому избранию.

Когда св. Григорий Назианзин получил разрешение оставить свой Константинопольский престол, то как президент собора был замещен сначала Тимофеем Александрийским, а потом Нектарием Константинопольским. Эти преемственные председатели не имели никакого сношения с Римским епископом.

Тем не менее собор постановил важные догматические решения, и его определения были соединены с определениями Никейского собора, в *Символ веры*. Кроме того, он изменил порядок церковной иерархии, предоставивши Константинопольскому епископу второе место в церкви и поместивши за ним епископов Александрии, Антиохии и Иерусалима. Сверх того, он постановил множество дисциплинарных правил, принятых всею церковью¹.

¹ См. *Соборн. Деяния* в собрании P. Labbe; *Церк. Истор.* Сократа, Созомета и Феодорита; *труды* св. Григория Нисского, св. Григория Назианзина и пр.

В год, следовавший за созванием Константинопольского собора, император Грациан созвал собор в Риме¹. Павлин Антиохийский присутствовал на нем. На этом соборе он заявил себя против св. Флавиана, который тем не менее был признаваем законным епископом большинством провинций, зависевших от Антиохийского патриархата. На этом же соборе епископы Западные подняли жалобу на то, что епископы Восточные решили многие важные вопросы без участия Запада. Но, за исключением законности Флавиана, признали все остальное, и собор Константинопольский повсюду был признан *вселенским*, хотя Римский епископ и не созывал его, и не председательствовал на нем, и не утверждал его.

В виду этих фактов, что делается с притязанием Римского епископа на безусловную автократию в церкви? Теперь он утверждает, что вся юрисдикция истекает от него; но вот собор, на котором председательствовал святой епископ, не находившийся в общении с Римом, — который обнародовал весьма важные определения догматические и дисциплинарные; и этот собор был одним из тех, к которому св. Григорий Великий относился почтительно, как к одному какому-либо из четырех евангелий!

Третий вселенский собор, заседавший в Ефесе (431), был *созван* императором Феодосием II и его соправителем; и тот и другой император подписали пригласительное послание, по обычаю, обращенное к митрополиту каждой провинции: «Волнения в Церкви, говорили они в своем послании², побудили нас решиться на необходимое *созвание* епископов всего мира. В виду этой цели, и Ваше Благоденствие прибудете в Ефес ко дню Пятидесятницы, вместе с епископами, которых найдете благопотребными и пр.».

В деяниях собора можно читать, что св. Кирилл был *первым*, как занимавший место Келестина, епископа римского.

Но, как замечает Флери³, «он и сам мог председательствовать ради достоинства своего престола». Это замечание весьма справедливое. Но так как второй вселенский собор усвоил Константинопольскому епископу второе место в епископате, то Несторий мог спорить с Кириллом, своим противником, о председательстве на соборе. Таким образом, св. Кирилл поступил благоразумно, согласившись с Келестином, епископом Римским, чтобы на соборе не председательствовал еретик, который должен быть осужден.

Понятно также, почему Александрийский епископ должен был предстать на соборе с преимуществами епископа римского. Но было бы ошибочно заключать отсюда, будто он был легатом

¹ См. *Церк. Истор.* Созомента и Феодорита; *письма* блажен. Иеронима и св. Амвросия; собрание *Соборных Деяний* P. Labbe.

² *Творения св. Кирилла Александрийского; Собран. соборов* P. Lable; *Церков. История* Сократа.

³ *Церк. история* Флери, кн. XXV, гл. XXXVII.

этого епископа; ибо последний имел своих представителей в лице двух западных епископов и одного римского священника. Ни в одном соборном акте, Кирилл не упоминает о своем звании легата Римского епископа; и когда он *лично* подвергался обсуждению, то уступал председательство не делегатам римского епископа, а епископу Иерусалимскому, который был первым после него, так как Антиохийский епископ не присутствовал на соборе.

После чтения Никейского символа, на соборе приступили к чтению догматического послания св. Кирилла к Несторию; присутствовавшие епископы признали послание выражением своей веры. После сего было прочитано послание, в котором Несторий излагал свое учение; но оно было осуждено. Затем Ювеналий иерусалимский предложил прочитать послание к Несторию *святейшего архиепископа Римского*; далее прочитано третье догматическое послание св. Кирилла. Это было окружное послание его с двенадцатью анфематизмами. *Было объявлено*, что учение римского епископа и учение св. Кирилла согласно с Никейским символом.

Вслед затем, заблуждениям Нестория были противопоставлены свидетельства Восточных и Западных отцов. Приступили к чтению послания, написанного епископом Карфагенским от имени африканских епископов, так как Карфагенский епископ не мог прибыть на собор и св. Кирилл был лишь представителем (*délégué*) его. Послание было одобрено. Наконец составлено было определение, подписанное всеми епископами. Св. Кирилл подписался следующим образом: «Кирилл, епископ Александрийский, подписываюсь в согласии с собором». Прочие епископы пользовались подобной же формулой. Надобно заметить, что св. Кирилл не подписался представителем римского епископа. Если бы он присвоил себе полномочие от Келестина, то вот представлялся единственно удобный случай к этому, дабы Несторий не мог оспаривать у него председательства. Следовательно, это полномочие не имело той важности, какую хотят усвоить ему римские епископы.

Епископ Антиохийский не прибыл еще на собор, когда произнесено было осуждение Несторию. Стали говорить, что Кирилл сам был судьей и сам образовал партию против Константинопольского епископа; поэтому император объявил себя в пользу этого последнего, а приверженцы Нестория стали утверждать, что надобно снова начать соборные рассуждения. Именно среди этих обстоятельств Римский епископ прислал трех легатов как своих представителей. Они принесли с собою его послание, начинавшееся следующим образом: «Собрание епископов являет присутствие Духа Святого; ибо собор свят и ему подобает почитание, как представителю многочисленного общества апостолов. Никогда апостолы не были оставляемы Господом, от Которого получили заповедь проповедовать; посредством их Сам Господь учит, ибо Он Сам наставил их тому, чему они должны учить, и Он Сам уверял, что

слушают именно Его, когда слушают апостолов. Эта обязанность учительства передана всем епископам; *мы все* обладаем этою обязанностью по праву наследства; *мы все, заменяя апостолов*, возвещаем имя Господне, согласно со сказанным: *шедше, научите, все народы*. Вы должны заметить, собратия мои, что *мы получили заповедь сообща*, и что Иисус Христос требовал, чтобы *все мы* сообразовались с этим, исполняя свой долг. *Все мы* должны участвовать в трудах тех, коих *все мы* преемники». Папа, писавший подобным образом собору, был слишком далек от теорий современного папства. Послание Келестина было одобрено собранием, с энтузиазмом провозглашавшим: «Слава Келестину, *новому Павлу!* Слава Кириллу, *новому Павлу!* Слава Келестину, *хранителю веры!* Слава Келестину *единомысленному с собором!* Весь собор приносит благодарность Келестину! Келестин и Кирилл суть *едино!* Вера собора есть единая! Она есть вера вселенной!»

Итак, Келестин и Кирилл были поставлены на одной степени как защитники веры католической. И тот и другой обладают авторитетом только вследствие согласия их учения с учением собора. Вместо того, чтобы признать Келестина преемником *св. Петра*, обладающим вселенскою властью, его признают лишь *св. Павлом*, учительным апостолом.

Собор, в своем синодальном послании, отосланном к императору, тоже ссылается на *согласие западных епископов, коих папа Келестин был истолкователем*, в доказательство того, что соборное определение против Нестория канонично.

В виду этих фактов и этого учения надобно согласиться, что св. Кирилл равно мог председательствовать на Ефесском соборе, как без полномочия Римского епископа, так и с этим полномочием; что если он указывал на свое представительство Келестина, то единственно для приобретения преимущества пред Несторием, в виду постановления Константинопольского собора, который этому последнему даровал первую степень после епископа Римского; что три папских посла прибыли в Ефес не для того, чтобы управлять собранием или утверждать его решения, но чтобы засвидетельствовать о согласии западных епископов с присланными на собор папою Келестином.

Итак, нельзя утверждать, будто папа председательствовал на соборе в лице св. Кирилла, который был *его легатом*, во время этих событий. Иное дело уступать, по требованию некоторых случайных обстоятельств, честь соединяемую Церковью с титулом *первого епископа*, и иное дело передавать *права* председательствования на вселенском соборе. Достоинство римского делегата не содержало в себе *права председательствования*, как это видно из тех соборов, на коих посланные этим епископом присутствовали, без председательства. Преимущества первого епископа, переданные св. Кириллу, давали ему первенство пред Несторием в том лишь случае, если бы этот еретик захотел сослаться на третье правило Константинопольского собора, чтобы председательство-

вать на соборе Ефесском. Итак, римские богословы очень дурно поняли факт, из которого они хотят сделать себе оружие против *вселенского* учения. Они не заметили, что даже в то время, когда послы Римского епископа уже прибыли в Ефес, и св. Кирилл не председательствовал на соборе; что даже в это время именно Ювеналий, епископ иерусалимский, удостоился чести председательствования. Так как епископ Антиохийский примкнул к партии Нестория и не присутствовал на соборных заседаниях, то именно к епископу иерусалимскому перешло право председательствования, поелику он был пятым епископом в иерархическом порядке, установленным соборами Никейским и Константинопольским. Этот факт опровергает мнение, будто Римский епископ обладает правом председательствования на соборах, или непосредственно сам, или посредством своих делегатов. Если бы он присутствовал на соборе и если бы собор не имел причин подвергать его осуждению или низложению, то, конечно, он председательствовал бы в силу своего *церковного титула первого епископа*, но когда он посылал своих представителей, то его делегаты не имели никакого права на председательство, и на самом деле никогда не председательствовали. Сами епископы Римские хорошо знали, что они не обладали этим правом, и поэтому чаще всего возлагали обязанности делегатства на простых священников или диаконов, которым было бы неприлично председательствовать в собраниях епископов.

Деяния четвертого вселенского собора, созванного в Халкидоне в 451 г., тоже не благоприятны папской системе, хотя римские богословы и утверждают противное.

Собор *был созван* императором Маркианом¹, и император уведомил об этом Римского епископа, св. Льва. Императрица Пульхерия тоже писала к папе и говорила, что благочестивейшему императору, ее супругу, *благоугодно* позвать на собор *восточных епископов*, чтобы рассудить о нуждах католической веры; и она просила папу дать свое согласие, дабы соборные решения были согласны с правилами. В самом деле, было справедливо и даже необходимо просить согласия Запада, чтобы сообщит собору характер вселенский. Святой Лев отвечал, что *возникшие недоумения относительно православной веры* делают собор необходимым. После этого император Маркиан и Валентиниан, его соправитель, обратились ко всем епископам с пригласительными письмами.

Должно заметить, что св. Лев только соглашается на созвание собора. Итак, он не усвоит себе права ни созывать собор, ни решать споры единолично, в силу своего авторитета. Его письма к Маркиану, к Пульхерии, и отцам собора не оставляют никакого сомнения в этом отношении. Этот предварительный факт имеет величайшую важность.

¹ Все места, на которые мы ссылаемся в этом рассказе, находятся в *Собрании соборов* P. Labbe. См. также творения св. Льва.

Св. Лев просил, чтобы собор происходил в Италии; но император отказал в этом и указал на Никею, а потом на Халкидон. Почти во всех своих заседаниях собор заявляет, что он созван *благочестивейшими императорами* и никогда не упоминает, при этих случаях, о епископе Римском. Один римский собор, созванный папою Геласием, утверждает даже, что Халкидонский собор был созван деятельностью императора Маркиана и Анатолия, епископа Константинопольского. Инициатива, в самом деле, принадлежала им. Св. Лев только согласился на это и ему предоставили в этом случае, как и должны были сделать, только его преимущество *первого епископа*. Вследствие сего он и послал в Халкидон своих легатов, коими были: Бонифаций *один из его сопастырей города Рима*, как он называет его во многих местах своих писем к Маркиану¹; Пасхозин, епископ Сицилийский; епископ Юлиан и Луценций.

«Пусть ваше братство, — говорит он в своем письме к отцам собора, — мыслит, что посредством их я председательствую в ваших собраниях. Я присутствую среди вас в лице моих викариев. Вы знаете, на основании древнего предания, во что мы веруем; и так вы не можете сомневаться в том, чего мы желаем».

Как очевидно, св. Лев указывает на предание и предоставляет собору обсуждать вопрос без противопоставления ему своего мнимого учительного авторитета.

Слово *председательствовать* должно ли быть понимаемо в строгом смысле?

Внимательное исследование соборных деяний показывает, что именно императорские уполномоченные занимали на соборе первое место; что собрание имело многих церковных председателей; что легаты Римского епископа и Анатолий Константинопольский одновременно действовали в качестве этих *церковных председателей*; в особенности же это доказывает двенадцатое заседание. Так и собор Сардикийский в своем письме, обращенным к императору Льву², говорит, что Халкидонский собор находился под председательством «Льва, святейшего архиепископа великого Рима, в лице папских легатов, и святейшего и досточтимого архиепископа Анатолия».

Фотий в седьмой книге *о соборах*, называет *председателями* собора: Анатолия, послон епископа Римского, епископа Антиохийского и епископа Иерусалимского. Кедрин, Зонара и Нил Родосский утверждают то же самое³.

С другой стороны, в послании, написанном отцами собора св. Льву, говорится, что собрание находилось под председательством чиновников, уполномоченных Императором. И так надобно согласиться, что Халкидонский собор находился в тех же условиях, в каких находился собор Никейский; что гражданская власть зани-

¹ Письмо 49 и 50 древнего издания, 69 и 74 издания de Quesn.

² Jnt. act. *Conc Chalced.*

³ Ced., *Compend. hist.*; Zonar; *Annal Nil Rhod., De Synod.*

мала на нем первое место и что епископы престолов, названные впоследствии патриархами, *председательствовали* одновременно. После этого мы не встречаем уже ни малейшего затруднения допустить, что Римский епископ занимал на соборе *первое место* среди епископов, в лице своих делегатов; но иное дело занимать первое место, иное дело *председательствовать*, в особенности же в смысле, соединяемом с этим словом, римскими богословами.

Неоспоримый факт, что *догматическое послание*, обращенное св. Львом к отцам собора, было рассмотрено на соборе и одобрено собором на том основании, что оно согласно с учением св. Келестина и св. Кирилла, коих учение было одобрено на Ефеском соборе. Когда, во втором заседании, прочитали два послания св. Кирилла, то *славнейшие судьи* и все собрание воскликнули: «Пусть прочитают теперь послание Льва, достойнейшего о Господе архиепископа царствующего и древнего Рима». Когда это чтение было окончено, епископы воскликнули: «Такова вера отцов; такова вера апостолов. Так все мы веруем. Анафема тому, кто не верит так. Петр говорит устами Льва. Этому учили апостолы. Лев учит согласно с благочестием и истиною, Кирилл также учит». Некоторые епископы возбудили было некоторое сомнение относительно учения, содержавшегося в послании св. Льва; и тогда же решено было, по истечении пяти дней, *собраться у Анатолия, епископа Константинопольского*, чтобы рассудить с ним и разъяснить это. Если бы подобное решение предоставлено было легатам Римского епископа, то нет ни малейшего сомнения, что римские богословы вывели бы из него многочисленные следствия в пользу своей системы. Но легаты были призваны к Анатолию только для выяснения некоторых латинских слов, казавшиеся темными для тех, которые недоумевали; но и они, после объяснений легатов, подобно другим, согласились с посланием св. Льва.

Все происходившее на соборе по поводу этого послания яснейшим образом показывает, что оно было *одобрено не потому что истекало от епископа, обладавшего вселенскою властью, но потому что было согласно с традиционным учением*. Достаточно было бы пробежать соборные акты, чтобы найти в них многочисленные доказательства этого. Богословы римские замечают лишь следующие выражения: «Петр говорит устами Льва», как будто это выражение может иметь ультрамонтанский смысл, среди тысячи других восклицаний и вместе со множеством других заявлений, сообщавших им смысл, указанный нами.

Так как вообще много злоупотребляют почетными выражениями, встречающимися в соборных деяниях по адресу Римского епископа, то мы должны показать их подлинный смысл.

Св. Григорий Великий в своих письмах, писанных против титула *вселенского епископа*, принятого Иоанном постником, патриархом Константинопольским, говорит нам, что Халкидонский собор усвоил этот титул Римскому епископу. В самом деле, в

актах собора мы видим, что этот титул дан ему легатами. Первый из этих легатов в следующих выражениях подписался под исповеданием веры, после шестого заседания: «Пасхазин, епископ и викарий господина Льва, епископа вселенской церкви и города Рима, председателя собора, — постановляю, соглашаюсь и подписуюсь». Прочие легаты подписались почти в подобных же выражениях.

Уже на третьем заседании легаты, говоря о св. Льве, выражались: «Святой и блаженнейший папа Лев, глава вселенской церкви, украшенный достоинством апостола Петра, который служит основанием церкви и камнем веры и пр.»

В четвертом заседании легат Пасхазин тоже усвоил Льву титул *папы вселенской церкви*.

Отцы собора видели в этих выражениях лишь почетный титул, без сомнения, лестный для Римского епископа, и усвоенный с целью лучше очертить его первенство пред епископом Константинопольским, которого второй вселенский собор возвысил на вторую степень, и который, как епископ новой столицы империи, естественно должен был пользоваться в церковных делах преобладающим влиянием, по причине своих частых сношений с императорами. Итак, очень вероятно, что собор, имея в виду пощадить щекотливость Римского епископа, с этою целью усвоил ему титул *вселенского епископа*. Это же было средством побудить Рим к принятию двадцать восьмого правила, о котором мы говорили выше, и в котором разъяснялось правило второго вселенского собора касательно возвышения Константинопольского епископа на вторую степень в епископате. Но Римские епископы, если верить св. Григорию, их преемнику, смотрели на этот титул, как на *незаконный*.

В виду подобного заявления самих пап, можно ли усвоить какую либо важность словам легатов о св. Льве и пользоваться этими словами в доказательство *власти*, когда самое название ее было осуждено в Риме? Мы должны заметить еще, что собор, усвоив Римским епископам титул, косвенно показал этим, что папы не обладают своим правом в силу одного лишь своего достоинства и что титул имеет значение чисто *церковное*.

Что касается утверждения соборных деяний, то в этом отношении надобно обратить внимание на два предмета: именно собор утвердил догматическое послание св. Льва и отцы собора обращались к папе, равно как и к западной церкви, только с просьбой *присоединиться* к их решению. Лев отказался признать двадцать восьмое правило, как мы уже заметили, но это не помешало вселенскому признанию правила, как на Западе, так и на Востоке.

Итак, Римский епископ не созывал Халкидонского собора; он не председательствовал на нем *один* в лице своих легатов, которые занимали бы первое место только потому, что он был *первым епископом*, по определению канонов: он не утверждал собора; и

усвоенные ему *почетные* титулы ничего не доказывают в пользу вселенской и верховной власти, которую хотели бы приписать папству.

Представленные нами повествования не оставляют ни малейшего сомнения относительно того, как *повсюду* смотрели на власть Римских епископов в течении четвертого и пятого веков.

Но чтобы не оставить без ответа никаких утверждений римских богослов, мы исследуем *факты* и *тексты*, в которых они тоже думают находить доказательства в защиту своей системы.

Главные факты четвертого и пятого века, на которые они ссылаются, касаются св. Афанасия, Донатистов и св. Иоанна Златоустого. Представим же относительно этих фактов *положительные* данные истории.

Одним из следствий шестого правила Никейского собора было то, что Римскому епископу была предоставлена в церкви первая степень. В последующее время, *это церковное правило*¹ вошло в практику, т.е. Римского епископа надобно было *приглашать* на созываемые на Востоке соборы и *без его согласия нельзя было решать ничего*. Это правило было справедливым, ибо один лишь Восток, равно как и один Запад, еще не составляли *вселенскую* церковь; а Римский епископ представлял собою весь Запад в эпоху, когда западные земли были опустошаемы варварами, когда епископы не могли оставлять своих престолов, чтобы отправиться на Восток для принесения своих свидетельств в спорах, в которых их частные церкви совершенно не были заинтересованы. Именно на эту причину указывает Созомен², говоря: «Ни епископ города Рима и никакой другой епископ Италии, или более отдаленной провинции не заседали на этом соборе (Антиохийском), потому что Франки опустошали тогда Галлию».

Когда Павел Константинопольский и Афанасий Александрийский, преданные Никейской вере, подверглись преследованию и осуждению от восточных епископов, поддерживаемых императорскою властью, то естественно они должны были обратиться к церкви Западной и апеллировать именно к Римскому епископу, который был представителем Западной церкви. «Епископ города Рима, говорит Созомен³, и все западные епископы смотрели на низложение православных епископов, как на причиненную им несправедливость; потому что с самого начала они одобрили верование Никейского собора, и до этих пор оставались верными этому учению. Вот почему они с благоволением приняли прибывшего к ним Афанасия, и полагали, что имеют право обсуждать его дело. Евсевий (Никодимский) весьма скорбел об этом и писал по этому поводу к Юлию».

Этот Евсевий Никодимский был представителем восточных ариан, а епископ Римский был представителем Западных еписко-

¹ Сократ, *Церк. Ист.* кн. II, гл. XVII.

² Созомен, *Церк. Ист.*, кн. III, гл. VII.

³ Созомен, *Церк. Ист.* кн. III, гл. VII.

пов. Этим последним епископом был Юлий. Он принял на себя защиту преследуемых епископов, поддерживал их против восточных и, *пользуясь преимуществом своего престола*¹, признавал истинными епископами тех, коих ариане несправедливо низложили. Арианские епископы сошлись в Антиохии и обратились к Юлию с письмом, в котором с горестью говорили, что он не должен более вмешиваться в дела тех, которые изгнаны; что и они сами не занимались делами Новата, которого он изгнал из своей Церкви. Созомен² приводит частнейшие подробности этого письма. Он между прочим говорит нам, что восточные епископы писали: «Пусть церковь Римская есть церковь славная, потому что в ней жили апостолы; и пусть с самого начала она остается митрополиею благочестия, хотя учителя веры приходили к ней с Востока. Тем не менее им не кажется справедливым признать себя низшими, потому что они превосходят числом и величием всякую единичную Церковь и выше ее силою (*en vertu*) и усердием (*courage*)». Юлий не отвечает им, будто он есть глава церквей *по божественному праву*; но он напоминает вышеприведенное *церковное правило*, в силу которого папу должно *приглашать и советоваться с ним*. Созомен³ присовокупляет, что *это преимущество, вытекавшее из достоинства его престола, давало ему право заботиться о всех тех*, которые обращались к нему, с целью найти у него защиту от преследований арианской партии на Востоке; и что он возвращал каждому его Церковь.

Притязания Римского епископа не шли далее *церковных преимуществ*. Восточные же не хотели признать Юлия истолкователем (*interprète*) Западных церквей, как он с претензией заявлял это в своем ответе, обращенном к ним⁴. Вот почему епископы этой партии во вселенской Церкви были созваны, с целью решить вопрос, правы ли восточные или Римский епископ по делу о преследуемых епископах и преимущественно по делу о св. Афанасии. Такова была цель созвания собора Сардикийского⁵ (347).

Уже один этот факт может подтверждать, что вселенская власть Римского епископа не была признаваема, и что его *церковные преимущества* были подчинены соборному обсуждению.

Юлий писал Сардикийскому собору, *извиняясь* в том, что не может прибыть на собор, согласно с пригласительным письмом, адресованным к нему. Он послал двух священников и одного диакона для присутствия на нем; но в собрании председательствовал Осия, епископ Кордовский.

На соборе исследовали дело св. Афанасия и других епископов, низложенных арианской партией при помощи императорской власти. Их невинность и их православие были признаны, и они

¹ Сократ, *Цер. Ист.* кн. II, гл. XV.

² Созомен, *Церк. Ист.* кн. III, гл. VIII.

³ Созомен, *Церк. Ист.*, кн. III, гл. VIII.

⁴ Письмо Юлия к Восточным в апологии св. Афанасия, § 26.

⁵ Сократ, *Церк. Ист.*, кн. I, гл. XX.

были утверждены, как законные епископы, на своих престолах. Собор, созванный Юлием в Риме, уже высказал подобное же решение, но его нашли недостаточным. Другой собор Западных епископов, происходивший в Милане, просил императора Константа войти в соглашение со своим братом, жившим в Константинополе для созыва епископов обеих империй. И именно тогда оба императора созвали Сардикийский собор, на котором восточные должны были войти в соглашение с западными, с целью прекратить раздор. Арианские епископы, оказавшиеся в меньшинстве, восстали против цели собора, и не хотели присутствовать на нем; но собор, тем не менее, открыл свои заседания, под председательством Осии, епископа Кордовского.

Собор Сардикийский не был *созван* и не находился под *председательством* Римского епископа; Осия не был папским легатом, как бездоказательно говорят об этом римские богословы; и папские послы не пользовались на соборе никаким особенным почетом.

В своем послании к восточным, от имени собора Римского¹, Юлий порицает осуждение Афанасия и других епископов, преданных Никейской вере, — за то, что они не приняли во внимание установившийся *обычай*, по которому ничто не должно быть решено на Востоке без сношения с апостольским престолом на Западе: «Разве вы не знаете, говорит он им, что *обычай* требует, чтобы прежде было написано нам?»².

Сардикийский собор подтвердил *этот обычай* своим третьим правилом, которое предложено было Осиею в следующем виде: «Когда два епископа одной и той же провинции впадут в разногласие, то никто из них не должен искать посредничества епископа другой провинции. Когда же осужденный епископ до такой степени уверен в своей правоте, что пожелает снова судиться *на соборе*, то *почтим, если вы найдете это благом*, память св. апостола Петра: пусть желающие расследования дела напишут Юлию, епископу Рима и если он найдет благовременным возобновить суждение, то пусть назначит судей; а если найдет суждение не нужным, то пусть держатся того, что он прикажет».

Собор одобрил это предложение, а епископ Гавденций присовокупил (пр. 4), что во время апелляции не должно поставлять епископа на место низложенного, пока Римский епископ не обсудит дела. Так собор (пр. 5, 7 и дал.) урегулировал апелляции в Рим.

Римские богословы торжествуют в виду этих правил. Но достаточно внимательно прочитать правила, чтобы видеть, что правила эти совершенно противоположны их системе. В самом деле, собор, будучи далеким от признания за Римским епископом *все-ленской и божественной* власти, даже не узаконивает как общее требование установившегося обычая апеллировать к Римскому

¹ Афан. *Апология*, § 36.

² Афан. *Апология*, § 35.

престолу, как представителю Запада; он принимает во внимание лишь случайные *обстоятельства*. За исключением епископов больших престолов, преследуемых ариями, и дела которых должны были подвергнуться рассмотрению на соборах, существовало еще огромное число небольших епископов и священников на Востоке, делами которых не могла заниматься вся церковь¹. Вот именно этих-то епископов, для окончательного решения их дела, собор и направляет к Юлию, *епископу Римскому*. Их направляют не к Римскому епископу вообще, но к Юлию; из этой регламентации не делают *обязательства*; эти апелляции чисто произвольные (*facultativs*); наконец этим думают *почтить память святого Петра, предоставляя Римскому епископу* преимущество, которое признают новым и исключительным. Подобное решение не равносильно ли следующему формальному заявлению: законно папа не обладает никакими *правами* в церкви, даже в вопросах дисциплинарных и управления вообще? Если бы за папою признавали какие либо права, то решились ли бы *предоставить ему столь великую честь посредством усвоения* этого временного преимущества?

Собор объявил о своем решении многими окружными посланиями². В посланиях он касается подробно дела св. Афанасия и других православных епископов, преследуемых арианами и несправедливо лишенных ими своих престолов.

Богословы римские с преимущественною гордостью приводят то письмо, которое было написано к Римскому епископу, и приводят его ради следующих находящихся в нем слов:

«И ты, возлюбленный брат, удаленный от нас телом, пребываешь однако же с нами духом, находясь в любви и согласии с нами. *Извинение*, представленное тобою относительно того, что не мог присутствовать с нами на соборе, основательно и утверждается на необходимости; потому что еретичествоующие волки, во время твоего отсутствия, могли бы совершать похищения и устроить козни; еретичествоующие псы могли бы лаять и при своей безумной ярости могли бы причинять опустошения; наконец, адский змей мог бы пролить яд своих богохульств. Было бы хорошо и очень благовременно соединить всех епископов из всех провинций в столице, то есть, у престола Петра; но все совершенное нами вы узнаете из писем; и наши братья во священстве, Архидам и Поликсен, и сын наш диакон Лев известят вас обо всем живым голосом».

Мы перевели слово *caput* словом столица, и мы полагаем, что именно этот смысл слова имелся в виду собором; потому что слово это противопоставляется слову *провинции* в одной и той же фразе. Итак, по мнению собора, хорошо было бы чтобы собор происходил в Риме, как этого желал Юлий; и хорошо было бы по двум причинам: этот город (т.е. Рим) был столицею империи и

¹ См. письмо Юлия к восточным в *Апологии* св. Афанасия

² Афан. *Апология против ариан*: Илл. Поатьер, *Fragement*; Феодор., *Церк. История*.

в то же время престолом св. Петра. Римские богословы переводят слово *capit* словом *глава*; но дело их от этого ничего не выигрывает; ибо слово это в одно и то же время означает и *главу и первого в порядке иерархическом*. Но пусть Римский епископ будет *главою* церкви во имя первенства и как занимающий *наивысший престол*, никто этого не отвергает; пусть он будет и первым в иерархическом порядке, установленном церковью, весь мир согласен с этим. Итак, очень мало рациональный перевод текста собора Сардикийского ни к чему не служит и не может подтверждать систему, которой он решительно не может благоприятствовать.

Люди, старающиеся извлечь столь великую выгоду из слова употребленного собором Сардикийским, проходят однако же молчанием факты, которые с очевидностью вытекают из самых деяний этого святого собрания, то есть, что *собор был созван Константином и Констанцием*, как утверждает это и сам собор, и все историки; что он был созван для исследования решения, высказанного папою на соборе Римском; что собор находился под председательством Осии, а не легатов¹; и наконец, вместо того, чтобы получать утверждение от папы, сам собор утверждает папское решение и присваивает ему некоторые церковные преимущества².

Эти неопровержимые факты говорят относительно папского авторитета громче, чем *одно слово, дурно истолкованное*; они сообщают апелляции св. Афанасия истинный характер. Приведем теперь факты о Донатистах.

Мы не станем подробно излагать причин этого раскола, который так долго опустошал церковь Африканскую. Из разнообразных фактов, сплетавшихся с этим событием, надобно только заключить, что как со стороны раскольников, так и со стороны православных, за епископатом признавали власть решения вопросов, разделявших церковь. Отсюда возникали многочисленные соборы, которые были созываемы и тою и другою стороною, и которые взаимно осуждали друг друга. Константин, немедленно по восшествии своем на престол, писал Келестину, епископу Карфагенскому, предлагая ему деньги и покровительство своих наместников для приведения раскольников к благоразумию. Раскольники старались оправдаться пред этим государем, заявляя, что осудившие их епископы были судьями противоположной им партии, и просили императора дать им в судьи Гальских епископов, находившихся тогда среди них. Этот государь согласился с этим и назначил трех самых ученых и самых выдающихся епископов в эту эпоху: Матерна Кельнского, Ретика Отюнского и

¹ Чтобы доказать этот факт, достаточно привести первую строку соборных подписей: «Осия, Испанский; Юлий, Римский, чрез священников Архидама и Поликсена и пр.» (св. Афан., *Апология против ариан*, § 50).

² Св. Афан. *Апология против ариан и История ариан для монахов; Церк. Ист.* Сократа, Созомена и Феодорита. *Акты Собор. собр.* P. Labbe.

Марина Арльского; он послал их в Рим для соединения с Мильтиадом, епископом этого города, и с Марком¹, с целью узнать разноречивые расположения Цецилиана и его противников. Евсевий сохранил нам письмо Константина, писанное по этому поводу к Римскому епископу и к Марку. Мы приведем это письмо, равно как и извлечение из прошения Донатистов к Константину. Эти два отрывка определяют характер апелляции Донатистов и докажут, что римские богословы не имеют права ссылаться на них в подтверждение своих мнений.

Вот прежде всего отрывок прошения Донатистов, сохранный нам Оптатом Милевским².

«Мы просим тебя, о Константин, превосходный император, происходящий из правдолюбивой фамилии, ибо твой отец не был гонителем, подобно своим соправителям; а это и предохранило Галлию от преступления, составляющего предмет разногласий в Африке³. Пусть твое благочестие дарует нам судий, которые происходили бы из Галлии!»

Вследствие этого прошения, Константин избрал трех гальских епископов, о которых мы говорили и к ним присоединил Римского епископа и Марка для исследования дела и произнесения их суждения. Константин так писал двум римским судьям⁴:

«Константин, август, Мильтиаду, епископу города Рима, и Марку⁵.

¹ Ученые вообще соглашаются, что этот Марк был влиятельным священником и сделался Римским епископом после Сильвестра.

² Св. Оптат, кн. 1, против Пармена.

³ Донатисты говорят здесь о преступлении выдачи Св. Писания во время гонений.

⁴ Евсевий, *Церк. Ист.*, кн. X, гл. V.

⁵ Этот Марк много затруднял римских богословов. Если бы он не был поименован вместе с Римским епископом, то легче было бы сделать из этого последнего *верховного* судью, к которому присоединили трех гальских епископов для простого удобства и для отнятия у Донатистов предлога воспротивиться решению. Но одного имени этого Марка достаточно, чтобы сделать не возможным это соображение. Бароний так был убежден в этом, что попытался доказывать, что в данном месте существует ошибка переписчика; он предлагает заменить слова καὶ Μάρκῳ словом: ἱερόβρχῳ. Но при этом возникают многие неудобства, не говоря уже о том, что искажается текст Евсевия: первое неудобство то, что *иерарх* означает *епископа* и при этом Мильтиад уже назван Константином: *епископом Рима*; для чего он *два раза* усвоит ему одно и тоже качество в надписи над своим письмом? Второе неудобство то, что слово ἱερόβρχῳ в смысле *епископа* не было еще в употреблении в четвертом веке. Вообще ученые именно эти соображения противопоставляют Баронию, замечая кроме того, что все рукописи содержат в себе слова: καὶ Μάρκῳ. Надобно ли искажать текст и вносить в него нелепое слово, чтобы доставить удовольствие римским богословам? Цель не оправдывает поступка.

«Получивши от светлейшего Анцелина, проконсула Африки, донесения, содержащие множество обвинений, направленных против Цецилиана, епископа Карфагенского, некоторыми его со товарищами, мы были опечалены тем, что в этих провинциях, подчиненных божественным Провидением нашему управлению, без особенной надобности вмешиваться в их дела, и народонаселение коих столь значительно, — народ разделился на две партии, и епископы не согласны между собою. Мне благоугодно, чтобы Цецилиан, вместе с десятью епископами обвиняющими его, и с другими десятью, признаваемыми им необходимыми для защиты, приплыли в Рим: дабы там, *пред вами* (ὑμῶν) и пред Ретиком, Матерном и Марином, *вашими со товарищами*, коим по этой причине я приказал прибыть в Рим, он мог быть выслушан, как этого требует, согласно с вашим разумением, святейший закон. Но дабы вы имели совершенное понимание дела, я послал к *вышепоименованным вашим со товарищам* копии с документов, присланных мне Анцелином. Пусть же Ваша Степенность, прочитавши их, решит, каким образом надобно судить об этом раздоре и законно прекратить его. Вы не можете не знать, что мое почитание святейшей католической Церкви побуждает меня желать, чтобы всякий раскол, равно как и всякий раздор, был прекращен среди вас.

«Да хранит вас, возлюбленный, божественная сила на многие лета».

Из приведенных фактов надобно заключить, что Донатисты апеллировали не в Рим, а к императору; что они просили посредничества не Римского епископа, а епископов Гальских; что именно император своею собственною властью присоединил епископа Римского и *Марка* к трем, избранным им Гальским епископам. Во всем этом можно ли видеть хотя бы некоторую тень доказательства в пользу верховного авторитета Римского епископа? Имеет ли какую-либо важность избрание места? Очевидно, нет; ибо само собою понятно, что Константин указал на город Рим, куда из Африки или Галлии можно было прибыть с наибольшею легкостью; этот же выбор объясняет, почему он присоединяет Мильтиада и Марка к судьям, испрашиваемым Донатистами. Не удобно было посылать в Рим епископов для суда по церковному делу, без участия тех, которые стояли во главе Римской церкви. Итак, понятно, почему Константин назначил Мильтиада и Марка судьями по делу Донатистов, хотя их участие не было испрашиваемо.

Пятнадцать других италианских епископов тоже прибыли в Рим по этому делу. Собор высказался в пользу Цецилиана. Так как Римский епископ присоединился к этой партии, то решение по необходимости надобно было бы признать окончательным, если бы за этим епископом признавали верховный авторитет. Но не так было. Донатисты жаловались, что гальские епископы, которых они испросили себе в судьи, были в очень незначительном числе в Риме, и требовали собора более многочисленного, на котором исследовали бы их дело с большею тщательностью.

И вот Константин созвал собор в Арле. Он пригласил на него большое число епископов из различных стран своей империи, то есть из Западной, потому что он владел тогда только эту часть римской империи. Евсевий сохранил нам письмо, обращенное к епископу Сиракузскому, с приглашением прибыть в Арль¹. Это письмо имеет важное значение в том отношении, что подтверждает, что суждение, высказанное в Риме, не было признаваемо неотменяемым, и что именно император созвал собор в Арле. Наконец отцы собора сами свидетельствуют об этом в письме, адресованном к Римскому епископу. Этим епископом был тогда Сильвестр, бывший преемником Мильтиада. Он послал в Арль, в качестве легатов, священников Клавдиана и Вита (или Витона) и диаконов Евгения и Кириака. Собор происходил в 315 году, за двадцать лет раньше вселенского Никейского собора. На нем председательствовал Марин Аральский. Утвердивши решение собора Римского, епископы нашли благопотребным сделать многие постановления, посланные ими Сильвестру, при следующем письме:

«Марин и пр. и пр., возлюбленному папе Сильвестру желает о Господе вечного спасения.

«Соединенные связями взаимной любви и пребывая в единстве с матерью нашею кафолическою Церковью, из города Арля, где нас собрал благочестивейший император, — мы приветствуем вас, славнейший отец, со всем подобающим вам уважением.

«Мы имели дело с людьми необузданными и весьма враждебными к нашему закону и преданию, но благодаря силе Господа, *присутствовавшего среди нас, преданию и правилу истины*, они приведены в смущение, доведены до молчания и невозможности продолжать свои обвинения и доказывать их; вот почему, *согласно с судом Божиим и Церкви*, которая знает своих, они осуждены.

«О, если бы Богу благоугодно было, чтобы вы, *возлюбленный брат*, удостоили своим присутствием это зрелище! Думаем, что осуждение, изнесенное против них, было бы еще более тяжким. И если бы вы судили вместе с нами, то мы испытывали бы величайшую радость. Но вы не могли оставить тех мест, где апостолы не перестают председательствовать и где кров их возносит непрерывное свидетельство во славу Божию.

«Возлюбленный брат, мы полагали, что обязаны заниматься только делом, для которого были призваны, но в виду общих надобностей наших провинций посылаем вам наши постановления, дабы вы, *обладающие величайшим авторитетом*, сообщили их во всеобщее сведение».

На Западе вообще предполагают, что этими последними словами Арльский собор признает вселенский авторитет Римской церкви. Но при этом недостаточно принимают в соображение, что этот

¹ Евсевий, *loc. cit.*; Опат, кн. 1-я; письма бл. Августина, *passim*; *Собр. Собор. P. Labbe*; *Собр. Галь. Собор. P. Сирмонда*.

собор происходит вне всякой деятельности этого епископа, что епископ этот не председательствовал на соборе; что отцы, в своем письме, вовсе не упоминают об его авторитете в числе мотивов, по которым осудили Донатистов; что они не просят его одобрения или утверждения для провозглашения своих дисциплинарных постановлений; что они только сообщают ему о них, дабы он, обладающий наибольшим авторитетом в качестве Западного епископа *апостольского престола*, мог сообщить их всем.

Все это единственно доказывает лишь то, что Римский епископ был признаваем на западе первым, по причине *апостольской* власти и достоинства своего престола; что таким образом он был естественным посредником между Западом и *апостольскими престолами* Востока. Преувеличивают значение слов Арльского собора, чтобы видеть в них нечто другое. Но достаточно заметить, что этот собор, созванный вне влияния Римского епископа, действует независимо; что он утверждает решение Римского собора, находившегося под председательством папы. Все это приводит к уверенности, что папский авторитет, каким его считают теперь на Западе, не был тогда известен.

Итак, напрасно римские богословы ссылаются на апелляцию Донатистов, будто бы благоприятствующую папским притязаниям.

Обратим теперь внимание на дело св. Иоанна Златоустого.

Этот великий Константинопольский епископ навлек на себя ненависть императрицы Евдоксии, многих епископов и других церковнослужителей по причине своей твердости в проведении правил более строгой дисциплины¹. Его враги нашли защиту у Феофила, епископа Александрийского. Этот епископ осудил, как последователей Оригена, простых монахов. Последние прибыли в Константинополь, домогаясь правосудия и защиты от него. Таким образом возник пресловутый вопрос об оригенизме. Златоуст не считал полезным подвергать вопрос исследованию. Но Евдоксия, занимавшаяся богословскими вопросами более, чем это прилично было женщине, приняла сторону монахов против Феофила, который получил приказание прибыть в Константинополь. Его еще не было в Константинополе, когда Златоуст навлек на себя ненависть императрицы, которая тогда же решила воспользоваться услужливостью Феофила для отмщения этому великому человеку, не умевшему рабски подчиняться ее капризам. Вскоре Феофил, призванный в Константинополь в качестве виновного, занял положение судьбы в отношении к невинному архиепископу, который из уважения к канонам, отказался судить его самого. Феофил вошел в соглашение с некоторыми придворными епископами и подкупил некоторых священнослужителей деньгами и обещаниями. Поддер-

¹ Анализируемые нами факты основываются на авторитете *Палладия*, историка и ученика Иоанна Златоустого; на *церк. Историях* Сократа, Созомена и Феодорита; на *творениях св. Иоанна Златоустого*; и на официальных документах, находящихся частью у *Борония*, а частью в *Собрании Соборов* P. Labbe.

живаемый двором, он соединился с тридцатью пятью другими епископами, в местности известной под именем Хен, близ Халкидона (403). Эти епископы в одно и то же время были обвинителями, свидетелями и судьями. Но они не осмеливались заседать в Константинополе, дабы не обнаружить в ясном свете своих клевет, и из боязни преданного Златоусту народа, который почитал своего пастыря. В числе тридцати пяти епископов двадцать девять были из Египта. Между тем, как враги Златоуста соединились в Хене, верные епископы, в числе сорока, стеклись к нему самому, так как были призваны императором для суда над Феофилом. Златоуст еще вел переговоры с этими епископами, как два посланные Хенским собором прибыли к нему и потребовали, чтобы Златоуст явился на суд. Святой епископ отказался признать судьями своих врагов.

Тем не менее эти последние продолжали требовать его низложения и писали императору, что он обязан изгнать его и даже наказать, как виновного в оскорблении величества, так как он нападал на императрицу в своих проповедях. Это значило требовать его смерти. Весь народ восстал против Хенского собора в защиту Златоуста, который и сам не хотел оставить города без принуждения силою. Тогда император приказал одному князю изгнать его, хотя бы то даже при посредстве насилия. Святой воспользовался одним моментом, когда его преданные чада охраняли его с меньшею бдительностью, вышел из дома и отдался солдатам, обязанным арестовать его. Его поместили в тайном месте до вечера. Но несмотря на эту предосторожность, народ узнал, что у него похитили его пастыря. С воплем за ним последовала огромная толпа народа. Златоуст был посажен на судно еще до рассвета, и затем его высадили на другой берег Вифинии.

Эта великая несправедливость вызвала всеобщий ропот. Многие враги святого распространяли клеветы о нем; но народ осаждал церкви и наполнял их своими воплями. Но вот случившееся в то время страшное землетрясение наполнило ужасом Евдоксию. Она приписала это своим неправдам и поспешила возвратить Златоуста. Народ встретил святителя с торжеством, а его враги скрылись или разбежались. Златоуст потребовал собора для оправдания. Но Феофил, опасаясь очутиться в присутствии неподкупных судей, ушел в Египет. Евдоксия же, пришедшая в себя от прежнего ужаса, снова начала свои неправды против Златоуста, который с апостольскою свободою восставал против нее в своих проповедях. Феофилу написали возвратиться, чтобы продолжать интриги Хенского собора. Но Александрийский епископ ограничился лишь посланием издали коварных советов. Созван был новый собор. Сорок два епископа высказались за святого. Другие же, под давлением двора, признали законным определение о низложении Златоуста Хенским собором и объявили, что Златоуст, будучи низло-

жен собором и взошедши на свой престол без восстановления другим собором, виновен в этом и заслуживает низложения. Уже тотчас после своего возвращения в Константинополь, Златоуст просил созвания собора. Император обещал ему это. Но Евдоксия настояла на противоположных распоряжениях; ибо она желала не правильного собора, а собрания составленного из врагов св. архиепископа. Она достигла своих целей, и Златоуст был осужден за то, что занял престол, не будучи восстановлен собором, хотя самое созвание собора было невозможно для него.

Последовали новые преследования за этим несправедливым решением. Все это случилось тогда, когда Златоуст обратился на Запад, в лице епископов самых больших престолов, с повествованием о насилиях и несправедливостях, коих он был объектом. Целью его письма было предупредить западных епископов против клеветы, которую враги его могли распространить даже среди западных епископов, и просить их о сохранении их любви и общения. Он отправил свое письмо к епископу Римскому, коим был тогда Иннокентий (404), к Венерию Миланскому и к Хромацию Аквилейскому. Одного этого факта бесспорно достаточно для доказательства, что Златоуст не обращался к папе, как к властному главе над всею церковью. В своем письме он прибавлял, что готов защищаться, но в том лишь случае, если бы его враги захотели подчиниться правильному ведению дела; а это еще раз доказывает, что Златоуст не переносил своего дела в Рим, как к верховному трибуналу.

Естественно было то, что епископ Константинопольский, преследуемый на Востоке недостойными епископами и императорскою властью, искал защиты в церкви Западной. Епископы, высказавшиеся в пользу Златоуста, и Константинопольский народ тоже писали к церкви Западной; их письма были принесены четырьмя епископами и двумя диаконами. Все они предполагали, что Феофил Александрийский будет стараться обмануть западных епископов; и они не ошиблись в этом. В самом деле, посланный Феофилом прибыл в Рим за несколько дней пред появлением Константинопольских депутатов и вручил Иннокентию письмо, в котором, не входя ни в какие подробности, Александрийский епископ говорил, что он низложил Златоуста. Спустя несколько дней он прислал в Рим и деяния Хенского соборика. Иннокентий объявил, что он останется в общении с Златоустом и Феофилом, пока собор, составленный из епископов западных и восточных, не рассмотрит этого дела канонически. Вследствие этого Иннокентий просил западного императора войти в соглашение с братом своим Аркадием, императором Восточным, чтобы созван был собор; но Константинопольский двор хотел мстить Златоусту, а не судить его законным образом. Вот почему св. Архиепископ, после недостойного обращения с ним, был снова изгнан. Вместо его на епископский престол взошел Арза-

кий, без всяких канонических формальностей. Арзакий помер в следующем году и был замещен Аттиком, тоже без канонической правильности постановления.

Эти новые преследования не охладили однако же ревности друзей св. Златоуста. Многие ушли в Рим и доставили Иннокентию письма тех из клириков и константинопольского народа которые остались верными своему епископу. Утешая их и подерживая их надежду, Иннокентий отвечал им, что Бог скоро защитит их посредством вселенского собора, о созвании которого он старается.

Златоуст и его друзья требовали законного собора и Иннокентий, будучи далеким от присвоения себе права окончить дело собственною властью, тоже возлагает всю свою надежду на собор.

Эти факты сами собою говорят достаточно громко и освобождают нас от дальнейших расследований.

Другие западные епископы держались тех же мнений. В частности, епископ Аквилейский присоединил свои усилия к усилиям Иннокентия, чтобы побудить Гонория созвать собор на Западе, с целью найти средство покончить с делом, которое занимало их в такой сильной степени. По распоряжению Гонория, италийские епископы собрались и объявили ему, что, по их мнению, должен быть созван вселенский собор в Фессалониках, куда восточные и западные епископы могли бы прибыть с одинаковым удобством; что подобный собор необходим для прекращения раздора и постановления окончательного решения. Они просили его написать об этом Аркадию. Гонорий написал Иннокентию о высылке пяти епископов, двух священников и одного диакона, которые должны были доставить его письмо к брату. Это было третье письмо, адресованное к нему по одному и тому же предмету.

В виду затруднений, указанных Аркадием в деле созвания собора, вот представился Римскому папе прекрасный случай самому решить вопрос, в силу верховного авторитета, если бы он обладал подобным авторитетом. Но ни Златоуст, ни его восточные друзья, ни западные епископы, ни сам папа и не помышляют об этом средстве, которое было неизвестно им. Все они довольствуются испрашиванием у императоров собора, который один мог произнести окончательное решение.

Депутаты, принесшие письмо Гонория, были снабжены еще многими другими письмами: Иннокентия Римского, Хромация Аквилейского, Венерия Миланского и многих других италийских епископов. Кроме того, они были снабжены инструкцией, требовавшей, чтобы Златоуст предварительно был восстановлен на своем престоле и принят в общение со всеми восточными епископами, прежде появления пред вселенским собором, где его дело должно быть закончено.

Аркадий не только не позволил депутатам высадиться в Константинополе, но и отослал их во Фракию, где с ними обраща-

лись, как с пленниками. У них силою отняли письма, которые они несли с собою, и самих их посадили на гнилое судно для возвращения на Запад. Четыре восточных епископа, сопутствовавшие им, были избиты и сосланы на границы империи. В то же время множество восточных епископов подверглись суровому обращению и Аркадий организовал тогда настоящее гонение против всех, которые остались верными Златоусту.

Паладий рассказывает, что Римская церковь и Западный собор приняли тогда же решение не быть в общении с Атиком и Феофилом, пока Бог не укажет средства созвать вселенский собор. Феофорит тоже сообщает, что *европейские епископы* поступили подобным же образом. Некоторые восточные епископы тоже держались этого правила; но другие церкви, и в частности, Африканская, не уклонялись от общения с врагами Златоуста, хотя были сторонниками этого святого патриарха и продолжали надеяться, что ему окажут справедливость.

Дела были в таком положении, когда св. Иоанн Златоуст умер. Из глубины своего изгнания и за несколько времени до оставления этого мира, он писал Иннокентию и благодарил его за ревность, которую он проявил в его деле. Почти подобные же письма он писал епископу Миланскому и другим епископам, которые открыто заявили себя его сторонниками.

После его смерти весь Восток оказал справедливость великому архиепископу Константинопольскому и признал его святым; а это и восстановило общительные сношения между Востоком и Западом.

Таков точный анализ фактов относительно дел св. Златоуста. Из них следует, что святой вовсе не апеллировал в Рим; что в Церкви западной он искал лишь защиты против своих восточных врагов; что западные епископы действовали *коллективно* при обсуждении его дела; что за собором они признавали только власть произнесения окончательного решения; что они приписывали себе только право отделяться от общения с теми, которых признавали соучастниками в несправедливости; наконец, что римский епископ Иннокентий во всех этих разногласиях не поступал с большей властью, чем епископ Миланский, или епископ Аквилейский.

Из подобных фактов не вытекает ли с очевидностью, что дело св. Иоанна Златоустого не только не представляет доказательств в пользу верховного папского авторитета, но и доказывает противное?

Некоторые римские богословы утверждали, вопреки всем историческим документам, будто Златоуст обращался в Рим для кассации при посредстве папской власти постановлений соборов, созданных против него; но на это мы заметим только, что по словам самого Златоуста, он обратился с своим протестом не к Римскому епископу только, но и к другим епископам: «Это же письмо, говорит он, я адресовал к Венерии, епископу Миланскому, и Хромацию, епископу Аквилейскому».

В своих письмах вот чего он просил от своих западных сослуживцев:

«Итак, я прошу вас написать письма, в которых вы объявите ничтожным все, что было сделано против меня, и продолжите общение со мною, как это было до сих пор; ибо я осужден не будучи выслушан и *готов оправдаться пред трибуналом беспристрастным (non suspect)*».

Какой же это трибунал, к которому он апеллирует? Римский епископ утверждает, что нет другого трибунала, кроме собора; в самом деле, в своем письме к клиру и народу Константинопольскому он выражается следующим образом: «Письмо, доставленное мне от вас священником Германом и диаконом Кассианом, уведомило меня о ваших огорчениях и об испытании, которому подвергается вера среди вас. *Это есть зло, против которого нет другого лекарства, кроме терпения...* Я вывожу из ваших слов то необходимое для меня утешение, что *любовь обязывает меня принять участие в вашей скорби...* Сгоняют невинных епископов с их престолов. Иоанн наш брат и наш *сослуживец*, первый подвергся этому насилию, не будучи выслушан, и мы даже не знаем, в чем собственно его обвиняют. Что же касается канонов, то заявляем, что, за исключением канонов, постановленных на Никейском соборе, нет других, которые должны быть признаваемы. Однако какое же врачевство можно противопоставить столь великому злу? *Нет другого за исключением собора...* Пока мы не достигнем созвания собора, самым лучшим будет ожидать от воли Божией и Господа нашего Иисуса Христа врачевания удручающих нас зол... Мы постоянно помышляем о средствах созвания всеобщего собора, где все волнения могли бы быть умиротворены согласно с волею Божией. Будем же ожидать этого, закрывшись щитом терпения».

Мы могли бы привести еще больше подобных выдержек, но для чего, когда все факты показывают ложность утверждения известных римских писателей?

Теперь, с помощью учительных текстов, перейдем к исследованию того, каково было учение отцов четвертого и пятого веков о власти Римских епископов.

Предаваясь, без предвзятых мыслей и предубеждений, глубокому сравнительному изучению исторических и догматических памятников первых веков Церкви, нельзя читать произведений римских богословов в доказательство папского авторитета, не испытывая тяжелого чувства. Мы имели терпение прочитать наибольшую часть этих трудов, признаваемых авторитетными, каковы труды Беллярмина, Рокаберти, Андрея Дювала, Заккариа и многих наиболее уважаемых современных богословов, следовавших по их стопам, каковы: Жердиль, Перроне, Пассалья. Мы прочитали главнейшие сочинения новых галликанцев, то есть семнадцатого и восемнадцатого века; и в частности, сочинения Боссюэта, Николя, Турнели, Ла-Шамбра. Мы убедились, что эти послед-

ние заимствовали у ультрамонтан их тексты, кажущиеся наиболее сильными, но сузили смысл первенства по божественному праву и ограничили папскую власть; между тем, как другие расширяли этот смысл до власти абсолютной и до непогрешимости. У всех у них мы заметили: 1) множество текстов отрывочных, искаженных, лишенных подлинного смысла, совершенно изолированные от контекста, чтобы сообщить им ложное толкование. Мы заметили: 2) что тексты одного какого-либо отца, в частности, изолированы от других текстов того же отца относительно того же самого пункта учения, хотя последние тексты видоизменяют или совершенно устраняют смысл приписываемый первым. Мы заметили: 3) что эти писатели выводят из текстов следствия очевидно ложные и не вытекающие из них логически. Представим два примера из множества других, которые мы могли бы привести.

Доктор Лонуа, как мы сказали, сосчитал католическое предание применительно к толкованию евангельского текста: *Ты еси Петр и пр.* Он нашел только семнадцать отцов или церковных учителей, которые относили слово *камень* к св. Петру; и указал более сорока, которые понимали под этим словом исповедание веры, высказанное св. Петром, то есть божество Иисуса Христа. Ультрамонтане не могут оспаривать этого; но они утверждают, что полагая в основание Церкви *веру Петра*, Господь по необходимости усвоил этому апостолу не только неизменную веру (*indefectible*), но и непогрешимость, то есть такую привилегию, которая перешла к его преемникам.

Но все отцы Церкви, приводимые в пользу второго толкования, разумели под исповеданием св. Петра только *верование*, высказанное апостолом, его *объективную* веру или предмет этой веры, а не веру *субъективную*, или личную преданность (*adhésion*), которую он заявил при этом. Исповеданную св. Петром веру в божество Иисуса Христа, Отцы, о которых мы говорим, разумели под текстом *ты еси Петр* и пр. в том смысле, что божество Иисуса Христа есть скала, на которой покоится вся церковь. Все выражаются в этом смысле *самым ясным образом*. Никто из них не говорит о каком либо преимуществе, усвоенном лично одному св. Петру; тем более они не говорят о преимуществе, которое по наследству перешло к Римским епископам, как его преемникам. Если бы даже св. Петр получил какое-либо преимущество от Иисуса Христа, то еще надобно было бы доказать, что это преимущество было *личным*; но ультрамонтане обходят этот вопрос с крайнею легкостью. *Они утверждают*, что преимущества, усвоенные св. Петру, принадлежат его преемникам; они подтверждают эти преимущества текстами, которые не говорят о них ничего; они утверждают, на основании ложно приводимых текстов, что римские епископы суть единственные преемники св. Петра, потому что этот апостол умер епископом в Риме.

То, что они говорят по поводу этого последнего пункта, служит вторым примером, который мы хотим привести в доказатель-

ство их ложных суждений. Чтобы доказать свой вывод, они преимущественно ссылаются на св. Иринея, Тертуллиана и Евсевия.

Но Евсевий выражается следующим образом (*Церк. Ист.* кн. III, гл. II): «После мученической кончины *Павла и Петра*, Лин был *первым*, получившим епископство Римской Церкви». (Кн. III, гл. IV): «Климент был *третьим епископом* Рима». (Кн. III, гл. XV): «Анаклет (или Клет), будучи епископом двенадцать лет, имел учеником своим Климента». (Кн. IV, гл. I): «После того как Эварист был восемь лет епископом, епископство принял Александр, будучи таким образом *пятым по порядку* преемником *Петра и Павла*». Итак, для Евсевия безразлично помещать Павла прежде Петра или Петра прежде Павла, когда дело идет об *основании* Римской Церкви; *епископы* суть преемники столько же первого, как и второго апостола, и ни тот, ни другой апостол не считаются в числе *епископов* Рима. Св. Иринея не говорит, будто Петр был римским епископом, напротив, он даже неопровержимым образом утверждает противоположное. В самом деле, он выражается следующим образом¹: «Блаженные апостолы (Петр и Павел), основывая и организуя Римскую Церковь, *дали епископство и заботу управления Лину*. Анаклет преемствовал Лину; за Анаклетом, Климент был *третьим* после апостолов, несшим обязанности епископства».

Свв. Петр и Павел *основывают и организуют* Римскую церковь; но именно Лин был поставлен *первым епископом* даже при жизни *апостолов*. И надобно заметить, что святой Учитель ставляет св. Павла на одинаковой степени с св. Петром. Если на приведенном тексте хотят обосновать *епископство* св. Петра в Риме, то на том же тексте равным образом надобно обосновать и епископство св. Павла; таким образом, Рим будет иметь двух апостолов-епископов в одно и то же время.

Тертуллиан исчисляет Римских епископов в том же порядке, как и св. Иринея, и указывает на Лина, как на первого, а на Анаклета, как на второго епископа². Он даже возводит относительно Рима преемство от Петра чрез рукоположение только к Клименту, третьему епископу этого города: «Пусть те, говорит он, которые тщеславятся происхождением от апостольских времен докажут преемством своих епископства, что они ведут свое начало от апостола или от апостольского мужа, как церковь Смирнская показывает, что Поликарп был рукоположен Иоанном, или как церковь Римская показывает, что Климент был рукоположен Петром»³. Отсюда можно заключать, что Лин и Анаклет были рукоположены св. Павлом, который *организовал* Римскую церковь прежде Петра.

Когда Тертуллиан говорит, что св. Петр воссел (*assis*) на *Римской кафедре*, то он хочет сказать лишь то, что он учил

¹ Св. Ирин. *Против ерес*, кн. III, гл. 3.

² Тертул. *Прот. Маркиана*, кн. IV.

³ Тертул. *О давности*, гл. XXXII.

здесь, ибо в сочинениях отцов слово *кафедра* есть синоним слова *учение*. Иначе он признал бы Липа *вторым* Римским епископом, а не *первым*.

Таким образом, свидетельства, приводимые римскими богословами в доказательство епископствования св. Петра в Риме, идут против них и устанавливают только, что св. Петр и св. Павел *основали* Римскую церковь, и следовательно, что эта церковь *по своему началу есть апостольская*; но этого никто не оспаривает.

Кроме этих *исторических* свидетельств, опровергающих римских богословов, они ссылаются еще на письмо Фирмилиана, которое мы привели выше, и на некоторые тексты св. Киприана, истинный смысл которых мы тоже установили выше. Что касается письма Фирмилиана, то его достаточно прочесть, чтобы понять его смысл и подивиться тому, как римские богословы осмеливаются ссылаться на него в подтверждение своих мнений. Что же касается св. Киприана, то мы кратко изложим его учение в общих чертах, чтобы с очевидностью доказать их злоупотребление его учением.

Св. Киприан¹ устанавливает: 1) что Римская церковь основана на Петре, для образного изображения и представления единства церкви; 2) что Римская церковь есть кафедра Петра; 3) что Римская церковь есть главная церковь, откуда возшло священническое единство; 3) что вероломство и заблуждение не могут иметь доступа (*access*) к Римской церкви.

Отсюда римские богословы заключают, что папы, преемники св. Петра, суть центр единства, и что вне их или вне их церкви, существует только *схизма*.

Но не таковы подлинные выводы из учения св. Киприана, ибо св. Учитель указывает также другие начала, ясно ограничивающие смысл первых, именно: 1) св. Петр, высказавши исповедание божества Иисуса Христа, отвечал за всех апостолов, говорил от имени *всех*, а не от одного своего лица; 2) другие апостолы были равны св. Петру по власти и достоинству; 3) все епископы, преемники апостолов, суть преемники и св. Петра по тому же праву, как и епископы Рима.

Что св. Петр отвечал Иисусу Христу от имени своих товарищей, то это потому, что вопрос был обращен столько же к ним, как и к нему. Св. Киприан утверждает это положительно: «Петр, на котором церковь была создана Господом, говорил *один* за всех и отвечал *голосом церкви*». Если же в вопросе Иисуса Христа и в ответе Петра, личность этого апостола *не имела никакого значения*, то можно ли говорить, что *его личность* составляет фундамент Церкви? Очевидно, что *все апостолы* служат такими же *фундаментами* таинственного здания, как неопровержимо утверждает это св. Писание и как мы доказали это выше. Итак, когда Петр отвечал *один*, то он был

90 | ¹ Св. Киприан, *О един. церкви*; письмо 27, 55, 59, 75.

только *символом* единства, которое должно царствовать среди апостолов и следовательно, и среди епископов. Но из того, что он был *символом* или *образцом* (figure), следует ли, что он был *источником, началом*, так что вне его, единство не существует? И даже если бы он был этим источником или началом, то римский епископ унаследовал ли это преимущество? Св. Киприан был так далек от этого мнения, что согласно с Фирмилианом упрекает Стефана, Римского епископа, в нарушении единства, в поставлении себя вне этого единства, в отделении от общения с теми, которые не разделяли мнений относительно перекрещенцев. Дело идет не о том, чтобы знать, был ли Стефан прав или не прав, но чтобы показать, как св. Киприан смотрел на свой спор. Но будучи далеким от того, чтобы признавать себя обязанным находиться в *единении* со Стефаном, чтобы таким образом оставаться в церковном единстве, он утверждает, что Стефан сам отлучает себя от этого единства. После этого можно ли доказывать, что св. Киприан признает римского епископа *началом и источником* церковного единства? Он не усваивает этого преимущества даже личности св. Петра. Он видит в нем только *символ* этого единства, всецело пребывающего в *апостольстве*, как оно должно пребывать и в *епископстве*, остающимся единым; каковое епископство, в своем единстве, есть *кафедра Петра*. Он превосходно раскрывает эту мысль в одном из своих писем¹: «Иисус Христос, говорит он, желая узаконить честь обязательную в отношении к *епископу* и ко всему тому, что касается церковного управления, говорит в Евангелии и сказывает Петру: *Я говорю тебе, что ты еси Петр* и пр.» Таким образом, этими словами Иисус Христос не переносит на Петра лично преимущества; но переносит на всех апостолов власть *общую* (им), и переносит ее не только на апостолов, но и на всех епископов, их преемников, которые *сообща* владеют *единым* епископством, и которые таким образом служат основанием церковного единства.

Не значит ли это решительно противоречить этому учению св. Киприана, когда утверждают, как это делают римские богословы, будто Иисус Христос даровал св. Петру *личное* преимущество, и что это исключительное преимущество перешло к епископам Рима?

Важнейшее начало, которому Карфагенский епископ подчиняет все свои соображения, состоит в том, что в Церкви существует *только одна кафедра Петра*, то есть, как поясняет он сам, *единственно законное епископство* нисходит от апостолов; что когда восстают против этого епископства в Риме или в другом каком-либо месте, тогда восстают против единства, против *апостольской кафедры*, которая должна оставаться *единою*, как Иисус Христос дает это разуместь, отвечая *только одному* за всех; это то епископство и есть кафедра Петра. Итак, когда Новат наряду

¹ Св. Кипр., письмо 40.

с законным епископством хочет установить свое епископство, которое не исходит от апостолов, то это епископство находится вне единства апостольской кафедры, вне кафедры вселенской, коей Петр изображает единство. Итак, Новат есть *схизматик*, равно как схизматики и все те, которые захотели бы установить в каком бы то ни было месте епископство, отделенное от установленного апостольского наследия.

Вместо того, чтобы таким образом сближать все пункты учения св. Киприана о Церкви, римские богословы замечают только отдельные слова, каковы слова: *кафедра Петра, источник единства*, чтобы неосновательно применить их к *частной церкви* Рима; между тем как легко доказать, что св. Учитель подразумевал под этими словами только апостольскую церковь или законное епископство вообще. Именно таким образом он называет *кафедрой Петра* законный престол Карфагена, равно как и законный престол Рима¹; именно поэтому говорит о древних епископах Рима, как о *предшественниках его, епископа Карфагенского*, и этим с очевидностью показывает, что он владеет тем же законным епископством, каким владели и они². Подобным же образом, в знаменитом письме к папе Корнилию, каковым письмом Римляне так много злоупотребляют, так как в нем св. Учитель называет церковь Рима *главною церковью, откуда исходит священническое единство*³, — в этом письме св. Киприан с негодованием восстает против небольшой толпы бесчестных людей, желавших апеллировать на него в Риме, *как будто бы епископы Африканские не обладают такой же властью*.

Если вопреки очевидности допустить толкование, которое римские богословы дают некоторым отдельным словам св. Киприана, то отсюда надобно было бы заключить, что св. Учитель не обладал обыкновенным смыслом. В самом деле, с одной стороны, он представлял бы Петра основанием, главою церкви; а с другой, он учил бы, что все апостолы обладали той же честью и той же властью, как и Петр; Он представлял бы римского епископа единственным наследником преимуществ св. Петра, и он доказывал бы, что все законные епископы суть его преемники по одному и тому же праву; он учил бы, что епископство *единое*, находится в *совместном* обладании всеми законными епископами, и он усвоил бы римскому епископу достоинство частное и высшее; он признавал бы папу источником единства, и он укорял бы папу в отделении от единства; он приписывал бы Римскому епископу высшую юрисдикцию, и он считал бы людьми погибшими тех, которые не находят в Африке той же епископской власти, какую находят в Риме. Выше мы видели, что св. Киприан упрекал папу Стефана за его притязание быть *епископом епископов*, что, по его справедливому учению, в са-

¹ Св. Кипр., письмо 40.

² Св. Кипр., письмо 67.

³ Св. Кипр., письмо 55. Выше мы объяснили эти слова.

мом деле было чудовищно; но если бы он преподавал учение, усвояемое ему Римом, то он не мог бы укорять его за этот титул, так как он был законным.

Надобно ли в пользу папской системы представлять св. Киприана писателем, лишенным здравого смысла и логики; и надобно ли в его сочинениях брать отдельно несколько слов, которые могут быть истолковываемы в пользу этой системы, не принимая в расчет всего остального?

Мы находим более правильным сближать между собою все пункты учения этого гениального и святого мужа, коему все христианские века воздают славу. При подобном толковании мы достигаем формулирования учения полного, логичного, *кафолического*, но противоположного папской системе. Откуда следует, что защитники современного папства могут основываться на его свидетельстве только искажая его творения, оскорбляя его память, тайно отвергая его гениальность и его святость, которые одни общают авторитет его словам.

Из предшествующего следует, что Рим не может подтверждать свои мнимые права свидетельствами св. Иринейя, св. Киприана, Фирмилиана и Евсевия Кесарийского, не прибегая к уверткам недостойным в честном деле.

К уверткам надобно причислить также и то, когда они поверхностно отделяются от многочисленных свидетельств, доказывающих ложность усвояемого ими толкования известному тексту: *Ты еси Петр*. Отцы, разумевшие (под этим выражением) личность св. Петра, говорят эти богословы, более древни; они более близки к временам апостольским и они понимали (эти слова) лучше, чем поняли их в последующие века. В доказательство этого, они с восторгом ссылаются на Тертуллиана, который в самом деле говорит¹: «Ничто не утаено от Петра, прозванного *камнем* устроваемой Церкви».

С первого взгляда в самом деле можно подумать, что Тертуллиан применил слово *камень* к личности Петра. Но он поясняет себя в другом своем сочинении², где выражается следующим образом: «Когда (Христос) переменяет имя Симона на имя Петра, то это не потому только, что этим обозначает силу и крепость его веры, ибо тогда он дал бы ему название от предметов более твердых, коих сцепление или соединение умножает их силу и твердость; но Он называет его Петром, потому что в св. Писании *камень* изображает и представляет Иисуса Христа, Который есть тот камень, о котором мы читаем, что он положен камнем преткновения и соблазна. Следовательно, когда Он подобным образом переменяет его имя, то это делает для того, чтобы выразить изменение, которое Он совершит в мире посредством превращения идолопоклоннических народов в камни, подобные Ему и пригодные для устроения здания Своей Церкви».

¹ Тертул. *О давн.*, гл. XXII.

² Тертул. *Прот. Марк.*, кн. IV.

В виду этого объяснения, данного самим Тертуллианом, что происходит со следствиями, которые хотят вывести из его первого текста? Когда, кроме того, видят, что Тертуллиан в приведенном нами сочинении доказывает, что Христос, обращаясь к Петру, обратился ко всем апостолам; когда, сверх того, учит, что двенадцать апостолов равны между собою, как двенадцать источников Елимских, как двенадцать драгоценных камней на священнической одежде Аарона, как двенадцать устоев скинии, которую Иисус Навин воздвиг над Кивотом Завета, то можно ли добросовестно утверждать, что он признает за святым Петром преимущества исключительные и высшие? В особенности же, можно ли утверждать, что он признает эти мнимые преимущества за епископами Рима?

Достоверен факт, что отцы, которые под словами: *на сем камне*, по-видимому, подразумевали личность Петра, в действительности разумели только объект его веры, то есть Иисуса Христа, Богочеловека. Приведем для примера св. Илария Поатьерского.

Этот отец в своих комментариях на евангелие от Матфея и на Псалмы, слово *камень* Церкви применяет к св. Петру и признает его основанием¹.

Но в своей книге о Троице, он признает, что Церковь создана именно *на камне его исповедания*, то есть на божестве Иисуса Христа². «Существует, присовокупляет он³, только одно неподвижное основание; это тот *единственный камень*, который исповедан был устами Петра: «*Ты еси Сын Бога Живого*». Этот камень держит на себе столько доказательств истины, сколько развращенность может возбуждать вопросов и неверие клевет».

Очевидно, что святой Учитель разумеет здесь *предмет* исповедания веры св. Петра, то есть божество Иисуса Христа. Когда же заявляют, что он разумел его *субъективную* веру, то есть его приверженность и что Римские епископы унаследовали эту непоколебимую веру, то достаточно вспомнить анафему этого же самого отца, обращенную к папе Либерию, который не был тверд в своем исповедании божества Иисуса Христа: «Я высказываю тебе анафему, тебе, Либерий, и твоим сообщникам. Я снова высказываю тебе анафему, я в третий раз говорю тебе ее, тебе, Либерий предатель»⁴.

Итак, по учению св. Илария Поатьерского, если св. Петр может быть признаваем *камнем* Церкви, то только за свое исповедание веры, которое он высказал от имени всего апостольского общества и за самый предмет этой веры, который есть божество Иисуса Христа. Таким образом, учение св. Илария согласно с учением Тертуллиана и других отцов, которые только в этом

¹ Св. Иларий Поатьер. *Коммент. на XVI гл. от Матфея* и на СXXXI псал., § 4.

² Св. Иларий Поатьер. *О Троице*, кн. VI, гл. XXXVI.

³ Св. Иларий Поатьер. *О Троице*, кн. II, гл. XXIII.

⁴ Св. Иларий Поатьер. *Отрыв.*

смысле к самому св. Петру применяли название *камня* Церкви. Если к этому присовокупить, что этот отец и другие отцы не подают даже и мысли о том, будто это название должно принадлежать Римским епископам, и напротив, их учение совершенно противоположно этому утверждению, то надобно согласиться, что только посредством странного злоупотребления некоторыми их словами, взятыми отдельно и вопреки подлинному смыслу, римские богословы находят возможным обосновывать папский авторитет на свидетельстве отцов.

Св. Епифаний преподавал тоже учение, как и св. Иларий Путьерский¹: «Петр, князь апостолов, говорит он, есть для нас как бы твердый камень, на котором утверждается вера Господня, как на основании, и на котором всяким образом устроена Церковь. Это произошло главным образом от того, что он исповедал Христа Сыном Бога Живого, и в свою очередь услышал: *на этом камне твердой веры создам Церковь Мою*».

Св. Петр не отделим от догмата, который он исповедал и самый этот догмат служит основанием Церкви.

Св. Епифаний называет Петра князем апостолов, мы этого не отвергаем: но в каком смысле он понимает это слово?

Римляне приводят следующий текст в свою пользу: «Андрей первый встретил Господа, потому что Петр был более юн. Но затем, когда они отреклись, Петр первый опомнился; он тогда направил стопы к своему брату. Прибавьте к этому, что Бог ведает сердечные расположения и знает, кто достоин первого места. Вот почему Он избрал Петра для поставления его князем своих учеников, как это весьма ясно было объявлено»².

Св. Епифаний утверждает ли этим, что Петр был главою и основателем Церкви, или же утверждает, что Церковь была основана на *объективной* вере этого апостола, то есть на божественности Христа, коей он воздал почитание? Как мы видели выше, он сам отвечает на этот вопрос следующим образом:

«На Петре, говорит он, устроена Церковь, потому что он исповедал Христа Сыном Бога Живого и услышал следующее слово: *на этом камне твердой веры создам Мою Церковь*».

В том же месте св. Епифаний учит, что слова: «Паси овцы мои» сказаны Господом не для вручения Петру высшего руководства Церковью, но для восстановления его в апостольском достоинстве, которое он потерял отречением от Христа: «Господь, говорит он, *снова призывает* Петра после отречения, и для *изглаждения* тройственного его отречения, Он три раза призывает его к исповеданию веры».

В другом месте³ он представляет св. Павла равным св. Петру в Риме, говоря: «Петр и Павел, первые среди всех апостолов, *равно* были епископами Рима».

¹ Епифаний. *Ереси*, 59.

² Св. Епифаний. *Ереси*, 51.

³ Св. Епифаний. *Ереси*, 27.

А о св. Иакове Иерусалимском он так говорит; «Он (Иаков) первый получил епископскую кафедру (в Иерусалиме): «именно ему первому Господь **вверил свой престол на земле**»¹. Итак, он не думал, будто Петр наследовал *престол Господен* в этом мире. Итак, он думал, что первенство, усвоенное св. Петру, было только *старшенством* (priorité), как объясняет это папа св. Лев в следующем месте: «Расположение к вере остается, говорит он², и блаженный Петр воспринимает каменную силу, которую получил; он не опустит бразды церковного управления, которые ему были вручены; он *получил посвящение* прежде других, дабы в названии его *Петром* и фундаментом, мы поняли посредством этих таинственных наименований, какое единение существует между ним и Христом».

Этот текст показывает, что св. Лев признавал за св. Петром только *первенство посвящения*, он полагал, что именно *посредством посвящения*, соединявшего его со Христом, он стал Петром и фундаментом Церкви. Столько же православно понимает св. Лев и власть вязать и решить, которые были вручены Петру. «Эта власть была вручена ему, говорит он³, особым (speciale) способом, потому что образец Петра был предложен для всех правителей Церкви. Итак, **преимущество Петра пребывает повсюду, где высказывают суждение столько же правильное, как и его суждение**. Отсюда он заключает, что только то должно быть принимаемо или сохраняемо, что сообразно с суждением правильным или достойным Петра.

Трудно понять, как римские богословы осмелились сослаться на два предшествующие текста в защиту папской автократии, когда очевидно, что св. Лев усвоил св. Петру только *первенство* или скорее *старшинство посвящения*, и вместо того, чтобы усвоить одному лишь Римскому епископу власть Петра, он признает этого апостола только *образцом или изображением* (figure) апостольской власти, которая в действительности выражается *повсюду*, где она справедлива.

После этого не остается никакого затруднения относительно смысла следующих других слов св. Льва⁴.

«Из всех людей, Петр был избран предложить призывание всем народам, всем апостолам и всем отцам Церкви, так что хотя существует много священников и много пастырей, однако Петр управляет всеми теми, коими управлял первоначально Христос. Возлюбленные, дело великое и удивительное, когда Бог удостоивает этого человека быть участником Его могущества. Если бы Он пожелал, чтобы между ним и другими князьями существовало нечто общее, то Он никогда не дал бы Сам Петру того, в чем не отказал другим!» Подобные фразы, в которых слышится

¹ Св. Елифангий. *Ереси*, 78.

² Св. Лев. Слово 2, в годовщину возведения его на папство.

³ Там же. Слово 2.

⁴ Св. Лев, там же.

панегирик, не должны быть толкуемы в докторальном смысле в виду положительного учения, вытекающего из других текстов того же отца.

Св. Лев не претендует, будто власть св. Петра, какова бы она ни была, перешла к Римским епископам; его послание к Халкидонскому собору доказывает это достаточно, как мы это видели. Что же касается самой власти первого апостола, то она не делала его владыкою над другими; она перешла ко всем епископам, пользующимся ею законным образом; Петр отличен только *старшинством своего посвящения*.

Римские богословы злоупотребляют похвалами, которые св. Лев и другие отцы воссылали св. Петру по требованию *ораторских приемов*, не принимая во внимание, что даже тогда, когда бы эти похвалы должны были приниматься в буквальном смысле, они не составляли бы преимуществ, наследственных для Римских епископов, потому что никто из этих отцов не признавал их за ними; но каждый человек, знакомый с творениями отцов, не может понимать эти похвалы буквально. Мы докажем это творениями св. Иоанна Златоустого, того отца, которым ультрамонтане более всего злоупотребляют и которого преимущественно цитируют в доказательство своей системы. Они собрали тексты, чтобы доказать, что этот великий Константинопольский епископ усвоил св. Петру названия *первого, великого апостола, корифея, князя, главы, уст апостолов*.

Но когда он усвоил эти же названия и другим апостолам, то что можно заключить из них в отношении к преимуществам св. Петра?

Во многих местах своих сочинений, он говорит о всех апостолах, что они были *основаниями, столпами, главами, учителями, устоями (pilotes), пастырями* Церкви.

Он называет Петра и Иоанна, по одному и тому же праву, *князьями апостолов*¹.

Он говорит о Петре, Иакове и Иоанне, обо *всех вместе*, что они были «первыми по достоинству среди апостолов, основаниями Церкви, первыми призванными и князьями учеников»².

Если о св. Петре он выражается: «Петр омыл свое отречение так, что сделался первым из апостолов и *вся вселенная была поручена ему*»³, то в другом месте он равным образом говорит о Петре и Иоанне, что *вселенная была вверена им*⁴; а о св. Павле говорит: «Ангелы часто были обязываемы заботиться о народах, но ни один из них не управлял вверенным ему народом, *как управлял всей вселенной Павел*... Еврейский народ был вверен Архангелу Михаилу, а Павлу были вверены земля, море, жители всей вселен-

¹ На св. Матф., беседа 32.

² На 1-ю гл. послан. к Галат.

³ Против иудеев, рассужд. 8.

⁴ На св. Иоан., беседа 88.

ной, самая пустыня»¹. «В царствии небесном, говорит он, никто не будет выше Павла, это дело очевидное»². Он еще называет его *устоем Церкви*³, *сосудом избранных, небесной трубой, водителем невесты Христовой* (то есть Церкви)⁴. В следующем месте он очевидно поставляет его выше св. Петра: «В месте, где херувимы покрыты славою и где парят серафимы, там видим мы Павла с Петром; (Павла), который есть князь и председатель (πρωτότης) хора святых»⁵.

В особенности важно заметить, что св. Златоуст усваивает равное достоинство этим двум апостолам, когда говорит об обоих вместе. Приведем несколько примеров.

Во втором слове о молитве он говорит, что молитва обладает такой силой, что «освободила от опасностей Петра и Павла, *столпов Церкви, князей апостолов*, наиболее славных на небе, ограду вселенной, стражей земли и моря»⁶.

Говоря об обстоятельствах, среди которых Павел укорил Петра в Антиохии, он выражается следующим образом: «Не придет ли кто либо в смущение услышавши, что Павел восстал против Петра, то есть что столпы церкви поколебались и упали один на другого? Ибо они суть *столпы*, которые поддерживают и носят кровлю веры; и не только суть *столпы*, но и *щиты и очи тела Церкви, источники и сокровища всех благ*; и если кто-либо выскажет о них все, что только может представить себе, то и тогда недостаточно выразится *об их достоинствах*»⁷. Несколько далее он сравнивает этих двух апостолов с двумя конями, увлекающими *вместе* колесницу Церкви, замечая, что один из них, Петр, представляется хромающим⁸. Это намек на его падение. Наконец он присовокупляет: «Каким образом ты, Павел, столь милостивый и столь добрый с твоими учениками, стал не гуманным в отношении к твоему соапостолу (συναπόστολος)»⁹. Можно ли говорить более ясно о том, что Павел был равен Петру по своему достоинству?

Эта же истина вытекает еще из следующего места, которое заслуживает особенного внимания:

«Христос вверил иудеев Петру, а Павла предложил язычникам; *я говорю это не от себя*, но надобно внимать Павлу, который говорит: «Тот, Кто содействовал Петру в апостольстве к обрешанным, содействовал и мне, к язычникам» (Галат. II, 8). Ибо как мудрый вождь (βασιλεύς), тщательно узнавши способности,

¹ Похвал. св. Павлу, беседа 2.

² На Матф., бесед. 65.

³ Слово на двенадцать апостолов.

⁴ Беседа на слова: *Да будет благоугодно Богу, чтобы вы потерпели немного.*

⁵ Беседа 32, на посл. к Римлянам.

⁶ О молитве, расс. 2.

⁷ Беседа на слова: *Я в лице противостал.*

⁸ Там же.

⁹ Там же.

одному вверяет власть над всадниками, а другому над пехотой, так поистине и Христос разделил свою армию на две части, и Петру вручил иудеев, а Павлу язычников. *Два корпуса армии различны, но вождь один*¹.

Итак, вот подлинное учение св. Иоанна Златоустого: Апостолы были равны по своему достоинству; Петр и Павел одинаково были первыми среди них, один в отношении к иудеям, а другой в отношении к язычникам; Петр никогда не получал исключительного верховенства над всем христианством; единственным вождем Церкви был, есть и вечно будет Сам Иисус Христос. Заметим хорошо следующие слова: «*Я не говорю этого от себя*». Это значит: «Это не есть личное мое мнение, это есть истина, которую преподает Дух Святой чрез св. апостола Павла».

Св. Иоанн Златоуст не признавал в Церкви другого высшего достоинства, кроме *апостольства*, понимаемого в общем смысле:

«Из всех духовных достоинств, говорит он, *величайшее есть апостольство*. Из чего мы узнаем это? Из того, что апостол предшествует (всем) другим. Как советник (consul) бывает первым в гражданском управлении (magistrats), так апостол есть первый в духовном управлении. Послушаем самого Павла, перечисляющего эти достоинства и полагающего *на вершине их достоинств апостольство*. Что он говорит? «Бог установил в своей Церкви: *во-первых*, апостолов; *во-вторых*, пророков; *в-третьих*, учителей и пастырей». Видите ли вы здесь вершину достоинств? Видите ли вы, что апостол *находится наверху иерархии, что никто не предшествует ему и не выше его*? Ибо он говорит: *во-первых, апостолы*». И апостольство не только есть первое из всех достоинств, но в то же время оно есть корень и основа всех достоинств»².

Св. Златоуст не признает никакого верховенства в среде самого апостольства. Если бы он предполагал, что Иисус Христос поставил одного какого-либо апостола превыше остальных, чтобы быть Его представителем и *видимым* вождем Его Церкви, то конечно, он заявил бы об этом, ибо ясно, что здесь представлялся к этому удобный повод, как никогда более.

Теперь можно надлежащим образом оценить бесстыдство, с которым римляне осмеливаются утверждать, будто по учению св. Златоуста «власть Петра есть то, что в *иерархической организации*, полученной Церковью от Иисуса Христа, есть самое основное и самое существенное». Святой и великий патриарх сам позаботился отвечать искажителям его учения, говоря, что апостольство равно принадлежит всем апостолам: «*что оно есть первое из всех достоинств, что апостол есть вершина иерархии, что никто не предшествует ему и не выше его*».

Римские богословы преимущественно основываются на следующем тексте относительно избрания св. Матфея:

¹ Беседа на слова: *я в лице противостал*.

² Беседа о пользе чтения св. Писания.

«Петр всегда начинает первый говорить, потому что он исполнен ревности, потому что именно ему Иисус вверил попечение о стаде, и потому что он есть первый среди апостолов». И несколько далее, спросивши себя, не мог ли Петр сам назначить того, кто должен был занять место Иуды, он присовокупляет: «Без сомнения, он это мор, но он воздержался от этого, чтобы не подать вида покровительства тому, кого он нарек»¹.

Начнем с замечания, что следующие выражения: «Петр всегда начинает говорить первым, *потому что* он исполнен ревности, *потому что* он был первым среди апостолов» уже сами собою доказывают, что св. Златоуст не имел намерения сказать: *потому что* он был главою Церкви. Таким образом, третье *потому что*, помещенное между этими двумя: *потому что* именно ему Иисус Христос вверил попечение о стаде, уже не может содержать смысла, который усвоят ему римляне; иначе пришлось бы поставить св. Учителя в противоречие с самим собою не только относительно этого места, но и относительно всех его писаний. То, что мы утверждаем, вполне согласно с толкованием, предлагаемым великим патриархом относительно слов: *паци овцы мои, паци агнцы мои*, на которых преимущественно утверждаются наши противники, чтобы доказать, что слова эти были обращены к одному Петру, что ему одному было вверено попечение о стаде. «Это сказано было не только *апостолам и епископам*, пишет св. Златоуст, но и *каждому из нас, как бы ни был он мал*, будучи обязан заботиться о стаде»². Таким образом, по учению св. Златоустого, эти слова были сказаны не одному только Петру и ради его одного, они не сообщали ему достоинства верховного пастыря над апостолами и над Церковью, но были обращены ко всем апостолам вообще, и ко всем епископам и пастырям, которые равным образом суть преемники апостолов. Сверх того, св. Златоуст не замечает в этих словах ни почести, ни власти, но лишь возбуждение — к ревности и заботливости. «Три раза, говорит ему, чтобы показать, как *много надобно заботиться о спасении овец*»³.

Св. Учитель сам ответил на инсинуации, которые римляне хотели бы извлечь из остального его текста.

«Видим ли, говорит он, как Петр действует в общем согласии и ничего не решает своим собственным авторитетом и своею собственною властью...⁴ Не Петр предлагает (Матфея и Иосифа), но все (апостолы). Петр предлагает только совет, показывая, что совет этот исходит не от него, но что издревле был возведен в пророчествах; следовательно, он был только истолкователем, а не владыкою». И далее: «Заметь скромность Иакова: хотя он получил иерусалимское епископство, но при этих обстоятельствах, не говорит ничего; прими также во внимание великую скромность

¹ На деян. Апостольские, бесед. 3.

² На св. Матф., бесед. 77.

³ На св. Иоан., бесед. 88.

⁴ На Деян. Апостольские бесед. 3.

других учеников, которые *предоставивши единодушно престол Иакову*, не ведут между собою пререканий. Ибо эта Церковь была как бы небесною, не имея ничего земного, блистая не своими стенами и не мрамором, но горячим благочестием и единодушием своих членов». Римские богословы приводят первую часть текста св. Иоанна Златоуста, но тщательно остерегаются приводить остальную часть; таков их обычный метод.

Итак, по мнению св. Учителя, апостолы действовали вполне согласно; они вместе избрали кандидатов для жребия; Петр говорил не как владыка, но как истолкователь пророчества; *Иаков был первый по достоинству* и апостолы предоставили говорить ему одному по своей скромности, а не потому, чтобы не обладали такою же властью, как и он. Если бы только св. Иоанн Златоуст признавал верховное достоинство одного апостола, то можно было бы сказать, что это был св. Иаков иерусалимский. В самом деле, кроме вышеприведенного текста, мы находим еще следующее место в его сочинениях:

«Посмотри: После Петра говорит Павел и никто не повторяет его; Иаков слушает и остается спокойным, *потому что ему было вверено первенство*. Иаков и другие апостолы не говорят и молчат, не испытывая никакой досады, потому что души их были чисты от всякой суетной славы... После того, как они (Варнава и Павел) замолчали, начал говорить Иаков и сказал: «Симон поведал вам, как Бог обратит свой взор на язычников... «Речь Петра более пламенна, а Иакова более скромна. Так всегда должен поступать тот, *кто обладает большою силою*; он предоставляет другим строгость, а для себя хранить воздержность». И далее, анализируя слова св. Иакова, он высказывает следующие соображения: «Что означают слова: *Я сужу?* Они означают: *Я утверждаю со властью*, что эта так... *Итак, Иаков решил весь вопрос*»¹.

Если это место не имеет в глазах римлян никакой силы в подтверждение первенства Иакова, то тем не менее оно не доказывает и первенства Петра, первенства, понимаемого в смысле власти.

Римские богословы приводят еще в защиту своей системы следующие слова св. Златоуста относительно падения св. Петра: «Бог допустил, что бы он пал, ибо Он хотел поставить его князем всей вселенной, дабы, припоминая свои собственные прегрешения, он прощал тех, которые падают». Мы уже видели выше, что св. Златоуст не соединял с названием *князя вселенной* смысла, какой Рим усиливается приписать ему. За устранением же этого предположения, приведенное место уже не представляет более ничего в пользу папского тезиса. Что же касается того, что думал св. Златоуст о падении св. Петра, то он сам позаботился объяснить это следующим образом²:

Желая исправить в Петре склонность к противоречию, Христос допустил, чтобы этот апостол отрекся... Послушай, что Он

¹ На Деян. Апостольские, беседа 33.

² На 1-ю главу послания к Галатам.

сказал ему: «Я молился о тебе, чтобы вера твоя не оскудела». Он говорит ему этим языком, чтобы тронуть его с большою силою и показать ему, что его падение более тяжко, чем других, и что он нуждается в наибольшей помощи. Ибо он совершил двойное преступление: именно он противоречил и превозносился выше других. Он совершил даже самое тяжкое преступление, когда всецело полагался на свои собственные силы. *Чтобы исцелить Петра*, Спаситель допустил его пасть и, оставляя в стороне других апостолов, сказал ему; «Симон, Симон, сатана просил сеять вас, как пшеницу, то есть, смущать, искушать вас, но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя». Так как сатана просил сеять всех апостолов, то почему Господь не сказал всем: Я молился о вас? Не очевидно ли, что это по причинам, указанным мною выше? Не потому ли, чтобы тронуть его и показать ему, что его падение будет более тяжким, чем падение других; что поэтому Он и обращает слово свое к одному Петру?.. Итак почему Петр не может (вполне) отречься от Христа? Потому что Христос не сказал ему: «дабы ты не отрекся от Меня», но сказал: «дабы вера твоя не оскудела, дабы она не погибла всецело»¹.

Каким образом в этой речи можно находить малейший намек на верховенство власти, дарованной св. Петру по поводу его падения? По какой исключительной дерзости наши римляне осмеливаются доказывать, будто Господь имел намерение установить отличие в пользу Петра и показать ему его верховенство над остальными апостолами, в особенности в минуту, когда предсказывал ему его падение и его отречение!

Следующие слова очевидным образом показывают, какой смысл усвоил первенству св. Петра, св. Учитель. Прежде всего он говорит, что этот апостол был «первым в Церкви». Но быть первым в известном обществе не значит быть вождем этого общества. И далее он присовокупляет: «Когда я говорю Петр, то говорю о твердом камне, о непоколебимом основании, о великом апостоле, о первом из апостолов, о первом призванном, о первом повинующемся»². Очевидно, что он прославляет Петра за твердость веры, которую он исповедал; он называет его первым из апостолов, потому что был призван к апостольству первым; он называет его не *первым по власти*, но *первым повинующимся*. Итак св. Петр обладал славою быть призванным к апостольству первым, а также и быть первым слугою Иисуса Христа.

Что же касается мнимого преинства, полученного римскими епископами от св. Петра: то римские богословы следующим образом *резюмируют* учение св. Иоанна Златоустого: «Антиохийская церковь имела счастье находиться некоторое время под управлением Петра; она признает его своим основателем,

¹ На Матф., беседа 82.

² О милостыне, беседа 3.

но она не сохранила этого счастья. Именно в Рим он перенес свой престол; именно в Риме он стяжал пальму мученичества. В Риме существует его могила, в Риме, этом царствующем городе по преимуществу».

А вот слова св. Учителя:

«Одно из преимуществ нашего города (Антиохии) состоит в том, что он имел своим учителем Петра, корифея апостолов. Было справедливым, чтобы город, который первый из всех городов во всей вселенной, имел преимущество быть украшенным названием города христианского, имел и пастырем первого из апостолов. Но имея его в качестве учителя, мы не сохранили его навсегда, мы уступили его царственному городу Рима; или лучше, *мы всегда сохраняли его*, ибо хотя мы не имеем тела Петра, мы сохраняем, подобно Петру, веру его, *так как держась веры Петра, мы этим как бы держим и самого Петра*¹.

Итак Петр имеет значение только в отношении к засвидетельствованной им истине. Св. Златоуст ясно говорит об этом в той же самой беседе. «Когда я вспоминаю о Петре, в моей памяти представляется другой Петр, Флавиан (бывший епископом Антиохийским в эпоху, когда была написана эта беседа), общий всем нам отец и учитель, который наследовал добродетели Петра и занял по преемству его кафедру». Далее в похвальном слове св. Игнатию, епископу Антиохийскому, мы читаем следующее: «Св. Игнатий был преемником Петра в его *первенстве*»². Латинский переводчик говорит: «Св. Игнатий преемствовал (св. Петру) в епископском достоинстве». Но это не правильно. *Первенство*, на языке отцов, есть *апостольство*, которое конечно служит источником *епископства*, но превосходит его достоинством и властью. Наконец, будем ли мы переводить словом *первенство* или словом *епископство*, свидетельство св. Златоуста тем не менее противоположно римскому учению, по которому Римский епископ признается *единственным* наследником св. Петра. По учению св. Златоуста, св. Петр в действительности не занимал кафедры в каком либо городе; он равно был, *в смысле общем*, епископом — апостолом всех церквей, где проповедовал евангелие и где сохраняется его учение.

В той же самой беседе, св. Златоуст называет Игнатия Антиохийского «учителем Рима в вере» и так объясняет причину, ради которой Петр, Павел и Игнатий умерли в Риме: «Вы (жители Антиохии), по милости Божией, не имеете более надобности в наставлении; ибо вы укоренены в вере; но жители Рима, по причине великого нечестия, царствовавшего там, нуждались в более сильной помощи; *вот почему Петр и Павел, и вместе с ними и Игнатий, все трое, в Риме преданы были смерти*»³. Развивая эту тему он присовокупляет; «что смерть этих апостолов и Игнатия

¹ 2-я беседа, на заглавие Деян. Апостольских.

² Похвальное слово св. Игнатию.

³ Похвальное слово св. Игнатию.

была очевидным доказательством и проповедью в действии воскресения Иисуса Христа».

В одной из других своих бесед, св. Златоуст с одинаковою ясностью свидетельствует, что он не усвоит никакого права на превосходство городу Риму, хотя Петр и Павел умерли в нем; он выражается следующим образом: «Я люблю Рим за его величие, за его древность, за его красоту, за многочисленность его жителей, за его могущество, за его богатство, за его военные подвиги, но преимущественно я называю его блаженным за то, что Павел во время своей жизни писал римлянам, так как он любил их, — за то, что во время пребывания среди них он беседовал с ними, и среди них окончил свою жизнь»¹. Этим св. Учитель выражает только свое личное чувство расположения к городу Риму. Похвалы, которые он воссылает ему, суть земные, временные; он просто говорит: «я люблю Рим; но он не говорит, что признает Церковь этого города как бы царицею церквей, *матерью* и *госпожою* других. Он не усвоит ей никакого преимущества ради св. Петра. Отсюда следует, что римские богословы злоупотребляют творениями св. Златоуста, когда стараются подтвердить именем столь великого Учителя преимущества, которые они усваивают папству.

Ложно толкуя и искажая святоотеческие тексты, римские богословы извращают учение и св. Григория Назианзина, все учение которого в отношении к св. Петру может быть кратко выражено в следующем тексте: «Ты видишь, говорит он², как среди учеников Христа, которые все были равно великими, возвышенными и достойными избрания, он назван был *камнем*, а ради этого *по своей вере* (*sur sa foi*) стал основанием церкви». Но святой учитель не говорит, что церковь должна быть создана на *личности* Петра, но на *его вере*; и на вере не *субъективной*, которая должна была так печально ослабеть в минуты тройного отречения, но на вере *объективной*, то есть, на вере в божество Христа, которое он исповедовал.

Римляне приводят еще свидетельство св. Григория Нисского, который выражается так³:

«Прославляем память св. Петра, который есть глава (*chef*) апостолов, и в нем чествуем других членов церкви; ибо на нем церковь Божия утверждается, так как, в силу преимущества, полученного им. От Господа, он есть твердый и крепкий камень, на котором Спаситель создал свою церковь».

Этот перевод принадлежит римским богословам; но вот *буквальный* перевод с греческого:

«Прославляем память Петра, который есть глава апостолов; а вместе с ним прославляем и других членов церкви. И церковь Божия укреплена, ибо в силу дара, сообщенного Господом Петру,

¹ Беседа 32, на послание к Римлянам.

² Св. Григор. Назианз., Расс. 26.

³ Григор. Нисс. Похвал. слово св. Стефану.

он стал крепким и более твердым камнем, на котором Спаситель устроил церковь»¹.

Своим переводом римские богословы пытаются сообщить идею, будто Петр получили, исключительное преимущество, сделавшее его единственным основанием Церкви. Св. Григорий положительно отвергает усвояемые ему заблуждения следующими страницами, заимствованными из той же самой речи, которую они приводят в искаженном виде:

«Сегодня мы преимущественно совершаем память тех, которые блистали великим и ослепительным блеском благочестия, то есть Петра, Иакова и Иоанна, *которые суть князья апостольского служения...* Апостолы Господни были светилами, освещавшими все, что находится под небом. *Их князья и главы*, Петр, Иаков и Иоанн, коих память мы прославляем ныне, пострадали различным образом... Праведно в этот же день прославлять и тех людей, которых мы назвали, не только потому, что они были единомысленны в своем проповедании, но и по причине равенства их достоинства (των ἰσότητων).

«Он (Петр), занимающий *первое место* (πρωτοβάτης) и *глава апостольского общества*, милостиво удостоился славы, соответствующей его достоинству, будучи прославлен страданием, подобным страданию Спасителя... Но у Иакова отсечена голова, так как он желал обладать главою Христа, который *действительно есть* (ὄντως) его глава, *ибо глава человеку есть Христос, и в то же время Он есть глава всей Церкви*.

«Они (апостолы) *суть основания церкви*, колонны и столпы истины. *Они суть* постоянные источники спасения, из коих текут обильные потоки божественного учения».

Усвоивши одинаковые наименования Петру, Иакову и Иоанну, св. Григорий прибавляет:

«Наконец, мы сказали все это *не для унижения других апостолов*, но для засвидетельствования *добродетели* тех, о которых мы возвещаем), или лучше говоря, дабы воздать *общую похвалу всем апостолам*. Таким образом, все эти наименования, все эти хваления, усвояемые св. Григорием Петру, Иакову и Иоанну, относятся не к достоинству их апостольства, так как достоинство это одно и то же у всех апостолов, но только к *личной добродетели их*. Он тщательно старается не оставить никакого сомнения в действительной силе этих хвалений и силе учения о подлинном равенстве апостолов, ибо прибавляет: **В отношении к истине догмата**, они (апостолы), будучи подобными членами, представляют одно и то же тело, и *если славится один член*, как говорит апостол, (1 Кор. XII, 26), *то прославляются и все другие*. И как труды их для

¹ Μνημονεύεται Πέτρος κεφαλὴ τῶν Ἀποστόλων, καὶ συνδοξάζεται μεν ἀπὸ τὰ λοιπὰ μέλη τῆς ἐκκλησίας, ἐπιστηρίζεται δὲ ἡ ἐκκλησία τοῦ Θεοῦ. Οὗτος γάρ ἐστι κατὰ τὴν δοθείσαν ἀπὸ τοῦ κυρίου δαεῖαν, ἡ ἀφραγῆς καὶ σχυρωτάτη πέτρα ἐφ' ἣν τὴν ἐκκλησίαν ὁ Σωτὴρ ὠκοδόμησε. (Greg. Nyss.).

религии *были общими*, так и почести, приобретенные ими за проповедание веры, *общие у них*.

«Для чего, говорит еще святой учитель, безрассудно будем стараться выражать то, что превыше нашей силы и будем усиливаться достойно прославлять *добродетель* апостолов? Наши хваления относятся не к Симону (Петру), бывшему рыбаку, но к его *твердой вере, которая служит опорой церкви*. Мы превозносим также не сыновей Заведея (Иакова и Иоанна), но *Вонергес*, то есть *сыновей грома*.

Итак, не личность Петра есть камень Церкви, но вера, которую он исповедал, то есть что *Иисус Христос есть Сын Божий*, или вера в божество Христа, которое он засвидетельствовал.

Между греческими отцами нет ни одного, который излагал бы учение, отличающееся от учения Златоуста и Григория Нисского. Святой Кирилл Александрийский ясно говорит: «слово *камень* имеет лишь нарицательное значение; оно означает не иное что, как только непоколебимую и очень твердую веру ученика»¹. Эти выражения решительно не позволяют приписывать святому учителю мнение, утверждающее на *этом слове* столь великие преимущества. Однако же защитники современного папства приводят это в свою пользу. Они ссылаются еще на следующее место: «Он (Иисус Христос) научает своего ученика, что Сам Он и есть тот, кто знает все предметы прежде их создания, Он возвещает ему, что имя его будет не *Симон*, но *Петр*, давая этим словом разуметь, что Он создаст свою Церковь на нем, как на камне, как на твердейшей скале»².

Учит ли св. Отец, что *исключительно* Петр будет основанием Церкви? Нет, ибо в другом месте³ он говорит, что «Петр и Иоанн были равны *честью и достоинством*. Еще в ином месте, он наставляет, что «Христос есть фундамент для всех и непоколебимое основание, на котором все мы созданы в духовное здание»⁴. Учил ли он еще, что преимущества Петра перешли к епископам Рима? Нет, ибо он не делает об этом ни малейшего упоминания. А в таком случае, зачем римские богословы призывают его в свои свидетели? Мы видели, что применение слова *камень* к личности Петра не доказывает, будто этот апостол пользовался исключительными преимуществами; тем более оно не доказывает, будто римские епископы суть наследники этого апостола.

Св. Кирилл, относительно преимуществ св. Петра, не преподавал другого учения, кроме учения ученой Александрийской школы. Один из вождей этой школы, Климент, громко возвещал, что *первенство*, в смысле *власти*, не существовало среди апостолов. «Когда ученики, говорит он⁵, спорили между собою о *первенство*, то Иисус Христос заповедал им *равенство*, говоря: Надобно, что-

¹ Св. Кирилл Александр. *О Троице*, кн. IV.

² Св. Кирилл, на *Св. Иоанна*, кн. 11, гл. XII.

³ Он же, *письмо к Несторию*.

⁴ Он же, на *Исайю*.

⁵ Климент Александр. *Stromat.*, кн. V, § 5.

бы вы сделались детьми». И Ориген не преподавал иного учения. Римские богословы заимствуют у него некоторые тексты, в которых по-видимому он применяет к личности Петра наименование *камня*; но они проходят молчанием то место, где он ясно выражается: «Если вы думаете, говорит он¹, что Бог воздвиг все здание своей церкви только на Петре, то что вы скажете об Иоанне, сыне громовом? что вы скажете о каждом из апостолов? Осмелитесь ли вы сказать, что врата адавы не одолеют Петра в частности, но одолеют остальных апостолов? Не *ко всем* ли относятся следующие слова: *Врата ада не одолеют ее?* Не осуществились ли они на каждом из апостолов?»

Таково также было учение Кирилла Александрийского, верно-го преданию всех отцов.

Из числа их мы упомянем только об учении святого Василия Кессарийского. Напрасно римляне стараются основаться на его авторитете; достаточно прочитать его, чтобы приобрести убеждение, что он никогда не делал из апостола Петра *камня* церкви, как претендуют на это приверженцы папства. «Дом Господень, говорит он², воздвигнутый на вершине гор, есть церковь, по мысли Апостола, который говорит: *Подобает знать, как надобно вести себя в дому Божием, который есть церковь Бога живого.* Основания церкви находятся на святых горах, ибо она создана на основании апостолов и пророков. *Одною из этих гор* был Петр, на каковой *скале* (pierre) Господь обещал создать свою церковь. Справедливо высокие души, возвышающиеся над земными вещами, названы горами. Душа же блаженного Петра была названа *возвышенным камнем, поелику имела крепкие корни в вере и твердо и мужественно переносила удары, нанесенные ей испытанием*».

Св. Василий заключает отсюда, что подражая этой вере и этому мужеству, и мы будем горами, на которых дом Господень будет возвышаться.

Некоторые западные отцы четвертого и пятого веков по-видимому более благоприятствовали папской власти, чем отцы восточные. Но в сущности, нисколько. Мы уже представили учение Тертуллиана, святого Киприана, святого Илария Поатьерского, святого Льва. Учение Амвросия, Августина, Оптата, Иеронима, было тождественное.

По свидетельству блаженного Августина, святой Амвросий отнес, в своих гимнах, слово *камень* к личности апостола Петра, что и послужило для него самого тогда поводом к подобному же толкованию. Но святой Амвросий сам объясняется в других местах своих сочинений следующим образом³: «Вера есть основание церкви, ибо не *о личности*, а *о вере* Петра было сказано: врата ада не одолеют ее; исповедание веры победило ад». Итак истина, исповеданная Петром, есть основание церкви, и никакое обетова-

¹ Ориген, *Толков. на св. Матф.*

² Св. Василий, на 11 гл. *Исайи*.

³ Св. Амвросий, *О воплощении*.

ние не было даровано его личности, а следовательно, и его вере *субъективной*.

Среди текстов святого Амвросия, Рим утверждает преимущественно на следующем¹: Вопрошающий Господь не недоумевает; Он вопрошает не для узнания, но для научения, кто есть тот, которого Он оставляет прежде восшествия на небо, как бы викарием своей любви... Ибо так как он один из всех высказал исповедание, то и предпочтен пред всеми... В третий раз Господь уже не спрашивает: *предан ли ты Мне (m'affectionnes — tu)? но любишь ли Меня (m'aimes — tu)?* И тогда он вверяет ему, как в первый раз, не агнцев, которые имеют надобность в млечной пище; не маленьких овец, как во второй раз; но Он приказывает ему пастить всех, дабы, будучи более совершенным, он и управлял более совершенными».

Приведши этот текст, римские богословы с важностью говорят: кто же эти овцы, *более совершенные*, как не остальные апостолы? — Затем они предполагают, что папа замещает святого Петра, а епископы замещают апостолов, и отсюда они приходят к заключению, что епископы суть овцы в отношении к папе.

Сказал ли святой Амвросий хотя бы одно слово, которое могло бы подтверждать подобные выводы? Он не усвоит никакого догматического значения тому, что говорит о Св. Петре; он предлагает лишь толкование таинственное и благочестивое; он не думает смешивать апостолов, которые суть *пастыри*, с овцами; он еще меньше думает о преимуществах епископов Рима, о чем он не делает ни малейшего упоминания. И вот на таких-то шатких основаниях хотят создать столь высокое здание! Святой Амвросий, подобно святому Иларию Поатьерскому, приписывает название *камня* то личности Петра, то его вере, то чаще всего предмету его веры. Он усвоет (это название) его личности только *переносным* образом и в отдаленном смысле. «Иисус Христос, говорит он, есть *камень*. Он не лишил благодати этого наименования своего ученика, назвавши его Петром, так как он *от камня* заимствовал твердость и крепость своей веры. Употреби же и ты свои усилия, чтобы стать камнем; твой камень — это твоя вера, и вера — вот основание Церкви. Если ты *камень*, то ты останешься в церкви, потому что церковь устроена *на камне*». Это толкование оставляет ли хотя бы тень сомнения относительно смысла, какой святой Амвросий усвоет этому пресловутому слову, на котором римляне строят удивительный монумент папских преимуществ? Почему Петр получил это название? «Потому, присовокупляет святой Амвросий, что церковь создана на вере Петра». Но на какой вере? на вере ли *личной*, или на истине, в которую он уверовал? Святой Амвросий отвечает в том же месте: «Петр назван так потому, что *первый* положил основание *веры* между народами». Проповедовал ли он свою личную преданность? Этого нельзя утверждать. Итак это была *истина*,

в которую он уверовал и которую проповедовал, и именно *эта истина* есть основание церкви.

Творения святого Амвросия полны свидетельств против папских притязаний. Мы могли бы привести много текстов, но для какой надобности? Достаточно бросить общий взгляд на его творения, чтобы быть убежденным, что нельзя сослаться на его авторитет в пользу ультрамонтанства. Итак мы ограничимся приведением следующего текста, в котором он излагает свое вероучение о первенстве Петра.

Объясняя следующие слова послания к Галатам: *Я ходил в Иерусалим видеть Петра*, он выражается следующим образом: «Прилично было Павлу идти видеть Петра. Почему? потому ли, что Петр был его начальником или начальником других апостолов? Нет, но потому, что среди всех апостолов он был *первым*, которому Господь вверил попечение о церкви. Потому ли, что обязан был получить распоряжение или посланничество от Петра? Нет, но дабы Петр знал, что Павел получил *такую же власть, которая дарована была и ему самому*».

Святой Амвросий так объясняет следующие другие слова: *Узнавши, что власть возвещать евангелие язычникам вверена мне*: «Он (Павел) называет только Петра и сравнивает себя только с ним, ибо, как *Петр получил первенство для основания церкви среди иудеев*, так Он, Павел, подобным же образом, был избран *иметь первенство* в деле основания церкви среди язычников. Далее он пространно развивает эту идею, которая в конец разрушает папские притязания. В самом деле, по Амвросию, Рим, который не принадлежал иудеям, как никто этого не оспаривает, славился первенством не Петра, но Павла. Наконец, это более согласно с историческою истиною, ибо доказано, что Павел проповедывал евангелие в Риме прежде Петра; что первые два епископа были поставлены Павлом; что преемство его Петром восходит только к Клименту, третьему римскому епископу.

Наконец, в каком смысле Амвросий понимает слово *первенство*? Он не связывает с ним никакой идеи чести или власти, ибо он положительно говорит: «когда относительно Петра услышит следующие слова: *Что скажешь о мне, кто я?* припоминая его почетное место, то (разумей, что) он пользовался *первенством*, первенством исповедания, а не *почести*, первенством веры, а не *чиноначалия* (ordre)¹. Не значит ли это отвергать всякую идею первенства в том смысле, как ее понимают римляне? Итак римские богословы злоупотребляют авторитетом Св. Амвросия.

Не менее они злоупотребляют авторитетом и бл. Августина. Этот учитель, правда, говорит²: «Петр, который несколько раньше исповедал Христа Сыном Божиим и который, за это исповедание, назван *камнем*, на котором должна быть создана Церковь и пр.», но он сам же и объясняет себя во многих других своих

¹ Св. Амвросий, *О воплощении*.

² Бл. Август. на *псалом LXIX; посл. к Галат.*

сочинениях. Приведем несколько примеров¹: «Петр получил это название от Господа для обозначения Церкви; ибо Христос и есть камень, а Петр есть народ христианский. Камень (*pierre*) есть главное слово, вот почему (слово) Петр происходит от камня, а не камень от Петра, как слово *Христос* не происходит от *христианина*, но *христианин* от Христа. Итак, говорит он, ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою. Я создам тебя на Мне, а не буду создан на тебе».

«Церковь, говорит еще блаженный Августин², создана на камне, откуда Петр заимствовал свое имя. Камень есть Христос, и на этом то фундаменте и сам Петр должен возвышаться». В книге своих *Поправок (Retractationes)*, блаженный учитель выражается следующим образом³: «В этой книге я сказал в одном месте по поводу апостола Петра, что Церковь создам на нем, как на Камне. Этот смысл воспевается большим числом стихов блаженного Амвросия, который говорит припоминая петуха: «*Когда он запел, камень Церкви оплакал свое падение*. Но я знаю, что очень часто затем я усвоил словам следующий смысл: когда Господь сказал: *Ты еси Петр и на сем камне создам церковь Мою*, Он разумел под этим камнем то, что исповедал Петр, говоря: *Ты Христос, Сын Бога живого*; так что Петр, названный таким образом этим камнем, представлял лице Церкви, которая создана на этом камне и которая получила ключи царствия небесного. В самом деле, Он не сказал ему: ты камень, но ты Петр. Камень есть Христос; Петр за свое исповедание, тождественное с исповеданием всей Церкви, был назван Петром. Из этих мнений, пусть читатель избирает наиболее вероятное».

Таким образом, блаженный Августин не порицает ни того, ни другого толкования, сообщаемого тексту: *Ты еси Петр* и пр.; но очевидно он признает лучшим тот смысл, который был допускаем им чаще всего, что не помешало римским богословам цитировать блаженного учителя в пользу первого толкования, допущенного им лишь один раз, от которого он отказывается, формально не осуждая его.

Подобно св. Киприану, блаженный Августин учит, что Петр представлял церковь, что он был образом церкви. Отсюда он не заключает, будто вся церковь была резюмирована в нем, но что напротив, он лично не получил ничего, и что все, дарованное ему, даровано церкви⁴. Таков истинный комментарий этого верования отцов; Петр изображал церковь, когда Иисус Христос обратился к нему или когда Господь говорил с ним. Блаженный Августин допускает, это верно, что Петр пользовался первенством, но он сам объясняет, что он разумел под этим словом. «Он не имел, го-

¹ Он же, Слово XIII, о слове Божиим.

² Он же, Тракт. 124, на Иоан.

³ Он же, *De Retract.*, lib. 1, c. XXI.

⁴ *Serm. CXVIII et CCCXVI de Divers.*; *serm. X. in Petr. et Paul. Tract. 124, Иоан. et alib.*

ворит Августин, первенства *над учениками* (*in discipulos*), но среди учеников (*in discipulis*). Его первенство среди учеников было *таким же, каким было первенство Стефана среди диаконов*. Он называет Петра *первым* (*primus*), как Павла называет *последним* (*novissimus*), что подает лишь идею времени. Подлинно эта идея принадлежит блаженному Августину, ибо в том тексте, которым римляне столько злоупотребляют по причине того, что блаженный Августин усваивает в нем первенство Петру, — он формально говорит, что Петр и Павел, первый и последний, были *равны честью апостольства*¹. И так св. Петр, по блаженному Августину, получил только ту превосходную милость, что был *первым призван к апостольству*. Это отличие, коим почтил его Господь, составляет его славу, но не сообщает ему никакой власти.

Блаженный Августин, по мнению римских богословов, признавал верховный авторитет римской церкви, говоря, что «первенство апостольского престола всегда было у нее в силе². Но что он подразумевал под этими словами? Достоверен факт, что Африканская церковь, под влиянием самого Августина, который был ее оракулом, с силою писала епископу Рима для отвращения его от дальнейшего принятия в свое общение тех, коих она отлучила, как он сделал это для некоего Аппиария³; ибо он не может поступать подобным образом, не нарушая канонов Никейского собора. Будучи далекой от признания верховного авторитета Рима, церковь Африканская, в согласии с блаженным Августином, отказала римскому епископу в титуле *summus sacerdos* (*верховный священник*). Итак, блаженный Августин не признает верховной юрисдикции римской церкви. Что же разумел он *под верховенством апостольства*? Он не оставляет в этом отношении никакого сомнения. В самом деле, усвоивши Св. Павлу апостольское верховенство, подобное верховенству Петра, он замечает, что оно превышает *епископата*. «Кто не знает, говорит он, что *верховенство апостольства* должно быть предпочтительно *всему епископату*⁴. Конечно, епископы признаются преемниками апостолов; но они не унаследовали апостольского служения, они не участвуют и в некоторых высших преимуществах, принадлежавших первым апостолам Христа. Это те преимущества, которые составляют *апостольское верховенство*, нераздельно принадлежавшее и первым апостолам. И титул *князя — апостола* усваивается отцами церкви им безразлично. И так всякая апостольская церковь, то есть сохранившая законное преемство апостольства, сохранила и *первенство кафедры*, то есть *апостольского* учения. Блаженный Августин утверждает, что римская церковь, в его время, сохраняла это преемство апостольского учения. Доказывает ли это, что он признает за нею авторитет верховный, во вселенском управлении Церко-

¹ Бл. Август., serm. X in Petr. et Paul.

² Бл. Август. Epist. ad Episcop. Donatist

³ Epist. Episcop. afric. ad Celestin. et Conc. Carth. 111

⁴ Бл. Август., serm. X in Petr. et Paul.

вью? Конечно, нет. Он так был далек от признания этого авторитета, что отсылает Донатистов преимущественно к апостольским церквам Востока для убеждения в их заблуждении, не потому, будто он думал, что церковь римская не унаследовала апостольского наставления, — мы видели противоположное этому, — но потому, что Рим, замешанный в споре с Донатистами, не представляет столько гарантий беспристрастия, как апостольские церкви Востока.

Блаженный Августин, не признававший за Римом права вмешиваться в простые дисциплинарные разногласия в Африканской церкви, еще более был далек от признания (за ним) учительной власти. Во многих своих сочинениях он изложил *правило веры*, но никогда, по этому поводу, он не упоминал об учительной власти церкви Рима. Правило веры, по его воззрению, состоит в *постоянном и единодушном* согласии всех церквей. Его учение тождественно с учением Тертуллиана, и оно, так сказать, скопировано Викентием Лиринским, коего удивительное *Уведомление* в совершенстве резюмирует учение первых пяти веков по этому основному вопросу. В виду этого великого учения, так точно формулированного отцами, в котором не заметно ни малейшего мерцания римской власти, учения, которое, напротив, диаметрально противоположно этой мнимой власти, трудно понять, как приверженцы папства осмелились изобрести свою систему, ибо они должны были понять, что этим поставляют себя в прямое противоречие со вселенским преданием.

Римские богословы крикливо приводят два другие места из блаженного Августина. В первом, блаженный учитель обращается к Пелагианам и говорит им¹: «Относительно вашего дела, два собора послали (свои решения) апостольскому престолу, решения возвратились оттуда: *дело покончено*, да благоугодно будет, чтобы прекратилось также и заблуждение!» Папские приверженцы так переводят это место. *Рим сказал, дело покончено: Roma locuta est, causa finita est*. Выражение *Рим сказал, Roma locuta est*, суть чистые измышления; их нет у блаженного Августина. Второе выражение: *дело покончено*, находится у него; но мы сейчас увидим его смысл.

Второе место, аналогичное с первым, выражено следующим образом: «Ваше дело покончено, говорит он Пелагианам², посредством компетентного суда епископов, сообща; вам не остается ничего другого, как только подчиниться высказанному решению, или прекратить ваше беспокойное бесчинство, если вы отказываетесь от него.

Первый текст относится к 419 году, когда Пелагиане были осуждены двумя Африканскими соборами и папою Иннокентием I. Второй — к 421 году, когда двадцать восемь пелагианских епископов апеллировали к вселенскому собору, по поводу решения,

¹ Бл. Август., serm. 131, de Verb. Evang.

² Бл. Август., Cont. Julian, lib. 111.

поразившего их. Итак, по мнению римских богословов, папское осуждение, подтверждающее осуждение Африканских соборов, имело учительную власть, которую не могла ослабить апелляция к вселенскому собору; итак, Рим пользовался верховным и неотменяемым авторитетом в догматических вопросах.

Эти заключения не точны. Прежде всего, блаженный Августин не смотрел на решение Рима, как на неотменяемое.

В самом деле, говоря о вопросе перекрещивания, он утверждает, что св. Киприан имел права противопоставлять свое верование верованию папы Стефана, и говорит, что он сам не высказался бы так ясно об этом вопросе, если бы вселенский собор еще не решил его¹. В то же время он признает, что Стефан имел на своей стороне *гораздо большее число* единомышленников.

Обращаясь к Донатистам, он говорит им, что после осуждения собором в Риме, у них остается еще одна надежда на собор *полный*, или вселенский, к которому они могут апеллировать². Итак, он не смотрел на суждение папы, высказанное даже на соборе, как на неотменяемое и безапелляционное.

Кроме того, надобно заметить, что по делу Пелагиан, блаж. Августин упоминает *один только раз* о римском суде, в первом приведенном тексте. Во втором, и во всех других, он говорит только о суде, высказываемом всеми епископами, и, в частности, епископами Восточными³. Итак, довод блаж. Августина есть следующий: Вы осуждены повсюду, на Востоке и на Западе, для чего же вам апеллировать к церкви, соединенной на соборе, когда все (частные) церкви единодушны в вашем осуждении? Пелагиане оправдывались решением, высказанным в их пользу папою Зосимом, преемником Иннокентия. Что же отвечает им Августин? «Если бы я согласился (чего однако нет), что римская церковь судила подобным образом о Келестине и Пелагии, и что она одобрила их учение, то отсюда следовало бы только, что римский клир стал изменником»⁴.

Подобный ответ не ниспровергает ли весь тезис, который ультрамонтане хотели бы построить на тексте блаж. Августина — *искаженном и дополненном*? Он не исключает Рима из суда над Пелагианами, потому что эта церковь есть *апостольская* и составляет часть вселенской; но его довод тем не менее состоит в следующем выражении: «Куда вы пойдете? — говорит он Пелагианам; не видите ли вы повсюду, куда только ни направитесь, воинство Иисуса Христа, которое поражает вас на всяком месте, в Константинополе ли, в Африке ли, и во всякой, самой отдаленной стране»⁵? Наконец доказательством того, что даже в Риме, равно как

¹ Блаж. Августин, lib. II, *de Baptismat, cont. Donat*, lib. *de Baptismat. Cont. Petil.*

² Он же, *Epist.* 4.

³ Он же, lib. I. *Cont. Julian.*

⁴ Он же, lib. 11.

⁵ Блаж. Августин, lib. II, *Cont. Julian.*

и в остальной церкви, не смотрели на решение Иннокентия, как на *окончание дела*, служит то, что это самое дело, после его решения, было исследуемо в самом Риме папою Зосимом, преемником Иннокентия; что оно было исследуемо частными церквами на большом числе соборов; наконец снова было исследуемо на вселенском соборе Ефесском, который *рассудил* дело и утвердил *решение*, высказанное в Риме и повсюду, где дело было исследовано¹.

Наконец достаточно знать, каким образом папа Иннокентий I был призываем высказаться по делу Пелагия, чтобы быть убежденным, что римские богословы злоупотребляют текстом блаж. Августина. Африканские епископы на двух соборах осудили заблуждения Пелагия, не справляясь с Римом и его учением. Пелагиане противопоставили им тогда римское верование, признаваемое ими согласным с ихним. После этого Африканские епископы написали к Иннокентию, спрашивая его — верно ли утверждение Пелагиан. Тем более надобно было поступить так, что в самом деле Пелагиане имели большое влияние в Риме². Епископы писали папе не для того, чтобы испросить у него решение, руководственное для них, но чтобы заставить замолчать тех, которые предполагали, что в Риме держатся *ереси*. Иннокентий осудил ересь; это и побудило блаж. Августина сказать: «Вы предполагаете, что Рим стоит за вас; Рим осуждает вас; вы осуждены также и всеми остальными церквами; дело покончено. Вместо испрашивания в Риме решения, Африканские епископы указывают папе на поведение, которого он должен держаться среди этих событий³.

Итак, римские богословы злоупотребляют текстом блаж. Августина; *частью же они измыслили его по требованию своей системы*.

Один текст, представляющийся с первого раза очень благоприятствующим римским притязаниям, принадлежит св. Оптату Милевскому, который приводится римскими богословами при всех удобных случаях. Верно истолкованный однако же этот текст не более им благоприятствует, как и тексты других отцов. Св. епископ Милевский восстал против Донатистов, учредивших свое епископство в Риме. Он хотел им доказать, что их епископство не законное. С этою целью он должен был установить, что единственно законное епископство есть то, которое по прямой линии идет от апостолов; ибо существует только одно апостольство, коего Петр изображает *единство*; и все, что находится вне *апостольской кафедры*, то есть апостольства, не может заявлять притязания на законность. Принимая это во внимание, св. Оптат так обращается к своему противнику⁴.

¹ Epist., *Conc. Eph. ad Caelest.* V, Et. St. Prosp. Op.; Phot. *Biblioth. Cardinal Noris, Hist. Pelag.*, lib. II, ch. IX; edit. rom.

² Epist. *Synod. Cartag. ad Innocent* int S. Aug. op. Aug. Epist. 191 et 194; Possid, int. op. Aug. S. Prosp *Chron.* ad ann. 418.

³ Epist. *quinque Episcop.* int. Aug. op.

⁴ S. Optat, liv. II, *Cont. Parm.*

«Ты не можешь отвергать и ты знаешь, что епископская кафедра с самого начала была дана Петру в городе Риме; что на эту кафедру воссел Петр, вождь всех апостолов; ты знаешь, по какой причине он назван Петром, дабы пребывая на этой кафедре *единым*, сохраняемо было единство повсюду, в виду опасения, чтобы каждый из прочих апостолов не заявлял притязания на одну кафедру; наконец, дабы тот признаваем был отщепенцем и грешником, кто поставил бы другую кафедру против этой единственной кафедры».

Для блага единства, говорит он еще¹, блаженный Петр, для которого было достаточно, чтобы по отречении от своего Господа получить прощение, он удостоился еще быть превознесенным пред всеми апостолами и *один* получил ключи Царствия Небесного, чтобы сообщить их другим».

Св. Опат спорит с человеком, который отрицает единство священноначалия и его апостольское происхождение. Чтобы его убедить, он указывает ему на Рим, единственную *апостольскую* церковь, коей апостольское происхождение на западе было бесспорно; он показывает ему, что Петр, который был *символом священнического единства*, основал Римскую кафедру; что, следовательно, он должен находиться (в общении) с этою кафедрою, если хочет пребывать в единстве и апостольском служении; но отсюда до власти над всею церковью, далеко.

Совокупность всех рассуждений святого Опата доказывает, что в предшествующем тексте он имел в виду ту цель, которую мы указали.

«Наш ангел², говорит он, ведет свое начало от Петра, а ваш ведет начало только от Виктора³. Обратитесь, если вам угодно, к семи ангелам, существующим в Азии; обратитесь к нашим сотоварищам, то есть к тем церквам, к которым писал св. Иоанн и с которыми вы не находитесь в общении. Всякий же, кто пребывает вне семи церквей, тот есть *чуждый*; если вы имеете кого-либо из ангелов семи церквей, с которым состоите в *единении*, то посредством его вы находитесь в общении с остальными ангелами, а чрез них со всеми церквами; а посредством церквей и с нами. А если этого нет, то вы не обладаете *вселенским* характером церкви, и вы не истинные *кафолики*».

Таков правильный анализ доказательств святого Опата. Он не старается в своем сочинении доказывать, что Римский законный епископ обладает властью вселенскою; он устанавливает только, что (епископ этот) по прямой линии нисходит от апостолов и что его противник донатист не есть законный епископ; он доказывает, что апостольские церкви Востока находятся в общении с апостольским епископом Рима и, следовательно, Донатисты не на-

¹ Liv. I, Cont. Parm.

² Он намекает на *ангелов* церквей, которые в Апокалипсисе означают епископов.

³ Это был епископ, поставленный Донатистами в Риме.

ходятся в *кафолическом* или вселенском единении. Поистине, мы не видим, каким образом подобное учение может быть приводимо в доказательство притязаний современного папства. Скорее, по справедливости, можно пользоваться этим доказательством против папских притязаний.

Мы обозрели важнейшие тексты, на которых ультрамонтане и совершенные галликанцы основывают свои системы касательно папства. Первые видят в них папскую *автократию*; вторые *умеренную монархию*, коей папа есть вождь, не абсолютный и непогрешимый, но подчиненный законам и определениям соборов. И те и другие дурно истолковали тексты и извлекли из них ложные заключения; достаточно противопоставить их одни другим, чтобы опровергнуть их. Единственные факты, вытекающие из этих текстов, суть следующие: 1) святой Петр был *первым* между апостолами, но это звание не давало ему власти; 2) святой Петр, вместе со святым Павлом, способствовал основанию Церкви в Риме; 3) эта, следовательно, церковь обладает апостольским престолом.

Из этих фактов приверженцы папской власти хотят заключать, что римские епископы, по праву преемников святого Петра, унаследовали преимущества этого апостола. Но тексты не подтверждают ни преимуществ, усвояемых ими святому Петру, ни наследия, полученного епископом Рима. Этот епископ не есть наследник Петра, как не есть наследник и Павла; он пользовался только *епископством* в той церкви, где эти апостолы совершали свое *апостольское* служение. Петр и Павел скончались в Риме; и хотя своею смертью они прославили эту церковь, но этим не завещали ей наследия своего *апостольства*, равно как и другие апостолы не оставили его церквам, в которых скончались. Преимущества, которые должны продолжаться в церквах, завещаны не смертью апостолов, но *посвящением*; вот почему апостолы *посвятили* и поставили епископов во всех основанных ими церквах, в Риме, как и в других местах. Так, по свидетельству памятников первых веков, *первым епископом* Рима был Лин, а не святой Петр. Римское *епископство* восходит только к Лину, и это епископство имеет свое начало прежде всего в апостольстве Павла, который посвятил первых двух епископов, а потом в апостольстве Петра, *посвятившего* Климента, который был избран на римский престол по смерти Анаклета и спустя долгое время после кончины св. Петра. Подобным же образом и епископы Антиохийские берут свое начало в апостольстве Петра и Павла; епископы Александрии тоже восходят к Петру чрез Марка, который был посланником и учеником этого апостола. Другие апостольские престолы, как то: Иерусалима, Смирны, Византии и т.п., подобно римскому, имеют свое начало от того или другого апостола. Их *епископство* тоже есть апостольское, но не есть *апостольство*.

Прежде окончания этого исследования учения отцов четвертого и пятого века, мы должны упомянуть, в форме возражений, о

некоторых текстах блаж. Иеронима, которые, по видимому, благоприятствуют крайним папским притязаниям.

Предварительно заметим что 1) хотя бы слова этого учителя надобно было бы понимать буквально, то и тогда они не доказывали бы ничего, ибо этот учитель остается *один* против всех, а мнение только *одного* учителя даже отца церкви абсолютно не доказывает ничего в отношении к кафолическому учению; 2) нельзя понимать буквально текстов блаж. Иеронима, не поставляя его в противоречие с самим собою.

Пиша к папе Дамазу, *другу и покровителю* своему, Иероним выражается следующим образом¹: «Хотя ваше величие меня устрашает, но ваша благость ободряет. Я испрашиваю у священника жертвы спасения, у пастыря помощи, необходимой овце. Я говорю преемнику рыбака, ученику креста. Не следуя ни за каким первым, разве только за *Христом*, я нахожусь в общении с Вашим блаженством, то есть, с кафедрой Петра; я знаю, что на этом камне создана церковь. Кто не ест агнца в этом доме, тот нечист; кто не обретается в Ноевом ковчеге, тот погибнет во время потопа... Я не знаю Виталия; я отвергаю Мелетия; я не знаю Павлина². Кто не жнет с вами, тот расточает жатву, то есть он не со Христом, а с антихристом». Затем спрашивает, должен ли он говорить о Божественных *Ипостасях*, или должен молчать.

Обращаясь к Дамазу, римским дамам и, в частности, к Евстохии, блаж. Иероним выражается о Римском престоле, почти в том же смысле.

Надобно ли понимать его слова буквально, или же надобно видеть в них ласкательство по отношению к папе Дамазу? В словах этих тем более надобно видеть ласкательство, что Дамаз представил Иерониму доказательства не только своего покровительства, но и дружбы. Как бы то ни было, достоверно, что их нельзя понимать буквально, не поставляя блаж. Иеронима в противоречие с самим собою. Прежде всего надобно заметить, что он признает в Церкви только одного *первого*, Иисуса Христа; кроме того, он называет св. апостола Петра *камнем*, на котором основана Церковь и в то же время утверждает, что Иисус есть *единный камень* и что название *вторичных камней равно* принадлежит всем апостолам и пророкам. «Камни, говорит он, должны быть понимаемы в смысле пророков и апостолов. Церковь есть камень, который утверждается на более твердом камне»³.

Он учит, что Церковь представляется апостолами и пророками в том смысле, что она *основана* на тех и других, *super prophetas et apostolos constituta*. Впрочем, в своем письме к Дамазу, он по видимому говорит, что Петр есть основание Церкви с исключением всех других.

¹ Блаж. Иероним, *Epist.* 57 ad Damas.

² Намек на разногласие в церкви Антиохийской.

³ Блаж. Иероним, *adv. Iovin.*

Но быть может он допускал, что Петр обладал некоторым верховенством, как бы основою Церкви? Нет, потому что он положительно говорит противное: «Крепость Церкви, говорит он, утверждается на них (пророках и апостолах) *одинаковым образом*¹. Он называет св. Петра князем апостолов, но он говорит также: «Он (Христос) показывает нам *Петра и Андрея*, князей апостолов, поставленных быть проповедниками Евангелия».

Главенство св. Петра состоит ли во власти, как это можно заключать из письма к Дамазу? Иероним объясняется в следующем месте²: «Что можно приписать Аристотелю, чего нельзя было бы найти у Павла? или Платону, что не принадлежало бы Петру? Как этот последний был *князем* философов, так Петр был князем апостолов, на котором была устроена церковь Господня, как на крепкой скале». В другом месте³, он представляет св. Павла говорящим: «*Я ни в чем не ниже Петра, ибо мы посвящены тем же Богом для одного и того же служения*». Очевидно, что тот, кто *ни в чем* (in nullo) не ниже другого, равен ему во всем.

Римские богословы не могут отрицать, что св. отцы вообще учили о *равенстве* апостолов между собою; относительно этого пункта, предание единодушно. Нельзя привести ни одного отца Церкви, который преподавал бы иное учение. Но римские богословы стараются не давать значения столь важному факту. Они надеются выйти из затруднения, причиняемого подавляющим свидетельством отцов, следующим различием: апостолы были равны, говорят они, *в отношении к апостольству*, но не *в отношении к первенству*⁴. Но это *первенство*, как его понимают в Риме, может ли существовать вместе с каким бы то ни было *равенством*? Очевидно, нет. Отцы не могли учить о равенстве апостолов, не отрицая верховенства одного среди них. Они учили об этом равенстве без всякого ограничения. Итак, римские богословы искажают их свидетельство, прибегая к различению, которое лишает его абсолютного характера.

Но не усвоит ли Иероним Римскому престолу преимуществ исключительных, как можно думать на основании его писем к Дамазу и Евстохии? Вот что говорит святой учитель в другом письме⁵.

«Не должно думать, будто город Рим составляет Церковь, отличную от Церкви всей вселенной: Галлы, Британия, Африка, Персия, Восток, Индия, все варварские народы признают божество Иисуса Христа и сохраняют одно правило истины: *Если надоб-*

¹ Он же, *adv. Iovin.*

² Он же, *adv. Pelag. lib. I, c. IV.*

³ Он же, *Comment. in Epist. ad Galat.*

⁴ Дабы нас не обвинили в ложном усвоении этого различия среди римской партии, мы заявляем, что его можно находить у богослова, пользующегося большим авторитетом в этой партии, у О. Перроне; *Fract. de Loc. Theol. part. I, Sect. II, cap. I, Difficult. respons ad 6.*

⁵ Блаж. Иероним, *Epist. 146 ad Ev.*

но искать авторитета, то вселенная гораздо больше одного города. Повсюду, где существует епископ, будет ли он находиться в Риме или в Евгее, в Константинополе или Реджио, в Александрии или Танаисе, он обладает *тем же авторитетом*, тем же достоинством, получивши то же священство. Сила, условливаемая богатством, и скромность положения, к которому приводит бедность, не делают епископа ни более, ни менее великим».

Можно ли выразиться более ясно, что правило веры находится только в целом епископском обществе, а не в Риме; что Римский епископ есть только епископ и что он не более самого скромного епископа Церкви; что принадлежащая епископу сила, по причине богатств, не делает его выше других?

Не должно ли утверждать, что блаж. Иероним во всех своих сочинениях постарался опровергнуть свои письма к Дамазу?

Но, присовокупляют римские богословы, папские преимущества до такой степени были признаваемы, что даже еретик Иовиниан упоминает о них. В самом деле, желая доказать блаж. Иерониму, что брачное состояние выше состояния девства, он говорит ему: «Святой Иоанн был девственником, а святой Петр был женат; вот почему Иисус Христос предпочел св. Петра св. Иоанну, *создавая на нем свою Церковь!*» Римляне останавливаются на этом и не приводят ответа блаж. Иеронима Иовиниану. Но этот прием не доказывает их добросовестности, как это очевидно. Вот ответ блаж. Иеронима¹. «Если Он предпочтительно удостоил Петра пред Иоанном этого почетного отличия, то это потому, что неприлично было возложить его на юного Иоанна, или лучше — на дитя, каким был Иоанн, — не возбуждая ревности. Но как Петр есть апостол, так и Иоанн. Один женат, другой девственник. Но Петр есть *только апостол*, а Иоанн апостол, евангелист и пророк».

По совести, рассуждал ли бы блаж. Иероним подобным образом, если бы о первенстве Св. Петра он имел идею, какую в Риме имеют о папе? Он плохо опровергал бы Иовиниана, если бы признавал первенство Петра как-либо иначе, а не *старшинством*, в силу которого он был представителем апостольского общества и *символом* единства; ибо он основывает свое доказательство на следующем *бесспорном* факте; Петр, подобно другим апостолам, был только апостолом. Если бы Иовиниан думал иначе, то доказательство блаж. Иеронима было бы смешным. Но блаженный учитель полагает следующее главное начало своего доказательства: надобно ли поставлять св. Иоанна превыше св. Петра по причине его качеств: *евангелиста и пророка*, если св. Петр был *вождем и князем* апостолов в том смысле, какой Рим усвоет этим выражениям теперь?

После представленной нами картины *постоянного и вселенского* предания первых пяти церковных веков, остается только изумляться, когда слышишь кардинала Орси² утверждающим,

¹ Блаж. Иероним, Liv. 1, *Cont. Iovin.*

² Орси, *Jufailibilitas Rom. pontiff.*

будто папским притязаниям можно противопоставлять тексты только изолированные и не содержащие смысла католического предания; когда слышишь всех приверженцев папства доказывающими, будто *католическое* предание стоит на стороне их системы, и преимущественно в первые века!

V

Власть римских епископов в течение шестого, седьмого и восьмого веков

Мы видели прежде, что вселенские соборы Константинопольский и Халкидонский дали константинопольскому епископу второе место во вселенском епископате, и что римский епископ св. Лев восстал против этого постановления по следующей причине: постановление это изменяло иерархический порядок, установленный на первом вселенском соборе, в Никее.

Можно думать, что причиною несогласия у св. Льва действительно было уважение к канонам. Но его преемники без сомнения руководились иною причиною. Они боялись, чтобы константинопольский епископ не превзошел их вскоре по своему первенству; они должны были тем более иметь в виду эти опасения, что Халкидонский собор в основание римского первенства полагал достоинство города Рима, столицы империи. А Рим с каждым днем терял влияние. Западная римская империя падала под ударами варваров; Рим последовательно переходил в руки различных народностей, которые почти до последнего признака уничтожили его минувшее величие. Константинополь сделался единственным центром империи и возрастал в блеске по мере того, как Рим падал. С другой стороны, императоры каждый день давали константинопольским епископам новые преимущества, которые увеличивали их влияние; между тем как епископы римские оставались как бы забытыми ими. Итак, естественно было, что римские епископы являлись ревнивым к преимуществам и почестям своих константинопольских собратьев и что эта ревность обнаруживалась в необходимых сношениях, долженствовавших происходить между ними. Естественно было также, что константинопольские епископы являлись гордыми в отношении к римским, которые обладали только наружным первенством и лишь воспоминанием о славе, с каждым днем тускневшей более и более.

Таково было начало борьбы, происходившей между престолами римским и константинопольским в течение шестого, седьмого и восьмого веков; и такова была причина, заставившая римских епископов способствовать учреждению новой Западной империи, в которой они могли, благодаря новым императорам, сообщить своему первенству развитие, превзошедшее первенство престола константинопольского.

Не должно опускать из виду эти общие соображения, когда хотят понять историю папства и борьбу, которая привела к разрыву Западной и Восточной Церквей. Неоспоримо, что императоры Константинополя старались усилить влияние епископов этого города. С этою целью они обнародовали множество декретов, а император Зенон объявил двадцать восьмое правило Халкидонского собора даже законом государства. Государь новой, Восточной империи рассчитывали увеличить свою собственную славу, окружая блеском и могуществом (епископский) престол своей столицы. Вследствие такого положения, константинопольский епископ стал пред ними необходимым посредником, не только в отношении к другим восточным епископам, но и в отношении к Западу; он сделался столь могущественным, что вошло в обычай избирать его среди членов императорской фамилии или в среде фамилий, наиболее знаменитых.

Первоначально константинопольский епископ пользовался только почетным титулом в силу третьего правила второго вселенского собора (381). Спустя несколько времени император Феодосий Младший обнародовал два закона, чтобы сообщить ему действительную власть над провинциями Азии и Иллирика. Халкидонский собор (451) дал этим законам свое церковное освящение и распространил власть константинопольского епископа над Понтом и Фракиею, вследствие церковных смут, волновавших эти страны. Константинопольский епископ признал даже себя в праве распространить свою юрисдикцию и на другие патриаршие престолы Востока.

Надобно обратиться к пятому столетию, чтобы найти начало этих домогательств.

В 476 г. на престоле Константинопольском был Акакий, а на престоле Римском Симплиций. Василиск, согнавши с императорского трона Зенона, объявил себя расположенным к еретикам, осужденным на Халкидонском соборе и возвратил из изгнания Тимофея Элура, Александрийского епископа-еретика, и Петра Фулона, епископа-еретика Антиохийского, из коих и тот и другой был низложен на основании канонических постановлений. Симплиций писал к Василиску, против (этих) еретиков; он в то же время писал к Акакию, чтобы склонить императора к изгнанию Тимофея, и чтобы отклонить этого государя от созвания нового собора¹. Но Василиск был низложен, и Зенон снова взшел на императорский трон. Акакий послал диакона к римскому епископу, чтобы условиться с ним относительно принятия необходимых мер для уврачевания церковных зол. Симплиций ему отвечал, что после Бога *один только* император может уврачевать их, и что этот государь должен обнародовать приказ об изгнании Тимофея и Иоанна Антиохийского, который вытеснил еретика Петра и стоил столько же, как и этот, и чтобы наконец изгнал всех еретичествовавших епископов, врагов Халкидонского собора.

¹ См. *Simplic. Epist.*, в собрании P. Labbe, t. IV; Евар., *История*.

Надобно заметить, что если бы за римским епископом признавали власть вселенскую и абсолютную, какую ему усвоят теперь, то он не имел бы надобности в императорском посредничестве для восстановления в Церкви порядка и уважения к законам. Похитители епископских престолов и низложенные епископы не имели бы столь многочисленных приверженцев.

Симплиций искал посредничества Акакия пред Зеноном для получения желательного ему приказанья и для отлучения от Церкви тех, которые были осуждены на изгнание. Император издал декрет, желаемый Симплицием и Акакием, и созвал собор Восточных епископов, который отлучил бы еретичествовавших епископов, и, в частности, Петра и Иоанна, похитителя Антиохийского престола, и Тимофея Александрийского. Собор писал к Симплицию, прося его не принимать в общение никого из тех, кого он осудил. Тогда Симплиций, со своей стороны, отлучил их и уведомил Акакия о своем решении, прося обязать императора, чтобы он привел в исполнение обнаруженный им декрет об изгнании.

Тимофея Элура, расслабленного летами и болезнью, оставили умереть в Александрии. После его смерти, его приверженцы избрали Петра, по прозванию *Моггос*; но император Зенон изгнал его, и на Александрийском престоле восстановил Тимофея Солофакиола, который несправедливо был изгнан из Александрии¹. Таким образом, три епископа: Рима, Константинополя и Александрии, — находились в совершенном общении и взаимно поддерживали себя.

Но вот Антиохийский епископ, заместивший двух похитителей — Петра и Иоанна, был убит во время мятежа, так как Антиохийская церковь была глубоко разделена, и религиозные партии вели жестокую войну между собою. Чтобы испросить прощение у императора, антиохийцы согласились отказаться от своих прав избрания и просили Зенона избрать им епископа. Император избрал Стефана, который был посвящен в Константинополе Акакием. Это избрание не было согласно с канонами; в Константинополе это знали так же хорошо, как в Риме; но извиняли себя обстоятельствами и известили папу о совершившемся, дабы он не отказался войти в общение с новым епископом. Симплиций согласился с тем, что сделали император и Акакий, сильно однако же настаивая на том пункте, что подобное избрание, противоречащее Никейским канонам, не должно служить оправдывающим примером. В Константинополе согласились с этим; тем не менее достоверно, что смуты Антиохийской и Александрийской церковью способствовали распространению влияния константинопольского епископа на всю восточную церковь; потому что император по необходимости вмешивался в эти смуты и в церковных делах пользовался еписко-

¹ Теперь римский двор так мало знает факты, что в сочинении, обнаруженном им против *Восточной церкви*, под именем г. Пичипиоса, он выставляет Петра Моггоса патриархом *Антиохийским*. См. ч. I, гл. 11.

пом, находившийся при нем, советы которого он легко получал. Симплиций замечал этот успех соперничающего престола; вот почему он так заботливо апеллировал к канонам, желая не допустить, чтобы вмешательство Акакия перешло в обычай.

Между тем когда Стефан помер, император избрал преемником ему Календиона, и Акакий совершил над ним посвящение. Календион, по обычаю, обратился с общительной грамотою к римскому епископу, который и вошел в общение с ним¹.

Больше было затруднений относительно александрийского престола, после смерти Тимофея Солофакиола. Преемник его, Иоанн Талайя, был правильно избран и посвящен; но Акакий объявил себя против него, убедил императора в том, что Иоанн не достоин епископства, и склонил отдать престол Петру Моггосу, что в глазах его было средством к восстановлению мира; ибо Моггос, вместе со своими приверженцами, обещал отказаться от своего противления Халкидонскому собору и утверждал, что верные не будут отвергать его, когда он канонически будет восстановлен. Римский епископ не разделял мнений Акакия и объявил, что, не вступая в общение с Иоанном Талайей, он никогда не признает законным епископом Петра Моггоса. Зенон не принял в расчет его объявления и восстановил Петра Моггоса. Акакий вступил с ним в общение, будучи обманут православными заявлениями этого дурного епископа.

Иоанн Талайя, ушедши из Александрии, прибыл в Антиохию и в Рим. В обоих этих городах он заявил тяжкие обвинения против Моггоса и был принят в общение Календионом и Симплицием. Он писал к Акакию, испрашивая и у него общения; но тот ответил ему, что он не признает его законным епископом Александрии. Симплиций тотчас написал Акакию, порицая его за то, что он вошел в общение с Моггосом. Симплиций помер прежде получения ответа от Константинопольского епископа (483). Преемником его был Феликс, пред которым Иоанн Талайя тотчас же стал защищать свое дело. Иоанн написал памятную записку (*memoire*) против Акакия и Феликс созвал в Риме собор, на котором было решено, что Акакий должен отвечать на записку Иоанна и провозгласить анафему Петру Моггосу. Эти решения были отосланы императору². В своих письмах, написанных к Зенону и Акакию, Феликс горько жаловался на то, что из Константинополя даже не отвечали на письма его предшественника касательно церковных смут в Александрии. Зенон угрозами и ласками склонил посланных Феликса войти в общение с Акакием и Петром Моггосом: но противники этих двух епископов донесли в Рим на этих легатов и они были низложены. Они доставили два письма, в которых Ака-

¹ В сочинении, цитированном выше, смешивают *общительные грамоты с испрашиванием посвящения*; а это доказывает, что римский двор не лучше знает каноническое право, как и исторические факты. См. Ч. I, гл. 111.

² Феликс, *Epist.*, в собрании P. Labbe, t. IV; Евagr. *Церк. Ист.*

кий и Зенон объясняли свое поведение в отношении к Петру Могосу, и опровергали обвинения, коих объектом был этот епископ.

Этот ход дела оскорбил папу, и папа тотчас созвал собор италийских епископов для отлучения и низложения Акакия. Свое решение он объявил ему и подписался следующим образом: «Феликс, епископ святой *кафолической* церкви *Рима*.

Суждение, высказанное об Акакии, было ничтожно и антиканонично, что оно было произнесено вне того места, где находился обвиняемый и без участия восточных епископов, необходимых *судей* в этом случае. Кроме того, в решении слышен был очень страстный тон; наконец в нем Феликс домогается присвоить *своему престолу Рима титул кафолического*, то есть вселенского, чтобы внушить мысль, будто его власть простирается на всю Церковь.

Отсюда ясно, что хотя римские епископы не усвоили себе, как говорит св. Григорий В., титула *кафолического* или *вселенского*, предложенного им Халкидонским собором, тем не менее, спустя немного времени после этого собора, уже стремились присвоить своему престолу не один лишь титул *почетный*, но и *вселенскую* власть, что было столько же противно намерениям собора, как и преданию всей церкви. Римский епископ оказался тем более расположенным к преувеличению своих преимуществ, что Акакий был более влиятельным при направлении церковных дел на Востоке; он являлся тем более страстным, чем более константинопольский епископ был ревнив в отношении к нему. Акакий с презрением отверг решение римского епископа и отказался даже принять его. Когда несколько епископов высказались против него, то он их низложил; Рим, со своей стороны, отлучил его приверженцев. После смерти Акакия, случившейся в 489 г., разногласие продолжалось по этому поводу. Кто стал бы сомневаться, что соперничество Рима не имело большего значения в его сопротивлении Акакию, тому достаточно прочесть то, что писал папа Геласий в 495 году. Когда этот папа получил от Дарданских епископов письмо, в котором ему говорили, что приверженцы Акакия преимущественно оправдываются неправильностью решения, постановленного против него на соборе италийском: то Геласий, в ответ им, ссылаясь на Халкидонский собор, который наперед осудил всех отвергающих собор¹. Но вопрос именно и состоял в том, чтобы знать — нарушил ли Акакий уважение к Халкидонскому собору, стараясь прекратить смуты, которые возникли на Востоке по поводу этого собора. Факт достоверный, что Акакий, усиливаясь прекратить эти смуты и оказываясь терпимым в отношении к людям, ничуть не жертвовал *кафолическим* учением, определенным в Халкидоне.

¹ Итак, Рим низложил Акакия под ложным предлогом его несогласия с Халкидонским собором; а это обличает во лжи утверждение, содержащееся в выше цитированном сочинении, что никакой догматический вопрос не подвергался пререканиям между Римом и Константинополем во времена Акакия. См. Ч. 1, гл. 111.

Не менее неоспоримо, что люди, осужденные сначала в Константинополе, а потом в Риме, никогда не видели своих обвинителей противоречащими друг другу; что они имели очень многочисленных приверженцев; что они были осуждаемы, изгоняемы, преследуемы императорской властью, строгости которой римские епископы постоянно требовали, как в этом уверяют их письма. Итак, нет ничего удивительного, что Акакий, даже после своей смерти, был почитаем на Востоке великим и святым епископом и что решение ита-лианского собора против него было признаваемо как бы не существовавшим. Геласий очень дурно отвечал на возражение епископов Дарданских относительно незаконности этого решения. Из мести, он проявил много страстности, усиливаясь опровергнуть доказательство в пользу Акакия, заимствованное от важности константинопольского престола. Мы посмеялись, говорит он¹, над преимуществом, какое они (епископы Востока) хотят присвоить Акакию, потому что он был епископом императорского города. Не жил ли долгое время император в Равенне, в Милане, в Сирмиуме, в Трире? Епископы этих городов, выступали ли поэтому за пределы, предписанные им *древностью*? Когда дело идет о достоинстве городов, то епископы второстепенных и третьестепенных престолов (могут) иметь больше достоинства, чем епископ *города, который не имеет даже прав на митрополию*. Иное дело власть светской империи, иное дело распределение церковных достоинств. Как бы ни был мал город, он не умаляет величия присутствующего там государя; равным образом и присутствие императора не изменяет церковного порядка, и этот город скорее должен воспользоваться подобным преимуществом для сохранения религиозной свободы, оставаясь спокойным в своих пределах».

Что же однако служило основанием достоинства римской церкви? Геласий не мог указать иного, кроме Никейского собора. Но один вселенский собор не имел ли таких же прав, как и другой, тоже вселенский? Если в Никее церковь установила иерархический порядок в таком виде, что Рим и Александрия были выше Антиохии и Иерусалима, потому что их престолы имели больше важности: то почему Халкидонский собор не имел права поставить Константинополь выше Александрии и даже Рима? Если по духу Никейского собора, Рим и Александрия должны были преимуществовать перед Антиохиею и Иерусалимом и это, очевидно, только по причине политической их важности, как очень хорошо говорит об этом собор Халкидонский, то почему же Константинополь ставший более важным, чем Александрия, когда сделался столицей империи, не мог быть вознесен в иерархическом порядке выше? Геласий не отвечал на вопрос, говоря об императорских *резиденциях* в Трире, Милане, Равенне и Сирмиуме, потому что эти города никогда не были *царственными городами* или *столицами*, подобно Риму и Константинополю. Он доводит свою страстность до того, что отрицает за Константинополем простое наиме-

¹ Геласий, *Epist. ad. Episcop. Dard.*

нование *митрополии*, потому что древняя Византия не была ею. Таким образом, осуждая и обвиняя Акакия за мнимое отвержение Халкидонского собора, Рим стремился попать ногами определения того же самого собора. Какая важность в том, что папа Лев протестовал против этих определений под предлогом определений Никейских; тем не менее достоверно, что Халкидонские определения имеют силу, равную Никейским, потому что этот собор равно есть вселенский.

Мы не раскрываем наконец всех исторических ошибок и всех ложных утверждений Геласиева письма; мы хотим только установить, что чем более Константинополь усиливался по своему влиянию, тем более Рим хотел унижить его. Понятны мотивы этого. Рим находился под властью варваров; с каждым днем он терял свое обаяние, напротив того, для Константинополя наступила эпоха блеска.

В одном из своих сочинений против Акакия¹ Геласий возвращается к определению Халкидонского собора, усвоившего второе место в церкви Константинопольскому епископу. Он заявляет, что это определение не имеет силы, так как оно было отвергнуто римским престолом. Но в таком случае, зачем же этот престол полагает в основу своей аргументации Никейский собор, как имеющий для него высший авторитет, которому сам Рим должен подчиняться? Не потому ли это, что Никейский собор был вселенским? Но разве Халкидонский собор не был тоже вселенским, и его авторитет разве не был равен авторитету собора Никейского?

Очевидно Рим, вследствие своей антипатии к Константинополю, поставил себя в тупик. Чтобы выйти из него, у него оставалось одно средство: провозгласить, что его авторитет проистекает от Бога и выше авторитета соборов; это направление мыслей он и принял. Сначала он утверждал это робко и в прикровенных словах, потом открыто, когда увидел благоприятный случай.

Папские намерения стали обнаруживаться в письмах и папских инструкциях, касающихся того, что относилось к смутам, причиненным мнимым низложением Акакия. Почти весь Восток смотрел на это решение, как на ничтожное. Папы же держались его и смешивали это дело с делом Халкидонского собора, чтобы сообщить ему больше важности; однако же учение, господствовавшее даже в этих документах, было то, что только *собор* может положить основание для примирения; а это исключало идею власти центральной и верховной, будет ли то в Риме, или в ином месте. Эта же идея господствует преимущественно в сочинениях Геласия и Гормизда, которые особенно занимались смутами на Востоке². Мир был восстановлен в 519 г., но под условием нового рассмотрения дела с той и другой стороны, с равным авторитетом. Когда папа Иоанн I, в 525 г., по приказанию Феодосия, царя Италии, прибыл в Константинополь, чтобы жаловаться на ариан, то был

¹ Геласий, *Трактат об анафеме*.

² См. их письма в *Собрании Соборов* P. Labbe, t. IV.

приглашен служить литургию в день Пасхи. Он принял предложение, но под условием, чтобы ему *предоставили восседать на первом месте*. Никто не оспаривал у него этого преимущества; но предъявленное им требование показывает в папстве большую озабоченность по предмету римского первенства. Епископ константинопольский был тогда богат и влиятелен; напротив того, епископ Рима, подчиненный капризам еретичествовавших царей, был настолько беден, что Агапит, будучи обязан, в 536 г., отправиться по приказанию Теодата, Готского короля, в Константинополь, должен был продать часть священных сосудов, чтобы иметь необходимые для путешествия деньги. Агапит с почестями был принят императором Юстинианом. Императрица возвела в то время на Константинопольский престол Анфима, епископа Требизондского, известного своими привязанностями к заблуждениям Евтихия. Находившиеся в Константинополе епископы воспользовались прибытием папы, чтобы открыть с ним собор против Анфима, который лучше соглашался возвратиться на свою, Требизондскую епархию, чем обнародовать кафолическое исповедание веры. Мина, избранный на его место клиром и народом, утвержденный императором, был посвящен папою. Замечают, что в одном письме восточных епископов, они дают Агапиту название *Отца Отцов* и *патриарха*, а в письме монахов ему усвоено даже название *архиепископа древнего Рима* и *вселенского патриарха*¹. Эти наименования были чисто почетные, во вкусе эпохи, преимущественно же на Востоке. Наименование *Отца Отцов* усвоили всем епископам, которых хотели почтить преимущественным образом. Таким образом, этот титул ничего не говорит в пользу власти, которую не сообщали бы самые страны.

Споры относительно *Трех Глав* представляют неопровержимое доказательство в подтверждение того, что мы утверждаем.

Со времени Халкидонского собора, Восток наполнен был живейшими спорами, среди которых предавались всем силлогистическим тонкостям. Одни открыто искажали учение собора, чтобы опровергнуть его с большим успехом; другие оспаривали его православие, поставляя его в противоречие с собором Ефесским и с учением св. Кирилла. Обвинения последнего рода возникали из того, что Халкидонские отцы, казалось, подавали мысль, будто они одобряли учение Феодора, епископа Мопсутского, письмо Ивы и сочинение Феодорита против анафематизм св. Кирилла. Император Юстиниан много занимался богословскими спорами прежде всего по расположению к ним, а также потому, что различные партии, желая иметь его на своей стороне, обращались к его суду. Он полагал, что нашел наконец средство примирить умы по предмету Халкидонского собора, посредством отвержения недоразумений, коих причиною были три выше указанные сочинения, и посредством осуждения их; это он и сделал на самом деле. Эти-то три сочинения известны под названием *Трех Глав*. В них конечно

¹ См. эти сочинения в *Собрании Соб.*, t. V.

можно находить несторианские тенденции; но авторов не было на лицо для выяснения всего этого и дело шло только о том, чтобы осудить несторианизм в этих сочинениях.

Юстиниан послал ко всем епископам осуждение Трех Глав, с требованием подписать его. Одни согласились на это, но другие воспротивились, признавая это осуждение лишь восстанием против Халкидонского собора. Папа Вигилий был обязан Юстинианом сделать то же в Константинополе. Отказавшись присоединиться к осуждению, он соглашался однако с ним, *не причиняя ущерба Халкидонскому собору*. Эта осторожность не удовлетворила врагов собора, и не извинила осуждения в глазах других. Епископы Африки, Иллирика и Далматии, не считая огромного числа других епископов, отделились от общения с Вигилием. Африканские епископы торжественно отлучили его на соборе (551)¹.

Эти факты, не вдаваясь в полную оценку возбужденного вопроса, достаточно громко говорят, что в шестом веке не смотрели на римского епископа, ни как на непогрешимого, ни как на *центр* католического единства; что этот центр полагали только в чистой и православной *вере* и в соборе, представлявшем всю Церковь.

Вигилий, испугавшись излившегося на него осуждения, просил императора созвать вселенский собор для прекращения разногласия. Юстиниан согласился с этим и созвал епископов. Вигилий возвратил себе данную им подпись, и все согласились, что будут хранить молчание до соборного определения.

Итак, в Риме, как и в других местах, непогрешимый учительный авторитет видели только в епископате, единственном истолкователе вселенского верования.

Вигилий отказался присутствовать на заседаниях собора под предлогом, что западные присутствуют на нем не в столь большом числе, как восточные. Ему заметили, что в Константинополе было тогда больше епископов, чем было их на других вселенских соборах. Затруднение, возбужденное Вигилием, доказывает, что он не считал себя в праве, *своим присутствием или чрез делегатов*, сообщить вселенский характер собору, как это утверждают теперь в Риме. Тем не менее Вигилий отослал собору свое мнение о Трех Главах и воспротивился их осуждению. Собор не дал никакого значения его сопротивлению, тщательно исследовал три сочинения и осудил в них учение, как противоположное учению предшествовавших соборов, и именно собора Халкидонского, который торжественно был признан вселенским в том же смысле, как соборы Никейский, Константинопольский и Ефесский.

Прежде представления своего решения, собор припоминает свой образ поведения в отношении к Вигилию. «Благочестивейший Вигилий, говорит он², находясь в этом городе, принимал уча-

¹ См. Facundi Op. Издание P. Sirm ond; статьи, относящиеся к этому делу, см. в *Собрании Соборов* P.Labbe, t. V; *Церк. Ист.* Евг. и Феоф.

² Собор Констант., засед. 8, в *Собран.* P.Labbe.

стие во всем, что делалось относительно Трех Глав, и много раз осуждал их живым голосом и сочинениями. Затем он письменно согласился прибыть на собор и вместе с нами исследовать их, дабы провозгласить общее определение. Когда император, следуя нашему соглашению, увещевал нас собраться, то мы должны были просить Вигилия исполнить свое обещание, представляя ему в пример апостолов, которые, несмотря на то, что каждый из них, в частности, исполнен был Духом Святым и не имел надобности в совещании, не захотел однако же решить следующий вопрос: «надобно ли обрезать язычников» и решил не иначе, как только в общем собрании и подтвердивши свои мнения текстами Писания. Отцы, заседавшие некогда на четырех соборах, следовали примеру древних и сообща решали вопросы относительно еретиков; потому что *нет другого средства узнать истину в вопросах веры*. Каждый, по Писанию, имеет надобность в помощи своего брата; и когда два или три собраны во имя Его, Иисуса Христа, то Он пребывает среди них. Итак, мы часто приглашали Вигилия с этой же самой целью и император посылал к нему своих чиновников; однако же он обещал высказать свое суждение относительно Трех Глав только *частным образом*. Выслушавши этот ответ, мы подумали то, что сказал Апостол: *каждый отдаст за себя отчет Богу*, и, с другой стороны, мы побоялись осуждения, угрожающего тем, которые соблазняют братьев своих».

Собор извещает затем обо всем, что было сделано для исследования Трех Глав: он осуждает их, провозглашая свое почитание Халкидонского собора. Этим мудрым решением, пятый вселенский собор ответил на обвинения, которые люди увлекающиеся распространяли среди западных касательно дурных намерений большинства его членов. В то же время он ответил на предлоги, которыми противники Халкидонского собора пользовались для отвержения решений этого святого собрания. Таким образом он могущественно способствовал прекращению разногласий.

Вигилий понял, что он ошибался, защищая дурное учение под предлогом уважения, которое он заявлял в отношении к Халкидонскому собору. Спустя шесть месяцев после закрытия собора, он писал к Константинопольскому патриарху Евтихию письмо, в котором сознавался, что он *нарушил любовь, отделившись от братьев*. Он прибавляет, что не должно стыдиться отречения (от заблуждения), когда узнаешь истину. «Исследовавши, говорит он, дело о Трех Главях, я нашел их достойными осуждения». Далее он высказывается против тех, которые защищают их, и осуждает свои собственные сочинения в защиту их. Затем он обнаружил пространную записку в доказательство того, что Три Главы содержат дурное учение¹. И он вошел в общение с теми, которых прежде анафемствовал, и мир был восстановлен.

Пятый вселенский собор не был созван и не находился под председательством римского епископа, хотя и присутствовавшего

¹ См. сочин. это в *Собрании Соборов* P.Labbe, t. V.

в городе, когда происходили заседания. Заседания этого собора происходили не только без этого епископа, но и против него. Однако же определения этого собора были признаваемы каноническими и сам папа подчинился им после некоторых затруднений, которые имели свое начало в незнании фактов. Восток присоединился к собору, таким образом, собор собирался без папы и против папы, и все же имел вселенский характер.

Все обстоятельства этого великого исторического факта не доказывают ли с очевидностью, что в шестом веке, даже в Риме, не знали тех мнимых преимуществ, которые теперь приписывают папству?

Разногласие, происходившее в конце того же века между Иоанном Постником, преемником Евтихия на Константинопольском престоле, и папою св. Григорием В., яснейшим образом устанавливает ту же истину.

Мы уже заметили, что титул *вселенского* дарован был *ради почести* римскому епископу Халкидонским собором; что папа Феликс любил усвоить своему престолу титул *вселенского* в том же смысле; и что по крайней мере восточные называли папу Агапита патриархом *вселенским*. Без сомнения, этими предшествовавшими фактами оправдывали себя в Константинополе. Императоры старались возвысить патриарха своей столицы, которую они называли *новым Римом*, на ту же степень чести, какою пользовался *древний Рим*, — предоставляя патриарху второе место, на единственном основании древнего обычая. В этих видах император Маврикий дал Иоанну Постнику титул *патриарха вселенского*.

Папа Пелагий II, а затем его преемник, Григорий Великий, протестовали против этого титула. Григорий писал тогда те знаменитые письма, которые столь решительно осуждают современное папство. Представим некоторые выдержки.

В начале своего епископства, Григорий послал общительные грамоты Иоанну Константинопольскому, Евлогию Александрийскому, Григорию Антиохийскому, Иоанну Иерусалимскому, и другу своему Анастасию, прежнему патриарху Антиохийскому. Если бы он смотрел на себя, как на верховного вождя церкви, если бы он считал себя *вождем по праву божественному*: то конечно он обратился бы к патриархам, как к подчиненным; и в его окружном послании можно было бы находить некоторые следы его верховенства. Но это совершенно не так. Он пространно рассуждает об *обязанностях* епископа и он не думает говорить о *правах*, соединенных с епископским достоинством. В особенности он настаивает в нем на епископском долге не предаваться заботам о внешних делах и оканчивает свое окружное послание исповеданием веры, дабы доказать, что находится в общении с остальными патриархами и чрез них со всею церковью¹. Это умолчание св. Григория о мнимых *правах* папства уже весьма знаменательно само по себе, и римским богословам затруднительно объяснить его. Что же они

противопоставят самим письмам, которые мы переведем в извлечении, и в которых св. Григорий самым точным образом осуждает основную идею, которую хотят сообщить нам о папстве, то есть о великом характере папской власти?

«Григорий Иоанну, епископу Константинопольскому.

Пусть припомнит Ваше Братство мир и согласие, которыми наслаждалась церковь, когда вы были возведены в священное достоинство. Поэтому я не понимаю, каким образом вы осмелились последовать внушению гордости и попытались усвоить титул, который может произвести соблазн в умах всех братьев. Я тем более удивляюсь этому, когда припоминаю, что вы предавались бегству, чтобы избежать епископства. Однако же, вы хотите теперь пользоваться титулом, как если бы вы стали бежать в противоположную сторону, в область честолюбивых желаний. Вы, который прежде говорили, что не достойны епископства, как только были возведены в него, то, презирая своих братьев, честолюбиво усваиваете одному себе титул епископа. Мой предшественник, блаженной памяти Пелагий, обратился к Вашей Святыне с очень важными замечаниями по этому предмету. Он отверг, по причине усвоенного вами гордого и высокомерного титула, деяния собора, созданного вами из за дела брата и епископа нашего Григория, и он запретил входить в общение с вами архидиакону, которого он, по обыкновению, послал ко двору константинопольскому. После смерти Пелагия, будучи призванным к управлению церковью¹ вопреки моему недостойнству, я старательно убеждал Ваше Братство, не только писаниями, но и живым голосом, сначала чрез моих посланных², а затем чрез нашего общего сына, диакона Сабиниана, отказать от подобного надмения. Я запретил этому последнему входить в общение с вами, если вы откажетесь повиноваться (*obtempérer*) моему требованию (*demande*), дабы внушить Вашей Святыне стыд к вашему честолюбию, прежде чем я вступаю на канонический путь, если только стыд не исцелит вас от гордости, столь нечестивой и столь преступной. Как прежде ампутации надобно слегка дотрагиваться к ране, я вас прошу, я вас умоляю, я требую с возможною для меня мягкостью, чтобы Ваше Братство воспротивилось всем льстецам, которые усваивают вам название ошибочное и чтобы вы не соглашались приписывать себе титул, столько же бессмысленный, как и гордый. По истине, я плачу; и в глубине моего сердца я приписываю своим грехам то, что мой брат не захотел обратиться к смирению, он, который был возведен в епископское достоинство, чтобы приводить к смирению души других; что тот, кто учит истине других, не захотел ни выучиться ей сам, ни сочувствовать, вопреки моим просьбам, тому, о чем я старался.

¹ По учению св. Григория, епископ принимает участие в управлении церковью, власть же пребывает в епископате.

² Епископ римский посылал послов к Константинопольскому двору, с тех пор, как этот город сделался резиденцией императоров.

«Итак, подумайте, я прошу вас, что этим неразумным надмением, мир всей церкви возмущен и вы являетесь врагом *благодати, дарованной всем сообща*. Чем более вы будете возрастать в этой благодати, тем более будете унижать себя в своих глазах; вы станете наконец столь велики, что будете далеки от похищения этого сумасбродного и гордого титула. Вы будете тем более богаты, чем менее будете грабить своих братьев в свою пользу. Итак, возлюбленный брат, любите смирение от всего вашего сердца; только оно поддерживает согласие среди братьев и *охраняет единство во святой вселенской Церкви*.

«Когда апостол Павел услышал некоторых верных говорящими: *«я ученик Павла, я ученик Аполлоса, а я Петра*: то не мог без ужаса смотреть на подобное растерзание тела Господня с усвоением членов многим главам, и он воскликнул: *разве Павел распялся за вас? или, разве вы крестились во имя Павла?* Если он не желал, чтобы члены тела Господня по частям были соединены с другими главами, кроме главы Христовой, хотя эти главы были апостолов, то что вы скажете Христу, Который есть глава вселенской церкви? Что скажете вы Ему на страшном суде, — вы, который своим титулом *вселенский*, хотите подчинить себе всех Его членов? Кому, скажите мне, я прошу вас, — кому подражаете вы этим негодным титулом, как не тому, который, презирая легионы сопутствовавших ему ангелов, усиливался взойти на вершину, дабы не быть подчиненным никому и самому оставаться превыше других, который говорил: *взойду на небо; вознесу трон мой превыше звезд небесных; поставлю престол мой на горах союза, в стороне аквилона. Взойду превыше облаков, буду подобен Всевышнему?*

«Что такое ваши братья, все епископы вселенской церкви, как не звезды небесные! В самом деле, их жизнь и их наставления сияют сквозь людские грехи и заблуждения, как сияют звезды сквозь мрак ночи. Когда, посредством честолюбивого титула, вы хотите вознестись превыше их, и унижить их звание сравнительно с вашим, то что говорите вы, как не следующие слова: *«взойду на небо, вознесу трон мой превыше звезд небесных?»* Все епископы не суть ли облака, изливающие дождь наставлений и испещренные блеском своих добрых дел? Ваше Братство, презирая их и усиливаясь попираť их своими ногами, что говорите вы, как не следующее слово древнего врага: *«взойду превыше облаков?»* Что касается меня, когда я вижу все это, несмотря на мои слезы, то я страшусь тайного суда Божия; мои слезы текут в большом обилии, мои стенания исходят из моего сердца по той причине, что господин Иоанн, этот столь святой человек, столь великий постник и смиренномудренник, прельщенный ласкательством своих приближенных, мог дойти до такой степени гордости, что посредством своего негодного титула усиливается сделаться подобным тому, кто горделиво желая быть равным Богу, потерял дарованную ему благодать богоподобия, и лишился истинного блаженства, потому что честолюбиво возжелал ложной славы. Петр,

первый из апостолов и член святой и вселенской Церкви, Павел, Андрей, Иоанн — не суть ли главы известных народов? И однако же все они суть члены под единою главою. Чтобы сказать все одним словом, святые до закона, святые под законом и святые под благодатью — все они не составляют ли тела Господня? Не суть ли они члены Церкви? Но среди них нет ни одного, кто хотел бы называться вселенским. Пусть же Ваша Святыня сознается, как вы надмеваетесь, когда требуете титула, которого ни один из них не имел гордости усвоить себе!

«Разве, Ваше Братство, не знаете, что досточтимый собор Халкидонский давал почетный титул вселенского епископам того апостольского престола, коего я, волею Божию, состою служителем? И однако же никто из них не хотел дозволить, чтобы ему давали этот титул, из опасения усвоением особенной почести в епископском достоинстве не показаться отказывающим в этом всем (остальным) братьям.

«...Господь, желая склонить к смирению сердца еще слабых учеников своих, сказал им: *«кто хочет занять первое место среди вас, пусть будет меньше всех; а это ясно показывает, что кто действительно возвышается, тот смиряет свои помыслы. И так, будем опасаться обрестись в числе тех, которые домогаются первых мест на сонмищах, приветствий в общественных местах, и которые любят называться учителями среди людей. В самом деле, Господь сказал своим ученикам: «Не называетесь учителями, ибо у вас один Учитель, а вы все братья. Не называйтесь также отцами, ибо у вас один Отец».*

«Итак, что же вы скажете, возлюбленный брат, на Страшном Суде — вы, который желаете называться не только отцом, но и вселенским отцом во всем мире? Поостерегитесь злого наваждения; избегайте всякого соблазнительного совета. Конечно, необходимо, чтобы происходили соблазны, но горе тому, чрез кого приходит соблазн. Вследствие вашего преступного и исполненного гордости титула, Церковь разделена и сердца всех братьев приведены в соблазн.

«...Я старался не раз и не два, посредством моих посланных и смиренными словами, уничтожить грех, совершенный против всей Церкви; теперь же я пишу сам. Я не опустил ничего, что обязывало меня сделать смирение. Если же вместо исправления я достигну только презрения, то мне остается только одно средство — апеллировать к Церкви».

Из этого первого письма Григория В. видно: 1) что церковная власть пребывает в епископате, а не в том или другом епископе, как бы ни было высоко его положение в церковной иерархии; 2) что Григорий В. защищал против Иоанна Константинопольского не свое частное дело, но дело всей Церкви; 3) что он не имел права решить это дело сам, а должен был предоставить его, на суд Церкви; 4) что титул вселенского епископа противоречит слову Божию, и есть титул гордый и преступный; 5) что никакой

епископ, несмотря на высоту своего положения в церковной иерархии, не может претендовать на вселенскую власть, без захвата прав всего епископата; б) что никакой епископ в Церкви не может выдавать себя за отца всех христиан, не усвоят себе титула, противоречащего Евангелию, *гордого и преступного*.

Когда Иоанн Константинопольский получил от императора свой титул *вселенского*, то Григорий В. писал следующее письмо этому императору¹:

«...Наш благочестивейший государь поступает мудро, стараясь доставить Церкви мир для успокоения своей империи, благоволиительно приглашая священников к соглашению и единению. Я горячо желаю того же и, сколько от меня зависит, повинуюсь светлейшим приказаниям государя. Но так как предмет касается не моего дела, а дела Божия; так как не я один возмущаюсь, но возмущена вся Церковь; так как изобретением известного напыщенного и высокомерного слова нарушены каноны, досточтимые соборы и самые повеления Господа нашего Иисуса Христа, то пусть же благочестивейший государь пресечет это зло, и если болезнь окажется упорной, пусть свяжет ее браздами императорской власти. Ограничивая подобные вещи, вы дадите свободу государству и этого рода пресечением, уменьшите зло вашей империи.

«Все, читавшие евангелие знают, что попечение о всей Церкви вверено Самим Господом св. Петру, первому из всех апостолов. В самом деле, Он ему сказал: *Петр, любишь ли ты меня? Паси овцы мои*. Он сказал ему еще: *Сатана желал сеять тебя, как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты обратившись, утверди братьев твоих*. Он сказал ему также: *Ты еси Петр и на сем камне созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царствия небесного, и все, что свяжешь на земли, будет связано на небеси; и все, что разрешишь на земли, будет разрешено на небеси*. Итак св. Петр получил ключи царствия небесного; ему дарована власть вязать и решить; ему вверено попечение о всей Церкви и первенство, и однако же он не назывался *вселенским апостолом*. А святейший муж Иоанн, мой брат по священству, усиливается принять титул *вселенского епископа*. И вот я обязан написать и сказать: *о, времена! о, нравы!*»

Мы не хотим пропустить эти слова св. Григория, не вникнувши во всю их важность. Этот великий учитель, как очевидно, понимает евангельский текст относительно св. Петра в смысле, самом благоприятном для этого апостола. Он возвышает Петра, как имевшего *первенство* в апостольском обществе, как обязанного Самим Господом пещись обо всей Церкви. Что же он выводит отсюда? — Известно, как рассуждают папы с тех пор, как злоупотребляют приводимыми ими текстами, чтобы присвоить себе в Церкви власть *вселенскую и абсолютную*. Прежде всего они усвоят евангельским словам смысл самый обширный, самый аб-

солютный, и затем прилагают его к себе в качестве приемников св. Петра. Св. Григорий поступает совершенно иначе; он сопоставляет преимущества Петра с его смирением, воспрепятствовавшим ему присвоить себе власть *вселенскую*; он так мало думает выставлять себя наследником Петра, что указывает на пример этого апостола только для того, чтобы привести в смущение Иоанна Константинопольского и всех тех, которые захотели бы присвоить себе в Церкви власть *вселенскую*. Таким образом, примером св. Петра он опровергает власть, которую папы приписывают себе во имя св. Петра и как приемники святого Петра!

Св. Григорий продолжает:

«...Защищаю ли я, благочестивейший государь, мое собственное дело при этих обстоятельствах? Ищу ли я отмщения моему частному оскорблению? Нет, предмет касается дела Бога всемогущего, дела Церкви вселенской.

«Кто это тот, который, совершенно вопреки евангельским заповедям и каноническим определениям, имеет дерзость похищать новый титул. Да будет благоугодно небу, чтобы только один, не умаляя других, индивидуально желал быть *вселенским*!..

«Церковь константинопольская доставляла епископов, впадавших в бездну ереси и тоже делавшихся еретиками. Именно из нее вышел Несторий, который, полагая, что в Иисусе Христе, посреднике между Богом и людьми, существуют два лица, дошел таким образом до еврейского вероломства. Именно из нее вышел Македоний, который отвергал то, чтобы Дух Святой был Богом, консубстанциальным со Отцом и Сыном. Таким образом, если кто-либо похищает в Церкви титул, резюмирующий в себе всех верующих, тогда *вселенская* Церковь, о богохульство! падет вместе с ним, потому что он именуется вселенским. Пусть же все христиане отвергнут этот титул богохульный, этот титул, лишаящий священнической чести всех пастырей, коль скоро честь эта безрасудно похищается одним!

«Дело достоверное, что этот титул был предложен досточтимым Халкидонским собором римскому первосвященнику, чтобы почтить блаженного Петра, князя апостолов. Но никто из первосвященников не соглашался пользоваться этим исключительным (*particulier*) титулом, из опасения, что если дадут нечто исключительное одному, то все священники будут лишены подобающей им чести. Каким же образом, когда мы не домогаемся честолюбивой славы титула, предложенного нам, другой имеет дерзость присвоить его, хотя никто ему не предлагал его?»

Это место св. Григория весьма замечательное. Прежде всего этот святой утверждает, что именно собор предоставил римским епископам честь называться *вселенскими*; поступил ли бы этот собор подобным образом с целью почтить этих епископов, если бы думал, что уже по *праву божественному* они обладают *вселенской властью*? Святой Григорий уверяет даже, что собор желал почтить римских епископов *в честь святого Петра*; итак он не

думал, что *вселенская власть* переходит к ним по преемству от *этого апостола*. Церковь римская справедливо славится святым Петром, потому что он прославил ее своим мученичеством. Таким образом, в воспоминание этого мученичества и *в честь* первого из апостолов вселенский Халкидонский собор *предложил* римским епископам *почетный* титул. Как примирить с этими фактами, засвидетельствованными папою св. Григорием, притязания современных римских епископов, которые *по божественному праву* признают себя облеченными не только титулом *вселенского епископа, отца всех верующих*, но и *вселенским верховенством*?

Эти письма св. Григория суть неопровержимые памятники, свидетельствующие, что вселенская Церковь тотчас восстала, как только увидела в своих недрах появление первого мерцания *вселенской власти*, покоящейся в одном епископе. Вся Церковь понимала, что подобная власть не может установиться без того, чтобы весь епископат не был лишен своих *прав*. В самом деле, по божественному установлению, управление Церковью должно быть *соборным*; таким образом, власть должна пребывать только в обществе законных пастырей, а не в одном пастыре исключительно. Нельзя стоять за вселенскую власть одного епископа, не уничтожая принципа божественного устройства Церкви.

Вот истина, с очевидностью вытекающая из сочинений папы св. Григория Великого.

Об этом же предмете он писал Евлогию, епископу Александрийскому и Анастасию, епископу Антиохийскому. Он им говорил: «Восемь лет тому, когда еще жил наш предшественник, блаженной памяти Пелагий, наш собрат и соепископ, воспользовавшись случаем по другому делу, собрал синод в городе Константинополе и старался присвоить себе титул *вселенского*. Как только предшественник мой узнал об этом, он послал письма, в которых властью св. апостола Петра, отверг деяния этого синода».

Римские богословы чрезвычайно злоупотребляют этим местом в пользу своей системы. Если бы они сравнили его с другими текстами св. Григория, трактующими о том же предмете и со всем его учением, то они были бы убеждены в двух вещах: 1) что св. Григорий понимает здесь только первенство, дарованное римскому епископу соборами, по причине достоинства его престола, прославленного мученичеством св. Петра, *первого* среди апостолов; 2) что дело производилось в Константинопольском соборе о частном предмете, касавшемся дисциплины, при котором обвиняемый пастырь обратился в Рим. Римский епископ Пелагий был таким образом окончательным решителем этого дела; он был таковым в силу первенства, *дарованного* его престолу; это первенство было усвоено его престолу ради св. Петра; Халкидонский собор тоже, *в честь св. Петра*, предложил римским епископам титул *вселенских*, как учит нас об этом св. Григорий. Но при этом собор еще далек от усвоения папам *верховенства по божественному праву, унаследованному ими по преемству от св. Петра*. Римляне все

это видят в вышеприведенном тексте св. Григория: но они тщательно избегают приводить другие тексты, определяющие смысл этого последнего и показывающие нам подлинное учение св. папы. Они часто пользуются подобным приемом при своих цитатах, заимствованных или из соборов, или из отцов церкви. Приведем доказательство.

Св. Григорий присовокупляет:

«Как известно Вашей Святости, которую я почитаю исключительным образом, этот титул *вселенского* был предложен святым собором Халкидонским епископу апостольского престола, коего я есмь слугитель по милости Божией. Но никто из моих предшественников не хотел пользоваться *этим нечестивым словом*, потому что, в самом деле, *если какой-либо патриарх будет называться вселенским, то этим отнимет патриарший титул у других*. Да будет же далеко от всякой души христианской желание похищать его, хотя бы это было возможно, хотя бы этим лишь незначительно уменьшалась честь наших братьев! И поелику мы сами отказываемся от предложенной нам чести, то подумайте, как позорно насильно похищать ее другому».

Римские богословы тщательно остерегаются обращать внимание на то место, где св. Григорий смотрит на себя, как на *патриарха*, равного другим *патриархам*; в этом месте он ясно говорит, что если один из патриархов объявит себя *вселенским*, то по этому самому другие уже не будут патриархами. Это учение очень хорошо согласуется с учением о *первенстве*, дарованном римскому патриарху, ради св. Петра и в воспоминание о *мученичестве*, которое претерпел в Риме *этот первый из апостолов*, но может ли оно согласоваться с *верховенством вселенским*, переходящим по *божественному праву* на римских епископов, чрез св. Петра, их *многого предшественника*? Очевидно, нет.

Св. Григорий продолжает излагать учение, противоположное современной папской системе.

«Вот почему, говорит он, Ваша Святость никому не даете в своих письмах титула *вселенского*, дабы не лишиться себя принадлежащего вам, усвоят другому честь, *которая не принадлежит ему*. Что касается меня, то хотя я отдален от вас большими пространствами земли и моря, но я тесно соединен с вами сердцем. Уповаю, что таковы же чувства и Вашего Блаженства в отношении ко мне; коль скоро вы любите меня, как я люблю вас, то пространство уже не разделяет нас. Итак, благодарение этому горчичному семени, тому зерну, которое по-видимому мало и незначительно и которое, распространяя во все стороны свои ветви, произрастающие из одного и того же корня, доставляет убежище всем птицам небесным! Благодарение также этой закваске, которая, будучи смешана с тремя мерами муки, образует единство массы целого рода человеческого. Благодарение и этому маленькому камню, который без труда оторвавшись от горы, занял все пространство земли; который распространился для образования тела вселенской церкви,

приводя род человеческий к единству; который соделал даже, что различие разных частей служит к скреплению единства связей.

«Отсюда следует, что мы не удалены от вас, ибо мы есмы *едино* в Том, Который существует повсюду. Воздадим Ему благодарность за то, что Он разрушил вражду, дабы в Его человечестве, во всей вселенной существовало только одно стадо и одно пастбище под одним пастырем, коим Он есть Сам. Будем всегда помнить эти наставления проповедника истины: *Старайтесь соблюдать единство духа в союзе мира* (Послан. св. Павла к Ефес. IV, 3); *старайтесь иметь со всеми мир и святость* (*bonne harmonie*), *без которой никто не увидит Господа* (Послание св. Павла к Евреям, XII, 14). Он же говорил *своим ученикам*». *Если можно, и сколько зависит от вас, со всеми людьми живите в мире* (Послание св. Павла к Римлянам, XII, 18). Он знал, что добрые не могут иметь мира со злыми; вот почему он прежде всего говорит, как это вам известно: *Если можно*».

Остановимся на минуту на этом месте письма св. Григория. Не замечательно ли, что говоря о Церкви, как *едином* стаде под водительством *единого пастыря*, коим есть Иисус Христос, он выразительно говорит, что Иисус Христос есть *единый видимый* пастырь Церкви, или что то же, что Он есть ее пастырь *по своему человечеству, в своей плоти*, согласно со всею силою его выражения: *in carne sua*? Не значит ли это исключать всякую идею *вселенского* пастыря, замещающего и представляющего Иисуса Христа? Не значит ли это, следовательно, уничтожать одним словом все притязания современного папства и приводить истинное папство к *первенству*, установленному Церковью?

Заметим еще, что св. Григорий, цитируя послание к Римлянам, называет этих *Римлян учениками св. Павла*. Св. Павел писал свое послание к римским христианам около 58 года по Р. Х.; в Риме было тогда немного христиан, которые не составляли Церкви в собственном смысле и которые собирались у одного из них, у Акилы. Они прибыли в Рим из различных стран, просвещенных евангелием св. Павлом; вот почему св. Григорий называет их *учениками* этого апостола. Они писали к нему, прося его прийти к ним и посетить их. Павел отвечает им своим посланием, в котором обещает проповедовать евангелие в Риме. Он прибыл туда по истечении *двух лет*. Он нашел там евреев, которые знали христиан только по имени и которые, следовательно, еще не были просвещены св. Петром, их исключительным апостолом. Павел образовал Церковь в Риме и поставил епископом Лина, своего ученика, которого Тертуллиан, св. Ириней и Евсевий считают *первым* римским епископом, как мы видели это выше.

В виду этих фактов, что делается с мнимым епископством св. Петра в Риме, на каковом епископстве ультрамонтане основывают всю свою систему? Очевидно, св. Петр прибыл в Рим незадолго до своей мученической кончины. И именно *по причине мученичества первого* из апостолов, а не по причине его епископствования

в Риме, соборы, как, например, Халкидонский и Сардикийский, усвоили римскому епископу особенные преимущества.

Таким образом, св. Григорий в своем письме к патриархам не старается усвоить себе по апостольскому преемству чрез св. Петра власть, которую он не имел; он даже возводит, и основательно, свою Церковь к св. Павлу, а не к св. Петру. Итак, когда в другом месте он называет власть своего предшественника *властью св. Петра*, то под этим разумеет только права, полученные римскими епископами от соборов *в честь Петра*, который прославил римскую церковь своей славной смертью.

Мы спрашиваем, можно ли в письме св. Григория к патриархам видеть речь высшего в отношении к подчиненным? Св. Григорий, в качестве *первого епископа* Церкви, *первого патриарха*, принимает инициативу, обращает внимание других патриархов, *своих братьев*, на узурпаторство одного из них; он *просит их* соединиться с ним для сопротивления тому, что он признает злом для целого епископата, даже для всей *вселенской* Церкви. Он не делает ни малейшего намека на высшую власть, которой обладает; он апеллирует к заповедям божественным и канонам против похищения, которое он называет *дьявольским*. Еще раз, есть ли это речь вождя, монарха *вселенского*? Очевидно, нет. Нельзя читать этого прекрасного письма св. Григория к патриархам Антиохийскому и Александрийскому и не убедиться, что папство *по божественному праву*, каким оно выставляет себя теперь, было ему неизвестно; что он восстает против направления, которое можно признать первой попыткой на *вселенскую* юрисдикцию; что он смотрит на эти первые опыты, как на предприятие способное расстроить всю Церковь и как на *умаление* прав всего священства. Быть может, он придает слишком большую важность титулу чисто *почетному*, исходившему только из императорской власти; но под этим титулом он видит направление антиканоническое и первые попытки на *вселенское* папство. Что может сказать об этом само папство, со всеми своими современными притязаниями? Оно, по справедливости, оказывается величайшим врагом этого и является в себе самом источником всех зол, коими Церковь была обременена в течение стольких веков.

Патриарх Александрийский не отвечал ему. Григорий писал к нему, прося его уведомить о своем мнении¹.

Среди этих происшествий Иоанн Константинопольский помер. Григорий тотчас написал Кириаку, преемнику этого епископа, который прислал ему общительную грамоту. Он восхваляет его веру, но присовокупляет по поводу титула *вселенский*, принятого им по примеру своего предшественника:

«Мы действительно сохраним мир между собою, говорит он ему², если вы откажетесь от гордости нечестивого титула, согласно со словом учителя языков: *О, Тимофей! храни залог, отверщаясь*

¹ Письма св. Григория, кн. VI, письмо 60-е (издан. Бенедикт.).

² Кн. VII, письмо 4-е.

негодного пустословия (1 Тим. VI, 20). В самом деле, весьма несправедливо, что лица, призванные быть проповедниками смирения, горделиво тщеславятся пустым титулом. Когда проповедник истины сказал: *А меня сохрани Бог от того, чтобы хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа* (Посл. к Галат. VI, 14), то этим показал истинную славу для прославления не во временной власти, но в том, что терпит за имя Христо-во. Ради этого мы обнимаем вас от всего сердца; ради этого признаем вас священником, если только, отвергнув пустой титул, вы займете престол святости со святым смирением.

«Ибо мы соблазняемся преступным титулом; мы питаем к нему ненависть, и мы громко высказались по этому предмету. Но, Ваше Братство, знаете, что сказала истина: «Если принесешь дар твой к алтарю и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя; оставь там дар твой пред алтарем, и поди, прежде прими-рись с братом твоим; и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. V, 23—24). Ибо хотя всякая неправда изглаживается жертвоприноше-нием, но зло причиненного соблазна так велико, что Господь не приемлет от виновного жертвы, если он продолжает совершать эту неправду. Итак, поспешите очистить свое сердце от соблазна, дабы Господу была приятна жертва вашего приношения.

Имея повод писать к Кириаку второе письмо, Григорий воз-вращается к тому же предмету, до такой степени он придавал ему важность:

«Я не могу, говорит он¹, выразить пред вами в этом письме, до какой степени моя душа соединена с Вашею Любовью; но я молюсь, чтобы всемогущий Бог, по дару благодати, еще более усилил это единение между нами и уничтожил всякий повод к соблазну, дабы св. Церковь, соединенная исповеданием истинной веры, коей узы скрепляются взаимными чувствованиями верую-щих, не претерпевала никакого вреда от разногласий, которые могут происходить между священниками. Что же касается меня, то несмотря на все сказанное мною и вопреки всему совершен-ному мною против известных горделивых действий, я сохраняю благодарение Богу, любовь в глубине моего сердца и, поддержи-вая во вне права справедливости, внутренне я не отвергаю любви и расположения.

«Что же касается вас, то заплатите за мои чувства взаимно-стью и уважьте права мира и расположения, дабы, пребывая со-единенными в духе, у нас не существовало никакого повода к разделению. Мы гораздо легче можем получить благодать от Гос-пода, если предстанем пред Ним с соединенными сердцами.

Кириак не тронулся нежными увещаниями Григория, кото-рый, спустя несколько времени после этого, писал к Антиохийско-му патриарху, дружественно укоряя его в том, что он не придавал достаточного значения хищению их Константинопольского брата. Из этого письма видно, что Антиохийский патриарх опасался на-

влекать на себя неблагоприятие императора, если бы высказался против Константинопольского патриарха. Он написал Григорию, своему другу, очень льстивое письмо. «Но, отвечает ему великий папа¹, Ваша Святость, как вижу, пожелали, чтобы ваше письмо было похоже на пчелу, которая носит мед и жало, чтобы насытить меня медом и ужалить. Но это подало мне повод размыслить о следующем слове Соломона: *Раны от друга лучше, чем лобзания лицемерного врага* (Притчи XXVII, 6).

«Что же касается ваших речей мне по поводу соблазняющего меня титула, что я должен бы уступить, потому что дело это не важное: то и император мне пишет то же. То, что он говорит мне в силу своей власти, это же, я знаю это, вы говорите мне по расположению. Я не удивляюсь тому, что в вашем письме нахожу те же выражения, какие нахожу в письме императора, ибо любовь и власть имеют много общего между собою; обе они стоят на первой степени и всегда говорят со властью.

«Когда я получил синодальное послание нашего брата и епископа Кириака, то я не думал, что должен разойтись с ним и не должен отвечать ему, несмотря на принятый им нечестивый титул, — из опасения нарушить единство святой Церкви; но я позаботился сообщить ему мое мнение относительно этого титула *высокомерного и суеверного*; я сказал ему, что он не может находиться с нами в мире, если не откажется от присвоения себе этого гордого титула, который есть лишь *изобретение первого отступника*. Вы не должны смотреть на это самое дело, как на не важное, потому что если мы окажемся терпимыми к нему, то *повердим вере всей Церкви*. Вы знаете, как много не только еретиков, но и ересиархов вышло из Константинопольской Церкви. Не говоря о несправедливости, наносимой вашему достоинству, нельзя не согласиться, что если лишь один епископ будет называться *вселенским*, то вся *Церковь обрушится*, если этот *вселенский* падет. Прочь от меня слышание подобной *глупости*, подобного легкомыслия! Я возлагаю упование на Господа всемогущего, Который исполнит следующее, данное Им обетование: *Всяк возносяйся, смирится*» (Лук. XIV и XVIII, 11).

Нельзя здравомысленнее св. Григория Великого определять важных неудобств, могущих возникать для Церкви от власти центральной, которая заявляла бы притязание *резюмировать и представлять* ее. Человек, кто бы он ни был и часто именно по причине своего высшего достоинства, которым он облечен, бывает жертвою ошибок; *если он резюмирует Церковь*, то Церковь падает вместе с ним. Таковы рассуждения св. Григория. Он был очень ясновидящим, и римская Церковь впала во множество заблуждений вместе с папою, который заявил притязание резюмировать ее в своем лице и быть непогрешимым ее олицетворением.

По счастью Церковь Иисуса Христа не принадлежит к *одной эпохе или к одному месту* и всегда можно находить *кафолические*

¹ Кн. VII, письмо 27.

ский критерий, столь ясно сформулированный отцами Церкви. Иначе не должно было бы доверять обетованию Иисуса Христа; надобно было бы *в абсолютном смысле* сказать то, что говорил св. Григорий *в смысле относительном: вселенскость пала и вся Церковь пала!*

При Константинопольском дворе говорили, что св. Григорий поднял столь жестокую войну против титула *вселенский* только из соперничества с епископом нового Рима и для унижения его. Император и Кириак писали к нему в этом смысле со всем подобающим уважением к его достоинству; но Григорий дал хорошо понять Кириаку, что о нем дурно судят. Он послал к нему, равно как и к императору диакона Анатолия с целью вывести их из заблуждения, и снабдил диакона письмами к императору и к патриарху. Этому последнему он писал, поблагодаривши его за его ласкательные слова¹: «Надобно, чтобы не только на словах, но и на деле вы засвидетельствовали предо мною и пред всеми вашими братьями блеск вашей любви, поспешивши отказаться от гордого титула, который служит причиною соблазна для всех Церквей. Исполните следующее слово: *старайтесь соблюдать единство духа в союзе мира* (Ефес. IV, 3); и следующее другое: *не подавай врагу твоему никакого повода злословить тебя* (1 Тим. V, 14). Ваша любовь просияет, если между нами не будет существовать никакого разногласия по поводу честолюбивого титула. Я желаю, чтобы все были великими и исполненными чести, только бы эта честь ничего не отнимала от того, что обязательно в отношении к Богу всемогущему. В самом деле, *кто хочет быть почитаем вопреки Богу, тот не достоин почитания в моих глазах...* В этом деле, я не хочу вредить никому, я хочу только защищать смирение, которое приятно Богу и единению св. Церкви. Итак, пусть же нововведения будут уничтожены так же, как были установлены, и мы сохраним среди нас самый чистый мир о Господе. Какие хорошие действия могут проявляться среди нас, если наши чувства будут только словами и мы будем оскорблять их своими действиями?

В письме к императору Григорий старается опровергнуть доказательство, заимствованное из суетности почетного титула, которому в Константинополе старались не придавать большого значения: «Я прошу Ваше императорское Благодетельство хорошо заметить, говорит он², что существуют суетные вещи безобидные, но существуют также и весьма вредные. Когда придет антихрист и назовется *Богом*, то это будет дело совершенно суетное, но весьма гибельное. Когда мы обратим внимание только на количество слогов этого слова, то мы найдем их только два (De—us); но если мы обратим внимание на тяжесть нечестия этого слова, то мы найдем ее чрезмерной. Я же говорю без малейшего колебания, *кто называется вселенским епископом или желает так называться,*

¹ Книга VII, письмо 31.

² Книга VII, письмо 33.

тот по своей гордости есть предшественник антихриста, ибо таким образом он заявляет притязание возвыситься превыше других. Заблуждение, в которое он впадает, проистекает из гордости, равной гордости антихристовой; ибо как этот злодей будет домогаться возвышения над всеми людьми и быть как бы Богом, так и тот, кто желает называться *единым епископом*, возвышает себя над остальными».

Теперь во имя Церкви и в пользу римского епископа проповедают то учение, которое св. Григорий поражал с такою энергиею. Приверженцы папства при всяком удобном случае учат, что папа обладает властью *вселенской*; что он есть *вселенский епископ*; что он есть *единый епископ*, собственно говоря; есть *источник*, откуда истекает всякое церковное достоинство, включая сюда и епископат, который только *непрямо* и *посредственно* обладает божественным правом.

Таково учение, которое теперь хотят выдать нам за *учение католическое*. Наши современные *нововводители* знают ли, что св. папа Григорий В. признает подобное учение *диавольским* и что он наперед назвал *антихристом* папу, облеченного в мнимое вселенское епископство?

Св. Григорий не принимал никакого важного решения без сообщения об этом сведений другим патриархам. Так, он писал патриархам Александрийскому и Антиохийскому, извещая их, как он поступил в отношении к новому патриарху Константинопольскому. Евлогий, патриарх Александрийский, был убежден им и известил Григория, что он не усвоит более константинопольскому епископу титула *вселенский*; но из ласкательства пред Григорием, которого он любил и который оказывал ему услуги во многих случаях, он ему самому усвоил этот титул и писал, что если он не усвоит этого титула епископу константинопольскому, то это делает из подчинения *приказаниям* Григория. Последний тотчас отвечал ему и в его письме мы находим следующее место, которое показывает, какую идею имел св. Григорий о своей власти, как власти римского епископа: «Ваше Блаженство позаботились сказать, что в письмах к известному вы не усвоите ему более титула, истекающего из гордости, и пользуетесь следующими выражениями в отношении ко мне: *как вы приказали*. Прошу вас, не заставляйте меня никогда слышать слово *приказание*, ибо я знаю, кто я и кто вы. *По своему месту, вы мой брат*; а по своим добродетелям вы мой отец. *Я не приказывал*. *Я старался только указать вещи, которые представлялись мне полезными*. Однако же я не нахожу, чтобы Ваше Блаженство совершенно хотели удержать в памяти то, что именно я и хотел сообщить вам; ибо я говорил, что *вы не должны более усвоить этого титула ни мне, ни другим*; но вот, в подписи под своим письмом вы усвоите мне, который запретил это, горделивые титулы *вселенского* и *папы*! Прошу вас, чтобы Ваша любезная Святыня не поступали так на будущее время; ибо *вы отнимаете у себя самого то, что излишне усвоите друго-*

му. Я желаю возрастая не титулами, но добродетелями. Я не признаю честью то, что лишает моих братьев их собственного достоинства. Моя честь есть честь всей Церкви. Моя честь — это непоколебимая твердость моих братьев. Я признаю себя поистине почтенным, когда никому не отказывают в подобающей ему чести. Когда Ваша Святость называете меня *вселенским папою*, то этим отрицаете, что вы сами папа, так как я становлюсь *всецело папой*. Богу не угодно, чтобы было так. Прочь от нас слова, которые надмевают суетою и оскорбляют любовь!»

Итак, св. папа Григорий, в лице римских епископов, осуждает даже титул *папы*, равно как и титул *вселенский*; он признает, что Александрийский патриарх равен ему, что он не приказывает ему, что, следовательно, он не имеет власти над ним.

Как согласить это православное учение св. Григория В. с учением *современным*, приписывающим папе *вселенскую власть по божественному праву*? Пусть ответят на этот вопрос приверженцы папства.

Св. Григорий, будучи последовательным, видит единство Церкви только в истинной вере и никогда не делает ни малейшего намека на необходимость пребывать в общении с римскою церковью.

Этому не должно удивляться; в действительности он не смотрит на римский престол, как на единственный престол св. Петра; он совершенно признает, что престолы Антиохийский и Александрийский, столько же, как и римский, были престолами первых апостолов и что эти три престола составляют одно. Приведем его слова; к Евлогию, патриарху Александрийскому¹, он пишет следующим образом:

«Ваша благостнейшая Святость много говорили мне в своем письме о кафедре св. Петра, повествуя, что сам этот апостол живет в своих преемниках. Но я считаю себя недостойным чести не только главы, но и числиться в числе верных. Тем не менее я охотно принимаю все, что вы сказали, потому что ваши слова, касающиеся кафедры Петра, проистекают *от того, кто занимает эту кафедру Петра*. Исключительная честь не имеет никакой прелести для меня, но я весьма радуюсь тому, что вы, будучи святейшим, приписываете мне то, что даете себе самому. В самом деле, кто не знает, что св. Церковь утверждена на твердыне князя апостолов, коего имя служит признаком твердости его души и который от камня получил свое наименование Петром? Что именно ему сказано было истиною: *Дам тебе ключи царствия небесного... когда обратишься, утверди братьев твоих... Симон, сын Ионин, любишь ли ты меня? Паси овцы мои*. Вот почему, хотя было много апостолов, но его престол, как князя апостолов, важнее (*grévalu*), по своему первенству, каковой престол существует в трех местах; ибо он соделал славным тот престол, на котором он удостоил опочить (*quiescere*) и окончить настоящую жизнь. Он же прославил престол, куда послал своего ученика, евангелиста

(Марка). Он же утвердил престол, на котором восседал в течение семи лет, хотя и должен был оставить его. Итак, поелику существует один престол одного и того же апостола и поелику теперь восседают три епископа на этом престоле, то, по божественной власти, все, что я говорю о вас, применяю и к себе».

Надобно заметить, что св. Григорий, говоря о Риме, говорит только, что св. Петр *опочил там и там помер*; в Александрию он только послал своего ученика; но в Антиохии он *восседал на престоле* семь лет. Итак, по учению св. Григория, если какой епископ *наследовал* престол Петра, то это именно епископ Антиохийский. Великий папа признавал, что св. Петр приходил в Рим только для того, чтобы (там) умереть; что римская Церковь была тогда основана и управляема епископом; таким образом, он довольствуется заявлением, что апостол *сделал славным* римский престол претерпенным им мученичеством, тогда как на Антиохию указывает, как на истинную епископскую кафедру Петра. Мы думаем, что св. Петр был не более *епископом* Антиохии, как и Рима, в строгом смысле слова; но для нас достаточно привести мнение св. Григория, а это мнение, каково бы оно ни было, есть не менее страшный аргумент против притязаний римского двора. Пиша к Анастасию Великому или к прежнему патриарху Антиохийскому, чтобы утешить его в страданиях, Григорий говорил ему¹:

«Ваше Блаженство на старости лет обременены многочисленными несчастиями; но подумайте, что было сказано *тому, коего престол вы занимаете*. Не ему ли сама истина сказала: *Когда ты состареешься, то другой тебя опояшет и поведет тебя, куда ты не хочешь* (Иоан. XXI, 18).

Известно, что эти слова были обращены Иисусом Христом к св. Петру.

В другом письме к тому же Анастасию, св. Григорий выражается следующим образом, приведши слова, признаваемые им принадлежащими св. Игнатию Антиохийскому:

«Я поместил в моем письме эти слова, заимствованные из ваших писаний, дабы Ваше Блаженство знали, что ваш св. Игнатий есть также и наш. Ибо, подобно тому, как мы имеем *общего* учителя, князя апостолов, так не должны мы исключительно приписывать себе, ни я, ни вы, ученика этого князя апостолов»².

Св. Григорий писал Евлогию, патриарху Александрийскому: «Мы приняли с таким же удовольствием, с каким даровано было нам — благословение евангелиста св. Марка, или, говоря точнее — апостола св. Петра»³.

Ему же он писал, после приветствий за совершенное им опровержение монофизитских заблуждений:

«Хваление и слава да будут в небесах моему святейшему брату, благодаря которому голос Марка был слышен *на престоле*

¹ Письма св. Григория, кн. VIII, пис. 2 (изд. Бенедикт.).

² Там же, кн. V, письмо 39 (издан. Бенедикт.).

³ Там же, кн. VIII, письмо 39.

Петра, коего учение раздается в церкви, как кимвал на жертвеннике, когда брат углубляется в таинства, то есть когда он, священник Бога вышнего, входит во Святая Святых»¹.

Говорили ли когда-либо римским епископам что-либо более ласкательное, чем то, что говорит здесь св. Григорий Евлогию Александрийскому? Св. папа не представляется ли повторяющим слова Халкидонского собора: «Петр говорил устами Льва?» Почему надобно делать столько выводов из слов Халкидонских отцов, произнесенных в похвалу римскому епископу, и не должно делать ни одного заключения из слов великого папы, обращенных к патриарху Александрийскому? Ему же он писал в другой раз²:

«Податели настоящего письма, прибывши в Сиракузы, обратились от монофизитских заблуждений и соединились со св. вселенской Церковью. *Желая прибыть в Церковь блаженного Петра*, они просили меня дать им рекомендательные письма к Вашему Блаженству, чтобы вы предоставили им помощь против насилий соседних с ними еретиков».

В ином письме, в котором он рассуждает о симонии, Григорий писал Евлогию: «Исторгниите эту симонийскую ересь из вашего *святейшего престола*, который также есть и наш». Он называет Александрийскую церковь святейшей Церковью³.

В виду подобных свидетельств, можно ли извлекать какое-либо заключение, благоприятное престолу Римскому, из выражений: *апостольский престол* или *святой престол*, употребляемых для его обозначения? Эти названия в течение первых восьми веков были общими во всех Церквях, основанных апостолами, и их никогда не употребляли исключительно для обозначения престола римского.

Согласно с изложенным нами учением св. Григория относительно *кафедры св. Петра*, легко понять, что нельзя чистосердечно придавать абсолютный смысл подобным выражениям: «Сын мой, господин Венанций, *прибыл к блаженному апостолу Петру*, прося у меня вашего покровительства по его делу и пр.»⁴. Попечение о всей церкви было вверено Петру, князю апостолов⁵. Он получил ключи царствия небесного; власть вязать и решить была дарована ему; забота о всей церкви и первенство были вверены ему⁶. Кто не знает, что святая церковь была укреплена твердостью князя апостолов⁷.

Эти выражения принадлежат св. Григорию; но надобно ли приводить их отдельно и усвоить им абсолютный смысл? Вот прием, который римские богословы применили не только к творени-

¹ Письма св. Григория, кн. X, письмо 35.

² Там же, кн. XII, письмо 50.

³ Там же, кн. XIII, письмо 41, 42.

⁴ Письма св. Григория, кн. II, письмо 53.

⁵ Там же, кн. V, письмо 20.

⁶ Там же.

⁷ Там же, кн. VII, письмо 40.

ям св. папы Григория, но и к творениям других отцов Церкви. Этим средством они обманули большое число верующих и даже большое число искренних богословов: эти последние не могли подозревать столь большой неискренности у писателей, которые при всяком случае возвышают свою преданность делу Церкви и истины, и они признали возможным приводить цитаты вслед за ними, не обращаясь к источникам.

На основании вышесказанного понятно, что разумел св. Григорий под *кафедрой св. Петра*, под наименованиями *первый* и *князь апостолов*. Но чтобы осветить его мысль еще более ясным светом, приведем некоторые другие тексты решительные и ясные, которые определяют точный смысл тех выражений, из которых приверженцы папства делают столь предосудительное злоупотребление.

Св. Григорий в книге своей о *Пастырском правиле* высказывает следующий принцип: пастыри Церкви должны пользоваться своею властью не в отношении к безупречным верующим, а только в отношении к грешникам, коих нельзя исправить кротостью. В доказательство этого принципа он приводит пример апостолов Петра и Павла: «*Петр*, говорит он, *первый пастырь, обладавший первенством во святой Церкви по воле Божией* (auctore Deo), являлся кротким в отношении к верным; но он же показал, до какой степени обладал силою, вышшею пред другими, когда наказал Ананию и Сапфиру. Он припомнил, что был высочайшим в Церкви (summus), когда должен был наказать грехи и, отмщая преступление, воспользовался правами своей власти¹.

В том же месте, примером св. Павла, равно как и примером св. Петра, он доказывает, что пастырь должен быть кротким в отношении к верным и пользоваться своею властью только тогда, когда бывает обязан явить дело справедливости. Так, св. Павел называл себя служителем верующих, малейшим среди них; но, присовокупляет св. Григорий, «когда находил (необходимым) исправить прегрешение, он припоминал, что он повелитель (maître) и говорил: *хотите ли? я приду к вам с железным жезлом*. Итак, заключает св. Григорий, достойно занимают высочайшее место (summus locus), когда властвуют скорее над пороками, чем над братьями. Но когда властвующие исправляют подчиненных, тогда должны и пр. и пр.»².

Очевидно, св. Григорий смотрит на св. Павла и на св. Петра и на преемников их, как на занимающих высочайшее место в Церкви, как на *председателей* в Церкви. Если он говорит, что св. Петр обладал главенством, то и св. Павла называет *повелителем*; он пользуется одним и тем же словом, summus, для обозначения власти св. Петра и власти св. Павла и всех тех, которые имеют право пользоваться властью в Церкви. Пользовался ли бы он этим общим выражением, если бы словом *главенство* он хотел

¹ Св. Григория *Пастырское правило*, II ч., гл. VI.

² Св. Григорий, *там же*.

обозначить власть высшую, исключительно усвояемую св. Петру? Подобно тому, как под названием *кафедры св. Петра* он разумеет первую степень епископства, представляемую патриархами: подобно этому под словами *верховная власть* он разумеет власть епископата, которую унаследовали пастыри церкви.

Чем более вы углубляетесь в творения отцов Церкви, тем более убеждаетесь в их согласии во взгляде на власть в Церкви, как на *единую и совместно* обладаемую первыми пастырями или епископами. На первых порах можно подумать, что слово *главенство* или *князь*, усвояемое св. Петру, противоречит этому началу. Св. Григорий позаботился предохранить нас от этого ложного толкования. Св. Учитель, усвоив св. Петру *главенство* в Церкви, в действительности возвышает его столько же, как и св. Павла. Он сам выражается об этом самым ясным образом. Мы читаем в его *Разговорах*¹:

«*Петр*: Как вы можете мне доказать, что есть люди, которые не творят чудес, и которые однако же не ниже тех, которые творят их?

«*Григорий*: Разве ты не знаешь, что апостол Павел есть *брат* Петра, первый из апостолов *по главенству*?

«*Петр*: Я совершенно знаю это, и пр.».

Таким образом Павел равен или брат Петру по *апостольскому главенству*. Можно ли высказаться более ясно, что этими наименованиями не хотят обозначить достоинства частного, личного, исключительного?

В другом месте св. Григорий смотрит на св. Павла как на имеющего право, подобно св. Петру, на наименование *первого* апостола. Повествуя в своих *Разговорах* о смерти священника Мартина, он рассказывает, что этот святой человек видел Петра и Павла, которые звали его на небо: «Вижу, вижу, говорил Мартин, благодарю вас, благодарю вас». Так как он часто повторял эти слова, то окружавшие его друзья спросили его, с кем он говорит? Он был изумлен этим вопросом и отвечал: «Разве вы не видите здесь святых апостолов? Разве вы не замечаете Петра и Павла, *первых апостолов*?»².

Наконец св. Григорий подает мысль, что св. Петр не был епископом римским. Мы уже приводили положительные тексты относительно этого. Но вот другое место, подтверждающее их: Достоверно, говорит он, что во времена, когда Петр и Павел претерпели мученичество, верные пришли с Востока, испрашивая тела этих апостолов, *которые были их соотечественниками*. Тела провожали до второй мили и сложили их в месте, называемом *Катакомбами*. Но когда их подняли для продолжения пути, то гром и молния возбудили такой ужас среди пытавшихся это сделать, что с тех пор никогда уже не осмеливались переносить их»³.

¹ Святой Григорий, *Разговоры*, кн. 1-я, гл. XII.

² Там же, кн. IV, гл. XI.

³ *Письма св. Григория*, кн. IV, письмо 30.

Мы не исследуем достоверности этого факта; но истина, с очевидностью вытекающая из него, состоит в том, что Восточные могли требовать тела св. Петра, *потому что он был из их страны*, а римляне и не думали доказывать, что его тело им принадлежит по большему праву, потому что он был их епископом.

Таким образом, учение св. Григория В. о Церкви, положение за положением, разрушает всю папскую систему. Можно обратиться к римлянам, чтобы они нашли в сочинениях великого папы хотя одно слово, которое подавало бы идею той всемирной монархии, коей центром была бы Церковь Рима и коей верховным вождем был бы епископ этого города. Это учение совершенно противоположно учению св. Григория. Единство Церкви вытекает, по учению св. учителя, из взаимных отношений этих вождей. «Пусть ваша любовь, писал он Афанасию, архиепископу Коринфскому¹, ответит на наши письма, коими мы извещаем вас о нашем посвящении, и пусть предоставит нам радость, посредством своих ответных писем (*litteris reciprocis*) узнать, что Церковь едина».

«Единство вселенской Церкви» он определяет совокупностью (сопраго) тела Христова²; он не отступает от этой идеи; частные Церкви суть члены Церкви; всякая церковь управляется своими пастырями; власть по божественному праву одна и та же у всех пастырей Церкви; все здание утверждается на кафедре Петра, то есть, на трех патриархатах: Александрийском, Антиохийском и Римском, которые, *по церковному праву*, исполняют надзор над всею церковью.

Мы спрашиваем, можно ли представить учение, более противоположное папской системе, чем это учение св. папы Григория?

Когда Маврикий был убит Фокою, папа Бонифаций III поспешил обратиться к убийце, чтобы получить от него в качестве официальной благодарности первенство для римской церкви. Он находил ее униженною титулом *вселенский*, усвоенным Маврикием Иоанну Постнику. Этот благочестивый император был главным защитником титула, принятого патриархом Константинопольским. Патриарх не пользовался долго милостями Фоки, коего он осуждал жестокость. Рим сделал первый шаг к снисканию расположения тирана. Сам Григорий В. осыпал его похвалами, а Бонифаций III, возведенный на римский престол после кратковременного епископствования Сабиниана, писал к убийце Маврикия, испрашивая у него тот титул *вселенского*, который Григорий В. так энергически отвергал³. Вообще думали, что Константинопольский престол этим титулом заявлял притязание стать *первым* в Церкви. Так, папский историк, Анастасий Библиотекарь, следующим образом упоминает о поступке Бонифация III: «Этот, говорит он⁴, *исходатайствовал* у императора

¹ Там же, кн. 1, письмо 27.

² Там же, кн. II, письмо 47.

³ Церк. Истор., Noël Alexandre.

⁴ Анастасий, О жизни римских первосвящ., § 67. Бониф. III.

Фоки, чтобы апостольский престол блаженного Петра был главою (caput) всех церквей, *потому что* Константинопольская церковь писала, что она первая среди всех церквей».

Диакон Павел заносит (в летописи) тот же факт следующим образом: «*По просьбе* папы Бонифация, говорит он¹, Фока *поставил*, чтобы престол римской и апостольской Церкви был *главным* (caput) среди всех церквей, *потому что* Константинопольская Церковь писала, что она *первая* среди всех церквей».

Таково для римской церкви официальное начало титула *глава* вселенской Церкви, каковой титул она усваивает своему епископу. Ей и прежде неоднократно давали этот титул, но из ласкательства, и не соединяли с ним другого смысла, кроме *главы* епископата или *первого епископа*; иногда римская церковь сама усваивала себе его, и слово *caput* означало тогда *вождя* только в смысле *главы*. Она называлась *главою* Церкви, то есть *первою среди Церквей*. Этот титул, благодаря Фоке, сделавшийся официальным, скоро переменял свое значение. Вождь (chef) стал означать уже не *главу*, но верховного князя; теперь же он означает *абсолютного монарха, непогрешимого самодержца*. Таков последовательный ход, которым шел титул *caput*, данный римской церкви Фокою, одним из недостойнейших людей, который восседал на престоле.

Несколько лет спустя (633), возник новый монофелитский спор, который представляет новые доказательства против папской системы, и который доказывает, что в седьмом веке так называемая вселенская власть за римскими епископами не была признаваема².

Один Арабский епископ, по имени Феодор, выступая из вселенской истины, определенной в Халкидоне, что во Иисусе Христе только *одно лицо*, отсюда заключил, что у Него существует только и *одна воля* и *одно действие*. Таким образом, он не принимал в расчет различия двух *природ*, божеской и человеческой, которые соединены в Иисусе Христе ипостасно, но которые не *смешались* и остались со своею собственною сущностью, следовательно каждая со своею *волею* и со своим *собственным действием* или *действованием*, потому что воля и действие суть необходимые атрибуты бытия человеческого, равно как и божеского. Таким образом, Феодор смешивал *бытие* с *личностью*. Константинопольский епископ Сергий, совещавшийся с Феодором, впал в то же заблуждение, как и он. Он думал, что его система была способна воссоединить тех, которые противились еще Халкидонскому собору. Вот почему он послал к ним послание по этому предмету и вошел с ними в сношение. Александрийский епископ Кир, разделявший его мнения, действовал подобным же обра-

¹ Диакон Павел, *De gestis Longobard.*, кн. IV, § 37.

² См. Феоф. *Церк. Истор.* Сочинения касательно этих споров находятся в *Собрании Соборов* P.Labbe, t. VI. История Монофелитства, изданная Комбефизием.

зом; и в самом деле, открылось, что многие, не соглашавшиеся с Халкидонским собором, приняли его определения с этим мнимым толкованием.

Этот результат ободрил монофелитских епископов, которые кроме того были поддерживаемы императором Гераклием. Один Александрийский монах, по имени Софроний, заявил себя против своего епископа, и отправился в Константинополь для собеседования по (этому) вопросу с Сергием, но нашел его в полном единомыслии с Киром. Опечаленный этим новым заблуждением, Софроний возвратился оттуда и был избран епископом Иерусалимским. Сергей, думая что в возвышенном положении, в котором очутился теперь Софроний, он заявит себя против него и постарается опереться на Запад, — писал Гонорию, епископу римскому, для изложения пред ним своего учения и хороших результатов, достигнутых им на Востоке и преимущественно в Александрии. Гонорий отвечал ему пресловутым письмом, в котором тоже признает в Иисусе Христе только одну *волю* и одно *действие*. Он порицает тех, которые хотят признавать их двойными, и обещает Сергию, что останется в полнейшем единомыслии с ним, хотя и говорит, что не должно возмущать Церковь этим новым вопросом об одной или двух волях или действиях, и что эту логомахию надобно оставить грамматикам.

Софроний, посвященный во епископа Иерусалима, собрал свой синод и передал ему общительное письмо, которое, по обычаю, он должен был послать ко всем патриархам Церкви. Он послал его Сергию, равно как и Гонорию. Это письмо было очень подробно по предмету о двух волях и о двух действиях. Гонорий, прочитавши его, сказал посланным Софрония, что не должно возбуждать этого вопроса, для блага Церкви. Эти посланные приняли это обязательно, а Гонорий писал к патриархам Константинопольскому и Александрийскому, прося их поступить подобным же образом.

Софроний, видевший опасность для веры, составил сочинение, в котором показывал, на основании отцов Церкви, что согласно с постоянным вселенским преданием, во Иисусе Христе надобно признавать две воли и два действия; он доказывал, что это есть необходимое следствие учения о двух природах. Отчаявшись в убеждении Сергия и Кира, открыто заявивших себя в пользу противоположного учения, он послал в Рим одного из викарных епископов, надеясь скорее победить нерешительность Рима, чем обратиться Константинополь и Александрию. Результаты этого посольства не известны.

Гонорий помер в 638 году и имел преемником своим Северина, которому вскоре наследовал Иоанн IV. Именно в кратковременное папствование Северина, император Ираклий обнародовал свой *Эктезис*, или изложение, чтобы сообщить официальный характер монофелитскому учению. Эктезис был разослан ко всем епископам. Александрийские и Константинопольские епископы

приняли его торжественно. Неизвестно, одобрил ли его Северин. Но, после смерти Ираклия, Иоанн IV осудил его на римском соборе. Быть может, это осуждение произошло вследствие разъяснений послдов Софрония. Сергей помер прежде состоявшегося решения римского собора. Пирр, его преемник, противопоставил решению Иоанна IV письмо Гонория к своему предшественнику. Иоанн попытался написать апологию; но письма Сергия и Гонория существуют; они доказывают, что апология Иоанна IV была ошибочна; что Гонорий совершенно понял Сергия; что он отвечал ему в смысле письма, полученного от него; что тот и другой в общем смысле отвергал различие *двух волей и двух действий*. Таким образом, Гонорий справедливо был осужден, как еретик, на шестом вселенском соборе, как мы это вскоре увидим.

После обнаружения Эктезиса Ираклия, споры о двух действиях и двух волях приняли широкое распространение. Весь Восток был наполнен ими. Большое число епископов высказалось против нового учения и обратились к Западу в лице римского епископа, чтобы поддержать кафолическую веру. Пирр, оставивши свой престол, был замещен Павлом, который послал общительные грамоты к Феодору, занимавшему тогда римский престол. Этот отвечал Павлу, что хвалит православие его веры, но удивляется тому, что он не осудил Эктезиса Ираклия. Однако, он и сам не осмелился ясно охарактеризовать этого дела, поэтому он должен был понять, почему Павел, живший в Константинополе, не осудил торжественно этого сочинения. В своем ответе, Феодор заявляет, что надобно канонически низложить Пирра, предшественника Павла, или послать его в Рим для суда. Этому мнению не последовали. Но вот и Пирр, будучи разубежден в своем заблуждении монахом Максимом Константинопольским, сам просился отправиться в Рим, где, со всеми почестями, подобающими званию экс-патриарха, был принят Феодором, которому представил изложение веры совершенно православное.

Рим при своем стремлении к увеличению власти, воспользовался монофелитскими обстоятельствами. Когда два патриарха, Константинопольский и Александрийский, заявили себя в пользу нового учения, тогда все православные христиане Востока вынуждены были обратиться к Римскому патриарху, и они писали ему, как защитнику веры, угрожаемой на всем Востоке; при этом случае не скупилась на титул преемника св. Петра, а некоторые епископы дошли до возвышения власти римского престола до уровня с властью этого апостола. Это значило полагать стремления, которые в Риме должны были обнаруживаться все более и более. Некоторые папы, и в частности св. Лев, слишком настаивали на преимуществах апостола Петра и, поступая подобным образом, быть может, имели некоторые тайные мысли. Справедливо, что когда явился св. Григорий В., то он установил православный смысл выражений своих предшественников; но достоверно, что со времени св. Льва, епископы Рима *стремились* преувеличить пре-

имущества первого апостола, чтобы чрез это себе усвоить *преемственное право*. Так как небольшой патриархат Иерусалимский находился под властью св. Софрония, знаменитейшего защитника православия на Востоке, то папа думал, что он без затруднений может послать к нему своих представителей. Он избрал своим делегатом Стефана Дорийского, который был посылаем в Рим самим Софронием для объяснений пред Гонорием. Это был до сих пор неслыханный факт на Востоке; вот почему его нельзя пройти незамеченным. Стефан прибыл с целью утвердить то, что нами было уже сказано относительно намерений римских епископов воспользоваться всеми обстоятельствами для тем большего усиления их власти, чем более она была угрожаема властью епископов Константинопольских. Когда два первые патриарха Востока впали в ересь, то для Рима, как никогда более, открылся благоприятный момент заговорить громко. Папы не преминули воспользоваться этими обстоятельствами. Однако же все подлинные документы, касающиеся монофелитских споров, доказывают, что все патриархи рассуждали между собою о догматических вопросах совершенно на равных правах. Когда же огромное число епископов высказались против Павла Константинопольского, то этот последний представил объяснения, которые могли быть истолкованы и в хорошем, и в дурном смысле, и которые не удовлетворили никого. И так как его постоянно упрекали за его молчание об *Эктезисе*, то он склонил императора Константа обнародовать новый эдикт, получивший название *Tuna*. Этим эдиктом Эктезис был отменен, и на обе партии наложили молчание.

Это было совершенно то же самое, чего некогда требовал Гонорий в своем послании, в котором он высказался в пользу монофелитизма. Римский епископ Феодор не удовлетворился этим. Он созвал собор из италианских епископов и низложил на нем Павла Константинопольского и Пирра, который по отбытии из Рима снова возвратился к монофелитизму. Папа дерзнул подписать свое антиканоническое решение пером, омоченным в священное вино.

Это нечестие могло удовлетворить памятозлобие Рима, но оно должно было иметь позорные последствия. Павел продолжал смотреть на себя, как на законного епископа Константинопольского и ответил на наглость римского епископа аналогичною наглостью. Он ниспроверг римский престол в Пляцидийском дворце, где жили два посла римского епископа, и запретил этим послам совершать святые тайны. Это значило объявить отлучение им и их епископу. Они возвратились в Рим, и один из них, Мартин, был избран в преемники Феодору, который помер вскоре после того, как своим решением приготовил новую закваску раздоров в Церкви (649). Едва только Мартин был посвящен, как созвал в Риме многочисленный собор епископов из окрестностей Рима, из экзархата Равенского, из Сицилии и Сардинии. Несколько африканских епископов, Стефан Дорийский и несколько греческих мо-

нахов, ушедших в Рим, присутствовали на нем. На соборе исследовали вопрос о двух волях и двух действиях, и осудили Эктезис, Тип и их защитников. Мартин подписался под деяниями собора следующим образом: «Мартин, милостью Божию, епископ св. *кафолической* и апостольской Церкви города Рима, подписываюсь, *как судья*, под этим определением, утверждающим православную веру, — и под осуждением Феодора, бывшего епископа Фаранского, Кира Александрийского, Сергия Константинопольского, Пирра и Павла, их преемников, их еретических сочинений, нечестивого Эктезиса и нечестивого Типа, которые они обнаружили».

Все епископы, в числе ста пяти, воспользовались этою самою подписною формулою; они, *как судьи*, присоединились к такому же осуждению, как и римский судья, который только занимал первое место на соборе.

Мартин послал на Восток деяния римского собора и наименовал Иоанна, епископа Филадельфийского, своим викарием на всем Востоке, осуждая еретичествовавших патриархов Антиохии и Александрии, равно как и Константинопольского патриарха. В поручении, данном Иоанну Филадельфийскому, Мартин утверждает, что он дает ему это поручение «в силу власти, полученной от св. Петра» и в виду печальных обстоятельств, среди которых находился Восток, опустошенный мусульманами.

Таким образом, римский епископ воспользовался бедствиями Востока, чтобы приписать себе вселенскую власть в Церкви в силу мнимого преемства от св. Петра. Эта формула более и более приходила в употребление в Риме, с половины седьмого века, и Мартин, по преимуществу, способствовал ее закреплению. Он приписывал себе власть, которою никогда не пользовались его предшественники. Таким то образом, будучи недоволен общительной грамотой, присланной ему Павлом, новым епископом Фессалонийским, он сам предписал ему формулу, которую тот должен был принять. Когда этот отказался от нее, Мартин, без всякого формального процесса, объявил ему, что он низложен. Он тем более желал дать почувствовать свою власть этому епископу, что его провинция, вопреки желанию Рима, была подчинена юрисдикции Константинополя.

Патриархальные церкви Александрии, Антиохии и Иерусалима имели достаточно дела, защищая себя от преследований диких завоевателей Востока; поэтому они не занимались ни захватами Рима, ни актами его викария. Они только протестовали молчанием и прекращением всяких сношений с Римским престолом. Константинополь стал для них первым престолом Церкви, и они остались в общении с ним. И так борьба существовала только между епископами Рима и Константинополя.

Посредством собора в Риме Мартин, очевидно, желал отомстить последнему Константинопольскому собору, на котором Вигилий, его предшественник, вследствие его собственного сознания, был избличен в ереси. Но он не подражал благоразу-

мию этого собора, который, осудивши заблуждения Вигилия, не хотел наносить ущерба правам епископов Римской провинции. Более того, Мартин выступил против самого императора, осудивши Тип, объявленный законом государства. Он пытался приписать этот акт Константинопольскому епископу и писал императору с целью убедить его, что лично император свободен от всякой ответственности.

Но эти предосторожности произвели только то действие, что рассердили Константа и исхитили Мартина из Рима. Император обвинил его не только в ереси, но и в возмущении и в измене. Некто, по имени Евгений, вместо Мартина был посажен на римский престол. Мартин, говоря в одном из своих писем о своем низложении, выражается следующим образом¹: «Никогда не поступали подобным образом; ибо, за отсутствием *епископа*, его замещал архидиакон, архисвященник или кто-либо из присутствующих». Папа не думает апеллировать к исключительным преимуществам римских епископов, он признает, что папы подчинены общему праву.

Противоканоническое низложение Мартина было ответом на им самим провозглашенное и столько же мало каноническое низложение Павла Константинопольского. Можно сказать, что если бы Мартин, подобно Павлу, имел в своем распоряжении императорскую власть, то поступил бы со своим противником, как поступили с ним самим. Достаточно прочесть письма римских епископов к императорам, чтобы быть убежденным, что у них существовало предание возбуждать жестокости против всех, кого они признавали еретиками; и известно, что они сделались верными этому преданию, когда приобрели в свои руки двойную власть — духовную и светскую.

С точки зрения чисто церковной, естественно было, что первые захваты папства возбудили сильную реакцию. Когда Мартин прибыл в Константинополь (654), то был признан государственным преступником, обременен оскорблениями и подвергнут недостойному обращению. Константинопольский епископ, бывший тогда больным, не одобрял этих жестокостей и умолял императора не поступать подобным образом с епископом. Немного спустя он помер, проникнутый кроткими чувствованиями. Мартин был сослан в Херсон. Оттуда он писал многие письма. Он жаловался на то, что римская церковь не оказала ему никакой помощи, и в одном из своих писем он выражается следующим образом по поводу римского клира и по поводу назначенного ему преемника²: «Я удивляюсь принадлежащим к церкви св. Петра по причине их малой заботливости о человеке из их среды. Если эта церковь не имеет денег, то у нее, благодарение Богу, нет недостатка ни в хлебе, ни в вине, ни в других припасах, которыми она могла бы помочь мне... Но не враг ли я церкви и их, в частности? Я непре-

¹ Мартин, *Epist ad Theod.*

² Март. *Epist.* XVIII, в Собрании P. Labbe.

станно молю Бога, заступничеством св. Петра сохранить их непоколебимыми и вере православной и в особенности их пастыря, который управляет ими теперь». Таким образом, Мартин смотрит на Евгения, поставленного на его место и назначение которого было одобрено римским клиром, как на законного епископа Рима. Надобно признаться, что это письмо мало благоприятствует притязаниям современного папства и более чем достаточно отвечает на то, что сам папа говорил о вселенской власти, которую он унаследовал от св. Петра. Мартин помер спустя около года после написания этого письма.

Пирр, прежний Константинопольский епископ, в тот же год был восстановлен на своем престоле; но он прожил только несколько месяцев после этого восстановления и был замещен Петром. Евгений, епископ Рима, имел своим преемником Виталиана (658). В его епископствование Констант прибыл в Рим; папа принял его с великими почестями и приобщался с ним, хотя этот император не отменял своего Типа и преследовал папу Мартина и монаха Максима, которого на Востоке признавали великим защитником православия. В течение епископствования Виталиана, то есть в течение четырнадцати лет, не существовало никакого разногласия между престолами Рима и Константинополя. В 664 г. Констант помер, и Константин Погонат взшел на императорский престол. В 674 г. Виталиан был замещен Адеодатом, который имел преемником своим Дона. Дон помер в 679 году, и Агафон был избран на Римский престол. Петр Константинопольский имел своим преемником Константина, который был замещен в 678 г. Феодором. Но римский епископ не отвечал ему, подражая своим предшественникам, которые оставляли без ответа синодальные письма последних Константинопольских епископов. Этот раздор печалил императора, и он решил возобновить добрые отношения между восточной и западной церквями. Он спросил Феодора и Макария Антиохийского о причине этого раздора¹. Они ответили ему: «Введен новый способ совершения таинств, или по невежеству, или по крайнему оригинальничанию (*curiosité*); и с тех пор, как вопрос об этом был возбужден, оба престола не собирались вместе для выяснения истины». Император заключил отсюда, что врачевством против раздора может быть собор. Вследствие этого он писал Дону: «Обстоятельства, говорил он ему в своем письме, не позволяют собраться полному собору, но вы можете послать мудрых и просвещенных людей, которые выяснят вопрос с патриархами Феодором и Макарием; послы будут пользоваться здесь полною безопасностью, даже при возвращении своем, в случае своего несогласия. После этого мы будем правы пред очами Божиими; ибо мы можем убеждать к единению, но не желаем принуждать никого. Поплите, если вам угодно, из вашей Церкви трех или больше мужей, и от вашего собора (то есть от вашей церковной провинции) около двенадцати епископов, в том числе и

митрополитов». Кроме того, император обещал депутатам всякую помощь и всякую безопасность во время путешествия. Дон скончался, когда императорское послание прибыло в Рим (679). Оно было передано Агафону, который собрал многочисленный собор для избрания делегатов, которых надобно было уполномочить для отправления в Константинополь. Все италийские провинции стеклись на этот собор, на котором присутствовало также и несколько французских епископов. Итак, Агафон не признавал за собою права, во имя собственной власти, посылать делегатов в Константинополь. Собор отослал императору письмо, подписанное папою и всеми членами собрания; а Агафон послал ему второе письмо от своего собственного имени. Делегаты хорошо были приняты императором в Константинополе. Феодор уже не был патриархом; он был замещен Георгием. Этот последний и Макарий Антиохийский пригласили также на собор митрополитов и епископов, зависевших от их престолов. Церкви Александрийская и Иерусалимская тоже имели здесь своих представителей. Все присоединились к Западным послам для составления собора, известного под именем шестого вселенского.

Первое заседание собора происходило 7 ноября 680 года. Император занимал посредине первое место; по левую сторону его заседали делегаты Рима и Иерусалима; по правую же — патриархи Константинополя и Антиохии и делегаты Александрии; а в ряду, с каждой стороны, присутствовало довольно большое число митрополитов и епископов. В течение многих заседаний император приказал прочитать деяния соборов Ефесского и Халкидонского и сочинения, которые были собраны за и против двух волей и двух действий во Иисусе Христе. По выяснении вопроса, все, за исключением патриарха Антиохийского и его ученика Стефана, согласились на осуждение монофелитизма и всех тех, которые держались его, а в том числе и Гонория, римского папы. Это замечательное определение, которое так громко отвечает на притязания современного папства, заслуживает быть приведенным буквально¹. «Исследовавши мнимые догматические письма Сергия Константинопольского к Киру и ответ Гонория Сергию, и находя их противными учению апостолов, определениям соборов и мыслям всех отцов, и напротив того, согласными с ложным учением еретиков, мы всецело отвергаем их и гнушаемся ими, как могущими нанести вред душам. Отвергая их *нечестивые догматы*, мы думаем также, что и имя их должно быть изглажено в Церкви, именно: имя Сергия, бывшего некогда епископом этого города Константинополя, так как он первый писал об этом заблуждении; имя Кира Александрийского Пирра, Павла и Петра, епископов Константинополя, Феодора, епископа Фаранского; всех, коих папа Агафон упоминает в своем письме к императору и которых он отвергает. Мы объявляем их всех пораженными анафемою. Вместе с ними мы признаем обязательным (*devoir*) *исключить из Церкви и анафем-*

¹ Конст. собор, заседание XIII, в *Собрании соборов* P. Labbe, т. VI. 157

атствовать Гонория, бывшего некогда епископом древнего Рима, потому что мы нашли, что он в своем письме к Сергию во всем следует его заблуждению и авторизует его нечестивое учение.

В шестнадцатом заседании, после исповедания веры Георгия Константинопольского, на соборе раздались восклицания, среди которых слышны были следующие: «Анафема Феодору Фаранскому, Сергию, Киру! Анафема Гонорию еретик!» В исповедании же соборной веры, читанном на последнем заседании, Гонорий, вместе с другими еретиками, был осужден, и ему снова провозгласили анафему, равно как и другим монофелитам.

Собор постановил многие правила. Тридцать шестое правило возобновляло постановления соборов Константинопольского и Халкидонского, касавшихся порядка мест патриархов в Церкви. Оно изложено следующим образом: «Возобновляя законоположенное сто пятьюдесятью святыми отцами, собравшимися в сем Богохранимом и царствующем граде, и шестьсот тридцатью, собравшимися в Халкидоне, определяем, да имеет престол Константинопольский равные преимущества с престолом древнего Рима, и, якоже сей, да возвеличивается в делах церковных, будучи первым по нем: после же оно да числится престол великого града Александрии, потом престол Антиохийский, а за сим престол града Иерусалима».

Так собор ответил на притязания римского собора.

Деяния собора были подписаны легатами Агафона и ста шестьюдесятью епископами. С деяний сделано было пять копий, подписанных рукою императора, для каждой из пяти патриархальных церквей; пятьдесят пять епископов и делегаты восточных церквей адресовали к Агафону письмо, прося его присоединиться к тому, что было сделано.

Осужденные на соборе, в числе шести, надеясь, без сомнения, помешать на Западе соглашению с деяниями, просились быть посланными к папе. Император согласился с этим и назначил Рим местом их изгнания.

Агафон помер (682) среди этих обстоятельств, и Лев II был избран епископом Римским. И уже он принимал послов и соборные акты. Император послал два письма, одно к папе, а другое к членам Западных соборов, в ответ на полученные им письма. Лев II торжественно присоединился к деяниям собора в своем письме к императору, от 7 мая 683 г. В этом письме, между прочим, можно читать следующие строки: «Мы *анафематствуем* изобретателей нового заблуждения, именно: Феодора Фаранского, Кира Александрийского, Сергия, Пирра, Павла и Петра константинопольских, а также Гонория, который, вместо очищения этой апостольской Церкви учением апостолов, *погрешил извращением веры посредством нечестивой измены*».

Как очевидно, ничего не недоставало для осуждения папы Гонория, как еретика; но это не помешало римским богословам доказывать, что он не был еретиком. По этому предмету они со-

ставили объемистые рассуждения, в которых исказили все факты. Факты, приведенные нами, достаточно ясны сами по себе, чтобы всякому искреннему человеку показать, что шестой вселенский собор не верил в учительный авторитет римских епископов; что сами эти епископы не признавали себя тогда имевшими подобный авторитет.

Но можно ли поверить, чтобы римские богословы осмелились ссылаться на этот собор в пользу своей системы? Среди восклицаний отцы собора выражались, между прочим, следующим образом: Петр говорил чрез Агафона! — «Итак, римляне говорят, за Агафоном признавали на соборе ту же учительную власть, как и за Петром». Но они не хотят подумать, что это восклицание раздалось *после испытания* письма Агафона и после того, как его нашли согласным с апостольским учением. Собор одобрил письмо Агафона и осудил письмо его предшественника, Гонория. Итак, только собор обладал *учительной властью*; на соборе столько же был признаваем римский престол, как и другие апостольские престолы. Учение одного папы считали учением Петра, если оно было *апостольским*; учение же другого папы осуждали, как противоположное учению Петра, если оно удалялось от апостольского предания. Этот факт с такою очевидностью вытекает из деяний шестого собора, что едва можно понять, каким образом люди, признающие себя серьезными, могут оспаривать его.

В царствование Юстиниана II, в Константинополе собралось двести одиннадцать епископов под председательством четырех патриархов: константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского¹. Этот собор известен под именем собора *Трульского*, потому что был собираем в *Трулле*, или под куполом императорских палат. Его признают дополнением пятого и шестого вселенских соборов, которые не постановили дисциплинарных правил. Давно уже вошли различные обычаи в церкви восточные и западные, преимущественно же относительно брачной жизни священников. Римская церковь стремилась с тех пор сделать безбрачную жизнь духовенства общим законом. Напротив того, Восточная церковь торжественно провозгласила древний закон о брачной жизни священников, диаконов и иподиаконов. Поэтому Рим отказался признать постановления *Трульского* собора. Этим он усилил антагонизм, уже существовавший между Римом и Константинополем. Разрушая древнюю дисциплину и отказываясь признавать каноны, бывшие точным выражением этой дисциплины, Рим полагал первые основания стене разделения, которая вскоре должна была возвыситься между двумя церквами. Именно папа Сергий (692) отказался признать каноны *Трульского* собора. В частности, он основывался на том, что собор этот предписал римской церкви переменить свой обычай относительно поста в субботу, — обычай, которому церковь эта следовала с незапамятных времен. Римские ревнители, каков

¹ См. Деяния собора в *Собрании* P.Labbe, т. VI.

был священник Власт, желали еще в пятом веке распространить этот обычай во всей церкви; но в конце седьмого века Восток вознамерился распространить в Риме свой. Надобно согласиться, что собор из двухсот одиннадцати епископов имел более авторитета, чем Власт и его приверженцы, но дело шло о дисциплине, и восточный обычай не должен был быть налагаем на западную церковь, а лишь предложен на обсуждение епископов этой церкви. Можно думать, что Восточная Церковь, собранная в Трулле, многочисленными своими канонами хотела напомнить римской церкви, что церковь эта удалась от первоначальной дисциплины; но римская церковь не захотела принять этого урока, в особенности потому, что он шел из Константинополя.

Официальные сношения не были прерываемы между обеими Церквями; но в продолжении долгого времени они мало были братскими. Спротивление, заявленное Римом *Трульскому* собору, не мешало общению с Константинополем; однако же сношения не были многочисленны до тех пор, пока не возникли споры по поводу икон (726).

Император Лев Исаврянин объявил себя противником культа, коего объектом были иконы, под тем предлогом, что культ этот есть идолопоклоннический. Идея эта очень мало делала чести его рассудительности; но он обладал властью и некоторые епископы объявили себя за него¹.

Константинополь имел тогда великого и славного патриарха Германа, который с силою восстал против заблуждений императора. Он писал ко многим епископам и, в частности, к Григорию II, занимавшему римский престол. Последний отвечал Герману, что он разделяет его верования.

Император попытался употребить все средства, чтобы соблазнить Германа. Потерпевши неудачу, он стал его преследовать. Герман предпочел лучше сложить с себя свое достоинство, чем согласиться с декретом, изданным императором против икон. Патриарх возвратился в дом своих отцов, где жил монахом и умер святым. Его синкелл, по имени Анастасий, был поставлен императором на его место. Это был честолюбец, продавший свою веру императору за патриарший престол. Лев пытался также соблазнить Григория II, но его обещания и угрозы произвели только то действие, что возбудили против него всех, кто еще признавал на Западе императорскую власть. Анастасий послал обидительную грамоту к папе, который отказался признать его и даже угрожал ему низложением, если он будет продолжать поддерживать ересь. Среди этих обстоятельств Григорий II помер (731). Он был замещен Григорием III. Новый папа писал императору многие письма, которые содержали превосходное учение и драгоценные разъяснения². Так, в первом письме своем он го-

¹ См. *Церк. Истор.* Феоф., Никиф. и *Собран. соборов* P.Labbe, т. VII.

² Письма св. Григория можно находить в *Собрании соборов* P.Labbe, т. VI.

ворит императору: «Церковные решения принадлежат не императорам, но епископам. Вот почему, как епископы, поставленные в церквях, не занимаются мирскими делами, так и императоры не должны заниматься церковными делами. Когда императоры и епископы бывают согласны, тогда сообща обладают одинаково властью для совершения дел в мире и любви». На предложение Льва созвать собор, Григорий ответил, что в подобном соборе нет надобности, так как самому императору надобно подчиниться (принятому) порядку, и тогда наступит всеобщее согласие по возбужденному им вопросу. «Вы думаете, присовокупляет он, нас утратить, говоря: я прикажу разбить образ св. Петра и прикажу привести папу Григория, обремененного цепями; я поступлю с ним так, как поступил Констант с Мартином. Знайте же, что папы суть посредники и ходатаи мира между Востоком и Западом; итак, мы не боимся ваших угроз; на одну милю от Рима и мы будем в безопасности».

Эти слова хорошо обрисовывают положение, занятое римскими епископами среди всех народов, расчленивших западную римскую империю, — положение, ставшее одним из элементов их могущества. Что же касается притязаний на некоторую политическую власть или на верховную власть в Церкви, то этого нет никакого следа в письмах Григория III. Папа усвоит эту власть только *епископам*, то есть он видит в Церкви власть только *коллективную*. Когда император ответил ему, что он обладает императорством и священством, то Григорий адресовал ему удивительное письмо с различием двух властей, полагая постоянно церковную власть *в епископате*. Последовательно с этими принципами, Григорий III созвал в Риме собор для изнесения коллективного решения относительно икон. Он послал свое решение императору и Анастасию Константинопольскому с частными своими письмами, для возвращения их на прямой путь. Его усилия послужили только к удвоению преследований против восточных православных. Епископы этих стран не могли ни собираться вместе, ни выражать своего голоса. Вместо их Иоанн Дамаскин принял на себя защиту церкви. Мусульманское иго предоставило великому богослову свободу одновременно напасть на императора и на тех, которые были орудиями в деле распространения его заблуждений и совершения его жестокостей.

Учительные фантазии Льва Исаврянина сопровождалась политическим результатом, которого он не предвидел. Запад порвал с ним сношения, и Рим, угрожаемый Лангобардами, обратился к франкскому герцогу, Карлу Мартеллу, предлагая ему *римское консульство*. Григорий III сделал это предложение Карлу. Страшный завоеватель помер в это время, равно как и Григорий, но идея эта не погибла вместе с ними. Пипин, сын Карла, и папа Захарий возобновили сношения по этому поводу. Захарий одобрил, в пользу Пипина, отмену зависимости этого первого рода от франкских королей. В вознаграждение за это, новый король освободил Рим

от лангобардских нападений, ставши сюзереном его и отдавши его папе в удел. Таким образом, прекратились отношения между папами и императорами, которых они более уже не признавали государями. Отделение совершилось вполне, когда сын Пипина, Карл Великий, более известный под именем Карломана, был провозглашен в Риме императором.

Политическое разделение подготовило религиозную рознь между Востоком и Западом. Рим возникал из своих развалин в то время, когда Константинополь склонился к падению. Папы, ставшие более богатыми и более могущественными, чем когда-либо, коронованные царским венцом светской власти, должны были прийти к мысли о мщениии за унижения, коим они подвергались, как думали они в своей гордости.

В то время, когда Запад совершенно и навсегда выходил из под власти восточных императоров, Константин Копроним, сын Льва, созывал соборы и осуждал иконы в сообществе с несколькими бессовестными епископами, которые старались помрачить память св. патриарха Германа и ученого Иоанна Дамаскина. Папа Стефан II (756) приглашал франкского короля Пипина принять в свои руки защиту церкви. Константин Копроним послал к этому государю посольство, которое обеспокоило папу. Стефан опасался, чтобы политика не ниспровергла его планов, и чтобы восточный император не возобновил некоторого своего влияния на западные дела. Поэтому он писал Пипину¹: «Мы настоятельно просим вас действовать в отношении к грекам так, чтобы вера кафолическая была сохранена навсегда; чтобы *церковь была охранена от их злобы*, и чтобы возвратила себе все свои отчины». Римская церковь имела на Востоке значительные имущества, которые были конфискованы со времени разрыва Рима с империей. «Уведомьте нас, присовокупляя папа, каким образом вы говорили с посольством и пришлите нам копии со своих писем, данных вами посольству, дабы мы могли действовать согласно с вами». Павел, заместивший Стефана II, продолжал те же сношения с Пипином. Из его писем видно², что он боролся против известного влияния политических людей, которые трудились в пользу соглашения между франкским королем и императором Константинополя. Этот же последний опирался против Рима преимущественно на Лангобардов.

Мы приблизились к последним годам восьмого века. Восточная империя освободившись от Копронима и сына его Льва, вздохнула наконец свободно в царствование Константина и Ирины. Карл царствовал во Франции; Адриан I был епископом Рима. Константинополь имел в лице Тарасия великого и святого патриарха. Прежде чем согласиться на свое избрание, Тарасий адресовал ко двору и к народу речь, из которой мы приводим следующую страницу: «Вот главный предмет моего опасения (при-

¹ Стеф. II, *Epist. in Cod. Carol.*

² Павел и Стеф. III, *Epist. in Cod. Carol.*

нять епископство): я вижу Церковь разделенной на Востоке; мы говорим между собою на разных языках, и многие согласны с Западом, который *анафематствует нас каждый день*. Страшная это вещь *отлучение* (анафема), которое изгоняет из царства небесного и приводит к тьме кромешной; для Бога нет ничего приятнее *единения*, которое делает из нас единую кафолическую Церковь, как мы исповедуем это в символе. Поэтому я прошу вас, братие мои, и думаю, что это же составляет и ваше желание, ибо вы боитесь Бога: я прошу вас, чтобы император и императрица *созвали* вселенский собор, *дабы* мы сделались единым телом *под единой главой, коей есть Иисус Христос*. Если император и императрица согласятся с моей просьбой, то я подчиняюсь их приказаниям и вашему избранию; если же нет, то мне невозможно согласиться с этим. Отвечайте же мне, братия мои, что вам будет угодно»¹.

Все, за исключением нескольких фанатиков, с радостью приняли проект собора; тогда Тарасий решился быть патриархом и был посвящен епископом. Он тотчас же отправил свою общительную грамоту церквам Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима². По обыкновению, он изложил в ней свое исповедание веры, затем приглашал эти церкви на собор, который император обещал созвать. Императрица-регентша и сын ее писали папе Адриану письмо, в котором объявляли ему, что *они решились созвать* вселенский собор; они просили его прибыть на этот собор, обещая ему принять его с честью; или послать представителей, если он сам не может принять приглашение.

Ответ Адриана императору и императрице есть памятник высокой важности, с точки зрения исследуемого нами вопроса. В нем можно находить тон речи, какой римские епископы еще не позволяли себе в отношении к императорам. Рим, соперничая с Константинополем, вскоре коронует Карла в западного императора и таким образом порвет всякие политические связи с Востоком. Папа будет пользоваться высоким мирским авторитетом в этом городе, под покровительством франкских королей; он был богат, и он задумал окружить свой престол еще большим блеском и богатством. Поэтому Адриан ответил с гордостью на почтительное письмо, полученное им от Константинопольского двора; он предложил свои условия, как поступает одно государство в отношении к другому, и в особенности он настаивал на следующем пункте: *надобно всецело восстановить отчины св. Петра* на Востоке, которые были конфискованы иконоборствовавшими императорами. Приведем одну страницу его письма относительно Константинопольского патриарха: «Мы очень удивились, увидевши, что в вашем письме Тарасию усвоится титул вселенского патриарха. Константинопольский патриарх *не занимал бы даже и второй степени, без согласия на то нашего престола*; если он есть вселен-

¹ Феоф. Аннал., *Собрание соборов*. P.Labbe, т. VII; *Жизнь Тарасия* у Болланд., 15 февраля.

² Все сочинения см. в VII т. *Собрания соборов* P.Labbe.

ский, то поэтому обладает и первенством пред нашею церковью? Все христиане понимают, что это есть забавное притязание».

Адриан представил императору в пример Карла, франкского короля. «Следуя нашему совету, говорит он, и исполняя наши желания, он (Карл), покорил все варварские народы на Западе; он передал римской Церкви, в вечное владение, провинции, города, замки, отчины, которые удерживали Лангобарды и которые по праву принадлежали св. Петру; он не перестает каждый день жертвовать золото и серебро для блеска Церкви и для питания бедных».

Вот язык совершенно новый со стороны римских епископов; он станет со временем их обычным языком. Подобный тон речи начинается с 785 г., то есть с того самого года, когда Адриан переслал Ингельбраму, епископу Мецкому, сборник Ложных Декреталий¹. Это совпадение имеет высокое значение. Сам ли Адриан

¹ Из актов Халкидонского собора (451) видно, что Церковь уже имела *Сборник канонов*, или собрание законов вселенской церкви. Многие из этих законов признаваемы были истекавшими от самих апостолов. Соборы продолжали дело апостолов; и когда Церковь наслаждалась спокойствием, то эти уважаемые законы обыкновенно соединяли вместе и они то составляли основание церковной дисциплины; и так как они по большей части были на греческом языке, то их переводили на латинский для употребления в Церквах западных.

В начале шестого века Деонисий, называемый Малым, римский монах, нашел это древнее предание недостаточным, сделал другое по просьбе Юлиана, священника св. Анастасии в Риме и ученика папы Геласия. Деонисий собрал папские письма, которые он нашел в архивах, и в своем сборнике обнародовал письма пап: Сириция, Иннокентия, Зосимы, Бонифация, Целестина, Льва, Геласия и Анастасия, во времена которого он сам жил. Римский архив не обладал тогда ничем, что предшествовало бы Сирицию, то есть концу четвертого века.

Исидор Севильский, в начале седьмого века, предпринял пополнить сборник Деонисия Малого. Он присоединил к нему каноны некоторых соборов национальных или провинциальных: Африки, Испании и Франции, и письма некоторых пап, не восходя выше Дамаза, умершего в 384 г. и бывшего предшественником Сириция. Исидор Севильский начинает свой сборник канонами Никейского собора. Он пользуется древним преданием, а не сборником Деонисия Малого, при изложении греческих канонов. Его сборник мало был известен и упоминается в истории только в 785 г.; он был искажен и переделан неизвестным поддельщиком, назвавшим себя *Исидором Меркатором*. Этот (последний) сборник содержал, кроме статей из сборника Исидора Севильского, декреталии, приписываемые им папам первых трех веков. Многие ученые в Исидоре Меркаторе хотят видеть писателя, отличающегося от Исидора Севильского. Другие же утверждают, что этот последний ради смирения присоединил

ставил сборник подлогов? Мы этого не знаем, но факт неопро-
к своему имени название *Pessator* (грешник), откуда образовалось
Mercator (купец).

Как бы то ни было, лучшие ультрамонтанские критики, равно как и галликанцы, согласны, что Декреталии, приписываемые папам первых веков в сборнике Исидора Меркатора, *подложны*. Сам Маршетти соглашается с их подложностью. «Ученые самого высокого благочестия, присовокупляет он, объявили себя против этого ложного сборника, откровенно названного кардиналом Боною «*благочестивой ложью*». «Бароний не смотрит на него так прямо, как на *обман*, но не хочет пользоваться им в своих *Церковных Летописях* из боязни, чтобы не подумали, будто римская Церковь имеет надобность в подозрительных документах для установления своих прав».

Ультрамонтаны не могут прямо утверждать, что эти Декреталии истинны, ибо доказано до очевидности, что они измышлены *частью* наравне с древними канонами, вместе с извлечениями из папских писем четвертого и пятого веков. В них частью можно находить целые страницы из сочинений св. Льва и св. Григория В. Все это изложено дурной латынью, которая, по суду самого плохого ученого, отличается слоговым характером восьмого и девятого веков.

Сборник Исидора Меркатора преимущественно был распространен Риккульфом, архиепископом Майнцким, взошедшим на Майнцкий престол в 787 г.; по этой причине многие критики предполагали, что этот сборник появился первоначально в Майнце и что именно Риккульф был его автором.

Эти Ложные Декреталии были ли составлены в Испании, в Германии или Риме? В этом отношении существуют только вероятные предположения. Самые древние экземпляры показывают, что именно Ингельрамн Мецкий принес этот сборник в Рим, во время процесса, который он вел в 785 г.; но другие экземпляры говорят, что это было дело папы Адриана, который по этому поводу переслал Ингельрамну этот сборник 19 сентября 785 года. Достоверен факт, что *именно в Риме* находят первое упоминание о нем. Однако же Адриан знал, что это был подлог, потому что за десять лет прежде, он дал Карлу сборник канонов, не другой какой-либо, а Дионисия Малого.

Ложные Декреталии были так хорошо распространены на Западе, что их приняли повсюду и преимущественно в Риме, как подлинные.

Ультрамонтаны, не осмеливаясь вполне доказывать подлинность статей, приписываемых папам трех первых веков, стараются однако же защитить их не прямым путем. С этою целью были написаны многие сочинения против Флери, который основательно предполагал и неопровержимо доказал, что Декреталии извратили древнюю дисциплину. В числе сочинений ультрамонтан мы указываем на сочинения Маршетти, Р.Густа и Р.Гоноре Де-Сент-Мари.

«Можно догадываться, говорит Маршетти, что Исидор собрал древние папские декреты, которые во время преследования в первые века не могли быть собраны, и *побуждаемый желанием* передать потомству свой сборник, допустил ошибки и хронологические погрешности, которые были исправлены более точной критикой».

Таким образом, Декреталии первых трех веков ложны; однако в основе своей они истинны. Такова ультрамонтанская теория. Остается только доказать, для оправдания этого творения, что тексты св. Льва и св. Григория В., существующие в этих Декреталиях, не принадлежат этим отцам, что их скопировали в Декреталиях из предшественников. Столько же будет разумно доказывать это мнение, как и говорить, что в Ложных Декреталиях попадают лишь ошибки и хронологические погрешности.

К этой первой теории защиты ультрамонтаны присовокупляют еще другую. Они много расходуют красноречия, чтобы доказать, что какой-то неизвестный, без авторитета, никогда не мог бы установить нового права в Церкви. Мы тоже так думаем. Но факт весьма сильной и великой важности, о котором ультрамонтаны не подумали, состоит в том, что в эпоху, когда появились Ложные Декреталии, римский престол, уже около двух столетий, пользовался всеми обстоятельствами для увеличения своего влияния и проведения *в практику* того, что Ложные Декреталии возводят *в право*. Всякий знает, что со времени падения римской империи большая часть западных народов была существенно преобразована посредством вторжения новых народов; что церковь глубоко почувствовала эту перемену, что наука была заброшена и что с седьмого века самое плачевное невежество царствовало в западных церквях. С тех пор римские епископы начали прямо вмешиваться в управление частных церквей, которые часто находились в руках завоевателей, едва ли христианских. Они посылали миссионеров для обращения вторгавшихся народов; и эти миссионеры, как, например, Бонифаций Майнцкий, в отношении к посылавшим их папам сохраняли чувства учеников в отношении к своим учителям. Церкви, вновь основанные ими, оставались верными этим чувствам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что составитель Ложных Декреталий мог найтись в Майнце или в его окрестностях; он составил это творение при помощи отрывков из соборов и отцов, и он внес сюда распоряжения, которые находились в совершенной гармонии с обычаями римского престола в конце восьмого века, и которые внушены были Римом.

Это соответствие, в соединении с царствовавшим тогда невежеством, уже достаточно объясняет, каким образом Ложные Декреталии могли быть допущены без протеста, в особенности, когда Рим пользовался своим влиянием для их распространения. Так как большинство Церквей привыкло в течение двух веков признавать власть римских епископов, то церкви эти без проверки приняли статьи,

ция Адриана; и в год, когда он с таким высокомерием писал к

которые были освящением этой власти. Поэтому Ложные Декреталии не создавали нового права для западных церквей; они только оправдывали режим, который, благодаря социальным беспорядкам, сами же палы и создали.

Таким образом, Римляне напрасно расходуют логические соображения и красноречие, когда стараются защитить Декреталии, говоря, что неизвестный и без авторитета писатель не мог установить нового права.

Вот упреки, высказанные Флери против Ложных Декреталий: «Предмет этих статей, говорит он (*Церк. Истор.* т. XLIV. § 22.), показывает их подлог. Декреталии говорят об архиепископах, примасах, патриархах, как будто бы эти титулы были приняты со времени возникновения церкви. Они доказывают, что нельзя было созывать соборов, даже провинциальных, без позволения папы, и представляют, как дело обычное, апелляцию в Рим. В них жалуются на частые отнятия мирских имуществ Церкви. Они поставляют правилом, что епископы, ввавшие в грех, могут, по совершении покаяния, исполнять по-прежнему свои обязанности. Наконец главный предмет этих Декреталий, это жалобы на епископов; почти нет ни одной статьи, которая не говорила бы об этих жалобах и которая не поставляла бы правил, чтобы сделать их затруднительными. Так, Исидор в своем предисловии дает достаточно видеть, что именно этот предмет был очень близок его сердцу».

Цель подделывателя, в этом последнем отношении, была очевидна. Он хотел унижить власть митрополитов, которые во все времена пользовались правом созывания провинциальных соборов для принятия жалоб, предъявляемых против епископа этой частной провинции, и для суждения о нем. Подделыватель, целью которого было сосредоточение всей власти в Риме, должен был прежде всего постараться ограничить митрополичью власть, предоставить апелляцию Риму, как представляющую более гарантий и как более соответствующую епископскому достоинству.

Надобно быть совершенно несведущим в истории первых трех веков, чтобы не знать, что в эту эпоху церковь не имела определенной организации; что она была разделена на митрополии и диоцезии только в царствование Константина и на соборе Никейском; что именно этот собор признал верховную и одинаковую власть престолов Рима, Александрии и Антиохии над известным числом церквей, которые обязаны были им своим возникновением, и над которыми, *по принятому обыкновению*, они пользовались специальным надзором.

Тем не менее подделыватель вводит в жизнь архиепископов, примасов и патриархов, и усваивает первым римским епископам, во имя *права*, преимущества, которых соборы не признавали и которые эти епископы похитили на Западе, когда вторжение варваров ниспровергло древнее римское общество.

восточному императору, этот новый папский кодекс упоминается впервые в истории.

Адриан есть истинный творец совершенного папства. Не находя в церковном предании документов, которые могли бы благоприятствовать его честолюбивым идеям, он опирался на апокрифические статьи, составленные применительно к обстоятельствам и для узаконения всех будущих захватов римского престола. Адриан знал, что *Декреталии*, содержащиеся в кодексе Ингельрамна, ложны. Доказательством этого служит то, что за десять лет прежде он дал Карлу, франкскому королю, кодекс древних канонов, согласный со сборником, признаваемым вообще за сборник Деонисия Малого. Поэтому *Ложные Декреталии* были составлены между 775 и 785 годами. Эпоха была благоприятной для подобных измышлений. Вследствие вторжения чужестранцев, которые покрыли развалинами и кровью весь запад, церковные и монастырские библиотеки были уничтожены; клир был погружен в самое глубокое невежество. Восток, покоренный мусульманами, почти не имел никаких сношений с Западом. Папство воспользовалось этими бедствиями; оно создало политико-религиозный трон на этих развалинах и нашло льстецов, которые не краснея измышляли и распространяли во мраке лживые документы для сообщения божественного характера учреждению, не имевшему другого источника, кроме честолюбия.

Ложные Декреталии составляют как бы точку пресечения между папством первых восьми веков и папством веков последующих. С этой эпохи папские притязания развиваются и с каждым днем принимают более ясный характер. Ответ Адриана Константину и Ирине служил точкою отправления.

После предпринятого нами глубокого изучения церковной истории, мы можем утверждать, что невозможно нагромоздить более ультрамонтан ошибок для защиты мнимого *права* Ложных Декреталий; что Ложные Декреталии установили в девятом веке новое право, совершенно противоположное праву первых восьми христианских веков и что подделыватель имел целью своим трудом освятить захваты римского двора, совершенные в течение двух веков, предшествовавших составлению этого произведения.

Мы тщательно изучили, что говорили за и против этого мнения. Сочинения римлян доказали нам, что ложь девятого века всегда была защищаема только доказательствами, достойными ее, то есть самыми бесстыдными извращениями. Галликанские же сочинения составлены с большей искренностью и свидетельствуют о лучшем изучении предмета; однако же мы заметили и в них умолчания, вредные для дела и несколько ложную оценку, когда дело касается папских преимуществ, которых они не смеют оспаривать. (См. творения Гинкмара Реймского и *Аннэ-ль Р. Lecointe'a*).

Когда послы папы и патриарших церквей: Александрии, Антиохии и Иерусалима, прибыли в Константинополь, то собор был назначен в Никее. Первое заседание происходило 24 сентября 787 года. Этот второй Никейский собор считается Восточными и западными церквами *седьмым вселенским*¹. Адриан имел на нем своим представителем архиепископа Петра, и другого Петра, аббата монастыря св. Саввы в Риме. Сицилийские епископы начали говорить первые и сказали: «Находим приличным, чтобы святейший архиепископ Константинопольский открыл начало собора». Все члены присоединились к этому предложению, и Тарасий сказал речь об обязательности следовать, в предпринимаемых решениях, древнему церковному преданию. Затем ввели тех, которые оспаривали предание, чтобы выслушать изложение их учения. После этого были читаемы письма, принесенные легатами престолов Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима, дабы *засвидетельствовать* о вере Востока и Запада. Епископ Анкирский разделял иконоборческое заблуждение. Он предстал пред собором, чтобы изложить свое исповедание веры; он начал его следующими словами, заслуживающими быть приведенными: «Таков закон церковный, чтобы отказывающиеся от какой-либо ереси представляли письменное отречение от нее, исповедуя вселенскую веру. Вот почему и я, Василий, архиепископ Анкирский, желая присоединиться к церкви, к папе Адриану, патриарху Тарасию, к апостольским престолом Александрии, Антиохии, Иерусалима и ко всем католическим епископам и священникам, письменно представляю настоящее исповедание свое, и представляю его вам, которые имеее власть по силе апостольского авторитета».

Эти столь православные слова наглядно показывают, что тогда не смотрели на римского папу, как на *единственный* центр *единства*, как на *источник католической* власти; что единство и власть видели только в единодушии священнического общества.

Затем были читаны письма Адриана к императору и императрице и к патриарху Тарасию, но только догматическое содержание их. Папские возражения против титула *вселенский* и его жалобы по поводу отчин св. Петра были обойдены молчанием. Римские епископы не настаивали. Собор объявил, что он *одобряет* учение папы. Затем прочитаны были письма патриарших престолов Востока, коих учение было согласно с учением Запада. Это учение сличили с учением отцов Церкви, чтобы доказать не только *настоящее* единодушие, но и *непрерывность* учения; исследовали также, имеют ли иконоборцы в пользу себя истинное католическое учение. Исполнивши это двойное предварительное исследование, собор составил свое исповедание веры, определивши, что сообразно с непрерывным учением церкви, надобно *почитать* иконы, относя к Богу культ *служения* или почитания в собственном смысле.

¹ См. акты этого собора в *Собрании P.Labbe*, т. VIII.

Члены собора переселились затем в Константинополь, где происходило последнее заседание в присутствии Ирины и Константина и всего народа.

Акты седьмого вселенского собора, равно как и предшествующих соборов, ясно показывают, что римский епископ был признаваем в Церкви первым только *ради чести*; что его свидетельство не имело иной учительной власти, кроме той, что на это свидетельство могли смотреть, как на свидетельство Западной церкви; что папа не имел в Церкви никакой *индивидуальной* власти, но обладал лишь властью *коллективной*, коей священническое сообщество было эхом и истолкователем.

Это учение диаметрально противоположно римской системе.

Присовокупим, что седьмой вселенский собор, равно как и шесть предшествующих соборов, не были ни созываемы, ни председательствуемы, ни утверждаемы папами. Папы *соглашались* с соборами посредством своих легатов, и Запад тоже давал на это свое согласие, что и сообщало соборным решениям характер вселенскости.

Однако же это согласие Запада не было вначале единодушным, по крайней мере, по-видимому, несмотря на хорошо известное принятие папою; а это доказывает, что даже на Западе не усвоили папству учительной власти, как утверждают это теперь его приверженцы. Спустя семь лет после Никейского собора, то есть в 794 г., Карл собрал всех епископов царств, которые были ему подчинены. На этом соборе решали многие догматические вопросы и, в частности, вопрос об иконах. Принятым своим решением выразили намерение отвергнуть определение второго Никейского собора, коего выражения не были точно поняты Франкскими епископами. Епископы укоряли папу в соглашении с Никейским собором. Адриан извинялся, так сказать, в том, что было сделано им. Справедливо, что он признал правильность учения, определенного на соборе, но он же имел другие мотивы, побуждавшие его отвергнуть его, если бы не боялся, что его отвержение будет признано соглашением с осужденною ересью. «Мы приняли собор, писал Адриан¹, потому что его определение согласно с мнением св. Григория и опасаясь, чтобы чрез наше непринятие греки не возвратились к своему заблуждению, и чтобы мы не стали ответственными в погибели стольких душ. Во всяком случае, мы еще не послали никакого ответа императору по поводу собора. Увещевая его восстановить иконы, мы говорили ему о восстановлении для Римской церкви ее юрисдикции над некоторыми епископиями и архиепископиями, и над отчинами, которые были отняты у нас во время отмены икон. Но мы не получили еще никакого ответа; а это показывает, что греки отреклись от одной стороны, но не от двух остальных. Вот почему, *если вы найдете это хорошим*, мы, благодаря императора за восстановление икон, будем понуждать его восстановить юрис-

дикцию и отчины, и если он откажется от этого, то мы объявим его *еретиком*».

Нападки, направленные франкскими епископами против Адриана, несмотря на свою несправедливость, с очевидностью доказывают, что эти епископы не признавали за папством власти, на которую оно претендует теперь. Ложные Декреталии еще не победили совершенно древних обычаев. Адриан ответил на эти нападки скромно, что легко объясняется, когда подумаем, насколько он нуждался во Франках и в их короле Карле для создания прочного основания нового папства. Итак, будучи далеким от мнимо властных речей, с которыми он так гордо хотел обратиться к Востоку, он принял пред лицом Франков положение обвиняемого; он делает первые шаги, с точки зрения их предположения объявить константинопольского императора *еретиком*, из-за простого имущественного вопроса и из-за спорной юрисдикции. Но у Адриана, под этим смиренным видом подчинения, можно усматривать удивительную ловкость в деле приобретения повода увеличить свое могущество. Если Франки просят у него объявить константинопольского императора *еретиком*, то этим самым признают за папою верховную и вселенскую юрисдикцию, и таким образом создают прецедент, который не погибнет для папства.

Адриан I помер в 795 г. и был замещен Львом III, который следовал политике своего предшественника. Тотчас после своего избрания, он послал Карлу знамя города Рима и ключ *признания* (*Confession*) св. Петра; в свою очередь, Франкский король прислал ему богатые подарки с послом, который должен был стовориться с ним относительно всего того, что касается «славы Церкви, укрепления папского достоинства и римского патрициата, подаренного франкскому королю»¹.

Лев имел некоторые сношения с Востоком по поводу развода императора Константина. Два святых монаха, Платон и Феодор Студит, с особенною энергиею восстали против прелюбодейного поведения императора. Феодор обратился ко многим епископам, прося у них защиты от преследований, вызванных его оппозицией императору. Письма Феодора Студита преисполнены восторженных хвалений в отношении к тем, к которым он писал. Римские богословы замечают лишь те хваления, которые содержатся в его письме к римскому епископу. При немного большей искренности, они равным образом заметили бы и те хваления, которые находятся в других письмах и которые иногда превосходят первые; они заключили бы из них, что не должно усвоить *догматического* характера расточительным словам, без различия престолов, сообразно с обстоятельствами, и с очевидною целью польстить тем, кому эти письма были адресованы, дабы расположить их в пользу дела, защищаемого Феодором. Римляне не хотят делать этих примечаний, как ни просты и как ни легки они сами по себе. Они приводят восторженные похвалы Феодора,

¹ Алкуин, *Epist.* 84.

как *догматические* свидетельства в пользу папской власти, и не хотят понять, что если похвалы имеют эту догматическую силу в отношении к римскому епископу, то должны иметь равную силу и в отношении к власти Иерусалимского, например, епископа, которого Феодор Студит называет *первым из пяти патриархов*¹; или в отношении к другим епископам, к которым он обращается с такими же выражениями. Тогда будут иметь в Церкви многих пап, пользующихся верховной и вселенской властью. Это заключение неудобно для римских богословов. Но оно вытекает из писем Феодора Студита, коль скоро им хотят усвоить догматическую силу, какую Рим хочет приписать им в свою пользу. Присовокупим, что если Феодор Студит при случае воссылает пышные похвалы римскому епископу, то он же говорит о нем и с весьма малым уважением, как это видно из его письма к Василию, аббату св. Саввы в Риме².

Лев III испытал в начале своего понтификата жестокую оппозицию со стороны родственников Адриана, своего предшественника. На него взвели тяжкие обвинения. Когда Карл прибыл в Рим (800) в качестве патриция города, то созвал собор для суда над папою. Но папа благоразумно принял некоторые предупредительные меры. Он встретил Карла с триумфом, и могущественный король не остался нечувствительным к приему первосвященника. Да и все члены собора воскликнули в один голос: «Мы не осмеливаемся судить апостольский престол, который есть *глава* всех церквей; таков древний обычай.» Не трудно было в эту эпоху стать ученым. По древнему обычаю, римский епископ был судим, как и всякий другой епископ; но Ложные Декреталии, без сомнения, уже стали распространяться. Ингельрамн Мецкий, первый воспользовавшийся ими во время своего процесса в Риме, был одним из первых советников Карла и домовым священником. И согласно с *новым* правом *нового папства*, апостольский престол, могший судить всех, не должен быть судим никем. Рим не пренебрегал никаким случаем укрепить этот основной принцип своего могущества, коего строгим последствием есть папская непогрешимость, и даже безгрешность. Вдруг из него не извлекали еще всех последствий; но принцип был ловко внушен при благоприятных обстоятельствах. Лев III оправдался посредством клятвы. Спустя несколько дней, в праздник Рождества Христова (800), когда Карл прибыл в Церковь св. Петра, папа возложил на его голову богатую корону, и народ восклицал: «Карлу, Августу, венчанному рукой Божией, великому и миролюбивому императору римскому, многая лета и победа над врагами!» Эти восклицания были повторены три раза с энтузиазмом. После этого папа повергся к стопам нового императора и помазал его освященным миром, его и сына его Пипина.

¹ Феодор Студ., письмо 15.

² Феодор Студ., письмо 28.

Так восстановлена была западная *римская* империя. Рим, с завистью видевший перенесение правительственного престола в Константинополь, предавался теперь радости. Папство, польстивши его тайным желанием, появилось облеченным властью, которой до сих пор никогда не обладало. Мысль Адриана была реализована его преемником. Современное папство, это смешанное, то есть политико-религиозное учреждение, было теперь установлено; новая эра открылась для Церкви Иисуса Христа; эра интриг и борьбы, деспотизма и возмущений, нововведений и соблазнов.

VI

Папство, своими честолюбивыми притязаниями и новшествами, сделалось причиной разделения между Церквями Востока и Запада

Мы обосновали: 1) что римские епископы не пользовались вселенскою властью в течение первых восьми церковных веков; 2) что они не были тогда признаваемы ни центром *единства*, ни источником юрисдикции; 3) что на них не смотрели как на облеченных *по божественному праву* какими-либо преимуществами, в силу преемства от св. Петра.

Если с девятого века они заявили, в этом тройном отношении, притязания, противоположные непрерывному и вселенскому учению первых восьми веков; если они задумали подчинить Церковь своему верховному авторитету; если заявили притязание стать необходимым центром единства и источником юрисдикции; то отсюда надобно заключить, что они решились захватить власть, на которую не имели права.

Если же эти захваты вызвали энергическое сопротивление со стороны Восточной Церкви; если Римские епископы выставили признание похищенной ими власти условием *sine qua non* единения, то отсюда надобно заключить, что именно папство есть первая и прямая причина разделения Церквей.

Факты, которые мы изложим теперь, докажут, что это было так.

После коронования Карла, в течение некоторого времени царствовал мир между Восточною и Западною церквями. Лев Армянин возобновил иконоборческую ересь и преследовал православных. Многие ушли в Рим и Пасхалий I (817) выстроил для них церковь, в которой совершали богослужение на греческом языке. Этот папа послал даже письма и легатов в Константинополь, чтобы поддержать там дело веры, которое мужественно защищало большинство епископов, имея во главе своей патриарха Никифора. Лев Армянин, нисколько не полагаясь на Рим, искал себе опоры в Церкви Французской. Епископы этой церкви собрались в Париже и постановили решения, согласные с решениями Франк-

фуртского собора, о котором мы уже говорили. Многие из них были посланы в Рим, чтобы предложить добрые советы Евгению II, который был тогда папою.

Вот каким образом Французская Церковь начала, в отношении к папству, свою традиционную оппозицию, согласную с древним католическим учением, и получившую название *галликанства*. Епископы Парижского собора, равно как и Франкфуртского, не имели точной идеи по вопросу, возбужденному на Востоке; мы же хотим только указать на то, что они считали себя вправе оспаривать вселенскость всеобщего седьмого собора, даже после принятия его папою, и не приписывали Римскому епископу никакой догматической власти в Церкви.

До 858 года многие папы последовательно восходили на престол, не оставив после себя большего блеска, пока на Римский престол не взошел Николай I. Восточная Церковь, преследуемая императорами-иконоборцами, с необоримым мужеством защищала святые предания Церкви. Она насладились наконец некоторым спокойствием в царствование Михаила (842), после преследования, продолжавшегося непрерывно почти сто двадцать лет. На Константинопольский престол взошел Мефодий, один из мужественнейших защитников православия. В 847 г. он был замещен Игнатием, сыном императора Михаила Рангавя, предшественника Льва Армянина. Этот Михаил был заключен в монастырь, равно как и три сына его, которых сделали евнухами, чтобы сделать неспособными царствовать. Игнатий прошел все степени посвящения. Он был священником, когда его избрали на патриарший престол. Император Михаил был человеком невоздержанным, он передал управление империей дяде своему Варде. Игнатий навлек на себя ненависть императора, отказавшись постричь в монахини императрицу-мать, Феодору, и ее двух дочерей. Он же возбудил против себя и другого могущественного врага, Варду, которому отказал в общественном причащении, по причине соблазнительности его частной жизни. Наконец, в день своего посвящения, он нажил себе противника в Григории, епископе Сиракузском, унизивши его и отказавшись допустить его к этому торжеству под тем предлогом, что последний был обвиняем в различных преступлениях. В самом деле, он был виновен в них, но он не был осужден. После этого Игнатий подверг его суду и осудил; но Рим, куда Григорий апеллировал, первоначально не согласился с этим осуждением. Он утвердил его только тогда, когда объявлена была открытая война против Фотия и его приверженцев. Мы без затруднения допускаем, что Игнатий имел добрые намерения и поступал по внушению совести во всем том, что делал; но справедливость требует также признать, что он не подражал ни благоразумию Тарасия, ни возвышенному отречению Златоуста. Можно думать, что воспоминание об императорской власти, которой отец его насильственно был лишен, не располагало его потворствовать тем, которые занимали высокое положение, признаваемое им неспра-

ведливо похищенным у своей фамилии. Двор обвинил его в прикосновенности к делу одного авантюриста, который думал, что имеет права на императорскую корону, и он был изгнан.

Огромное число епископов, прежде него, переносили подобный произвол двора. Между его предшественниками, даже на Римском престоле, Игнатий мог бы найти образцы, которые пожелали лучше отказаться от достоинства, которое не могли более носить с пользой для Церкви, чем возбуждать, посредством бесполезной оппозиции, смуту, всегда сопровождающуюся для Церкви печальными последствиями. Он не признал приличным подражать этим примерам, и не захотел отказаться от своего достоинства, вопреки настоянию многих епископов.

Двор не мог уступить. Он созвал клир, который избрал патриархом Фотия.

Фотий был племянником патриарха Тарасия, и принадлежал к императорской фамилии. Вот изображение его, представляемое Флери¹: «Гений Фотия был еще выше его происхождения по рождению. Он обладал великим духом, тщательно развитым. Его богатства представляли ему легкую возможность находить всякого рода книги. И его страсть к (ученой) славе заставляла его проводить целые ночи за чтением. Таким образом он сделался ученейшим человеком не только своего века, но и предшествовавших. Он знал грамматику, пиитику, риторику, философию, медицину и все светские науки; но он не пренебрегал и церковной наукой, и когда посвятил себя духовному званию, стал весьма ученым и в этой науке».

В одном сочинении, составленном в последние времена под влиянием Римского двора², вынуждены были сказать о Фотии: «Его обширная ученость, его влиятельный характер, уступчивый и твердый в одно и то же время, его ловкость в политических делах, и при этом его приятная наружность, благородные и привлекательные манеры делали его замечательным среди его современников».

Мы должны были прежде всего изобразить характер Фотия согласно с писателями, которых нельзя заподозрить в благосклонности к нему. Но истина требует еще и того, чтобы мы сообщили сведения о документах, которые послужили основанием для всего того, что в последующее время было писано в Римской Церкви о важных событиях, к которым Церковь эта была причастна.

Прежде всего мы укажем на письма Митрофана, митрополита Смирнского, Стилиана, епископа Нео-Кесарийского, и монаха Феогноста. Эти три человека известны как личные враги Фотия. Анастасий же Библиотекарь есть до такой степени презренный человек, что его свидетельству нельзя придавать никакой важности. Вот вкратце суждение о нем, высказанное даже в Риме, в 868 г.:

¹ Флери, *Церк. Ист.*, кн. L, § 3, год 858.

² *Восточная Церковь*, сочинение, обнаруженное под именем Пичи-пиоса, часть 1-я, гл. IV, издание *Римской пропаганды*.

«Вся Церковь Божия знает, что сделал Анастасий во времена пап, наших предшественников, а равно и то, какое распоряжение было сделано в отношении к нему. Львом и Бенедиктом, из коих один лишил его сана, отлучил и анафемствовал, а другой, лишивши его священнической рясы, допустил к причащению наравне с мирянами. Затем папа Николай восстановил его, под условием, что он пребудет верным римской Церкви. Но проникши в наши патриаршие палаты и похитивши акты собора, на котором был осужден, он подучил людей перелезть чрез стены этого города, чтобы посеять раздор между светскими князьями и в Церкви; и был причиною того, что некто, по имени Адалгрим, ушедши в Церковь, потерял зрение и дар слова. Наконец, как многие из вас, подобно мне, слышали, он говорил одному священнику по имени Адону, своему родственнику, что он до того забыл наши благодеяния, что послал одного человека к Елеферию, обязывая его совершить убийство, о которых вы знаете¹. Вот почему мы приказываем, сообразно с осуждением папы Льва и Бенедикта, чтобы он лишен был всякого церковного общения до тех пор, пока защитит себя на соборе от всех взводимых на него обвинений; и кто только вступит в общение с ним, или даже будет говорить с ним, тот подвергнется такому же отлучению. Если же Анастасий удалится из Рима, хотя бы на незначительное расстояние, или, если будет совершать какие-либо церковные требы, то будет поражен вечной анафемой, он и его сообщники». Без сомнения, Анастасий снискал милость у папы Адриана, как снискал ее у папы Николая. Рим имел надобность в нем при своих распрях с Востоком, потому что Анастасий очень хорошо говорил по-гречески, что было тогда большой редкостью на Западе. Так, в следующем году, 869-м, Анастасий оказался в Константинополе, на соборе, составленном против Фотия. Он перевел на нем соборные определения с греческого языка на латинский и предпослал введение, в котором описывает по своему деяния, направленные против Фотия. Подобный человек может ли быть признаваем достоверным свидетелем против Константинопольского патриарха, может ли быть мудрым ценителем фактов и честным повествователем? Не должно ли думать, что он хотел заявить себя верным *римской Церкви*, под каковым условием папа Николай и простил его в первый раз?

¹ Елеферий, сын епископа Арсения, обольстивши дочь папы Адриана II, похитил ее и женился на ней, хотя она была невестой другого. Папа получил от императора Людовика комиссаров, чтобы судить Елеферия по римским законам. Тогда Елеферий пришел в ярость, убил Стефанию, жену папы и ее дочь, ставшую его собственной женой. Молва ходила, что именно Анастасий подготовил эти убийства для брата своего Елеферия. В начале своего папствования, то есть в 868 г., Адриан сделал Анастасия библиотекарем римской Церкви. (См. *Annales Bertin*).

«Точно неизвестно, когда помер этот писатель. Достоверно только, что он еще жил в папствование Иоанна VIII, который был избран в 872 г. и помер в 882 г.»¹.

Некоторые писатели старались утверждать, будто в Риме, в ту же эпоху, было два Анастасия Библиотекаря, чтобы таким образом не навлечь на папского историка обвинений, которые лишают его всякого доверия. Но в пользу этого утверждения не могут привести никакого доказательства и, следовательно, на него надобно смотреть, как на лишенное всякого основания. Факт достоверный, что Анастасий Библиотекарь жил именно в эпоху, на которую мы указали, и что неизвестен другой Анастасий Библиотекарь, за исключением того, который скомпрометировал себя жестокими поступками, упомянутыми в осуждении, изнесенном против него; который в самом Риме был осуждаем неоднократно и который приобрел папское благоволение под условием, делающим этого писателя подозрительным, когда он говорит о противниках Римской Церкви.

Против Фотия основываются еще на свидетельстве Никиты Давида Пафлагонянина, автора *Жизни Игнатия*. Можно даже сказать, что этот писатель есть великий авторитет против патриарха Фотия. Беспристрастие однако обязывается заметить, что Никита увлекается духом партии до принятия пресловутой прибавки в символе *Filioque*, хотя прибавка эта официально еще не была признана законной даже на Западе. Совокупность его рассказа и рассказа Михаила Синкелла доказывает, что обоих этих писателей надобно включить в число личных врагов Фотия.

Но когда дело касается суждения об исторической личности, то надобно ли ссылаться на ее врагов? Так поставивши вопрос, значит решить его.

Очевидное и неопровержимое доказательство против этих писателей вытекает из их собственного повествования, когда его сравнивают с повествованием других историков, каковы: Георгий, Кедрин, Зонар и Константин Порфирогенет; ибо первые, вследствие увлекавшей их ненависти, приписывают Фотию преследования, коих объектом был Игнатий; между тем как их исключительно приписывают Варде последние, беспристрастные писатели.

В виду противоречивых повествований историков, к какой же стороне мы примкнем? Не будем придавать значения ни тем, ни другим историкам. Фотий и папы, с которыми он был в разногласии, писали письма, в которых изложили свои собственные мысли. Эти письма существуют; они суть самые неоспоримые документы. Послушаем же самих противников, из коих каждый защищает свое дело; это лучшее средство установить истину.

Фотий удостоился епископского посвящения в день Рождества Христова, в 858 году. В следующем году он так писал Николаю I, который занимал тогда Римский престол:

¹ Feller, *Dict. biog.*, см. *Anastase*.

«Святейшему, освященнейшему и достопочтеннейшему сослужителю Николаю, папе древнего Рима, Фотий, епископ Константинополя, нового Рима.

«Когда моему духу предносится величие священства, когда я представляю себе расстояние, существующее между его совершенством и человеческой неизменностью; когда измеряю слабость моих сил, и останавливаюсь на мысли, всегда присущей мне относительно высоты подобного достоинства, — мысли, внушающей мне удивление и изумление, при виде людей нашего времени, не говоря даже о людях прежних времен, принимающих страшное иго первосвященства, и хотя они были люди облеченные плотью кровью, но решавшиеся, к великой своей гибели, исполнять служение херувимов, чистых духов; когда мой дух останавливается на подобных мыслях, и когда я вижу себя самого призванным к тому состоянию, которое приводит меня в трепет при созерцании его в других, то не могу выразить до какой степени я испытываю скорбь, до какой степени предаюсь печали. С детства своего, я принял решение, только укреплявшееся с годами, держаться вдали от дел и от шума, и наслаждаться отрадным спокойствием частной жизни; однако же (я должен признаться пред Вашей Святыней, ибо пища вам, я должен говорить истину), я был обязан принять должности при императорском дворе, и таким образом отказаться от своего решения. Во всяком случае, я не был настолько безрассудным, чтобы домогаться священнического достоинства. Оно казалось мне слишком почтенным и слишком страшным, особенно же, когда я припоминал пример Петра, корифея среди апостолов, который представивши нашему Господу и нашему истинному Богу Иисусу Христу, столько свидетельств своей веры и показавши Ему, что он любит Его горячо, считал увенчанием всех своих добрых дел честь быть возведенным своим Учителем в священство. Я припоминаю также пример того слуги, которому вверен был талант, и который, чтобы не истратить его, скрыл его в виду строгости своего господина, — был вынужден дать отчет в этом и был осужден в огонь и в геенну за то, что не знал цены таланта.

«Но для чего мне писать вам об этом, возобновлять мою скорбь, усиливать мою печаль, и делать вас поверенным моих страданий? Воспоминание о тяжелых предметах усиливает скорбь, не принося облегчения. То, что произошло, есть какая-то трагедия, которая совершилась, без сомнения, для того, чтобы вашими молитвами мы могли управлять стадом — не знаю ради чего вверенным нам; чтобы открывшееся пред нами облако затруднений рассеялось, чтобы мрачная атмосфера окружающая нас, просветлела. Подобно тому, как кормчий радуется, когда видит свой корабль хорошо направленным при благоприятном ветре, так и Церковь доставляет радость пастырю, когда он видит ее возрастающей в благочестии и добродетелях; она рассеивает окружающие его подобно облакам беспокойства и опасения, которые внушает ему его собственная немощь.

«Наконец, когда тот, кто прежде нас исполнял епископские обязанности, оставил эту честь, я увидел нападение на меня со всех сторон, не знаю по каким побуждениям, нападение клира и собрания епископов и митрополитов и преимущественно императора, который исполнен любви ко Христу, который добр, справедлив, человеколюбив и (почему не сказать этого?) более справедлив, чем царствовавшие до него. Только в отношении ко мне он был нечеловечен, жесток и страшен. Действуя согласно с собранием, о котором я говорил, он не давал мне покоя, представляя мотивом своих требований волю и единодушное желание клира, не внимавшего никакому моему заявлению, — и утверждал, что в виду подобного избрания он не может, даже если бы хотел снизить к моему сопротивлению. При многочисленности собрания клириков мои моления не могли быть слышимы огромным большинством; а те которые слышали их, не придали им никакого значения; они проникнуты были одним намерением, одним решительным желанием: возложить на меня епископство, вопреки моему собственному желанию».

Остановимся здесь на минуту. Враги Фотия утверждают, что, выражаясь подобным образом, он представляет доказательства своего лицемерия; что вместо отречения от епископства, он страстно желал его. Они обвиняют его в допущении лжи, когда он утверждает, будто его предшественник оставил свое достоинство.

Точны ли эти два утверждения? Мысли человека скорее можно узнать из его переписки, чем из произвольных заявлений его врагов. Без сомнения, этого принципа никто не станет оспаривать. Но интимные письма Фотия к родственнику своему цезарю Варде громко свидетельствуют, что он употребил все средства, чтобы уклониться от достоинства, которое хотели возложить на него. Почести, которыми он пользовался при дворе, были для него тягостны, потому что они отвлекали его от научных занятий, бывших единственною его страстью; он понимал, что когда его возведут на патриаршую кафедру, то он должен будет отказаться от той тихой жизни, при которой наука давала ему возможность испытывать истинные удовольствия; вот почему он умолял Варду передать его избрание кому-либо другому¹. Какой мотив мог иметь он пиша подобным образом в своих интимных сношениях с человеком, который знал его расположения и который был его другом?

Хотел ли Фотий обмануть папу, пиша ему, что Игнатий оставил свой престол? Достоверный факт, что справедливо или несправедливо Игнатий был осужден как заговорщик, и в силу этого послан был императором в ссылку. Если среди этих обстоятельств, как утверждает Анастасий Библиотекарь, он наложил на всю свою Церковь нечто вроде запрещения: то это поведение его было предосудительно и противоположно поведению величайших и святейших епископов. Мы прежде видели, что папа Мартин, бу-

¹ См. Photii epist. ad Bard.

дучи осужден, преследуем и изгнан в ссылку, подобно Игнатию, признает однако законность епископа Евгения, которого Римская Церковь избрала в преемники ему, никогда в то же время не отрекаясь от своего престола. Святой Златоуст, будучи несправедливо изгнан, написал следующие величественные слова: «Церковь не началась мною и не окончится вместе со мною». Вследствие этого, он приглашал епископов повиноваться тому, кто был поставлен на его место, и только просил их не подписывать его осуждения, если они не признают его виновным.

Фотий должен был считаться с этим обыкновением и смотреть на своего предшественника, как на отказавшегося от своего достоинства, потому что клир не менее, как сотней голосов¹, избрал его в преемники ему. Он только не мог писать папе, что Игнатий был лишен своего достоинства, потому что канонически он не был осужден.

Итак, он не был ни лицемером, ни лжецом, когда писал к папе так, как мы это видели. Фотий продолжает следующим образом:

«Когда путь прошений мне был закрыт, я облился слезами; тоска, обнявшая меня, подобна была туче и наполнила меня мраком и скорбью и вдруг излилась потоком слез, которые полились из моих глаз. Когда слова оказываются бессильными для получения пощады, тогда естественно прибегать к мольбам и слезам; в них ищут некоторого облегчения, хотя и не могут льстить себя надеждою на получение его. Те, которые употребляли против меня насилие, не давали мне покоя до тех пор, пока не достигли желаемого, хотя это было противно моему желанию. И вот я предан невзгодам и пересудам, которые известны одному только всеведущему Богу. Но *достаточно и этого*, как говорит пословица.

«А так как общение веры лучше всего, и так как оно по преимуществу служит источником истинной любви, при заключении с Вашей Святыней чистой и неразрывной связи, то мы решились вкратце выгравировать, как на мраморе, нашу веру, которая есть также и ваша. Этим мы скорее испытаем действие ваших горячих молитв и представим вам лучшее свидетельство нашей любви».

Затем Фотий излагает свое исповедание веры с точностью и глубиной, достойной величайшего богослова. Он излагает в нем основные истины христианства о Троичности, о Воплощении и Искуплении. Он признает семь вселенских соборов и в немногих словах, но с замечательной правильностью излагает определенное на них учение. Далее он присовокупляет:

«Таково исповедание моей веры, относительно предметов принадлежащих ей и вытекающих из нее; в этой вере содержится моя надежда. Она принадлежит не мне одному, но разделяется всеми, кто хочет жить благочестиво, кто питает в себе божественную любовь, кто решился сохранять чистым и неповрежденным христианское учение. Оглашая подобным письмом наше испо-

ведание веры и извещая Вашу Освященнейшую Святость обо всем, касающемся нас, мы как бы выгравировали на мраморе то, что высказали пред вами на словах. Как уже сказано нами, мы имеем надобность в ваших молитвах, дабы Бог был милостив и благ ко всем нашим предприятиям; дабы Он даровал нам благодать исторгнуть всякий корень соблазна, всякий камень преткновения из церковного сословия; дабы мы могли пасти тех, которые нам подчинены, дабы множество наших грехов не замедляло шествия стада по пути добродетели, и таким образом не делало наших прегрешений еще более многочисленными; дабы я всегда поступал и говорил верующим благопотребное; дабы со своей стороны, они всегда были послушными и покорными к тому, что относится к их спасению; дабы, по благодати и милости Христа, Который есть глава всех, они непрестанно возрастали в Нем, Коему да будет слава и царство со Отцем и Св. Духом, единосущной Троицей и началом жизни, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Это письмо отражает эпоху по своему тону, несколько принужденному (*affectée*); тем не менее оно служит прекрасным памятником православия и во всех отношениях достойно великого писателя и великого епископа.

Враги Фотия заявляют, что первое письмо его, написанное к папе, есть произведение лицемерное, в котором он старается склонить его на свою сторону средствами недостойными и преимущественно проявлением великой ревности против иконоборцев. Но из этого мнимого первого письма никогда не приводили ни одной строки; те, которые предполагают его, не подумали, что епископы не могли иметь ни малейшего сношения между собою, прежде чем обменяются, по принятому обычаю, общительными грамотами. В этом случае, как и во многих других, ненависть ослепила поддельвателей. Первое письмо Фотия к папе и есть то, которое мы перевели.

Оно было доставлено в Рим вместе с письмом императора. Николай I воспользовался этим случаем, чтобы проявить акт верховной власти в Церкви. Этот папа был одним из тех, которые наиболее способствовали развитию дела Адриана I. Иезуит Мембург¹, желая похвалить его, утверждает, что в течение своего семилетнего первосвященствования он возвысил папскую власть до степени, которой она еще не достигала, особенно же в отношении к императорам, королям, князьям и патриархам, с которыми он обращался со строгостью, как ни один из его предшественников, — и обращался так каждый раз, когда считал себя оскорбленным в своих преимуществах первосвященнической своей власти». Этот факт неоспорим, но патер Мембург не замечает ни исторической важности того, что утверждает, ни позорных последствий этого развития папской власти. Равным образом он не видит, что это мнимое развитие есть лишь коренное видоизменение, и что с

¹ Maimb., *Histoire de schisme des Grecs.*

девятого века папство перестало уже быть римским патриаршеством первых восьми веков.

Николай не знал, что произошло в Константинополе, когда низложен был Игнатий и избран Фотий. Он знал только, что Фотий был мирянином во время этого избрания. Достоверно, что многие Западные каноны запрещали поспешные посвящения; но эти каноны не были приняты на Востоке, и хотя распространенное там обыкновение было в пользу посвящений, сообщаемых последовательно, но церковная история многочисленными примерами доказывает, что иногда там возвышались над канонами и принятым обыкновением, в пользу людей, отличавшихся преимущественными достоинствами и при важных обстоятельствах. Достаточно припомнить имена Амвросия Медиоланского, Нектария, Тарасия и Никифора Константинопольского, чтобы доказать, что посвящение Фотия произошло не без предшествующих, весьма почтенных примеров. Но Николай захотел показать себя верховным судьей. Вместо того, чтобы скромно не согласиться войти в общение с новым патриархом до более подробного разузнания дела, он следующим образом отвечал на письма императора и Фотия:

«Творец всех вещей установил первенство божественной власти, которую Творец же всех вещей усвоил всем избранным своим апостолам; он установил твердость этой власти на твердости веры князя апостолов, то есть на Петре, которому преимущественно даровал первый престол. Ибо ему было сказано гласом Господним: «Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Петр, названный так по причине твердости камня, коим есть Христос, не перестает молитвами своими укреплять непоколебимое здание вселенской Церкви, стараясь правилом истинной веры преобразовать безумие тех, которые впадают в заблуждение, и поддерживая тех, которые укрепляют ее, боясь чтобы адские врата, то есть, наваждения злых духов и еретических нападений, не привели к нарушению единства Церкви»¹.

Затем Николай притворяется предполагающим, будто Михаил прислал посольство в Рим затем, что хотел выполнить следующее правило, установленное отцами: «Без согласия римского престола и римского первосвященника не должно ничего решать при разногласиях».

Этот принцип был принимаем, но лишь в том смысле, что вопрос веры не мог быть решен без согласия Западных Церквей, — согласия обыкновенно передаваемого первым престолом этих стран, а не в том смысле, будто согласие частного престола Римского или Римского епископа строго было необходимо. Таким образом, Николай основывается на заблуждении и ложно предполагает, будто принцип признавался и Восточным императором. В этом последнем отношении папа преимущественно знал, как

¹ Nicol., epist. 2 et 3, в *Собрании соборов* P. Labbe, t. VIII; Nat. Alexand. Hist. Eccl. Dissert. IV, in Soecul. IX.

надобно себя держать. Он тотчас нападает на избрание Фотия в силу канонов Сардикийского собора и декреталий папы Целестина, Льва и Геласия, которых он называет *учителями католической веры*. Он мог бы заметить, что дело шло не о вере, но о вопросе дисциплинарном, и что Восток не держался, и имел право не держаться относительно этого пункта западной дисциплины. Адриан I запретил на будущее время возводить мирянина в епископскую степень. Николай основывается на этом прецеденте; но он не исследует, имел ли Адриан более чем он, Николай, права делать подобное запрещение. «Мы желаем, присовокупляет он, чтобы Игнатий предстал пред нашими посланными для объяснения, почему он оставил свой народ, не приняв в расчет предписаний наших предшественников, святых первосвященников Льва и Бенедикта... Пусть все будет предоставлено нашему верховному авторитету, дабы мы апостольскою властью определили, что надобно сделать, дабы ваша Церковь, которая так поколеблена, на будущее время явилась стойкой и умиротворенной».

Согласно с обыкновением, установившимся с тех пор в Римской Церкви, Николай не был занят своими обязанностями *верховного первосвященника* настолько, чтобы не позаботиться о материальных интересах своего престола. Вот почему он писал императору: «Возвратите нам отчины Калабрии и Сицилии и все имущества Церкви, владение коими было приобретено ею и коими она имела обыкновение управлять посредством своих уполномоченных; ибо неразумно, чтобы церковное имущество, предназначенное для освещения и для службы Церкви Божией, было отнято у нас земной властью».

Итак вот мирское дело облекается религиозным освящением.

«Мы желаем, присовокупляет Николай (это слово естественно стекает с его пера при всяком случае), мы желаем, чтобы посвящение архиепископу Сиракузскому было сообщаемо нашим престолом, дабы предание, установленное апостолами, не было нарушено в наше время». Вот причина по истине странная, чтобы не сказать большего. Сицилия была подчинена римскому патриархату в четвертом веке; после падения империи, эта область осталась во владении императора Константинопольского. А согласно с правилом, принимаемым в Церкви во все времена, церковные распределения должны сообразоваться с изменениями гражданских распределений. Сиракузы, в силу этого правила, должны быть причислены к Константинополю, а не к Риму.

Письмо к Фотию было только сокращением письма, адресованного к императору. Но Николай избегает в нем употреблять высокомерных выражений, на которые мы указали в последнем письме. Он обращается к Фотию, как к простому мирянину, не давая ему никакого епископского титула, хотя папа знал, что Фотий законно был посвящен. Под этим приемом скрывалась следующая мысль: никакой епископ не может быть признаваем законно посвященным без согласия римского первосвященника.

Древние папы не говорили подобным языком ни с императорами, ни с братьями своими — епископами. Среди обстоятельств, когда они должны были вмешиваться в дела для защиты веры или дисциплины, они не выставляли себя верховными судьями, не приписывали себе верховного авторитета; они обращались к преданию, к канонам; ничего не делали без соборов и не смешивали мирских дел с духовными. Мы указали на первые шаги папства по его новому пути и на его попытки ниспровергнуть древнее право. Николай I почувствовал себя в состоянии сделать из новых притязаний столько же древних и неоспоримых преимуществ. Таким образом он заслуживает быть помещенным между Адрианом I, истинным основателем современного папства, и Григорием VII, который вознес его до высочайшей степени. Но Ложные Декреталии не были известны на Востоке. А Николай I, вместо того чтобы сослаться на общие начала вселенских соборов, указывает на Декреталии своих предшественников, как будто бы Римские епископы могли устанавливать вселенские законы. Фотий, во втором своем письме, напомнил ему истинные начала с такою же точностью, как и скромностью.

Когда легаты Николая прибыли в Константинополь, то в этом городе был созван собор, на котором присутствовало триста двадцать восемь епископов и на котором заседали легаты. Игнатий представлен был в это собрание и торжественно был низложен на нем. Все согласны с этим фактом. Однако же враги Фотия из этих трех сот двадцати восьми епископов, судивших публично и в присутствии значительной толпы народа, делают столько же подкупленных двором изменников. Мы не можем верить, чтобы такое количество епископов и до такой степени обесчестило свою совесть, чтобы никто из среды их не почувствовал ее угрызений, чтобы народ не протестовал против подобного бесчестия. Трудно поверить этой стачке трех сот двадцати восьми епископов, окруженных толпою клира и народа; нам представляется более вероятным, что Игнатий не смотря на свои добродетели, был возведен в патриархи не столько по избранию, сколько по влиянию властей и по причине своего благородного происхождения, как его и укоряли в этом, и был замешан, без сомнения, вопреки своему желанию, в политическую интригу. Мы не видим никакой причины заподозреть чистоту его намерений, но не был ли он несколько честолюбив? и не по причине ли влияния своего пагубного честолюбия он не подражал величию души и по истине епископскому отречению Златоуста?

Игнатий был низложен во второй раз Константинопольским собором в 861 году. Он апеллировал к папе. Но его апелляция была подписана только шестью митрополитами и пятнадцатью епископами.

Легаты возвратились в Рим. Спустя немного времени после их возвращения, императорское посольство принесло Деяния собора и письмо Фотия, выраженное в следующих словах:

«Святейшему среди всех и освященнейшему брату и сослужителю Николаю, папе древнего Рима, Фотий епископ Константинополя, нового Рима.

«Нет ничего почтеннее и прекраснее, как милосердие; это общее убеждение подтверждается и Св. Писанием. Посредством милосердия соединяется то, что разделено; борьба умиротворяется; а что соединено уже и внутренне связано, то еще более связывается крепко; оно закрывает всякое появление возмущений и внутренних распрей; ибо «оно не мыслит зла, но терпит все: оно надеется на все, переносит все, и никогда, по словам блаженного Павла, не истощается». Оно примиряет виновных слуг со своими господами, указывая для уменьшения вины их на тождество нашей природы. Оно учит слуг с кротостью переносить гнев своих господ и утешает их при неравенстве состояния примером тех, которые равным образом терпели это неравенство. Оно смягчает гнев родителей против их детей и против ропота этих последних; оно из родительской любви делает могущественное оружие, которое защищает их, и останавливает в недрах семейств те раздоры, которых ужасается природа. Оно легко прекращает разногласия, возникающие между друзьями, и побуждает их сохранять добрые дружеские отношения. Что же касается тех, которые имеют одни и те же мысли о Боге и о предметах Божественных, то хотя бы они были разделены пространством и никогда не видели друг друга, оно соединяет их, отождествляет их мысли и делает из них истинных друзей; и если случайно один из них по большой неосторожности взведет обвинение против другого, оно исцеляет это, все восстанавливает, скрепляя связь единства».

Эта картина благодеяний милосердия направлена против Николая, который не соблюл его в отношении к Фотию и слишком поспешно начал упрекать его. Константинопольский патриарх продолжает:

«Именно это милосердие без затруднения дало мне возможность перенести упреки, которые вы бросили в меня, как против какого-либо преступника, и помешало мне признать ваши слова плодом гнева, или словами души, ищущей обиды и недружелюбия; напротив, побудило меня посмотреть на них, как на доказательство расположения (*affection*), не умеющего притворяться, как на слишком большую ревность о церковной дисциплине, ревность, которая желает, чтобы все было в совершенстве. Ибо если милосердие не позволяет смотреть даже на зло, как на зло, то как оно позволит думать, что такой-то предмет есть зло? Природа истинного милосердия такова, что милосердие смотрит, как на благодеяние, даже на то, что причиняет нам скорбь. Но поелику ничто не препятствует, чтобы между братьями, или между отцом и сыном, была высказываема истина (и в самом деле, в чем больше дружества, как не в истине), то пусть позволено мне будет высказаться пред вами и написать вам с полной свободой, не из желания противоречить вам, но в намерении защитить себя.

«Будучи совершенным, каким вы есте, вы прежде всего должны были бы принять в соображение, что мы впряжены в это иго, вопреки нашему желанию и, следовательно, должны были иметь сострадание к нам, вместо того, чтобы делать нам упреки; не презирать нас, а сострадать нашей скорби. В самом деле, в отношении к тем, которые подверглись насилию, обязательны милосердие и доброта, а не ругательства и презрение. Но мы претерпели насилие такое, какое ведает один только Бог, знающий самые сокровенные предметы; нас удержали вопреки нашему желанию; мы подвергнуты были надзору, окружены шпионами, как преступник; нас подвергли избранию, вопреки нашему желанию; нас поставили епископов, не взирая на наши слезы, на наши жалобы, наше огорчение, наше отчаяние. Весь мир знает, что это было так; потому что дела совершались не под секретом, и крайности насилия, которым я подпал, совершались настолько публично, что весь мир знал о них. Как! не следует ли скорее сожалеть и утешать, сколько возможно, тех, которые претерпели такое насилие, чем нападать на них, злословить их и наносить им оскорбления? Я лишен жизни тихой и спокойной; я потерял мою славу (ибо существуют же люди, любящие мирскую славу), я потерял мои дорогие досуги, мои столь чистые и столь приятные сношения с моими друзьями, те сношения, откуда печаль, проницательство и упреки были исключены. Никто не питал ко мне ненависти; и я никого не порицал, никого не презирал, ни чужестранцев, ни бедняков; я не имел ничего против тех, которые мало сносились со мною, а тем более не имел ничего против моих друзей. Я никогда не причинял никому огорчения, которое послужило бы поводом к нанесению мне оскорбления, за исключением опасности, которой я подвергся по причине религии¹. Никто не оскорблял меня настолько сильно, чтобы я побуждаем был в отношении к нему к мщению. Все было хорошо для меня. Что касается моего поведения, то я должен молчать об этом, но каждый скажет, каково оно было. Друзья мои любили меня более своих родных; что же касается моих родных, то они любили меня более, чем остальных членов семейства и знали, что и я любил их еще больше».

Сами враги Фотия вынуждены сознаться, что его жизнь была жизнью человека, преданного наукам; что он обладал, как первый государственный секретарь, величайшими почестями, о которых только мог мечтать. Как согласить эти признания с тою необузданною любовью к епископству, которую ему приписывают? Ближе будут к истине, когда признают его письма подлинным выражением его чувств. Он, сколько мог, сопротивлялся своему посвящению, и только воля императора и воля Варды принудили его взойти на престол, который никто не мог занимать лучше его.

¹ Фотий намекает здесь на противопоставленное им сопротивление императорам — иконоборцам и их сообщникам.

Фотий, приведши параллель, столько же истинную, как и красноречивую, между приятностью своей ученой жизни и заботами новой жизни, к которой его призвали, продолжает следующим образом:

«Но для чего я возвращаюсь к предметам, о которых я уже писал? Если мне верят, то мне наносят обиду, не оказывая сострадания ко мне; если же мне не верят, то не менее причиняют мне обиду, не давая веры моим словам, хотя я говорю истину. Итак, и с этой и с другой стороны я несчастлив. Я встретил упреки там, где ожидал найти утешение и одушевление; таким образом скорбь присоединилась к скорби. — Скажут: не следовало, чтобы вам наносили обиду. Но вы скажите это тем, которые нанесли ее. — Не следовало, чтобы вас подвергали насилию. Прекрасное правило, но кто заслуживает вашего упрека? Не те ли, которые прибегли к насилию? Кто же суть те, которые заслуживают сострадания? Не те ли, которые подверглись насилию? Если бы кто-либо оставил в покое причиняющих насилие, чтобы напасть на того, кто подвергается ему, то надеюсь, ваша справедливость осудила бы его.

«Говорят, церковные каноны нарушены, потому что из состояния мирянина вы возведены на вершину священства. Но кто же нарушил их? Тот ли, кто употребил насилие, или тот, кто был принужден к этому силою и вопреки своему желанию? — Но он должен был сопротивляться. — До какой степени? — Я сопротивлялся и даже более, чем следовало. Если бы я не боялся возбудить величайшее возмущение, то я сопротивлялся бы еще даже до смерти. Но что же это за каноны, о которых полагают, что они нарушены? Это такие каноны, которых до настоящего дня Константинопольская Церковь не принимала. Нарушают каноны тогда, когда обязаны бывают сохранять их; но когда вам их не сообщали, то вы не совершаете никакого греха, когда не соблюдаете их.

«Я достаточно сказал об этом, и даже более чем надобно. Ибо я не думаю ни защищаться, ни оправдываться. Как могу я стараться защищать себя, когда единственный предмет, которого я желаю — это освобождение меня от мятежа, это снятие бременищей меня тяжести? Вот для чего я желал престола, вот для чего я желаю удержать его! — Но если епископский престол теперь составляет для вас тяготу, то не таким он был в начале? — Я возшел на престол, вопреки моему желанию, и я остаюсь на нем, тоже вопреки моему желанию. Доказательством того, что в самом начале надо мною совершено было насилие, служит то, что в самом же начале я желал, как и теперь желаю, оставить престол. — Но если обязаны были писать ко мне вежливо, то не могли писать с добротой и хвалить меня. Мы приняли все сказанное нам с радостью и с благодарностью к Богу, управляющему Церковью. Мне сказали: «Вас избрали из общества мирян, это дело не похвальное; вот почему мы являемся не решительными и замедли-

ли нашим признанием до возвращения наших апокрисиариев»¹. Лучше было бы написать: «Мы совершенно не согласны, мы не одобряем, мы не принимаем и никогда не примем вас. Кто приобрел дарами этот престол, кто купил епископство, кто не имел в пользу свою действительного избрания, тот дурной «человек во всех отношениях. Оставьте этот престол и «пастырские обязанности». Кто написал бы мне подобным образом, тот написал бы вещи приятные, хотя большею частью ложные. Но следовало ли, чтобы потерпевший обиду при возведении в епископство, претерпел ее и при оставлении его? кто был насильно возведен, был бы еще с большим насилием низведен? Тот, кто проникнут такими чувствами и такими мыслями, не станет заботиться об отражении клеветы, не имеющей другой дели, кроме лишения епископского престола. Но довольно об этом предмете».

В остальном своем письме, Фотий весьма пространно объясняет, что одна Церковь не должна осуждать обычаи другой, если только эти обычаи не противны ни вере, ни канонам вселенских соборов. Он оправдывает свое посвящение этим правилом и примером святых своих предшественников: Нектария, Тарасия, Никифора, и примерами св. Амвросия, св. Григория, отца Богослова, и Фаласия Кесарийского. Он излагает Николаю, что на последнем соборе, происходившем в присутствии его легатов, были признаны многие дисциплинарные правила, указанные им и представлявшиеся полезными. Он хвалит папу за его любовь к сохранению канонов и прославляет его тем более, что так как папа обладает первенством, то его пример является более сильным. При этом, в конце письма, он пользуется случаем, чтобы указать ему, что огромное число виновных уходит в Рим под предлогом пилигримства, с целью скрыть свои преступления под ложною наружностью благочестия. Поэтому он просит его сохранять относительно этого обстоятельства каноны, предписывающие каждому епископу принимать в общение только тех, которые снабжены рекомендательными письмами от своего собственного епископа.

Таким образом, во все времена Рим укоряли в предоставлении убежища лицемерным преступникам. Франкская Церковь часто

¹ Аббат Жаже, в своей мнимой *Истории Фотия* (Кн. III, стр. 64, изд. 1854), принимает это изложение письма Николая за утверждение Фотия. Поэтому в примечании говорит: *Новая ложь!* А прежде, в примечании к той же странице, он высказывает следующие две фразы: *бесстыдная ложь! это значит снова лгать!*, чтобы этим охарактеризовать утверждения Фотия, говорящего, что он остается на Константинопольском престоле вопреки своему желанию и жаждет оставить его. Эти примечания аббата Жаже недостойны писателя, уважающего себя. Более того, прежде чем упрекать Фотия в третьей лжи, этот писатель должен был бы дать себе труд понять его слова; таким образом, он не принял бы за личное утверждение Фотия изложение письма папы, который в самом деле говорит, что он замедлит своим согласием до возвращения своих послов.

писала папам в том же смысле, в каком пишет теперь Фотий по этому поводу.

Письмо этого патриарха не могло быть приятным Николаю; ибо под формою вежливою и изящною оно содержало правдивые уроки. Фотий не высказывает в нем ни одного оскорбительного слова; он не пользуется своим почетным титулом *вселенского* патриарха; он признает *первенство* римского престола; но он не льстит честолюбию нового папства; он не унижается, и его мягкость не исключает твердости.

Подобный противник был более страшен Николаю, чем человек заносчивый и честолюбивый. Вместо того чтобы опровергать права, которые он приписывал себе в отношении к некоторым церквам Константинопольского патриархата, Фотий говорит ему: «Мы уступили бы вам их, если бы это зависело от нас; но так как дело идет о странах и границах, то оно принадлежит уже государству. Что касается меня, то я хотел бы не только возратить другим принадлежащее им, но и уступить часть издревле зависящего от этого престола. Я был бы обязан тому, кто освободил бы меня от некоторой части моей тяжести».

Нельзя было лучше отвечать папе, который думал только о распространении своей власти всеми средствами. Но Николай не воспользовался этим уроком, столько же правдивым, как и скромным. Он не хотел верить ни легатам, ни представленным ему соборным актам. Он объявил самому посланному Львом послу, что он не отправлял своих легатов для низложения Игнатия, или для одобрения посвящения Фотия; что он никогда не соглашался и не согласится ни на то, ни на другое.

Таким образом, Николай выставлял себя судьбою законности епископов, забывая, что согласно с канонами он только свободно мог входить в общение с тем или другим из них. Понятно, что прежде вступления в общение с Фотием, он имел надобность в положительном осведомлении в законности его избрания; но, согласно с церковными правилами, эта законность зависела не от папской власти, а от осуждения, высказанного против Игнатия и от правильности избрания Фотия. Собор из трехсот двадцати восьми епископов всенародно одобрил это избрание и низложение Игнатия. Легаты были свидетелями этого; они свидетельствовали о том, что видели и слышали; казалось, этого достаточно было, чтобы побудить Николая войти в общение с епископом, который, по своим почтенным нравам и по своей учености, достоин был епископства. Но принявши сторону Игнатия, Николай являл акт верховного авторитета. Эта перспектива слишком льстила его склонности и он не мог от нее отказаться. Поэтому он созвал римский клир с целью торжественного непризнания своих легатов. Затем он послал императору, Фотию и всей Восточной Церкви письма, которые служат столькими же памятниками его гордости. Мы должны познакомиться с ними, дабы можно было сравнить учение их с учением первых восьми веков, и таким образом при-

обрести убеждение, что папство оставило это последнее учение с целью заменить его автократической системой, которую Восточная Церковь не могла принять¹. В начале своего письма к императору Михаилу он предполагает, что этот государь обратился: «к святой, кафолической и апостольской Римской Церкви, началу (главе) всех Церквей, во всех своих действиях следующей чистому авторитету Святого Петра», дабы узнать, как надобно держать себя среди (настоящих) церковных обстоятельств.

Николай не пропускал ни одного случая повторять эти громкие фразы, которые доказывали совершенно противоположное тому, что он утверждал, ибо св. отцы совершенно не знали их. Переходя к делу Игнатия, он жалуется «на то, что объявили против него решение, не согласное с его *приказаниями (ordres)*, что не только не сделали ничего из того, что он *предписал*, но сделали совершенно противоположное. Поэтому, присовокупляет он, так как вы поддерживаете Фотия и отвергаете Игнатия без суда Нашего Апостольства, то мы желаем, чтобы вы знали, что мы не принимаем Фотия и не осуждаем Игнатия».

Вот речь господина. Затем папа старается найти различие в частности между посвящением Нектария и Амвросия и посвящением Фотия. Но эти различия, если их даже принимать в представляемом папою смысле, не уничтожали положительного закона, хотя бы его признавали абсолютным и не допускающим исключений.

Письмо Николая *к весьма мудрому мужу Фотию*, начинается следующим торжественным образом:

«После того, как Господь наш и Искупитель, Иисус Христос, Который был истинным Богом прежде веков благоволил выйти из недр Девы для нашего искупления, и явился в мир истинным человеком. Он вверил блаженному Петру, князю апостолов, власть вязать и решать на небе, и на земле и право отворять врата царствия небесного; Он благоволил учредить Свою святую Церковь на твердости веры этого апостола. *Истинно, Я говорю тебе: ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата ада никогда не одолеют ее; и Я дам тебе ключи царствия небесного; и все, что ты свяжешь на земли, будет связано на небеси, и все, что разрешишь на земли, будет разрешено на небеси*».

Таков великий аргумент, на котором современное папство всегда утверждает. Оно открыто отвергает традиционное и кафолическое толкование этих божественных слов; оно делает из прав, усвоенных всем сообща апостолам исключительное и личное право святого Петра; оно выставляет себя, вопреки всем церковным правилам; и в силу святотатственного произвола единственным наследником химерических преимуществ, и претендует, на этих ложных и зыбких основаниях, обосновать здание своей вселенской власти. Таковы были притязания Николая, противопоставленные Фотию; и еще хотят, чтобы этот патриарх, знавший церковные

древности, подчинялся подобному авторитету! Он должен был протестовать, как он и сделал это; и да будет благоугодно Богу, чтобы все епископы католической Церкви подражали его мужеству, столько же твердому, как и скромному и чистому!

Но вот толкование, представляемое Николаем приведенных им евангельских слов: «Согласно с этим обетованием, посредством скрепления (сiment) святого апостольского учреждения, фундамент здания, сложенный из драгоценных камней, начал возвышаться; и благодаря божественному милосердию, при посредстве ревности созидателей и твердости апостольской власти, здание возведено было до вершины, чтобы существовать всегда, нисколько не боясь жестокости ветров. Блаженный Петр, князь апостолов и страж царствия небесного, заслужил этом здании *первенство*, как это известно всем православным и как это было возвещаемо всегда». В самом деле, никто из православных не отвергает *первенства* св. Петра, но это первенство дает ли ему верховную власть? Нет, отвечает католическое предание. Да, отвечает Николай, который продолжает следующим образом: «После него (св. Петра), *его Викарии*, служба Богу искренно, свободные от мрачных теней, препятствующих идти прямой дорогой, приняли в высшем смысле заботу пасти овец Господа, и они исполнили этот долг тщательно. К числу их милосердие всемогущего Бога благоволило причислить и Наше недостойнство; но мы трепещем при мысли, что мы должны будем ответить *прежде всех и за всех* пред Иисусом Христом, когда Он потребует отчета у каждого в его делах.

«Поелику же все верующие справляются об учении той святой римской Церкви, которая есть начало (глава) всех Церквей; поелику они ищут у нее чистоты веры; поелику достойные среди них и искупительные по благодати Божией испрашивают у нее разрешения в своих прегрешениях: то надобно, чтобы мы, принявшие на себя эти обязанности, были внимательны, всегда имели надзор над стадом, тем более, что всегда существуют (люди), желающие разогнать его жестокими нравами... Несомненно, что святая римская Церковь, при посредстве блаженного Петра, князя апостолов, удостоившегося из уст Господа принять *первенство в церквах*, есть начало (глава) всех Церквей; что именно к ней надобно обращаться за дознанием правильности и порядка, которому надобно следовать во всех полезных вещах, и к церковным постановлениям, сохраняемым ею не нарушило и беспрекословно в смысле правил канонических, синодальных и св. отцов. Отсюда следует, что отвергаемое Правителями этого престола, полнотою их власти, должно быть отвергаемо всеми, несмотря ни на какие частные обычаи; а что приказано ими, то должно быть принимаемо твердо и без колебания».

Таким образом, Николай противопоставил свой верховный авторитет правилам, которым следовала Церковь от глубокой древности и которые Фотий изложил ему. Затем он старается найти различие в подробностях при избрании Нектария, Амвросия и

Тарасия и при избрании Фотия. Но и теперь он успевает не более, как и в своем письме к императору Михаилу, и проходит молчанием другие примеры, упомянутые Фотием.

В письмах своих к патриархам и к Восточным верующим¹ Николай излагает такое же учение о своей автократии. Он *приказывает* патриархам Александрии, Антиохии и Иерусалима известить своих верующих о решении апостольского престола.

Патриарх Игнатий, апеллируя к папе Николаю по поводу высказанного против него обвинения, очень польстил гордости этого папы. В доказательство этого достаточно привести следующую подпись под актом его апелляции: «Игнатий, угнетенный тиранией и пр. нашему Святейшему господину и блаженнейшему председателю, патриарху всех престолов, преемнику св. Петра, князю апостолов, Николаю, вселенскому папе, и его святейшим епископам и мудрейшей *вселенской Римской Церкви*»². Св. Григорий В. отвергал подобные титулы, как *диавольские измышления*; мы видели это выше из его писем к Иоанну Постнику; но папство св. Григория В. уже не существовало; оно уступило место политико-церковному учреждению, для коего *власть* была единственной заботой. Игнатий, льстя честолюбию Николая, становился правым в глазах этого папы. Фотий же, державшийся древнего учения, смотревший на Римского епископа единственно только, как на *первого* епископа, не усвоив ему никакой личной власти, мог быть только виновным. Таким образом, не подвергая дела дальнейшему расследованию, Николай произнес Фотию анафему на соборе, который созвал в Риме в начале 863 года. «*Мы объявляем его*, говорит он, лишенным всех иерархических достоинств и всех иерархических должностей, — властью Бога всемогущего, святых апостолов Петра и Павла, всех святых, шести вселенских соборов и *суждением, высказанным Духом Святым чрез нас*»³. В своем осуждении он осмелился даже обвинять Фотия в дурном обращении, которому подвергался Игнатий. Это была клевета, почерпнутая из доносов врагов Фотия и потом повторяемая всеми римскими писателями, говорившими о разногласии между этим патриархом и Николаем⁴. Наконец из всего, что сделал этот папа

¹ Николай, epist. 1 et 4.

² См. *Libel. Ignat. в Собрании соборов* P. Labbe, т. VIII. Многие ученые сомневаются в подлинности этого сочинения. Мы с трудом верим, чтобы Игнатий, несмотря на свои добрые отношения с Римом, мог обращаться к папе в форме, которую здесь можно читать.

³ *Собрание соборов* P. Labbe, т. VIII.

⁴ Мы не придаем никакого значения всему тому, что рассказывают враги Фотия относительно страданий Игнатия; 1) потому что все их подробные рассказы нисколько не решают принципиального вопроса; 2) потому что эти рассказы запечатлены очевидным преувеличением; 3) потому что Фотий не может быть ответствен в преследованиях, по свидетельству истории. Игнатий не навлек ли на себя ненависти императора и Варды своею ревностью, очень мало

очевидно, что он решился отвергать все доводы в пользу Фотия и не давать им никакого значения. Для него несколько монахов, приверженцев Игнатия, прибывших в Рим, имели гораздо больший авторитет, чем собор, составленный из трехсот двадцати восьми епископов, огромного числа белого духовенства и монахов, и рассуждавших в присутствии несметной толпы народа. Надобно согласиться, что в поведении Николая сказывался иной мотив, а не защита Игнатия или справедливость его дела. Он заявлял себя *хранителем божественной власти и органом Св. Духа*. Во имя этого заявления, он усвоял себе все права. Но вселенские соборы, приводимые им в доказательство его решения, постановили, что епископ не может быть подвергнут ни суду, ни осуждению иначе, как только соепископами одной и той же провинции; и они не усвояли Римскому епископу большей власти, чем другим. Что же касается притязаний Николая на божественную власть, то известно, как надобно смотреть на это, и его доводы достойны тезиса, который он хотел доказать. Император Михаил, узнавши о решении Римского собора, написал к Николаю письмо, исполненное угроз и презрения (864). Он молчаливо предполагает, что враги Фотия внушили ему это решение, полагая, что император заботится только о своих удовольствиях. Соображение это в их глазах, было единственным доказательством. Николай ответил Восточному императору очень длинным письмом, наполненным фактами сомнительными, суждениями ложными и историческими ошибками самыми

благоразумною, своими поступками с Григорием Сиракузским, своими недружелюбными чувствами к правительству? Вот вопросы, в отношении к которым нельзя делать его совершенно правым даже с помощью рассказов его приверженцев. Можно даже сказать, что эти пристрастные рассказы унижают его своими крайностями. Отказ отречься от престола вызвал против него жестокости двора; мы не отрицаем этого, хотя подробности этих жестокостей представляются нам с характером, очень мало вероятным. Но Фотий был ли соучастником этих жестокостей? Мы отвечаем отрицательно. Прежде всего потому, что беспристрастные писатели не приписывают их ему никоим образом и потому, что он сам в своих письмах к Варде протестовал против жестокостей, оказанных его противникам. В его письмах можно читать эту переписку, достойную великого и святого епископа. Не должно ли думать, что только в отношении к Фотию его интимная переписка не может служить документом, достойным вероятия? Римские историки утверждают, что он писал свои письма лицемерно. Но писатели беспристрастные и независимые, которые дают им веру, были ли тоже лицемерами? Можно ли поверить, что заклятые враги Фотия лишь одни обладают привилегией утверждать истину, говоря о Фотие? Если надобно судить о человеке на основании свидетельств его врагов, то кто когда-либо будет признан невинным? Держась этого метода, могут доказать, что Сам Христос достоин был смерти.

грубыми. Из этого письма видно, что император противопоставил папским притязаниям множество фактов, приводивших первенство римского епископа к его истинным границам; Николай опровергает эти факты поверхностным образом; его рассуждения являются тщетными и он смешивает некоторые случайные обстоятельства с признанием абсолютной власти, которую он усваивает себе. Вот пример его ложных суждений:

«Надобно заметить, что Никейский собор, равно как и все другие соборы, не сообщали никаких преимуществ римской Церкви, о которой знали, что она, в лице Петра, *удостоилась обладания правами во всей полноте власти, и получила владение над всеми овцами Христа*¹. Он основывает это суждение на свидетельстве папы Бонифация. «Если, продолжает он, внимательно исследуют определения Никейского собора, то конечно найдут, что собор не сделал никакого расширения (прав) для Церкви римской; но скорее с ней взял пример в отношении к тому, что усвоил Церкви Александрийской». Николай не прибавляет, что собор признавал власть римского престола над пригородными Церквями основанною единственно *на обычае*, а не на *божественном праве*; он не замечает также, что когда Церкви Александрийской *усваивают* власть *аналогичную* с властью Церкви римской, то этим признают, что эта последняя власть не имеет ничего божественного, потому что собор не может усвоить божественной власти.

С такою то силою суждений Николай отвечает на все возражения своего противника против папской автократии.

Он заключает различием двух областей, в которых должны действовать священство и императорство. Если Михаил нуждался в знании того, что он не имел никакого права относительно церковных дел, то само папство не должно ли было понять, что оно не имело никакого права в отношении к светским делам?

Церковь восточная должна была протестовать против посягательств Николая. Посягательства эти были противоположны древнему праву. Даже ультрамонтаны вынуждены были сознаться в этом, хотя и не прямым образом. Один писатель², выдающий себя за историка Фотия и принимающий за истину утверждения заклятых врагов этого патриарха, вынужден был с очевидностью выразиться следующим образом: «Разделение бросило большой свет на учение относительно первенства святого престола. *Никогда* преимущества не были лучше утверждены, как в борьбе Николая... с схизматическими фотинианами». Можно ли поверить, что до десятого столетия не представлялся никакой случай сделать очевидными эти преимущества, если они действительно принадлежали Римскому престолу? Факты, изложенные нами прежде, достаточно красноречиво отвечают на этот вопрос. По истине, вопросы более

¹ Quae in Petro noverat eum totius potestatis jura pleniter meruisse et cunctarum Christi ovium regimen accepisse.

² Жаже, *История Фотия*, кн. 4, стр. 114, изд. 1854.

важные, чем низложение епископа, были возбуждаемы между Востоком и Западом, от начала Церкви, и эти вопросы, вместо того, чтобы рельефнее очерчивать папскую власть, лишь приводили ее к правильным границам. Но в девятом веке обстоятельства переменились; папство пожертвовало древним католическим учением ради своих честолюбивых мечтаний, и оно воспользовалось всеми обстоятельствами, чтобы ввести в практику духовную автократию, столько же противоположную Св. Писанию, как и учению отцов и соборов.

Сильный древним правом, Фотий смотрел на отлучение Николая как на ничтожное и продолжал исполнять свои епископские обязанности с ревностью и преданностью, которые враги его извращают с замечательным лукавством. Они хотят видеть в нем *лютого* зверя, соединяющего в себе глубочайшее лицемерие с жестокостью, простирающееся до крайности, не стараясь примирить этих двух характеристических свойств в одном человеке, и не примиряя фактов, находящихся в полном противоречии с этим. Но Николай не мог выносить этого презрения к его *верховой власти*, и он воспользовался обращением в христианство Болгар, чтобы начать войну против Фотия¹.

Первые семена христианства были посеяны среди Болгар Греками около 845 года. В 864 году Фотий сильно способствовал обращению их царя Богориса², который заставил следовать за собою весь свой народ. Он сам обратился к этому царю с прекрасным наставлением об обязанностях государей. Богорис, в борьбе с германцами и их императором Людовиком германским, надеялся успокоить его, потребовавши латинских священников для просвещения своего народа. Он послал послов в Рим, спустя немного времени после незаконного низложения Фотия. Николай не колебался и воспользовался таким прекрасным случаем для распространения своей власти на Востоке. Поэтому он послал легатов к Болгарско-

¹ В это время (866) император Михаил приказал убить Варду и постановил Василия, который служил ему при этих обстоятельствах, во главе управления. Из переписки Фотия видно, что этот патриарх живейшим образом упрекал Варду в жестокостях, которые он употреблял против Игнатия и его приверженцев. Когда Варда помер, Фотий писал императору, поздравляя его с освобождением от интриг Варды. При сличении писем одних с другими, следует, что Фотий и Варда не были в таких интимных отношениях, чтобы патриарху можно было усвоить жестокости Цезаря. Но это заключение не удобно для врагов Фотия, которые хотят взвалить на последнего все жестокости. Поэтому утверждают, что Фотий был достаточно низок, чтобы обвинить Варду после его смерти; между тем, как при его жизни он подло льстил ему и заставлял его служить своему мшению. Враги и фанатики могут подобным образом писать историю, но подобный поступок их может вызывать одно лишь отвращение в честной совести.

² См. Phot Epist, lib. I, epist. VIII.

му царю с длинным ответом на полученные им извещения, не забываясь знать, были ли согласны с истиною факты, содержащиеся в этом извещении. Он не забыл в своем ответе¹ выше всякой меры превознести римский престол, унизить престол константинопольский. Римский престол, по нему², есть ради св. Петра *источник епископства и апостольства*; и вот почему Болгары не должны принимать епископа ниоткуда, как только из Рима. Из Рима же они должны принять и учение... Св. Петр, говорит он³, всегда живет и председательствует на своем престоле; он сообщает истину веры тем, которые ее ищут; ибо св. римская церковь всегда была без пятна и повреждения; именно здесь св. Петр основал ее, и ею окончательно определено исповедание веры».

Папа присоединил к своим легатам в Болгарии трех других легатов для Константинополя и снабдил этих последних восьмью письмами, от 13 ноября 866 г.; письма эти служат памятниками его гордости⁴. Он угрожает Михаилу бесчестно сжечь его письмо, направленное против римских преимуществ, если он не отречется от него. Он пишет Константинопольскому клиру, что низлагает всех приверженцев Фотия и восстанавливает сторонников Игнатия. Он жалуется на Варду за то, что тот обманул его прекрасные надежды, которые он основывал на его благочестии; он извещает Игнатия, что восстановил его на престоле и предал анафеме Фотия и его приверженцев; он льстит императрице-матери Феодоре и радуется защите дела Игнатия, которого и она поддерживала; он просит императрицу Евдоксию принять сторону Игнатия пред императором; он приглашает всех константинопольских сенаторов отречься от общения с Фотием и объявить себя в пользу Игнатия.

Его письмо к Фотию, третье в числе писем, заслуживает особенного упоминания: папа называет Фотия только *человеком*: **Николай, мужу Фотию**. Он его укоряет в бесстыдном нарушении досточтимых канонов, определений отцов и божественных заповедей». Он называет его *вором, льстецом*; полагает что Фотий изменил своим собственным обещаниям; оболыстил легатов; изгнал епископов, отказавшихся войти с ним в общение; он утверждает, что по справедливости его можно назвать *человекоубийцею, ехидною, хамом, жидом*. Он возвращается к Сардинийским канонам и к декреталиям своих предшественников, и наконец заключает угрозою поразить его отлучением, которое будет продолжаться до его смерти.

Подобное *страстное* письмо должно было произвести, как полагали, только одно действие: оно побудило Фотия осудить папу.

Когда легаты прибыли в Болгарию, то все греческие священники были изгнаны ими из этой страны, и они признали недейст-

¹ См. *его ответы в Собрании соборов* P. Labbe, т. VIII.

² Ответ LXXIII.

³ Ответ CVI.

⁴ Epist. Nicol. IX et seq. в Собрании Соборов, P. Labbe. t. VIII.

вительным преподанное греческим духовенством таинство миропомазания. Это значило нанести Восточной Церкви обиду самую грубую, попирая ногами основные начала христианского богословия. Фотий не мог перенести ни этого заблуждения, соединенного с оскорблением, ни посягательств Николая. Он созвал в Константинополе (867) собор, на который пригласил не только патриархов и восточных епископов, но и трех западных епископов, которые обратились к нему за защитой против деспотизма Николая¹. Это были епископ-экзарх Равенский и архиепископы Трирский и Кельнский². Легаты трех патриарших престолов Востока, множество епископов, священников и монахов, два императора, сенат, заседали на этом соборе³. На нем читаны были письма Николая и по единодушному решению, папу признали недостойным епископства и произнесли против него отлучение и анафему. Это решение было отослано самому Николаю чрез Захарию, митрополита Халкидонского, и Феодора Кизического. Анастасий Библиотекарь говорит, что из тысячи подписей, которыми этот документ был

¹ Мы возвратимся к его окружному посланию.

² Николай держался обычая низлагать епископов, даже величайших престолов, своею собственною властью и вопреки канонам, которые делали их подсудными только пред провинциальными епископами. Большинство епископов не давало никакого значения папским осуждениям. Архиепископы Трирский и Кельнский ответили на решение Николая протестом, в котором они, между прочим, говорили ему: «Без собора, без канонического исследования, без обвинителя, без свидетелей, без убеждения нас доводами или авторитетом, не имея нашего признания, при отсутствии митрополитов и епископов наших викарных, вы предположили осудить нас по своей фантазии и с тираническою яростью, но мы не принимаем вашего скверного решения, далекого от отеческого и братского злосердия; мы его презираем, как оскорбительную речь, *мы вас отлучаем от нашего общения*, потому что вы находитесь в общении с отлученными; *мы довольствуемся общением со всею Церковью* и с обществом ваших братьев, которых вы презираете и которых вы недостойны по своему высокомерию и своему надмению. Вы осуждаете сами себя, осуждая того, кто не соблюдает апостольских постановлений; так как вы первый нарушаете их, *уничтожая, насколько это возможно для вас, божественные законы и священные каноны, и не следуя по стопам отцов, ваших предшественников*». Фотий не писал Николаю с жесткою энергиею этих западных епископов.

³ Деяния этого собора были отменены собором, который спустя немного времени происходил для восстановления Игнатия. Этот факт, с которым соглашаются западные писатели, не помешал многим из них высказать смешную идею, будто этот собор не существовал и будто Фотий измыслил и собор и акты. Аббат Жаже согласился с этой странной идеей в своем грубом памфлете против Фотия, кн. V, стр. 146.

покрыт, только двадцать одна были подлинными. Известна ценность свидетельства этого человека. Факт же достоверный, что документ этот был известен на Востоке; что Константинопольский собор, признавший его позже ничтожным, не смотрел на подписи, как на подложные. Этот факт говорит о нем более чем свидетельство писателя лжеца. Решение собора против Николая было более каноническим, чем решение этого последнего против Фотия; потому что оно было только отлучением, а не *низложением*; Церковь же имеет право отделяться от общения с теми, которых она признает виновными, и не считает их более епископами.

В тот же самый год, когда Николай был отлучен, в Константинополе произошла революция, которая была гибельной для Фотия. Михаил был убит Василием, которого император сделал соправителем империи. Убийца Варды и Михаила должен был не доверять Фотию¹.

Более того, Фотий отказался допустить убийцу к приобщению; за это Василий заключил его в монастырь, восстановил Игнатия и послал в Рим послов, снабдив их деяниями собора, на котором Николай был отлучен. Этот папа помер и имел своим преемником Адриана II, который созвал в Риме собор (868) для нового осуждения Фотия. Посланный императора, в присутствии папы, бросил на землю акты Константинопольского собора, проткнул их своею шпагою и топтал ногами. После этого сумасбродного действия, он утверждал, что подпись его государя, находящаяся под актами, подложная; что собор был составлен только из нескольких епископов, находившихся в Константино-

¹ Враги этого патриарха, которые часто противоречат себе в своих рассказах, не согласны относительно времени и обстоятельств его ссылки. Анастасий заявляет, что Василий, прежде смерти Михаила, не знал ничего о разногласиях, существовавших между Игнатием и Фотием, что он узнал о них, когда один сделался императором и послал в Рим двух депутатов, одного избранного Игнатием, а другого Фотием, чтобы каждый защищал дело свое пред папою. Что один из депутатов, именно Фотия, утонул дорогою, а другой, прибывши в Рим, нашел папу Николая мертвым. Никита, напротив, рассказывает, что уже на другой день смерти императора Михаила, Василий заключил Фотия в монастырь, чтобы восстановить законного патриарха. Некоторые западные писатели поспешили принять рассказ Никиты, дабы предоставить себе случай отвергать подлинность рассказа, по которому Фотий навлек на себя ненависть Василия за отказ в причащении, по причине совершенного Василием убийства. Следует предположить, что эти писатели думают, будто подобный акт пастырского мужества не был в характере Фотия. Это было бы верно, если бы этот великий и ученый епископ был таким, каким они его рисуют. Но так как приписываемый ими ему характер диаметрально противоположен действительному его характеру, каким он просвечивает в подлинных его деяниях и в его писаниях, то они представляют этим только сильнейшее доказательство своего пристрастия.

поле, когда совершались эти события¹; что и другие подписи, в числе тысячи, тоже были подложными. Справедливо надобно заподозреть искренность этого фанатика. Если верно, что подписи были подложными, то на Востоке, а не в Риме можно было удостовериться в этом. Вместо того, чтобы проверить факт, столь легко доказываемый, Рим решил, что эти акты должны быть сожжены.

Подобный поступок естественно подает мысль, что представлялось более удобным сжечь акты, чем доказать их подложность.

Адриан II не преминул по этому случаю возвысить власть Римского епископа. «Папа, говорит он на своем соборе², судит всех епископов, но мы не читали, чтобы кто-либо судил его». Он припоминает осуждение Гонория, но полагает, что поразившая Гонория анафема стала законною только потому, что предварительно была произнесена самим Римским престолом; это утверждение противоречит истине, как мы уже видели это прежде. Вместо осуждения Гонория, римский престол пытался его защитить; первоначально он не упоминал его в числе тех, которых надобно было осудить; и только после осуждения, произнесенного на соборе, Рим тоже решился высказать ему анафему.

Прежде чем разойтись, члены римского собора повергли к ногам акты, которыми анафемствован был Николай, и затем бросили их в большой огонь.

После совершения этих дел послы Василия возвратились в Константинополь в сопровождении трех легатов папы Адриана. Эти последние несли с собою два письма, одно к императору, а другое к Игнатию. «*Мы желаем*, писал он к императору, чтобы вы торжественно созвали собор под председательством наших легатов, на котором подвергнуты были бы суду лица сообразно с их виновностью; чтобы на этом соборе всенародно сожжены были *все экземпляры*³ ложного собора, созванного против святого престола, и чтобы запрещено было сохранять от них что-либо под опасением анафемы». Затем Адриан требует к себе римских священников, которые приходили в Константинополь с жалобами к Фотию против папы Николая. Письмо к Игнатию есть инструкция об образе действия в отношении к духовным лицам, которые заявили себя за Фотия, но которые вышли бы из его партии. Адриан присоединил к этим письмам формулу, которая должна быть подписана всеми членами собора, и в которой все

¹ Допуская это утверждение, как истинное, отсюда следовало бы, что другие подписи были добыты вне собора и в форме одобрения. Они могли быть такими в особенности потому, что подписывавшиеся так действовали с величайшею свободою.

² *Собрание соборов* P. Labbe, т. VIII.

³ Враждебные Фотию писатели рассказывают однако же, что существовал только *один экземпляр* этого собора, тщательно скрытый Фотием, который *измыслил* его деяния; этот экземпляр был похищен, принесен в Рим и сожжен на соборе этого города.

приглашаются признать его *верховным первосвященником и все-
ленным папой*.

Собор был открыт в Константинополе, в церкви Св. Софии, 5 октября 869 года. Три папские легата: Игнатий, Фома, епископ Тирский, мнимый представитель патриарха Антиохии, и священник Илия, мнимый представитель Иерусалимского патриарха, открыли заседание. Позвали епископов, которые заявили себя против Фотия. Они были в числе *двенадцати*. Они допущены были в заседание и составили весь собор при первом заседании. Во второе заседание *десять* приверженных Фотию епископов прибыли для испрошения извинения в своей погрешности. Их извинили без замедления и они приняли участие в заседании вместе с другими. *Одиннадцать* священников, *десять* диаконов и *семь* иподиаконов подражали десяти епископам, и их тоже простили.

В третье заседание прибыли на собор два новых епископа, так что собрание состояло из двадцати четырех епископов, не считая председательствовавших. В третьем заседании два епископа, посвященные прежним патриархом Мефодием, хотели выступить защитниками патриарха Фотия, с которым они заявили желание остаться в общении. Собор отказался выслушать их. Патриций Баганер от имени Константинопольского сената восстал против этого решения. Легаты же папы настаивали на своем, по следующему мотиву: папа решил это верховной властью и не позволительно более исследовать дело Фотия. Но вынужденные уступить, они прибавили: «Пусть войдут и пусть услышат чтение синодального определения и осуждение папы Николая. Они ищут оправданий и стараются только избежать осуждения. — Но, сказал сенат, если бы они избегали этого, то не провозглашали бы: *Пусть нас судят!* Они скрылись бы. — Пусть войдут, присовокупили легаты, но пусть стоят на последнем месте». Сенат потребовал, чтобы допущены были еще три или четыре епископа из партии Фотия. «Мы согласны с этим, сказали легаты, но под условием заявления с их стороны, что они представляют собою всех остальных (приверженцев Фотия) и пришли только для выслушания письма папы Николая».

Поэтому очевидно было, что Рим предложил созвать этот собор только для освящения своей мнимой вселенской и верховной власти.

Епископы — приверженцы Фотия, видя, что собор не желает выслушать их, удалились. Только два первые остались, обещаясь доказать, если император даст охранную грамоту их свидетелям, что Николай приобщался вместе с ними, когда Фотий посылал их в Рим, как своих уполномоченных.

Охранная грамота не была им дарована. В пятое заседание сильно привели Фотия, который сказал только несколько слов, полных достоинства, давая собору понять, что он осуждает его и не станет отвечать на обвинения, взводимые на него. В его глазах, тридцать три епископа, собранные по приказанию императора, его врага, не

могли заявлять притязание на отмену решения трехсот двадцати восьми епископов, провозгласивших его законным патриархом.

В шестом заседании синкел Илия постарался доказать, что отставка, данная Игнатием, не имеет никакого значения. Это факт очень важный; ибо он доказывает то, что писал Фотий Николаю: именно, что *его предшественник оставил свое достоинство*; в то же время факт этот свидетельствует, что Игнатий понял свой долг в трудных обстоятельствах, среди которых он находился; что он в начале подражал великим епископам, которые всегда предпочитали оставлять отнимаемое у них достоинство, даже несправедливо, чем возмущать свою Церковь. Покинутый всеми, Игнатий был слишком добродетелен, чтобы не подражать этому поведению; но вследствие слабости своего характера, он был игрушкой некоторых интриг и честолюбивых папских проектов, прикрывавших его добродетелью свои дурные намерения.

Несколько епископов, приверженных Фотию, были введены в шестое заседание, где находился и император. После речи, произнесенной против них и против их патриарха, император сказал им: «Что вы думаете об этом?» Они сказали: «Мы ответим». И один из них, Анфим, епископ Кесарийский в Каппадокии, присовокупил. «Государь, мы знаем вашу справедливость и вашу доброту, предоставьте нам письменно безопасность для свободного изложения нашего оправдания, и мы надеемся доказать, что эти обвинения суть пустые речи». Эти столь скромные слова разгневали императора и он не дал им письменного обещания. Папские легаты, равно как и император, отказались выслушать какое-либо их оправдание. Они смотрели на Фотия и на его приверженцев, как на безвозвратно осужденных Николаем, хотя решение этого папы было антиканоническим и произвольным. Легаты при всяком случае повторяли с гневом: «Не должно слушать осужденных людей; их надобно изгонять из собрания, если только они не приходят сюда для сознания в своем заблуждении и испрошения прощения». Самые приверженцы Игнатия были подвергаемы выговору со стороны легатов, когда отказывались подписать пресловутую формулу, принесенную из Рима. В седьмое заседание были приведены Фотий и Григорий Сиракузский. От имени легатов придворный офицер спросил их, не хотят ли и они подписать формулу. «Если бы они слышали то, что мы говорили прежде, ответил Фотий: то не предложили бы нам этого вопроса. Пусть сами они расскажут в совершенном ими грехе». Этот ответ разгневал легатов и они, по своему обыкновению, разразились против Фотия грубою бранью. Тот же офицер еще раз спросил Фотия, что он скажет в ответ на это. «Я ничего не отвечу на эти клеветы», сказал он. Приверженные Фотию епископы снова были приглашаемы, хотя напрасно, отказаться от него. Епископ Гераклийский, указывая на Фотия, даже ответил: «Да будет анафема тому, кто анафематствует этого епископа!» Другие проявили равную энергию. Они настаивали на высказанном уже ими прощении

пользоваться полною свободою для своей защиты. Император противопоставлял им только хитрый отказ, говоря, что собор этот представляет собою всю Церковь, потому что пять патриархов имеют на нем своих представителей¹. Он не хотел видеть, что только один епископ, один монах и один священник заявляли притязание представлять собою трех патриархов: Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, и что не было никакого другого епископа от этих патриархатов и что не было никакой гарантии, что присутствующие могли находиться в общении с самими патриархами. Приверженцы Фотия отвечали, что каноны со времен апостолов представляют совершенно иной авторитет; что мнимые представители пяти патриархатов не составляют Церкви, которая говорит противоположное посредством своих канонов, принимаемых со времен апостолов.

Заседание окончилось анафемами Фотию и его приверженцам. В следующем заседании, в присутствии всего собора, были сожжены все бумаги, имевшие возможность компрометировать тех, которые принимали сторону Фотия против Игнатия. Наконец собор заключил составлением канонов и исповедания веры. Деяния собора были подписаны сто двумя епископами. Это было немного, особенно, если принять в соображение, что Константинопольский патриархат имел их тогда более шестисот, и император Василий пользовался всем своим влиянием для составления многочисленного собора. Огромное большинство епископов не принимали никакого участия в том, что происходило в Константинополе; несколько преданных друзей Фотия были единственными лицами, решившимися прибыть в собрание для протеста против того, что делалось на нем и выразить пред императором требование обеспечения им полной свободы для защиты.

Факт достойный замечания и сам по себе имеющий высочайшее значение состоит в том, что Игнатий, председательствовавший рядом с Римскими легатами, хранил глубочайшее молчание во все продолжение собора. В присутствии его рассуждали о множестве вопросов, на которые он один мог дать положительные ответы, каковы, например, вопросы об его отречении от престола и о сопровождавших отречение обстоятельствах, о поведении Фотия в отношении к нему, и по многим другим вопросам. Игнатий позволял спорить, не противореча, не говоря ни одного слова, которое могло бы осветить спор. Из этого молчания не должно ли заключить, что он не знал, какой ему держаться стороны в виду совершавшихся фактов, и в виду исключительных мотивов, под которыми римские легаты и некоторые интриганы скрывали свои лживые повествования?

¹ Патриархи Антиохийский и Александрийский имели только *ложных* представителей. Патриарх Александрийский имел своего представителя только в девятом заседании. В самом письме к императору он заявляет, что ничего не знает о раздоре и просит известить его о том, что делает император со своими епископами и своим клиром. Его посланный стал записывать впоследствии.

Каково бы ни было составленное нами мнение об этом молчании, нам кажется, что оно может быть признано благоприятным Фотию и его рассказу обо всем, что происходило¹.

В самом деле естественно спросить, почему Игнатий не заявил формальным образом, что он не делал отречения, или что оно было исторгнуто у него насильно, так как это был основной пункт во всем этом деле? Поэтому можно утверждать, что он действительно отрекся от своего престола, свободно и сознательно; но что Николай, когда не пожелал, как сам говорит, принять этого отречения, тогда люди честолюбивые и личные враги Фотия побудили Игнатия прийти к его решению, представив ему, как законный мотив, протест римского патриарха против его отречения.

Но Игнатий, следуя во всем влиянию Рима относительно восстановления своего на Константинопольском престоле, не был расположен подчиниться всем его требованиям, как это видно из дела о подписи римской формулы и из переговоров, происходивших после собора, относительно Болгарской Церкви.

Многие члены собора, скорее из ненависти к Фотию, чем по убеждению, подписали римскую формулу, подчинявшую всю Церковь Римскому престолу. Они подписали это требование, дабы не сделать невозможным соборных заседаний, от которых ожидали результатов, согласных со своими тайными желаниями. По окончании же заседаний, они обратились к императору и Игнатию с возванием касательно своих подписей, прося его, чтобы они не были отсылаемы в Рим. Более того, они протестовали против подписи самих легатов, которые подписались лишь с ограничением, под условием папского одобрения. Сообразно с этою подписью, Римский епископ по своему желанию сохранял свободу одобрять или отменять то, что было сделано.

Нельзя было исправить эту ограничительную оговорку; но император, чтобы выйти из затруднения по поводу формулы, приказал обокрасть дом легатов, во время их отсутствия, и выкрасть подписи, какие можно было там найти. Легаты протестовали, но напрасно. Игнатий не порицал этого поступка императора и во время переговоров касательно Болгарии доказал, что он вовсе не был приверженцем учения, содержавшегося в формуле.

¹ Надобно заметить, что акты Константинопольского собора, помещаемого Римом в число вселенских соборов, известны только чрез посредство Анастасия Библиотекаря. Подлинные акты были похищены у легатов славянами, когда они возвращались из Константинополя и когда были обокражены этими племенами. Анастасий заявлял, что он имеет точные акты, переведенные им в Риме на латинский язык, поэтому на свидетельстве этого человека основываются во всем, что касается этого собора. Если и такие, сохраненные им акты, *в сущности* так благоприятны Фотию, то не надобно ли думать, что они были более благоприятны ему, если только они абсолютно достойны вероятия?

Болгары, услышавши, что в Константинополе созван собор, послали туда депутатов с целью узнать, должна ли их церковь зависеть от Рима, или от Константинополя? Император созвал Римских и Восточных легатов для ответа на этот вопрос в присутствии Игнатия: «Так как мы приняли благодать крещения недавно, говорили болгары, то боимся ошибиться; вот почему мы спрашиваем вас, патриарших представителей, какой церкви мы должны быть подчинены?» Папа Николай уже ответил на этот вопрос, но его решение было признаваемо решением только одного патриарха! Римские легаты заявили, что папа обладает верховенством и что не должно отделяться от него. Восточные же легаты не были этого мнения; тогда римляне заявили, что они не имеют поручения решать вопрос, предложенный болгарами. Несмотря на этот хитрый отказ, восточные легаты полагали, что его надобно решить. «У кого вы завоевали провинции, сказали они болгарам, и чья церковь там существовала? — Мы завоевали ее у греков, отвечали они, и там было греческое духовенство. — Поэтому, заключили эти легаты, ваша Церковь должна зависеть от греков, то есть от Константинопольского патриарха. — Но вот уже *три года*, сказали папские легаты, Рим послал туда латинских священников. Но эта трехлетняя давность в глазах восточных легатов, не могла уничтожить древнего обладания, и они решили, что Болгарская Церковь должна находиться под юрисдикциею Константинопольского патриарха. Игнатий был того же мнения. Римские же легаты продолжали утверждать, что святой римский престол не избрал их судьями этого дела: «*Он один*, присовокупили они, *имеет право судить всю Церковь*. Он столько же легко отвергает ваше мнение, как вы даёте его поспешно». Когда дело шло об осуждении Фотия, это мнение в глазах их имело совершенно другую силу. Легаты отвергли составленное решение (по болгарскому вопросу) и умоляли Игнатия не пренебрегать правами святого престола, *который возвратил ему его собственные права*. Император, будучи свидетелем легатских притязаний, был разгневан этим. Спустя немного времени, папские легаты возвратились (в Рим) и были ограблены на пути славянами, которые похитили у них подлинные акты собора.

Вследствие решения восточных легатов, болгары уволили от должности римского епископа и римских священников, присланных папою, и приняли епископов и священников греческих. Адриан, узнавши об этом, написал Восточному императору письмо, в котором угрожал отлучением Игнатию и епископам, уполномоченным в Болгарии. Сохранился только отрывок письма Адриана II к Игнатию. Он говорит с ним, как высший с низшим, укоряет его в нарушении канонов, принимаемых в Риме, и в угрожающем тоне говорит ему, что аналогичное поведение причинило падение Фотия.

Из подобных писем легко понять, что Рим домогался восстановления Игнатия не по любви к истине, но для предоставления себе случая проявить акт верховенства на Востоке.

Адриан II помер в ноябре месяце 872 года и имел преемником своим Иоанна VIII. Этот папа горячо принял к сердцу дело о Болгарии. Он два раза писал к Игнатию, склоняя его отказаться от всякой юрисдикции над этою Церковью. Когда император Василий (878) стал просить у него легатов для прекращения религиозных смут, царствовавших на Востоке со времени восстановления Игнатия, тогда папа воспользовался этим случаем, чтобы отправить третье письмо, в котором он выражается следующим образом¹: «Мы делаем вам это третье *каноническое увещание* (слово *антиканоническое* было бы более удачное) чрез наших легатов и посредством наших писем: этим увещанием мы *приказываем* вам послать без замедления в Болгарию деятельных людей, которые обошли бы всю страну и возвратили бы оттуда всех посвященных вами или посвященных лицами, зависящими от вас, так чтобы в один месяц не осталось ни епископа, ни клирика вашего посвящения; ибо мы не можем стерпеть, чтобы они *заразили своим заблуждением* эту новую церковь, *которую мы учредили*. Если вы не удалите их в указанный срок, говорит он, и если не откажетесь от всякой юрисдикции над Болгарией, то будете лишены причащения тела и крови Господних до тех пор, *пока подчинитесь*. Вам дается двухмесячный срок, со времени получения этого письма. Если вы будете упорствовать в вашем неподчинении дисциплине и вашему хищению, то по суду Бога всемогущего, властью блаженного князя апостолов и решением нашей Мерности, будете лишены и низвержены с патриаршеского достоинства, которое вы получили по нашей милости».

Таким образом, чтобы похитить юрисдикцию над Болгарской Церковью, папа не боится *ipso facto* поразить *отлучением и низложением* патриарха, в виду того, что он не повинуется его *приказаням!* Можно ли было замечать подобное поведение среди пап первых восьми веков!

Но восточные епископы не были расположены ни признать папское верховенство, ни повиноваться его антиканоническим приказаниям. Епископы, благоприятствовавшие Игнатию, столько же сопротивлялись этому, как и приверженцы Фотия.

Иоанн написал епископам и греческим клирикам в Болгарии письмо еще более грубое, чем отосланное им патриарху Игнатию; оно начинается следующим образом: «Всем епископам и остальным греческим клирикам, вторгшимся в Болгарскую диоцезию и отлученным настоящим и пр.» Он дает им тридцать дней для подчинения его приказаниям и обещает епископам предоставление других престолов, если они оставят занимаемые.

Так мог поступать только абсолютный государь. Иоанн писал также к болгарскому царю и к князю Петру, который был

¹ Ioann. Pap. VIII. Epist., в *Собрании* P.Labbe, т. IX.

посылаем в Рим во времена папы Николая. Основую этих писем было то, что ничего не должно принимать ниоткуда, как только от Церкви римской, потому что она есть источник учительный истины. Все эти послания были вручены легатам Павлу и Евгению. Когда эти посланные прибыли в Константинополь, Игнатий уже помер (878), и Фотий занял патриарший престол во второй раз¹.

После некоторых затруднений, легаты признали Фотия патриархом, и даже сказали, что папа Иоанн послал их в Константинополь с поручением анафематствовать Игнатия и восстановить Фотия. Этот последний и император послали папе послов и письма². Иоанн был извещен об этом и оказался очень расположенным к умиротворению Константинопольской Церкви, и к благосклонному принятию писем и посланных³. Это доказано было на самом деле, и он обратно отослал посланных со своими письмами к императору и к Фотию. Письма Иоанна VIII содержат ответ самый решительный на все клеветы врагов Фотия. «Принимая в соображение, говорит он императору, единодушные, с которым все патриархи и епископы, даже посвященные Игнатием, согласились на избрание Фотия, и он тоже соглашается признать его патриархом». Так как Фотий не дождался этого признания со стороны Рима для вступления на свой престол и так как он смотрел на собор, созванный против него, как на не существовавший, то папа очень долго распространяется над следующими соображениями: часто необходимость нарушает сохранение правил; поэтому и он проходит мимо формальных затруднений, (по поводу избрания Фотия), тем более, что легаты его предшественника подписали соборные деяния только условным образом, то есть, если последует папское одобрение. Он подробно излагает условия, при которых признает Фотия: Фотий созовет собор для испрошения прощения во вступлении на свой престол без разрешения, он откажется от всякой юрисдикции над Болгарией, и он примет в свое общение всех епископов, посвященных Игнатием.

¹ Мы не рассказываем о деяниях Фотия во время его ссылки. Мы только отсылаем к его письмам тех, которые захотели бы иметь многочисленные доказательства его кротости, его милосердия и находчивости, посредством которых он возвратил себе милостивое расположение императора Василия. Эти документы более чем достаточно отвечают на исполненные ненависти рассказы его врагов, — рассказы, в которых забавное перемешано с жестоким, и которые каждому беспристрастному человеку доказывают одно: слепую ненависть их составителей.

² Между этими письмами существует одно — Игнатия, который незадолго пред своею смертью просил папу признать Фотия законным патриархом. Легко можно представить себе, почему враги Фотия уверяют, будто это письмо подложное; но они не могут этого доказать.

³ См. письма папы Иоанна VIII в *Собрании* P.Labbe, т. IX.

Эти последние епископы составляли очень незначительное число. Папа писал к трем главнейшим: Митрофану, Стилиану и Иоанну, угрожая им отлучением, и обязал своих легатов, носителей его писем, отлучать всех отказывающихся признать Фотия законным патриархом, запрещая всем, кто бы он ни был, давать веру *клеветам*, распространенным о патриархе Фотие.

Без сомнения, из уважения к этим папским предписаниям римские писатели наперерыв повторяли все клеветы Митрофана, Стилиана, Никиты и других заклятых врагов Фотия, и видели в интимной переписке этого великого человека только притворство и лицемерие. Старались всеми возможными средствами потемнить важность писем Иоанна VIII; кардинал Бароний, в своих *Летописях*, доходит даже до утверждения, что *женоподобная* слабость Иоанна при этом обстоятельстве послужила поводом к измышлению басни о *писиссе Иоанне*. Всем известно, что Иоанн VIII, далеко не отличавшийся слабостью характера, доводил свою энергию до грубости; но все средства хороши для римских писателей, когда они желают освободиться от фактов и даже от пап, коих деяния не могут правильно быть помещаемы в их систематические рассказы.

Когда легаты и письма прибыли в Константинополь, там созван был собор, на котором присутствовало триста восемьдесят три епископа, вместе с Илиею представителем Иерусалимского патриарха¹.

Письма Иоанна были преисполнены новым учением о папстве. В них этот папа заявлял притязание на попечение о всей Церкви, по божественному праву, и на замещение св. Петра, которому Иисус Христос сказал: *паци овцы Мои*. Он заявляет, что его просили допустить Фотия к патриаршему достоинству и даже принять в иерархический чин; он принимает его, хотя Фотий захватил епископство без согласия святого престола, — но принимает под условием, если он испросит прощение при полном соборе. Он разрешает его силою власти, полученной им от Иисуса Христа чрез св. Петра: *вязать и решить всех без исключения*. Он *приказывает*, чтобы Фотий отказался от всякой юрисдикции в отношении к Болгарии; он *запрещает* ему совершать какое-либо посвящение для этой страны. Во всех своих письмах он дает *приказания* и заявляет притязание на обладание верховенством абсолютным и божественным по своему происхождению.

Подобные притязания не были признаваемы на Востоке. Восток держался учения первых восьми веков в отношении к папству. Понятно, что если бы подобные письма были прочитаны на соборе, то погибла бы всякая надежда на умиротворение. Поэтому в них сохранили только основу папских поручений; и из них исключили все оскорбительные выражения и все, что приводило к мысли о желании папы быть верховным правителем Церкви.

¹ *Собрание соборов* P.Hardouin, т. VI.

Таким образом эти письма были переделаны «по-видимому, как говорит Флери¹, в соглашении с легатами, которые слышали чтение их, не жалуясь на это». Первый из этих легатов, кардинал Петр, спросил: «принимаете ли вы письмо папы?» Собор ответил: «Мы принимаем все то, что касается единения с Фотием и церковного интереса, но не то, что касается императора и его провинций. Этими словами собор отвергал папские притязания на Болгарию. Принявши во внимание это единодушное настроение почти четырех сот восточных епископов, становится понятным, какие возражения возбудили бы папские письма, если бы легаты не имели благоразумия видоизменить их в согласии с Фотием². На Востоке сохраняли следующий принцип, унаследованный от вселенских соборов: церковные распределения должны сообразоваться с распределениями империи. Поэтому Болгария, составлявшая древнюю греческую провинцию, должна была принадлежать греческому патриарху, а не патриарху латинскому.

На требование кардинала Петра, чтобы изгнанные противники Фотия были призваны, Фотий отвечал: «Император изгнал только двух, и притом за дела не церковные. Как взошел на свой престол патриарх Фотий?» — спросил Петр. Собор отвечал: «С согласия трех патриархов, по просьбе императора, или лучше, уступая насилью, употребленному против него, и просьбам всей Константинопольской Церкви». — «Как! присвокупил Петр, разве не было при этом жестокостей со стороны Фотия? не поступал ли он сам тиранически?» — «Напротив, сказал собор, все совершилось с кротостью и спокойствием». — «Да будет благословен Бог!» — ответил кардинал Петр.

Таким образом, около четырех сот епископов, в присутствии посланных папы, публично опровергают некоторых клеветников Фотия, и эти клеветники признаются на Западе писателями достойными веры, даже когда их повествования представляют многочисленные доказательства ненависти, доходящей до бреда и до абсурда!

Когда кардинал Петр кончил свои вопросы, стал говорить Фотий и выразился следующим образом: «Говорю вам это, как пред Богом, что я никогда не желал этого престола; большая часть присутствующих здесь знают это хорошо. В первый раз я взошел на него вопреки моему желанию, проливая много слез, долгое время отказываясь от него, — и взошел на престол вследствие непреобо-

¹ Флери, *Hist. Eccl.*, liv. LIII. § XIII.

² Аббат Жаже в своем бессмысленном памфлете против Фотия заявляет, будто папские письма были переделаны одним Фотием. Но разве легаты не протестовали бы против обмана, если бы услышали чтение их на соборе в видоизмененной редакции? Вместо того чтобы жаловаться на эти письма, они публично уверяют, что каждый из них удовлетворен. Более того, в самый Рим, вместе с соборными актами, они принесли видоизмененные письма. Папа не протестовал, и именно в самом Риме их снова нашли потом.

римого насилия царствовавшего тогда императора, но с согласия епископов и клира, давших свои подписи без моего ведома. Меня заключили под стражу...» Собор прервал его и сказал: «Мы все знаем это или непосредственно сами, или посредством свидетельств, сообщенных нам другими. — Бог попустил, продолжал Фотий, чтобы я был изгнан. Я не старался возвратиться. Я не возбуждал возмущений. Я оставался покойным, благодаря Бога и подчиняясь Его определениям, не тревожа ушей императора жалобами, оставаясь без желания и без надежды на восстановление. Бог, творящий чудеса, тронул сердце императора¹, не ради меня, но ради народа; он призвал меня из моей ссылки. Но так как блаженной памяти Игнатий жил еще, то я не мог решиться снова вступить на мой престол, несмотря на увещания и настояния, которые делали мне многие по этому поводу». Собор сказал: «Это правда. — Я хотел, продолжал Фотий, заключить мир с Игнатием всеми способами. Мы виделись с ним во дворце; мы бросились один другому в ноги и мы взаимно простили друг друга. Когда его постигла болезнь, он позвал меня; я посещал его много раз и предлагал ему всякие утешения, к каким только был способен. Он поручил мне лиц, особенно дорогих ему, и я принял на себя заботу о них. После его смерти император убеждал меня и частным образом, и публично; он сам посетил меня, побуждая меня согласиться с желаниями епископов и клира. Я уступил столь удивительной перемене, чтобы не сопротивляться Богу. Собор сказал: «Да, это так». Подобные слова, произнесенные публично, которых истинность засвидетельствована почти четырьмястами епископами, не имеют ли более силы, чем все диатрибы пристрастных врагов?

В следующих заседаниях легаты патриарших престолов Александрии, Антиохии и Иерусалима представили вполне подлинные доказательства, что их патриархи всегда находились в общении с Фотием; что мнимые легаты, заседавшие на соборе 869 года, во времена Адриана, и согласившиеся на осуждение Фотия, были только посланными от Сарацин, как сам Фотий писал об этом в своем протесте против этого собрания. В заключение этот собор был анафематствован легатами Рима, а также легатами прочих патриарших престолов Востока, и всеми присутствовавшими епископами².

Акты собора 879 года представляются настолько досточтимыми и настолько возвышенными, насколько акты собора 869 года представляются пристрастными и недостойными истинных епископов. Легаты Адриана похожи скорее на иступленных, чем на судей, если мы будем судить о них сообразно с актами, сохраненными Анастасием Библиотекарем; напротив того, легаты

¹ Его враги писали, что он обратился к магии, чтобы расположить Василия в свою пользу, и серьезные историки признали это смешное обвинение!

² Тем не менее римляне признают этот собор *восьмым вселенским*.

Иоанна во всех отношениях проявили столько же мудрости, как и умеренности¹. Во время своего пребывания в Константинополе, они много раз видели Митрофана, одного из самых запальчивых врагов Фотия и писателя, который служит руководителем для римских историков при их рассказах; они заставляют его представлять доказательства против Фотия; но они могут заимствовать у него только пустые фразы. Его приглашали на собор, но он отказался явиться туда под ложным предлогом болезни. «Он не до такой степени болен, сказали легаты, чтобы не мог заявить, что не может ничего сказать». За его отказ явиться, они поразили его анафемою.

VII

Папство, будучи причиною разделения Церквей, увековечивает и утверждает это разделение своими нововведениями; оно создает ими схизму

Из представленных уже нами фактов следует, что папство, с восьмого столетия, захотело царствовать над Церковью; оно выставило себя *верховным первосвященством*, центром единства и стражем православия. Его защитники очень далеки от того, чтобы оспаривать это; они заявляют лишь, что эти притязания не были новыми, и в доказательство этого ссылаются на догматические свидетельства отцов, на факты церковной истории первых веков Церкви и даже на Слово Божие.

Мы должны были преимущественно постараться доказать лживость того, что касается восьми первых веков Церкви.

Мы сделали это.

С девятого же столетия, мы, вместе с папскими защитниками, признаем, что папы уже захотели пользоваться верховным первосвященством. Мы указали первые опыты, с которыми Рим предъявил себя Восточной Церкви со своими новыми притязаниями, и мы констатировали, что Восточная Церковь отказалась признать их.

¹ Акты собора 879 года существуют в оригинале, в самом Риме, со всеми собственноручными подписями, включая сюда и подписи римских легатов; и однако же западные церковные историки стараются подать мысль, будто они могли быть подделаны (*altérés*). С другой стороны, акты собора 869 года утрачены римскими легатами и известны только чрез Анастасия Библиотекаря, который заявляет, что имеет с них копию; и западные церковные историки не хотят, чтобы сомневались в подлинности этих актов. Можно ли назвать это беспристрастием? Если бы акты собора 879 года перешли с Востока на Запад, тогда еще можно было бы иметь некоторый предлог оспаривать их подлинность; но их нашли в Риме, и именно из римского архива их извлекли для обнаружения.

Итак, нет сомнения, что именно папство вызвало разделение, желая наложить на всю Церковь свое верховенство, неизвестное в первые восемь церковных веков.

Хотя единение между папством и Фотием было восстановлено, по крайней мере по наружности: тем не менее Восточная Церковь осталась далекой от Рима, ибо между ними существовало коренное разногласие. Даже не было бы и этого внешнего мира, если бы письма папы Иоанна были прочтены такими, какими они были написаны. В собрании 869 г. приверженцы Игнатия и сам Игнатий высказались против папского верховенства с такой же энергией, как Фотий и его друзья. С другой стороны, Рим каждое свое действие направлял только к укреплению своего мнимого верховенства и выставял себя необходимым центром единства.

Разногласие между папством и Фотием, как и их соглашение, оставались бы фактами неважными и аналогичными тысяче других подобного рода, встречающихся в церковной истории, если бы с тех пор не совершилось коренное разделение вследствие установления папства. Следя за картиной отношений Востока и Рима, мы встретимся с попытками примирения обеих Церквей в различные эпохи. Но так как Рим всегда полагал в основу примирения свое верховенство, а Восточная Церковь всегда апеллировала к учению первых восьми веков, то единение никогда не могло быть восстановлено. Оно возможно было бы лишь при следующем условии: или папство должно было отказаться от своих незаконных притязаний, или Восточная Церковь должна была оставить первоначальное учение. Но эта последняя Церковь понимала, что оставление этого учения, преступное само по себе, будет иметь следствием подчинение ее автократии, осужденной Евангелием и католическим учением; таким образом она не могла уступить, не становясь виновною и не совершая самоубийства. Со своей стороны, папство понимало, что оно уничтожит себя, вступая в католическое соглашение с простым характером древнего римского епископата. Итак, оно не хотело отказаться от преимуществ, на которые оно привыкло смотреть, как на вытекающие из божественного источника. Вот почему папство не только вызвало разделение в Церкви, но и увековечило и закрепило его своим упорством, утверждая то, что было прямою причиною этого разделения.

К этой первой причине надобно присоединить последовательные перемены, коим оно подвергло православное учение и вселенские правила дисциплины. История его нововведений есть история длинная. От учреждения своей автократии до нового догмата о Непорочном Зачатии, сколько перемен! сколько важных видоизменений! Мы изложим эту печальную историю в отдельном сочинении. Теперь же достаточно изложить нововведение наиболее важное, которое папство позволило себе, то есть изложить историю прибавки, сделанной им в Символе веры; ибо эта прибавка была, вместе с папскою автократиею, самую прямою причиною

разделения, существующего и теперь между Церквами восточною и западною.

Обыкновенно хотят возводить к глубокой древности спор относительно исхождения Св. Духа. Мы не последуем за учеными по этому пути; мы установим только, что именно в восьмом веке спор этот получил некоторую важность¹.

Два испанских епископа, Феликс Ургельский и Елипанд Толедский, учили, что Иисус Христос есть *усыновленный Сын Божий*, а не Его Слово, *тождественное* по существу со Отцом. Их заблуждение вызвало единодушные возражения на Западе, в особенности во Франции, коей король владел тогда северною частью Испании. Защитники православия думали найти превосходное средство к поражению *усыновленства (adoptivisme)*, определивши, что Сын есть до того *един* по субстанции со Отцом, что Дух Святой *исходит* от Него также, как и от Отца. Эта формула была признана оградой православия и введена в символ веры, к которому прибавили в последствии слово *Filioque* (и от Сына), после следующих слов: *Иже от Отца исходящего*.

Эта прибавка, сделанная местною Церковью, не могшею претендовать на непогрешимость, была по этому самому неправильною. Кроме того, она ошибочно усвоила Троице идею, противоположную учению священных книг, по которым в Боге существует только *одно начало*, Отец, из Которого от вечности являются — Слово — чрез рождение, и Дух — чрез исхождение. Свойство *начала*, образуя отличительный характер *личности* Отца, очевидно нельзя приписывать *Сыну*, без усвоения того, что составляет отличительное свойство другого божественного Лица. Испанско-франкские епископы, желая доказать в Троице *единство сущности или субстанции*, отвергали поэтому *личное различие*, и смешивали свойства, служащие самым основанием этого различия.

Другая важная ошибка, допущенная ими, состояла в присвоении себе права решать, без заботы узнать, авторизированы ли кафолическим учением слова, которыми пользовались? Кроме учения *непрерывного и постоянного*, епископы не могут преподавать никакого другого учения, не подвергаясь опасности впасть в заблуждения, самые тяжкие.

Догматические истины христианства, возникая из сущности Самого Бога, то есть из бесконечности, по необходимости суть *таинственные*; вот почему никто не должен заявлять притязания учить от самого себя; самая Церковь только *сохраняет их такими, какими приняла*. Откровение есть *залог*, вверенный Богом

¹ Кажется достоверным, что прибавка к символу была сделана собором Толедским в 633 году, и была подтверждена другим собором, происходившим в том же городе, в 653 году. *N. Alexandre Hist. Eccl. Dissert. XXVII, in soecul.* 4. заявляет, что она была допущена на соборе Толедском 589 года, но доказано, что акты этого собора были испорчены относительно этого пункта.

своей Церкви, а не философский синтез, который позволительно видоизменять. Без сомнения, испано-франкские епископы не имели другой цели, кроме изложения догмата Троичности наиболее ясным образом; но их изложение, лишенное *традиционного* характера, было *заблуждением*.

Цель, предположенная нами в этом сочинении, не позволяет нам рассмотреть самые основания вопроса об исхождении Святого Духа¹; мы должны ограничиться лишь историею римской прибавки.

Первоначально эта прибавка была принята в Испании, в седьмом веке, на совещании в Толедо и затем была принята многими западными Церквями. В 767 году, когда Константин Копроним послал послов к Пипину, Франкскому королю, то этот государь принял послов в собрании, известном под именем собора в Жантильи. Как греков упрекали в заблуждении по поводу почитания икон, так посланники упрекали Франков в заблуждении о Троице, и в прибавке к символу *Filioque*. Неизвестны частности спора, происходившего по этому предмету; но факт достоверный, что прибавка мало была распространена во Франции, когда к концу восьмого столетия Элипанд и Феликс Ургельский стали распространять свое заблуждение. Собор Фриульский, в 791 году, полагал, что для опровержения этого заблуждения, надобно одобрить учение об исхождении от Отца и Сына, но без допущения прибавки *Filioque*, потому что Отцы, составившие символ, имели основание употребить только евангельские выражения: *Иже от Отца исходящего*².

Феликс Ургельский, осужденный на многих соборах, был изгнан Карлом в Лион, в 799 году. Без сомнения, он распространил свое заблуждение в этом городе, и там возбужден был вопрос об исхождении Св. Духа. Ученый Алкуин писал тогда к *братьям Лионским* письмо, в котором он приглашает одновременно хранить себя от заблуждений испанского епископа, и от всяких вставок в символ: «Возлюбленные братья, говорит он, берегитесь сект испанского заблуждения; следуйте в вере по стопам святых отцов, и будьте соединены святейшим единством вселенской Церкви. Написано: *не переходи границ, положенных отцами, не вводите новых предметов в символ кафолической*

¹ Всем, имеющим надобность в выяснении этого важного вопроса, рекомендуем трактат, обнародованный преосвящ. Макарием, архиепископом Харьковским (впоследствии митрополитом Московским) в его *Православном догматическом богословии*. Этот ученый богослов решил вопрос и представил краткое изложение трудов по этому предмету многих богословов Восточной Церкви, с такой ясностью, что не остается более никакого сомнения. Трактат преосвященного Макария есть одно из ученейших богословских сочинений, которое мы когда-либо читали (*Théologie dogmatique orthodoxe*, edit. française t. 1 Paris. librairie Cherbuliez, 10, rue de la Monnaie).

² *Собрание соборов* P.Labbe, t. VII.

веры, и в церковных службах не увлекайтесь преданиями, неизвестными древним временам»¹.

Это письмо написано было в 804 году. Таким образом, в начале восьмого столетия прибавка была осуждаема во Франции людьми самыми учеными и самыми благочестивыми. Алкуин, как очевидно, порицает нововведенный обычай *петь* символ при богослужении, вместо того чтобы повторять его.

Вставка в символе имела однако же своих приверженцев, которые спустя пять лет на соборе Э-ла-Шапельском предложили торжественно авторизовать *Filioque*. Они встретили возражателей, и решено было снестись с Римом. Папою был тогда Лев III. Он избрал средний путь: положительно не отвергая учения об исхождении от Отца и Сына, он порицает сделанную прибавку к символу²; он захотел даже протестовать пред потомством против всяких нововведений, выгравировавши православный символ на двух серебряных досках, повешенных в храме св. Петра, а сверху их сделана была следующая надпись: *Я, Лев, поместил эти доски по любви и для сохранения православной веры*. Депутаты Э-ла-Шапельского собора прибегали ко всем приемам своей диалектики и своего красноречия, чтобы убедить Льва III, что их учение об исхождении Св. Духа может быть признано *кафолическим*. Но их ученость была недостаточной, а следовательно защищаемые ими мнения об этом не были точными. Они смешивали в Боге *субстанцию* с отличительным характером *божественной личности*, *существенное* исхождение Духа с *ниспосланием* Его в мир³; Лев III, вполне выслушавши их доводы, столько же мало оказался благоприятным к прибавке, как и к самому пению символа при церковном богослужении.

Тем не менее в Испании и во всех странах, подчиненных Карлу, продолжали петь символ с прибавкою. Рим усвоил себе этот обычай только в начале одиннадцатого столетия (около 1015 г.), по просьбе императора Генриха; но он был согласен с остальными западными церквами относительно сущности учения. Вот почему Фотий справедливо мог упрекать Римскую Церковь, равно как и

¹ Алкуин, Epist. 69.

² См. Сирмонда. Concil. antiq. Gall.. t. II.

³ Это смешение служит основанием для всех аргументов западных богословов даже до настоящего дня. Они обосновывают свое заблуждение на свидетельствах, в которых отцы говорят только о *субстанции* божественной, общей трем лицам, и не делают никакого упоминания о *существенном личном* характере каждого Лица. Этот характер для Отца состоит в сохранении *единого начала*, для Сына в рождении, а для Духа в *исхождении*. Таково было учение Церкви, включая сюда и самую римскую Церковь. И она признавала, что Отец есть *единое начало* в Троице и что таково Его личное свойство, не замечая, что она противоречит себе, представляя Сына *вторым началом* в Троице, посредством своей прибавки *Filioque*; ибо она отождествляет личное действие Сына с личным действием Отца в отношении к *исхождению* Духа Святого.

другие Западные церкви, в допущении нововведения в вере. После своего низложения Николаем и после осуждения папы со своей стороны, он послал восточным патриархам окружное послание, в котором выражается следующим образом относительно *Filioque*:

«Кроме грубых заблуждений, упомянутых нами, они (т.е. латиняне) усиливаются исказить, посредством ложных толкований и посредством прибавляемых сюда слов, святой и освященный символ, который был утвержден всеми вселенскими соборами и который обладает непреодолимую силою. О, диавольское измышление! Говоря новости, они утверждают, что Дух Святой исходит не от одного только Отца, но и *от Сына*. Кто когда-либо слышал подобное слово, произносимым устами даже самыми нечестивыми прошедших веков? Какой христианин может допускать *две причины* в Троице, то есть Отца *причину* Сына и Святого Духа, и далее Сына, причину *того же* Духа? Это значит рассекать на двое божество первого начала; это значит унижать христианское богословие до греческой мифологии, и причинять оскорбление Троице *непостижимой и единой по началу* (ὁμοουσίῳ καὶ μονοϋπηΐζ Τριάδος). Но как Дух Святой может исходить от Сына? Если исхождение, принадлежащее Отцу, есть совершенное, (а оно и есть таковое, потому что есть *Бога совершенного от Бога совершенного*), то что же это за исхождение *от Сына*, и какая его цель? Оно есть дело пустое и ничтожное. Более того, если Дух исходит от Сына, как и от Отца, то почему Сын не рождается от Духа, как и от Отца? Пусть скажут, чтобы у нечестивых все было нечестивое; чтобы их мысли были согласны с их словами, и чтобы они не уклонялись ни от какого посягательства. Сделаем еще следующее соображение: когда признают *свойством* Духа то, что Он исходит от Отца, тогда и свойством Сына будет то, что Он *рожден* от Отца. Но так как латиняне в своем безумии утверждают, что Дух исходит также и от Сына: то следует, что Дух удален от Отца большим числом свойств, чем Сын; потому что Дух, исходя от двух, есть нечто общее Отцу и Сыну. Исхождение Духа от Отца и Сына становится свойством Духа. Если Дух более удален от Отца, чем Сын, то Сын будет более близок к субстанции Отца, чем Дух. Таково было начало дерзкого богохульства, произнесенного против Духа Святого Македонием, который следовал, не ведая этого, теории и заблуждению тех, которые учат этому в наши дни.

«Более того, если у Отца и Сына все есть общее, то конечно то, что относится к Духу, есть тоже общее; то есть Сын будет Богом, Царем, Творцом, Всемогущим, простым, без внешней формы, Бестелесным, Невидимым и будет Всем самостоятельно. Но если исхождение Духа есть общее Отцу и Сыну, тогда Дух тоже будет исходить из Самого Себя, Он будет Сам своим началом; Он будет в одно и то же время *причиной и действием*. И греки в своих баснях не доходили до подобного измышления.

«Еще одно соображение: если одному Духу свойственно иметь отношение к различным началам, то Он один будет иметь начало *множественное*, а не единое.

«Я прибавлю, что если от дел, в которых существует общение между Отцом и Сыном, надобно исключить Духа, и если Отец есть едино с Сыном только относительно субстанции, а не относительно *своих свойств*, то необходимо также, чтобы Дух не имел ничего общего, за исключением того, что относится к субстанции.

«Вы видите, насколько приверженцы этого заблуждения мало основательно усвоят себе название христиан, и что они усвоят его только для обмана других. Дух Святой исходит от Сына! Где взял ты этот удостоверяемый тобою факт? В каком Евангелии ты нашел это слово? Какому собору принадлежит это богохульство?»

Фотий обращается к Священному Писанию и к католическому преданию против этой западной теории. Он прибавляет, что следствием этой теории будет то, что в едином Боге будет *четыре* лица, или Ипостаси; ибо Дух, имея *два начала*, будет двойственным относительно своей личности. Он развивает еще многие соображения, свидетельствующие об его глубоком философском уме; этим соображениям римские богословы не противопоставили ничего твердого¹. Все доводы его, приведенные в защиту чистого католического предания, непобедимо доказывают, что частные церкви, даже с добрыми намерениями, никогда безнаказанно не нарушали священного залога откровения².

Фотий износит еще многие обвинения против Римской Церкви. Он прекрасно знает, что каждая частная Церковь может иметь свои постановления, и он противопоставляет это неопровержимое

¹ С нашим мнением согласятся скоро, когда без предвзятых мыслей и со свободным от всяких предрассудков духом прочтут трактат пресвященного Макария, о котором мы уже говорили, а также ученый труд Зерникова, почти всю свою жизнь посвятившего изучению, занимающего нас вопроса, во всех памятниках предания. Труды Перронне и Жаже, не говоря уже о других, очень бедны, если их сравнить с указываемыми нами трудами. Этот последний писатель думает обосноваться на *онтологию*, доказывая что Отец есть единственное начало в Троице, хотя и Сын есть также начало вместе с Ним. Прежде всего, очень странно ссылаться на науку о *человеческом бытии для объяснения бытия бесконечного*. Более того, соображения аббата Жаже и тех писателей, на которых он ссылается, имеют один незначительный недостаток, именно: недостаток непонятности, не только для тех, которые читают их, но вероятно и для тех, которые создают их. Туманная фразеология никогда не будет очень сильным аргументом в пользу нововведений.

² Между письмами Фотия (lib. II, Epist. 24) существует одно письмо к митрополиту Аквилейскому. Он отвечает в нем на латинские тексты, говоря, что если из них можно привести десять или двадцать в пользу нововведения, то можно цитировать шестьсот противоположных, из которых следует, что предание всегда было ясным. В нем он развивает те же аргументы, как и в окружном послании.

начало самому Николаю, который хотел наложить на Восточную Церковь дисциплину Церкви Западной. Но в дисциплине надобно различать правила *апостольские*, отличающиеся характером *все-ленским*, от постановлений частных. И вот он заявляет, что Римская Церковь нарушала *апостольские* правила дисциплины в трех главных пунктах: 1) посредством наложения поста и воздержания в субботу; 2) поставляя безбрачие духовенства всеобщим законом; 3) признавая недействительным миропомазание, сообщенное священниками после крещения. Посланные Римского епископа в Болгарию нарушили начало православия именно повторением таинства миропомазания над теми, которые уже приняли его от греческих священников. Это нарушение настолько ясно, что с этим соглашаются даже римляне.

В своем окружном послании Фотий апеллирует ко всем апостольским престолом Востока, против нововведений *италианцев*. Он оканчивает, прося их торжественно признать второй Никейский собор, провозгласив его *седьмым вселенским*, и высказаться против нововведений *варварских* народов западных, замысливших исказить истинное учение.

Фотий имел некоторое основание признавать западные народы мало цивилизованными. Со времени вторжения племен, преобразовавших Запад, церковные школы и библиотеки были уничтожены. Среди клира царствовало глубокое невежество.

Карл дал сильный толчок образованности; но несмотря на все свои усилия и на замечательных людей, помогавших ему в этом, церковные науки были еще в младенчестве, и место их занимал известный *педантизм*. Свойство же *педанта* — не сомневаться ни в чем. Полагали, что делают высокое дело религиозной философии, прибавляя к символу слова, на которые жаловался Фотий. Полагали, что сумеют лучше Никейского собора определить природу Троицы, усвоив Сыну *личное* свойство Отца, чтобы доказать, что Он обладает равной с Ним субстанциею. Основывались на некоторых текстах отцов, дурно понятых, при обладании только очень незначительным числом их произведений; и таким образом из ложного мнения составили *догмат*, не заботясь об апостольских Церквях Востока. Советовались с папством; и папы, будучи сами очень мало образованными, с одной стороны, увлекались доводами людей, признаваемых ими людьми знающими, а с другой, из желания воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заявить акт верховного авторитета, — оказались слабыми и освящали нововведение, но совершенно сопротивлялись введению его в символ. Рим подпал таким образом заблуждению в интересе своего мнимого верховенства. Вот почему Николай понял, что само папство подверглось опасности чрез окружное послание Фотия. Не зная, как отвечать, он обратился к *ученым*, которые во Французской Церкви объявили себя приверженцами нововведения. До сих пор Фотий не обращал внимания на латинские нововведения, какими они были на Западе, и даже, быть может,

знал их несколько неопределенно. Но когда римские священники стали распространять их в Болгарии, надменно противопоставляя их учению Восточной Церкви, и среди народа, обращенного к вере Константинополем, он не мог хранить молчания и написал против Римской Церкви обвинительный акт, который остается постоянным протестом против злоупотреблений и заблуждений, в которых она оказалась виновной.

Николай унился даже до обращения к Гинкмару, знаменитому архиепископу Реймскому, который восставал против его абсолютистических притязаний. Он чувствовал, что имеет надобность в этом великом западном богослове, чтобы сопротивляться Фотию. Папа получил обвинения этого патриарха чрез болгарского государя.

«Читая это сочинение, говорит он¹, мы подумали, что те, которые внушили его, обмокали свое перо в море богохульства, и вместо чернил, пользовались грязью заблуждений. Они осуждают не одну только нашу Церковь, но и всю латинскую Церковь; и осуждают ее за то, что мы постимся в субботу и учим об исхождении Духа Святого от Отца и Сына, между тем, как они заявляют, что Он исходит от одного только Отца». Николай кротко излагает другие упреки Греков. Многие из этих упреков не существуют в окружном послании Фотия к восточным. «Особенно безумно, прибавляет он, то, что прежде принятия наших легатов, они хотели обязать их, представить исповедание веры, в котором эти члены и лица, исповедующие их, были бы анафематствованы, и доставить канонические письма тому, кого они называют патриархом *вселенским*. Отсюда видно, что Восточные, для защиты древней веры и древней дисциплины против римских нововведений, прибегали ко всем средствам, находившимся в их распоряжении. Поэтому нельзя согласиться с мнением Николая, который видел глупость в предосторожностях совершенно законных и *канонических*, которые были ошибочны только потому, что полагали преграду его честолюбивым проектам.

Изложивши свои жалобы против Восточных, Николай приказал всем митрополитам собраться на провинциальных соборах, ответив на обвинения Фотия и результаты своих рассуждений отослать к Гинкмару для пересылки к нему. Французские епископы собрались действительно. Многие из них вступили в заговор против Восточных, преимущественно же Эней Парижский. Самое же ученое сочинение написал Ратрамн, монах Корвейский. Нельзя было сделать ничего лучше для защиты неправого дела. В эпоху, когда памятники предания были очень редки на Западе, трудно было извлечь из них полное учение. Поэтому французские доктора приводят в свою пользу только некоторые тексты, из коих многие заимствованы из сочинений подложных. Кажется, что Фотий намекает именно на эти труды, когда говорит, в своем письме к митрополиту Аквилейскому, что если и можно привести десяток-

другой отцов в пользу мнения Латинян, то можно цитировать до шестисот в пользу верования Церкви. Исторические факты, приводимые Ратрамом в пользу римского первенства, совершенно искажены, без достаточных исследований: наконец, защищая папское первенство, он не имел ни малейшего намерения защищать установление этого *первенства по божественному праву*. Его соображения и его цитаты, равно как и Энея, относительно безбрачия духовенства, не относятся к вопросу; ибо Восточные не порицали безбрачия в себе самом, но единственно, как *всеобщий закон*, наложенный на духовенство. С этой точки зрения безбрачие несомненно извращало всеобщую дисциплину первенствующей Церкви, и Восточные были правы, *нападая* на него в этом отношении.

При Иоанне VIII вопрос об исхождении Святого Духа переменился, подобно тому, как изменились обстоятельства с возвышением Фотия на патриарший престол. Прибавка *Filioque*, сделанная на Западе к Никейскому символу, была торжественно осуждена в шестом заседании собора 879 года. Легаты папы, послы патриарших престолов Востока и все епископы присоединились к этому осуждению. Папа, получивши акты, писал Фотию¹.

«Мы осведомлены о бесполезном шуме, поднятом вами относительно нас и относительно нашей Церкви; вот почему я хотел объяснить с вами даже прежде, чем вы написали мне об этом. Вы знаете, что ваш посланный, объясняясь с нами относительно символа, нашел, что мы сохраняем его, как приняли первоначально, не прибавляя и не отнимая от него ничего; ибо мы знаем строгое наказание ожидающее того, кто осмелился бы внести в него извращение. Таким образом для вашего успокоения по этому поводу, служащему для Церкви причиною соблазна, мы объявляем вам еще раз, что не только так произносим символ, но даже осуждаем тех, которые по глупости своей осмеливаются по принципу поступать иначе, и осуждаем их, как нарушителей божественного слова и искажителей *учения* Иисуса Христа, апостолов и отцов, которые передали нам символ чрез посредство соборов; мы объявляем, что их часть вместе с Иудою, с которым они поступают одинаково; ибо хотя они подвергают смерти не тело Самого Господа; но подвергают смерти верующих Божиих, составляющих Его члены, отрывают их от Него посредством схизмы, предавая их, равно как и себя самих, вечной смерти, как это совершил недостойный апостол. Полагаю, однако же, что Ваша Святыня, исполненная мудрости, не можете не знать, что нелегко сообщить это мнение нашим епископам и в короткое время изменить обычай столь важный, пустивший корни уже так много лет. Вот почему мы думаем, что никого не надобно принуждать оставлять эту прибавку, сделанную к символу; но что надобно поступать с умеренностью и благоразумием, увещевая мало по малу отказаться от этого *богохульства*. Таким образом, те, которые обвиняют нас в том, будто

¹ Иоанн, VIII, epist.

мы разделяем это мнение, не говорят истину. Поэтому приличествует, чтобы Ваше братство не соблазнялись очень относительно нас и не отделялись от святой части тела нашей Церкви; но чтобы вы с ревностью способствовали вашей кротостью и вашим благоразумием обращению тех, которые удалились от истины, дабы заслужить вместе с нами обещанную награду. Привет вам о Господе, брат православный и достойно почитаемый!».

Иоанн говорит преимущественно о *прибавке*; но выражения, которыми он пользуется, достаточно показывают, что он осуждает и учение, содержащееся в этой прибавке. Слово не бывает *богохульно*, если оно выражает истину. Итак, папство переменяется в отношении к этому учению; оно колеблется при Льве III; подтверждает свой новый догмат при Николае I; и отвергает его, как богохульство, при Иоанне VIII¹.

Указавши на главное нововведение Рима, продолжим рассказ о его посягательствах в отношении к Востоку.

Когда помер Иоанн VIII, Римским епископом был избран Марин. Он был одним из легатов Николая в Болгарии и на соборе 869 года. Поэтому нельзя было надеяться, что он будет следовать направлению своего непосредственного предшественника. Думают, что именно он принес в Константинополь письма Иоанна VIII, одобрявшие собор 879 года, за исключением предметов, относительно которых его легаты переступили свою власть. Таким образом, он говорил только для формы, потому что сам получил акты, отлично знал, как совершались дела, скромно приглашал Фотия не признавать дурным его требование от него подчинения и знал, что этот патриарх не хотел сделать этого по следующей причине: одни только виновные должны просить себе прощения². Марин не мог принять собора 879 года, не осудив собора 869 года, на котором он был одним из председателей. Поэтому, будучи в Константинополе, отказался от осуждения себя самого посредством осуждения этого последнего собора, и император Василий задержал его пленником на целый месяц.

Взошедши на Римский престол (882), Марин удовлетворил своему памятозлобию. Он поспешил осудить Фотия. Но его папствование продолжалось недолго. Он был замещен (884) Адрианом III, который, подобно ему, осудил патриарха Константинопольского. Император Василий писал этому папе письма, очень энергичные, которые были доставлены в Рим только после его

¹ Многие западные писатели старались оспаривать подлинность письма Иоанна VIII. Но их соображения не могут пересилить важности следующего факта: это письмо было обнародовано согласно с западными манускриптами. Если бы Восточные измыслили его, как заявляют Римляне, не представляя никаких доказательств на это, то оно перешло бы с Востока на Запад, между тем как оно пришло с Запада на Восток. Этот неопровержимый факт говорит более всех рассуждений, и отвечает на все возражения.

² Иоанн. VIII, Epist.

смерти; они были переданы его преемнику Стефану V (885), который был интимным другом и поверенным Марина. Письма были направлены против этого последнего папы. Стефан стал защищать его¹. Мы приведем из его письма несколько страниц, достойных быть замеченными: «Подобно тому, как Бог, говорит он, даровал вам верховенство в делах мирских (*temporelles*), подобно этому мы получили от Него чрез св. Петра, князя апостолов, *верховенство в делах духовных*... Именно нам вверено попечение о стаде; это попечение настолько превосходно, насколько небо возвышается над землею. Выслушайте то, что сказал Господь Петру: *Ты еси Петр* и пр... Итак, заклинаю Ваше Благодетельство почитать имя и достоинство князя апостолов, сообразуясь с этими декретами; ибо *епископство, во всех Церквах земли, ведет свое начало от святого Петра*, посредством которого мы наставляем всех верующих, уча их святой и неповрежденной вере».

Вот папское *верховенство* и *папская непогрешимость по божественному праву*, провозглашенные ясно. Стефан заявляет, что первый Никейский собор установил следующее начало: «первый престол не может быть судим никем». Это утверждение достойно учености этой эпохи. Как следствие своего учения о епископском характере, Стефан выводит, что Фотий всегда был только *мирянником*, потому что он не получил своего епископства из Рима.

«Римская Церковь, присовокупляет он, не писала ли вам созвать собор в Константинополе? Спрашиваю вас: к кому она могла писать? *к миряннику Фотию*? Если бы вы имели патриарха, то наша церковь находилась бы в общении с ним посредством писем. Но увы, славный город Константинополь остается *без пастыря*, и если бы расположение, питаемое нами к вам, не заставляло нас терпеливо переносить оскорбление, нанесенное нашей Церкви, то мы должны были бы изнесть против изменника Фотия, так недостойно говорившего о нас, наказание более тяжкое, чем изнесенное нашими предшественниками. Говоря так, мы не забываем уважения, обязательного в отношении к вам; мы говорим это для нашей собственной защиты и для защиты папы Марина, который имел те же мысли, что и папа Николай». Итак, Николай передал Марину мысли, которые этот последний передал Стефану. Что касается Иоанна VIII, то его деяния были признаны как бы не существовавшими. Фотий не переменялся так легко, как папы, и следовал постановлениям древнего права с такою же умеренностью, как и разумностью.

Из письма Стефана V видно, что папство не было столько же надменно в отношении к Восточному императору. Западная Римская империя разрушилась с Карлом. На ее развалинах образовалась тысяча мелких государств, независимых и постоянно враждовавших друг против друга. Возникла феодальная система. Папство не видело уже более подле себя могущественного государя, который покровительствовал бы ему. Самый Рим подпал раз-

¹ Стефан V, Epist. в *Собрании соборов* P.Labbe, т. IX.

дорам многих враждебных партий. В течение этого времени, мусульмане продолжали свои завоевания. Задержанные с восточной стороны императором Василием, они бросились на Запад и стали угрожать самому Риму. Иоанн VIII понял, что Рим может получить от Восточных императоров больше помощи, чем от враждовавших между собою государей Западных. Его преемники, менее искусные, чем он, домогались той же помощи, никогда не забывая своих личных оскорблений. Поэтому они не могли успевать.

Если бы папство было одушевлено тогда добрыми намерениями, оно воспользовалось бы своим влиянием на Западе для призыва государей против мусульман и для соединения их с Восточным императором в их великой борьбе. Но оно предпочло подчиняться своим антипатиям против Церкви, которая противопоставила его захватам учение и законы Церкви первоначальной. Оно подняло Запад, столько же против восточных христиан, как и против мусульман; и таким образом, своим радикальным пороком поразило это великое движение народов, известное под именем *крестовых походов*. Идея этих походов была велика; она имела для Запада некоторые полезные последствия, мы не отвергаем этого; но историческое беспристрастие в то же время требует признать, что папство, вызвавшее эти походы, не умело запечатлеть их характером величия, которым они могли бы отличаться, если бы, вместо ограничения Западом, папство соединило тесным братством христиан Востока с крестоносцами. Папство всем пожертвовало ради своих антипатий к Восточной Церкви.

Император Василий помер, спустя немного времени после получения письма Стефана V. Лев философ, сын его, взошел на Восточный престол. Он изгнал Фотия с Константинопольского престола, чтобы возвести на него своего собственного брата Стефана. А чтобы прикрасить благовидным предлогом это похищение, он послал в храм св. Софии двух своих офицеров, которые взошли на амвон и публично прочитали преступления, которые ему угодно было взвести на Фотия; затем этого патриарха обвинили в участии в заговоре, целью которого было возвести на трон одного из его родственников. Нельзя было найти никакого доказательства в подтверждение этого обвинения. И вот Лев призвал ко двору епископа Стилиана, личного врага Фотия, и в согласии с ним составил к папе (886) бесчестное письмо, в котором собрал все обвинения врагов Фотия, — обвинения, признанные *клеветами* Иоанном VIII и собором четырехсот епископов. Это письмо Стилиана служит главным документом, которым западные писатели пользуются в своих рассказах о том, что они называют *восточной схизмой*¹. С первого взгляда очевидна его ценность. Письмо Стилиана прибыло в Рим только после смерти Стефана (891). Его преемник Формоз ответил, что Фотий всегда был только *миря-*

¹ Аббат Жаже *невинно* говорит: «Письмо Стилиана есть исторический памятник, к которому мы часто обращались. Ист. Фот. кн. IX, стр. 387, изд. 1854.

нином; что поэтому он был осужден и нет надобности судить его еще; что с епископами, его приверженцами, надобно поступать кротко, но только, как с мирянами¹. Папа, отвечавший подобным образом, был после смерти своей выкопан из земли папою Стефаном VI; его разложившийся уже труп был предан суду и осужден. Иоанн IX отметил это осуждение. Эти факты и безнравственные жестокости пап этой эпохи прикрываются римлянами снисходительным покровом. Они анафематствуют только великого патриарха, который, по своим добродетелям и по своим богословским познаниям, заслуживает быть помещенным наряду с знаменитейшими епископами Церкви. Фотий, без сомнения, помер в тот самый год, когда Формоз отослал к Стилиану свое пресловутое письмо против него, то есть в 891 году². Восточная Церковь одинаково чтит Игнатия и Фотия. Она произнесла анафему против всего, что было писано, как против одного, так и против другого. Она заявила себя совершенно благоразумной в этом своем решении. Она пожелала, чтобы эти два патриарха были судимы ими самими и их личными письмами; чтобы не обращались для этого к страстным повествованиям. Но Игнатий лично ничего не писал против Фотия, а этот последний, в своих многочисленных сочинениях, тоже не нападал на Игнатия. После восстановления этого последнего патриарха и примирения Фотия с императором Василием, они виделись, взаимно простили друг друга, и можно сказать, что Игнатий помер на руках Фотия, как свидетельствуют об этом слова последнего патриарха, произнесенные пред четырьмястами епископами на соборе 879 года. Таким образом, только ради лукавства латиняне ссылаются на некоторых врагов Фотия, греков по национальности, под тем предлогом, что эти греки сами принадлежали к Восточной Церкви. Эта Церковь не признала их; она имела мудрость уведомить своих верующих, что клеветы, внушенные самой слепой ненавистью, будут ли они проистекать от греков или латинян, равно предосудительны³.

¹ См. *Собрание соборов* P. Labbe, т. VIII и IX.

² Жаже, воображающий себя великим историком, заявляет, что Фотий помер в 891 году, то есть спусти много лет после письма Формоза. Однако же это письмо, равно как и папствование Формоза, относится только к дате этого 891 года; Стефан V, его предшественник, тоже помер в этом году.

³ Аббат Жаже увидел *удивительное противоречие* в поведении греческой Церкви (*Hist. de Phot.* liv. IX, p. 392). Но это вследствие болезни его глаз, которые, по действию редкого миража, представили ему все вещи совершенно иначе, чем он должен был бы видеть их. Историк, принимающий принцип, что он будет слушать только врагов того, коего историю хочет писать, по необходимости должен находить противоречие у тех, которые следовали совершенно другому направлению. Остается узнать, надобно ли при суждении о человеке исключительно обращаться к его врагам? В сочинении Аббата Жаже существует *противоречие* более *удивительное*, чем то, которое он

Стилиан, епископ Неокесарийский и враг Фотия, оставался корреспондентом папства после смерти этого патриарха. Иоанн IX писал ему, в 900 году, говоря¹: *Мы желаем*, чтобы декреты наших предшественников оставались неотменяемыми относительно Константинопольских патриархов; однако же этот папа не постарался примирить декреты Иоанна VIII с декретами Николая, а тот и другой папа были его предшественниками по одному и тому же праву. Пять лет спустя, Римский двор имел некоторое сношение с Востоком для узаконения несправедливости. Император Лев V, женившись в четвертый раз, нарушил дисциплину Восточной Церкви, освященную даже гражданскими законами. Патриарх Николай умолял исследовать это дело при посредстве пяти церковных патриархов. Лев, по-видимому, согласился с этим и писал письма Римскому папе, Сергию III, Михаилу — папе Александрийскому², Симеону, патриарху Антиохийскому, и Елисею, патриарху Иерусалимскому. Император сумел обольстить их. И вот верные епископы были изгнаны; Николая низложили и на его место поставили Евфимия; и в конце всего дали императору разрешение на четвертый брак. Таким образом Рим одобрил несправедливое низложение патриарха, которого вина состояла только в том, что он охранял постановления и дисциплину Церкви. Рим во всех делах сообразовался не столько со справедливостью, сколько с интересами. Если он принимал некогда сторону Игнатия, то лишь потому, что боялся противоречия Фотия своему верховенству; и если он так легко пожертвовал Николаем, то только для проявления акта своего верховенства на Востоке. Домогательство власти было единственной его заботой. Наконец, папа Сергий не мог особенно затрудняться по поводу незаконного брака Льва, потому что сам был любовником бесславной Морозии, которая от этой прелюбодейной связи имела сына, бывшего подобно отцу папою³. Подобный папа, без сомнения, не мог понять всю нежность совести патриарха Николая. После смерти Льва, Анфим был изгнан, а Николай восстановлен. Этот патриарх поставлен был даже во главе опекунского совета над юным императором Константином, прозванным Порфирородным. По восстановлении на своем престоле, он писал (912) папе Анастасию III, преемнику Сергия, жалуясь на поведение легатов этого последнего в Константинополе. «Каза-

усвояет Церкви греческой; это *адский характер*, приписываемый им Фотию, не обращая внимания на другой характер, который просвечивается в письмах этого великого человека, приводимых им. Жаже не замечает, что Фотий своими письмами изобличает во лжи все бесчестные обвинения, которые он возобновил против него.

¹ См. *Собрание соборов* P. Labbe, т. IX.

² Патриарх Александрийский, подобно Римскому, принял титул *папы* и удерживает его до сих пор.

³ Римом управляли тогда три блудодейные женщины: Феодора и ее две дочери Морозия и Феодора; они располагали папством в пользу своих любовников или своих прелюбодейных детей.

лось, говорит он¹, что они прибыли в Рим только для объявления нам войны; но *поелику они усвоили себе первенство в Церкви*, то должны были тщательно осведомиться о всех делах и представить вам извещение о них, вместо того чтобы сочувствовать осуждению тех, которые подверглись немилости государя только за то, что гнушались невоздержанием. Неудивительно то, что два или три человека могли быть обмануты; но кто мог предположить, что западные епископы утверждают это несправедливое обвинение своей подачей голосов, не разузнавши дела? Я узнал, что они наперед изнесли свое обвинение под предлогом *разрешения*, как будто бы *разрешение* может нарушать каноны и оправдывать распутство. Разрешение, если не ошибаюсь, имеет целью подражать милосердию Бога; оно протягивает руку грешнику для восстановления его, но оно не позволяет ему оставаться во грехе, в который он впал. Это учение, совершенно справедливое, не было учением Рима. Иногда под предлогом сохранения канонов, Рим волновал все царство, как это было при Николае I по поводу брака Лотаря; а иногда он без затруднения давал разрешение, при случаях столько же важных. И это потому, что Рим всегда стремился установить принцип своей абсолютной власти, как над законами, так и над людьми. Его воля была его законом, а собственный интерес его верховенства — единственным его правилом.

Патриарх Николай испытал на себе отражение удара придворных интриг; он был изгнан и восстановлен во второй раз; мир наконец был восстановлен в 920 году императорским декретом, снова выразившим уважение к дисциплине, из за которой Николай потерпел изгнание. Этот патриарх писал к папе Иоанну X для возобновления добрых отношений между Церквями Рима и Константинополя. Но Иоанн X был занят более своей прелюбодейной любовью к Феодоре, сестре Морозии, чем церковными делами.

В течении целого века между Церквями Римской и Константинопольскою почти не было никаких сношений, которые разделили бы их более разделявшего их учения². В 1024 году, патриарх Евстафий попытался достигнуть в Риме быть признанным церковным главою на Востоке по тому же праву, как папа на Западе. Его послы почти уже достигли этого, благодаря деньгам, к которым Римский двор был очень жаден; но интрига была обнаружена и вызвала волнение, преимущественно в Италии. Римский двор не осмелился идти далее. Этот факт по крайней мере доказывает, что Римские и Константинопольские епископы не были в борьбе. Римские епископы по большей части очень мало были достойны своего престола; политические заботы и споры, господствовавшие в большей части западных Церквей, поглощали их всецело и они очень мало занимались Восточными Церквями, где их верховенство всегда встречало сопротивление.

¹ Николай *Epist.* в *Собрании соборов*, т. IX. Приложение.

² Nat. Alex. *in Hist eccl. Dissert IV*, saecul. IX et X.

Борьба началась лишь в 1053 году. Римским епископом был тогда Лев IX.

Получивши общительное письмо от Петра, нового патриарха Антиохийского, Лев, отвечая ему, позаботился сказать, что среди патриархов он занимает третье место, поставляя ни во что патриарха Константинопольского, вопреки определениям вселенских соборов, усвоившим ему второе место, а третье — патриарху Александрийскому, четвертое же — патриарху Антиохийскому. В это время Михаил Керулларий был патриархом Константинопольским; он написал Иоанну, епископу Транийскому, письмо против многих дисциплинарных и литургических обычаев латинской церкви¹. Кардинал Гумберт прочитал это письмо у епископа, перевел его на латинский язык и отослал к папе Льву IX. Этот последний обратился к Константинопольскому патриарху с весьма мало умеренным письмом. Патриарх написал второе письмо против латинян и дополнил его своими обвинениями. Самым тяжким обвинением было *Filioque*, прибавленное в символ. Лев IX должен был отвечать на эти обвинения спокойно; доказать, что многие обвинения были неосновательны, извинять многие латинские обычаи на основании следующего принципа: дисциплина может разнообразиться сообразно со странами, только бы апостольские и вселенских соборов правила были сохраняемы; наконец должен был сознаться, что многие обвинения патриарха были основательны и сообразно с этим постараться преобразовать Западную Церковь. Но Лев IX думал только об оскорблениях, нанесенных его притязаниям верховного главы Церкви; он писал Михаилу Керулларию под влиянием этих чувств². После длинного вступления о единстве Церкви, он заявляет, что это единство заключается в Римской Церкви, которая чрез Св. Петра получила от Бога это высокое преимущество. Эта Церковь, имеющая чрез Петра основанием своим Иисуса Христа, есть непоколебимая скала, которую не одолеют врата ада. Поэтому в Римской Церкви невозможно никакое заблуждение, и только вследствие гордости Церковь Восточная высказывает против нее обвинения. Она нападает на эту Церковь по причине ересей, возникавших в ее недрах; но папа не замечает, что Церковь не может нести ответственности в ереси, осужденной ею; между тем, как сама Римская Церковь была обвиняема в преподавании заблуждения вместо истинного учения. Он осмеливается припомнить сопротивление прежних Римских епископов титулу вселенский и не замечает, что папы похитили самое дело, а не только самый титул, хотя официально титул этот и не был подписываем под всеми их деяниями; папа ложно заявляет также, будто первый Никейский собор определил, что римский престол не должен быть судим никем, и что он есть глава

¹ Это письмо можно находить в *Анналах Борония*. Письма Льва IX см. в *Собрании соборов*. *Nat. Alexand. Hist. Eccles. Synop.*, saecul. IX, с. IV.

² Лев IX, *Epist.* в *Собрании соборов* P. Labbe, t. IX.

всех Церквей. Он ссылается на подложную дарственную грамоту Константина, чтобы доказать верховную папскую власть с точки зрения мирской и с точки зрения духовной. Он думает победить *бесстыдную суетность* тех, которые оспаривают папские права. Он прибегает за помощью к текстам Св. Писания, которые во все времена составляли арсенал папства. Он утверждает, что Константинополь обязан только святому престолу тем, что занимает среди патриархальных Церквей второе место. Что же касается Римской Церкви, то она занимает исключительное положение, и нападать на ее права — это значит нападать на всю Церковь, коей она есть божественный центр. Только по гордости и по зависти можно иметь подобные святотатственные намерения.

Таково в кратких словах содержание первого письма Льва IX к патриарху Михаилу Керулларию.

Политика обострила эти первые разногласия. Норманны напали на империю. Император Константин Мономах, будучи очень слабым для сопротивления всем своим врагам, решил просить помощи у Немцев и Итальянцев, и ради этого обратился к папе, который имел на эти народы большое влияние. Чтобы задобрить папу, он писал ему, что горячо желает восстановить добрые отношения, уже так давно изменившиеся между Церквами Рима и Константинополя; он пригласил Михаила написать к Льву IX в том же смысле. Лев немедленно послал в Константинополь трех послов с двумя письмами, одним для императора и другим для патриарха (1054).

Папа начинает свое письмо приветствием императору за сообщенное им благочестивое желание, но тотчас переходит к правам Римского престола. «Кафолическая Церковь, говорит он, мать и непорочная дева, хотя предназначена наполнять своими членами всю землю, имеет однако же только одну главу, которая должна быть почитаема всеми. Кто не почитает ее, тот напрасно признает себя одним из ее членов». Эта глава Церкви есть Рим, коего власть признал Константин В. своею дарственной грамотою. Будучи же Римским епископом, он есть викарий Божий, обязанный пешись обо всех Церквах. Поэтому он старается возратить блеск Римскому престолу, который в течение долгого времени, говорит он, был управляем скорее наемниками, чем пастырями. Константинопольский император может помочь ему в этом деле, возвративши ему имущества, коими Римская Церковь владела на Востоке, и помешавши намерениям Михаила, которого он укоряет в честолюбивых замыслах относительно Церквей Александрийской и Антиохийской.

В своем письме к Михаилу Керулларию Лев IX прежде всего осуждает присылку писем, которые этот патриарх писал ему в пользу восстановления мира. «Мир будет существовать, говорит он ему, если не станут переступать пределов, положенных отцами». Но это именно и есть то, что Восточная Церковь говорила папству. Затем Лев укоряет Михаила в его честолюбии, его рос-

коши и его богатствах. Уместны ли эти упреки в устах папы? Он прибавляет: «как гнусно, плачевно и святотатственно Ваше хищение, когда вы и устами и писаниями заявляете себя патриархом *вселенским!*» Далее, он упоминает о сопротивлении, предъявленном Св. Григорием этому титулу; наконец он переходит к мнимым правам Римской Церкви. «Римская Церковь не есть, как вы говорите, Церковь *частная*; не она ли есть глава и мать? Как может она быть этим, если не будет этого, и вот почему громко исповедуем: Церковь римская есть столь мало частная, что во всей вселенной всякая нация, которая по гордости находится в разногласии с нею, не может быть признаваема принадлежащею к Церкви; нация эта не есть уже Церковь, но еретическое сходбище, синагога сатаны... Поэтому, кто хочет усвоить себе славное имя христианина, тот должен перестать злословить и нападать на Римскую Церковь; ибо тщетно думает тот, кто полагает, что можно почитать отца семейства, не уважая его супругу».

Удивительно ли, что Восточная Церковь энергично протестовала против этого святотатственного учения?

Легаты Льва IX, принесшие эти письма, имели во главе своей кардинала Гумберта. Император принял их с уважением, и Гумберт тотчас вступил в препирательство, стараясь защитить Церковь латинскую, обращая в отношении к греческой Церкви многие упреки и показывая ей, что она имеет свою частную дисциплину и свои злоупотребления, подобно латинской Церкви. Эти сочинения были переведены на греческий язык по приказанию императора.

Патриарх Михаил отказался быть в общении с легатами. Без сомнения, он знал, что император с предвзятою мыслию хотел пожертвовать папству греческою Церковью, с целью получить некоторую помощь для своего трона; письмо, полученное им от папы, достаточно показало ему, что разумел Рим под словом *единение*. И вот легаты прибыли в храм св. Софии в тот час», когда духовенство приготавливалось совершать литургию. Они громко жаловались на упорство патриарха и положили на престол грамоту отлучения, направленную против него. Они вышли из храма, отрясая прах от ног своих и произнося анафему против тех, которые не находятся в общении с латинянами. Все это было сделано с согласия императора; а это и объясняет, почему патриарх не хотел иметь никакого общения с легатами. Народ, будучи убежден в потворстве императора этим посланным папы, возмутился. В минуту опасности Константин сделал некоторые уступки. Легаты протестовали, что их отлучительная грамота не была прочитана такой, какой она была написана; что патриарх имел намерения против них самые жестокие и самые вероломные. Как бы то ни было, хотя бы даже Михаил и был виновным в этих злых намерениях, образ действий легатов не становился поэтому ни более достойным, ни более каноническим. Патриарху Михаилу высказывают еще другой упрек, именно: он взвел на латинскую Церковь обвинения неосновательные. Многие из них, в самом деле, были

преувеличены; но упрекающие не хотят замечать того, что патриарх в своих письмах был только эхом Восточных Церквей. С тех пор, как папство захотело наложить на них свою автократию, продолжалась сильная реакция во всех этих Церквях. Под влиянием этих чувств, отыскивали все, в чем можно было бы упрекать ту латинскую Церковь, которая в лице своих епископов выставляла себя непогрешимой хранительницей святого учения. Михаил Керулларий был только истолкователем этих упреков; он никогда не имел достаточно влияния, чтобы распространить свои жалобы, истинные или мнимые, по всему христианскому Востоку; и те, которые хотели выставить его завершителем схизмы, начатой при Фотие, оценивают факты слишком поверхностно. То, что сообщало силу Фотию против папства — так это единодушие всех Восточных Церквей, бывших на его стороне, несмотря на политические интриги, влияние императоров, жестокости пап и ненависть его заклятых врагов. Это же самое сообщало силу и Михаилу Керулларию. Этот патриарх не имел ни знаний, ни гения, ни добродетелей Фотия; но он говорил во имя Востока, и Восток узнавал себя в его протестах против римских нововведений. Император, завидуя приобретенному патриархом влиянию, изгнал его и хотел низложить его на соборе, как вдруг узнал об его смерти (1058).

После смерти патриарха Михаила Керуллария, сношения Рима с Константинополем стали еще менее часты, чем прежде, по крайней мере в течение известного времени. Есть упоминание об одном легате, посланном в 1071 году папою Александром II, но это произошло скорее с политической целью, чем по религиозным мотивам. Полагали, что Восточные императоры могут оказать крестоносцам большую помощь.

Григорий VII, вскоре взошедший на Римский престол (1073), вознес папство на высочайшую степень могущества, умело воспользовавшись раздорами при феодальной системе, чтобы сделать доминирующим влияние Церкви, олицетворенной им в Римском епископе. Но он не пользовался своим влиянием для сближения Востока с Западом; наконец, антагонизм между Церквями этих стран был слишком глубок, чтобы дипломатические сношения папства могли иметь пред Восточными императорами полезный результат. Папство распространило на Западе идею, что греки схизматики и опасные враги Церкви. Восточные же смотрели на Западных, как на варваров, которые суть христиане только по имени и которые изменили веру и святейшие уставы Церкви. Отсюда возникли недоверие греков к крестоносцам и насилия крестоносцев в отношении к грекам. В сочинении этом мы не станем распространяться об этих походах. Мы должны только указать на следующий неопровержимый факт: крестовые походы еще более усилили антипатию, издавна существовавшую между Востоком и Западом; и хотя имели целью единение, но инициатива в этих проектах всегда принадлежала им-

ператорам, которые хлопотали только по политическим видам и из-за интереса.

Эти императоры постоянно думали о своих западных владениях. Они зорко следили за борьбой, существовавшей между многими папами и Западными императорами. Эта борьба столько же живая, как и продолжительная, имела причиной своей папство, которое, в силу своего духовного верховенства, заявляло притязание господствовать и над светской властью. Алексей Комнин вздумал воспользоваться этим. Он послал (1112) в Рим посольство, извещая о своем расположении прибыть в этот город для получения из рук папы императорской короны. Эта просьба не имела последствий, но она обличает у императоров этой эпохи явное стремление сблизиться с Римом в целях политических. Мануил Комнин старался войти в соглашение с папой и Западным императором, Фридрихом, против Норманнов, которые завоевали Сицилию у Константинопольской империи; по этому поводу Адриан IV послал легатов к Мануилу, и вручил им письмо к Василию архиепископу Фессалоникийскому; и в письме своем увещевал этого епископа позаботиться о единении Церквей¹. Василий отвечал ему, что между греками и латинянами нет разделения; потому что они исповедуют одну и ту же веру и возносят одну и ту же жертву. «Что же касается поводов к соблазну, бессильных в себе самих, которые удаляют нас одних от других, — прибавляет он: то *Ваша* Святость можете прекратить их своею властью, столь обширную, и при помощи Западного императора».

Этот ответ был столько же ловким, как и благоразумным. Папство вдалось в нововведения; оно пользовалось на Западе весьма распространенной властью. Что мешало ему воспользоваться этой властью для отвержения своих собственных новшеств или даже лишь терпимых им? От него единственно зависело восстановить полное единство между двумя Церквями. Но папство не руководилось этой идеей единства. Для него, единство могло существовать только в подчинении Восточной Церкви папскому верховенству. Но Восточная Церковь, сохраняя древнее учение, постоянно протестовала против этого хищнического верховенства и не была расположена подпасть незаконному игу.

Между тем как Церковь оставалась в этом настроении, императоры вели свою политику. Они обращались осторожно с Западным императором, когда между ним и папством существовало соглашение; но коль скоро между ними возникала новая борьба, они пользовались ею для повторения своих заискиваний пред папами по поводу императорской короны. Когда Александр III находился в войне с Фридрихом, Мануил Комнин послал (1166) посольство с обязательством уведомить этого папу о своих добрых намерениях относительно соединения двух Церквей — латинской и греческой, дабы латиняне и греки составили один народ под одной главой. В виду этого он просил у него корону всей Римской

империи, обещая Римской Церкви Италию и другие материальные выгоды. Папа послал легатов в Константинополь. Спустя два года, (1169) Мануил снова послал посольство к Александру, обещая соединение Церквей греческой и латинской, если он увенчает его короной, которой он домогался. Папа отказал в этом под предлогом смут, которые будут следствием этого соглашения. Несмотря на этот отказ, все же существовали наилучшие отношения между папою и Мануилом, по просьбе которого кардинал иподиакон, по имени Иоанн, прибыл в Константинополь, чтобы трудиться для соединения Церквей. Но усилия Мануила не были одобряемы греками, которые гнушались латинянами не только по религиозным мотивам, но и по отвращению к насилиям, перенесенным ими со стороны крестоносцев. Поэтому, после смерти Мануила, латиняне были безжалостно избиты в Константинополе (1182). Кардинал Иоанн был одной из жертв этого убийства. Андроник, возбудивший это убийство, был избран императором. Но он вскоре после этого помер, и был замещен Исааком Ангелом, который был лишен престола Алексеем Ангелом. Епископом римским был тогда Иннокентий III (1198). После Григория VII, никакой папа не пользовался таким влиянием на Западе, как этот. Алексей Комнин поспешил следовать ради своих интересов политике Комнина; он послал к папе послов, вручивших ему письмо от него и другое от патриарха Иоанна Каматера, чтобы засвидетельствовать пред ним о их желании восстановить единение между Церквями. Иннокентий послал в Константинополь легатов с письмами, в которых он выше всякой меры превозносил Римскую Церковь. Патриарх снабдил легатов своим ответом, который начинался следующим образом: «Иннокентию, святейшему римскому папе и вашему возлюбленному о Господе Иисусе Христе брату, Иоанн, милостью божиею, архиепископ Константинополя, патриарх нового Рима, любовь и мир от Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». Вот краткое изложение его письма: «Читая послание, присланное вами Нашему Смирению, мы одобрили ревность Вашей Святыни о нашем взаимном единении в вере. Но я не стану притворяться пред Вами относительно того, что в Вашем письме очень затруднило меня. В самом деле, я удивляюсь тому, что Вы назвали Римскую Церковь *единою и вселенскою*; ибо достоверно, что Церковь разделена на частные Церкви, управляемые пастырями под верховным пастырством единого и единственного Пастыря, Иисуса Христа. Я не понимаю также и того, что Вы назвали Римскую Церковь *матерью* других Церквей. Мать Церквей — это Церковь Иерусалимская, которая превосходит их своею древностью и достоинством. Поэтому я не могу принять упрека, сделанного мне Вашей Святыней, будто я разорвал единую, нешвенную ризу Христа. Когда, с одной стороны, очевидно, что наша Церковь заботливо сохраняет древнее учение об исхождении Святого Духа, а ваша Церковь впала в заблуждение относительно этого пункта: тогда мы вправе спросить Вас: какая же из двух Церквей разорвала

ризу Христа? Тем не менее я расположен содействовать добрым намерениям императора во благо».

Император в подобном же тоне отвечал папе, который возразил им двумя ответными письмами. Мы приводим из них некоторые выдержки. Он писал патриарху: «Первенство римского престола установлено не человеком, но Богом, или лучше говоря, Богочеловеком. Это можно доказать многочисленными свидетельствами евангельскими и апостольскими, утвержденными каноническими постановлениями, которые удостоверяют, что святейшая Римская Церковь в св. Петре, князе апостолов, посвящена быть госпожою и матерью всех других». Иннокентий приводит множество текстов св. Писания и объясняет их на свой манер¹. Он удивляется, что патриарх не знает этих объяснений; далее, он предлагает решение на два предложенные ему вопроса: «Вы спрашиваете меня, говорит он, каким образом Римская Церковь есть *единая* и *вселенская*? Вселенская Церковь есть та, которая состоит из всех Церквей, согласно со смыслом греческого слова *кафолический*. В этом смысле Римская Церковь не есть вселенская, а только часть Церкви вселенской, но первая и главная часть, подобно главе в теле; она такова потому, что в ней пребывает полнота власти, и только часть этой полноты изливается на других. Отсюда эта Церковь есть *единая* и *вселенская* в том смысле, что она имеет под собою все другие. Сообразно с истинным смыслом слова, существует только Римская Церковь — вселенская, потому что она одна превознесена превыше других.... Вы спрашиваете меня, каким образом Римская Церковь есть мать Церквей? Она есть мать не по времени, но по достоинству. Иерусалимская Церковь может быть признаваема матерью веры, потому что эта вера вышла из ее недр; а Римская Церковь есть мать верующих, потому что она поставлена выше всех ради преимуществ своего достоинства». Затем Иннокентий восхваляет патриарха за его желание единства; далее присовокупляет, что он должен *уважать* и *повиноваться* Римской Церкви и ее епископу, как своему главе; что папа примет его, при условии, если он *подчинится, как должен подчиняться член главе*; но если он откажется *уважать и повиноваться*, то это вынудит его действовать против него и против Греческой Церкви.

Иннокентий III любил говорить в тоне господина. Подобным же образом он выражается и в своем ответе императору; он объявляет, что согласен на созвание собора, хотя устройство Церкви не есть соборное; что он позовет на собор патриарха; что если патриарх *захочет подчиниться Римской Церкви и оказать ей должное повиновение, то мир будет заключен с нею*. Он просит императора позаботиться, чтобы патриарх прибыл на собор с этими расположениями. Он оканчивает свое письмо угрозами.

Однако же он не приводит в исполнение своих угроз, ибо понимал, что для успеха, организованного тогда крестового похода

¹ Мы установили подлинный смысл их прежде, в 1-й главе настоящего сочинения.

да, он должен был поступать осторожно с Греческим императором. Поэтому он писал к крестоносцам, оставившим Венецию и направлявшимся к Константинополю: «Пусть никто из вас не обольщает себя, полагая, что позволительно опустошать и грабить Греческую землю под предлогом, что она *недостаточно подчинена святому престолу*, и император ее похитил империю у своего брата.

Каково бы ни было преступление, совершенное ими или его подданными, не ваше дело судить об этом, и вы приняли крест не для отмщения этой неправды».

Крестоносцы прекрасно знали, что их успехи будут награждены отпущением вины. В Венеции они заключили трактат с юным Алексеем, сыном Исаака и племянником императора. Этот князь обещал подчинить Греческую Церковь папскому верховенству, если крестоносцы возвратят ему трон, похищенный его дядею, — и обещал присоединиться к крестоносцам против мусульман. Прибывши к Константинополю, крестоносцы показали народу юного Алексея, но сейчас же поняли, что этим путем они не возбудят никакой симпатии. Тогда они решились обложить город, который взяли штурмом. Они известили об этом папу письмом, в котором старались извинить свое нападение на Греков¹: «Жестокий похититель престола (Алексей Ангел), многими речами склонял народ и убедил его, что латиняне пришли уничтожить его древнюю свободу и подчинить империю своим законам и *папской власти*. Это до такой степени настроило их против нас и против юного князя, что они не захотели нас выслушать». Крестоносцы заявляют, что греки первые атаквали их. Они рассказывают обо всем, что делает для них старый император Исаак, в согласии со своим сыном Алексеем, и старательно присовокупляют:

«Он обещает *оказывать вам такое же повиновение*, какое католические императоры, его предшественники, оказывали папам, и обещает употребить всю свою власть, чтобы привести к тому же *Восточную Церковь*».

Один из вождей крестоносцев, князь Сен-Поль, со своей стороны писал герцогу Лувенскому (Louvain): «Мы до такой степени успешно ведем дело Спасителя, что Восточная Церковь, — коей Константинополь был некогда митрополиею, *будучи соединена с папою, своим главою*, вместе с императором и со всею его империею, как это было в древние времена, — признала себя дочерью Римской церкви и смиренно хочет повиноваться ей на будущие времена. Сам патриарх должен отправиться в Рим для получения своего паллиума, и клятвенно обещал исполнить это вместе с императором».

Юный Алексей писал папе в том же смысле:

«Мы признаемся, говорит он, что главной причиной, побудившей крестоносцев помочь нам, было то, что мы добровольно

¹ См. Villehardoin; см. *It Godef. ad ann. 1203*; Raynald *Annales*: Innocent III, *Epist.*

и клятвенно обещали, что смиренно признаем Римского первосвященника церковным главой всего христианства и преемником св. Петра, и что мы воспользуемся всей нашей властью для приведения Восточной Церкви к этому признанию, хорошо понимая, что это единение будет очень полезно для империи и очень славно для нас. Мы повторяем те же обещания пред вами чрез этих представителей, и испрашиваем ваших советов для приведения Восточной Церкви к тому же».

Понятно поэтому, что единение было только подчинением римскому престолу. Крестоносцы и покровительствуемый ими князь понимали, что одни только такие обещания могли привести Иннокентия III к одобрению того, что он прежде порицал. Иннокентий отвечал Алексею, что он одобряет его расположения относительно воссоединения Восточной Церкви. Если он останется верным своим обещаниям, то папа обещает ему всякого рода благополучие, а если отступит от них, то он предсказывает ему поражение от его врагов.

Иннокентий немедленно отвечает и крестоносцам. Он опасается, что они принудили Алексея дать обещание подчинить Восточную Церковь только ради извинения своего проступка. «Мы, говорит он, будем судить об искренности ваших действий по следующим обстоятельствам: если император пришлет нам документы (*lettres-patentes*), которые мы можем сохранять как собственноручное доказательство его присяги; если патриарх пошлет к нам торжественную депутацию для признания первенства Римской Церкви и даст обещание повиноваться нам; если испросит у нас паллиум, без которого нельзя законным образом исполнять патриарших обязанностей».

Подобное учение могла ли признать Восточная Церковь учением первых восьми веков?

Вскоре возникло разногласие между крестоносцами и Алексеем, который, сделавшись императором, забыл свои обещания. Но этот юный принц отчуждил и греков, взошедши на престол при помощи латинян. Он был низложен. Константинополь подпал власти авантюриста. Крестоносцы решили, что этот авантюрист не имеет никакого права на корону, и греки тем менее должны быть пощажены, что отказались от повинования папе. Поэтому они вторглись в город и возвели на императорский престол одного из своих, Балдуина, князя Фландрского. Константинополь был разрушен и все церкви были осквернены, ограблены и опустошены.

Латинская Константинопольская империя началась в 1204 году и окончилась в 1261. В течение этого почти полувекового периода ненависть между греками и латинянами достигла ужасающих размеров. Маркиз Де-Монферрат, вождь крестового похода, писал папе, что если Константинополь взят, то главным образом для оказания услуг святому престолу, и для приведения греков к должному повинованию. «После нашего удивительного завоевания, присовокупляет он, мы делали все только в видах присое-

динения к святому престолу Восточной Церкви, и мы ожидаем в этом деле вашего совета».

Иннокентий в своем ответе порицает крайности и святотатства, в которых крестоносцы оказались виновными. «Греки, присокупляет он, в виду дурного обращения со стороны тех, которые хотели принудить их подчиниться Римской Церкви, не могли решиться на это; потому что они видели в латинянах только преступников и совершителей дел тьмы, и отвращались от них, как от собак... Во всяком случае, говорит затем папа, суды Божии непроницаемы»; вот почему папа не хочет легкомысленно обсуждать этого дела. «Возможно, что греки были *правосудно* наказаны за свои грехи, хотя вы действовали *несправедливо*, насытивши свою ненависть в отношении к ним; возможно, что Бог *правосудно* вас вознаградил, сделав вас орудием своего собственного отмщения». Очевидно, что Иннокентий III был достаточно холоден, предаваясь тонким различениям при виде города, покрытого кровью и развалинами. Заключение его письма служит достойным увенчанием предшествующего. «Оставим, говорит он, недоуменные вопросы. Если что достоверно, так это то, что вы можете сохранить и защитить землю, приобретенную вами по суду Божию; но во всяком случае, под тем условием, если вы восстановите имущества Церквей и *останетесь навсегда верными святому престолу и нам*».

Итак, верховенство было великой и единственной целью. Самые преступления становились добродетелями, коль скоро авторитет святого престола был распространяем и поддерживаем этим.

Не довольствуясь одобрением взятия Константинополя, Иннокентий предпринимал еще прочно основать новую империю. Вот почему он написал к Франкским епископам окружное послание, коего сущность состоит в следующем: «Бог, желая освятить свою Церковь присоединением схизматиков, предал империю *гордых, суеверных и неповинующихся* греков *смирненным, благочестивым, католическим и повинующимся* латинянам. Новый император Балдуин приглашает всякого рода людей, клириков и мирян, благородных и простолюдинов, всякого пола и всякого состояния, прибыть в его империю для *получения там богатств* сообразно со своими заслугами и своими качествами». Вот почему папа *приказывает* епископам приглашать всех людей отправляться туда, и он обещает крестоносную индульгенцию тем, которые придут укрепить новую империю.

Балдуин просил папу прислать ему латинских церковников для утверждения папской Церкви на Востоке, и Иннокентий написал новое окружное послание к Франкским епископам: «Пошлите, говорит он, в эту страну книги, которые вы имеете в излишестве, по крайней мере для скопирования, дабы Восточная Церковь согласовалась с Западной Церковью в хвалениях Богу». Таким образом, досточтимые восточные литургии не нашли милости у папства. Оно пожелало учреждения новой Церкви в новой греко-латинской империи.

Балдуин учредил в Константинополе латинский клир и назначил каноников, коих определил для святой Софии. Они избрали патриархом венецианца Фому Морозини. Иннокентий нашел незаконным только избрание; вот почему, вместо утверждения, он прямо от себя назначает патриархом того же самого Фому. Его письмо заслуживает быть приведенными: «Что касается личности избранного, писал он, то он нам достаточно известен, равно как и братьям нашим кардиналам, по причине долговременного пребывания у нас; мы знаем, что он благородного происхождения и прекрасных нравов, благоразумен, осмотрителен и достаточно просвещен. Но исследовавши избрание, мы не нашли его *каноническим*; ибо так как миряне не имеют никакой власти располагать церковными делами, то Константинопольский патриарх не должен быть избираем властью никакого светского государя. Кроме того, венецианские клирики, которые называют себя канониками святой Софии, не имеют права избирать, не будучи утверждены при этой Церкви ни нами, ни нашими легатами, ни нашими уполномоченными. Вот почему мы отменили это избрание в нашей консистории». Далее папа объявляет, что желая позаботиться об этой Церкви, коей устройство (*disposition*) исключительно принадлежит ему, он назначает патриархом того же Фому, *в силу полноты своей власти*».

Ничто в Церкви не может быть законным без посредства этой полноты власти; таково притязание папства.

Иннокентий принимает на себя защиту церковных имуществ, часть коих крестоносцы присвоили себе. «Неприлично, говорит он, чтобы святой престол авторизировал этот пункт. Более того. Так как крестоносцы заключили свои договоры с Венецианцами *в честь Римской Церкви, как они говорят об этом почти при каждом члене*, то мы не можем утвердить того, что оскорбляет эту честь».

Иннокентий возвел Фому Морозини, бывшего только иподиаконом, в диаконство, священство и епископство; затем обнародовал буллу, в которой выражается следующим образом: «Преимущество благодати, которое святой престол даровал Византийской Церкви, ясно свидетельствует *о полноте власти, полученной этим престолом от Бога*; потому что святой престол поставил эту Церковь в ряд патриархальных церквей. Он извлек ее как бы из праха; он вознес ее превыше церквей Александрии, Антиохии и Иерусалима; он поставил ее подле (*auprès*) Римской Церкви превыше всех других». Иннокентий принимает *тот факт*, что Константинопольская Церковь занимает вторую степень в Церкви. Но он приписывает это Римскому престолу, хотя этот престол протестовал против определений великих соборов Константинопольского и Халкидонского, усвоивших, вопреки ему, эту вторую степень Константинополю. Таким-то образом папство в средние века искажило историю для изобретения доказательств в защиту своих притязаний.

Греческий патриарх Константинополя, Иоанн Каматер, удалился во Фракию и подал заявление об отречении. Он был замещен Михаилом Авторианом, который короновал греческого императора Феодора Ласкариса. Тот и другой основали свою резиденцию в Никее в Вифинии.

Французы и венецианцы вступили в борьбу по поводу нового латинского патриарха и из-за дележа церковных имуществ. Фома обратился к папе, который отвечал ему длинным письмом; мы приведем из него следующее извлечение: «Между четырьмя животными, окружающими престол, Иезекеиль помещает орла выше других, *потому что* между четырьмя патриархальными Церквами, изображаемыми этими животными, которые вокруг святого престола суть *как бы его слуги*, животное Константинополя обладает превосходством».

Таким образом, Рим владеет тронем. Императорский орел, символ Константинополя, должен быть признаваем первым символическим животным, который чтит папу. Такова скромная идея, которую Иннокентий III имел о своей власти. Таким-то образом он усваивает божественное происхождение преимуществам Константинополя, потому что преимущества эти идут от святого престола, органа Божия. После этих предварительных слов, папа сообщает Фоме инструкционные правила, между которыми заметим следующие: «Вы меня спрашиваете, каким образом вы должны упорядочивать епископства тех стран, в которых живут одни лишь греки, и епископства тех стран, в которых греки смешаны с латинянами. В первых странах вы должны поставлять епископов греков, если найдете, что они будут вам верны и захотят принять от вас посвящение. В смешанных же странах, вы будете поставлять латинян и предпочтете их грекам... Если вы не можете привести греков к латинскому обряду, то должны терпеть их обряд до тех пор, пока святой престол распорядится иначе». Таково было постоянное правило, принятое папством в отношении к *грекам униатам*; терпеть до тех пор, пока можно будет подчинить.

Со времени этой эпохи на Востоке открылись властью папы две православные Церкви, противоположные друг другу. И с этих пор разделение стало *совершившимся фактом* (1206). Схизма, как очень хорошо писал папе Адриану IV епископ Фессалоникийский, не существовала в действительности прежде этой эпохи. Существовал лишь простой протест Восточной Церкви против римских нововведений. Этот протест обнаруживался прежде Михаила Керулария и даже прежде Фотия. Во время же этих патриархов он принял характер более острый, потому что Рим более и более вдавался в новшества, и хотел наложить абсолютизм на всю Церковь; но в сущности схизма не была еще установлена, как справедливо замечает Флери по поводу сношений Мануила Комнина с Александром III: «Нельзя сказать, чтобы с его времен греческая схизма была уже образована»¹. Это замечание, неволью выска-

¹ Флери, *Hist. Eccl.*, liv. LXXIII, § 32.

занное ученым историком, который не может быть заподозрен в пристрастии к Церкви Восточной, имеет важность очевидную для каждого. Отсюда надобно заключить, что ни Фотий, ни Михаил Керуларий не создавали схизмы. По нашему мнению, именно папство, вызвавши протесты Восточной Церкви и закрепивши их своими автократическими притязаниями, основало схизму на самом деле. Истинный виновник этой схизмы есть папа Иннокентий III. Схизма началась латинской Церковью в Иерусалиме; она завершилась латинской Церковью в Константинополе.

Это подтверждает правдивая и беспристрастная история. Папство, установивши схизму, закрепило ее, учредивши латинские епископства в городах, где существовали греческие епископства, установленные со времен апостольских. А так как его латинские епископы не могли занимать здесь кафедр, то папство установило титулы *in partibus infidelium* (епископов для стран людей неверующих), как будто апостольская Церковь на Востоке среди своих членов имела только людей *неверующих*.

Иннокентий III помер в 1216 году. Его преемники продолжали его дело. Но и греческие императоры в Никее, видя себя в опасности пасть вследствие нападений латинских императоров Константинополя, решились следовать политике своих предшественников в отношении к папству. По просьбе императора Иоанна Ватакия, патриарх Герман писал к папе Георгию IX (1232) письмо, исполненное наилучшими мыслями¹. Он начинает обращением к Иисусу Христу, *краеугольному камню* всех наций в одной и той же Церкви; он признает *первенство* Римского епископа и заявляет, что не хочет оспаривать его; далее он присовокупляет: «Поищем со всей, возможной тщательностью, кто были виновники разделений. Если это мы, то укажите нам совершенное нами зло, и применительно к нему врачество; если это латиняне, то мы не можем думать, чтобы намерением вашим было оставаться вне наследия Господня, по неведению или по преступному упрямству. Весь мир согласен, что разделение произошло от различных верований, от нарушения канонов, от перемены обрядов, перешедших к нам по преданию от наших отцов. Но весь мир служит также свидетелем, что мы смиренным образом просим вас соединить нас во истине, после совершения тщательного исследования, дабы с той и другой стороны не было произносимо обвинения в схизме». Изобразивши картину несчастий, которые это обвинение привлекло на них со стороны крестоносцев, Герман восклицает: «Этому ли учит св. Петр, когда внушает пастырям управлять своим стадом без насилия и господствования? Я знаю, что с той и другой стороны признают себя поступающими основательно и не признают себя ошибающимися. Пусть так! Обратимся же к св. Писанию и к Отцам».

¹ См. это письмо в *Собрании соборов P. Labbe, t. X. См. также историка Матье. Париж.*

Герман обратился также к кардиналам, составлявшим папский совет. «Позвольте нам, писал он им, высказать истину: разделение произошло от тиранического угнетения, совершенного вами, и от чрезмерных требований (exactions) Римской Церкви, которая вместо того чтобы быть матерью, есть мачеха, и которая попирает другие Церкви тем более, чем более они унижаются пред нею... Мы соблазняемся вами, при виде вас, заботящихся единственно о земных благах, собирающих со всех сторон золото и серебро, и превращающих царства в данников». Поэтому Герман требует тщательного исследования вопросов, разделяющих Церкви; и чтобы дать понять важность этого исследования, он замечает, что множество народов согласны с ним.

Григорий IX¹ не последовал за Германом на ту почву, на которую этот патриарх хотел его позвать. Он укорял Греческую Церковь в слишком большом подчинении светской власти, что отнимает у нее ее свободу; но он не говорит, в чем же состоит свобода? — Для всех христиан эта свобода состоит в праве сохранять откровенное учение и апостольские закон в их неповрежденности. С этой точки зрения Восточная Церковь не была ли всегда более свободной, чем Церковь Западная? Если же Церковь будет жертвовать истиной ради повиновения императору или папе — королю, то она равно будет порабощенной. Не удивительно ли, что поработивши Церковь латинскую и стремясь наложить иго на Церковь Восточную, папство говорит этой последней о свободе? Григорий IX, вместо согласия на предлагаемые ему обсуждения, обещает послать к патриарху двух доминиканцев и двух францисканцев для выяснения ему своих намерений и намерений кардиналов. Эти монахи в следующем году (1233) действительно отправились в Никею, и принесли патриарху Герману письмо, в котором папа сравнивает Греческую схизму с Самарийской. Надобно согласиться, что сравнение не особенно точное.

В самом деле, Рим не был ни Иерусалимом, ни всемирным храмом, ни стражем закона. Эти преимущества скорее принадлежали Церкви Восточной, чем Церкви Римской; так как эта последняя изменила догматы и апостольские законы, между тем как первая благоговейно сохраняла их. В том же письме, Григорий IX приписывает себе, как главе Церкви, двойную власть — духовную и светскую; он даже заявляет, что Иисус Христос даровал эту последнюю власть св. Петру, сказал ему: «Вложи меч твой в ножны». Объяснение достойное мнения, которое папе желательно было обосновать. Григорий IX оканчивает письмо, нападая на квасный хлеб, употребляемый при Евхаристии. «Этот хлеб, говорит он, изображает тело Иисуса Христа разрушаемое, между тем как опресночный хлеб изображает Его тело воскресшее и прославленное».

Четыре западных монаха были приняты в Никее с великими почестями. Они вступили в препирательство с греческим клиром

¹ Григория IX *Epist.*, в *Собрании соборов* P. Labbe, t. XI.

касательно исхождения Святого Духа и Евхаристии. Существует отчет об этом препирательстве, составленный на Западе¹. В отчете монахи присвоят себе верх, как это само собою разумеется; но из самого их донесения видно, что они смешивали в Троице субстанцию с личностью, и *существенное* исхождение с *временным* ниспосланием Святого Духа во Святую Церковь; что они ошибочно приводят места из св. Писания и Отцов; что они не могли дать отчета в прибавке, сделанной к символу; что они сравнивали эту прибавку совершенно незаконно и делая из нее новый догмат, с разъяснением, которое *вселенский* Константинопольский собор собщи́л символу первого *вселенского* собора — Никейского.

Что же касается Евхаристии, то разногласие было почти незначительным. Пред своим возвращением, монахи объявили императору, что если греки хотят соединиться с Римской Церковью, они должны принять ее верование и подчиниться папскому авторитету. Очевидно, что они прибыли не для исследования, какая есть истинная вера и законен ли папский авторитет; а *единение*, по мнению их, равно как и по мнению папы, не могло иметь другого смысла, как только *подчинение*. Патриарх же Герман не понимал единения подобным образом; вот почему он созвал собор для исследования пунктов разногласия, существовавших между греками и латинянами². Это собрание происходило в Нимфее. По донесению самих нунциев, они восторжествовали только тогда, когда спросили греков, почему они более не подчиняются папе, признавая некогда его авторитет? Если верить им, греки очень затруднились ответом на этот вопрос и хранили молчание. — Достаточно подобного замечания, чтобы оценить добросовестность, с которою составлено было донесение. Достоверно, что самые невежественные греки знали, что папский авторитет никогда не был признаваем на Востоке. После продолжительных споров об исхождении Святого Духа и об опресноках, император позвал к себе нунциев и сказал им: «Чтобы достигнуть мира, надобно с каждой стороны сделать уступки. Поэтому оставьте вашу прибавку к символу, и мы одобрим ваши опресноки». Нунции отказали в этом. «Каким же образом можно заключить мир?» — сказал император. «Вот каким, — отвечали нунции. — Вы будете верить и учить, что нельзя совершать Евхаристии иначе, как только на опресноках и вы сожжете все книги, в которых преподается иное учение; вы будете верить и учить, что Дух Святой исходит от Сына, равно как и от Отца, и вы сожжете все книги, в которых содержится противоположное учение. Папа и Церковь не уступят ни йоты из своего учения; единственная уступка, которую можно вам сделать, будет состоять в том, что вас не обяжут петь символ с латинской прибавкой». Таков в кратком изложении ответ нунциев. Император был разгневан этим.

¹ Ap. Raynald. ad ann. 1233.

² Raynald. ad ann. 1233; Wading, Annal. Min., ad ann. 1233.

На последнем заседании собора, обе стороны разошлись провозглашая взаимно друг другу анафему. Да и нельзя было рассчитывать на какой-либо иной результат, кроме этого.

Спустя тридцать лет после этого собора (1269), Михаил Палеолог вступил в Константинополь и разрушил латинскую империю, которая продолжалась всего только пятьдесят семь лет. Папство увидело, таким образом, тщету самых дорогих своих надежд. Урбан IV, занявший Римский престол, писал к Людовику IX, Франкскому королю, побуждая его защитить латинского императора, «изгнанного схизматическими греками, к стыду Запада». Он старался поднять всю Европу и распорядился проповедовать крестовый поход против Палеолога. Этот император попытался умиловить папу, он послал к нему послов и подарки, и обещал ему деятельно трудиться для соединения церквей. Эта политика, намеченная (inaugurée) Комнинами и усвоенная Палеологом, привела к двум торжественным собраниям — второму Лионскому и Флорентийскому соборам, на которых старались установить основания единения. Все попытки оказались бесполезными; потому что папство не желало, чтобы рассуждали о его верховном и вселенском авторитете, ни о защищаемых им учениях. Климент IV объявил это формально в проекте единения, посланном к Михаилу Палеологу при посредстве четырех Францисканцев¹. По мнению этого же папы, Михаил виновен в существующем разделении Церквей; потому что он мог обязать весь греческий клир подписаться под требованиями папства, если бы захотел воспользоваться своею властью. Употребление, которое он может сделать из своей власти в деле принуждения греческого клира, присовокупляет он, есть единственное средство сохранить империю в виду латинских предприятий. Таким образом, по мнению Климента IV, интерес, принуждение и угроза вот настоящие средства для достижения единения. Михаил Палеолог преимущественно боялся нападения со стороны Карла, короля Сицилии. Припоминая, что Климент IV писал ему о соединении Церквей, как об единственном средстве сохранить себя от латинян, он писал Григорию X для засвидетельствования пред ним о своих добрых расположениях в этом отношении.

Мы не станем рассказывать подробно историю сношений, которые происходили тогда между Григорием и Михаилом. Скажем только, что этот последний действовал только в видах политических; что он злоупотреблял своей императорской властью, заставляя некоторых епископов способствовать его проектам; что он преследовал тех, которые сопротивлялись ему; что епископы, изменники из-за интереса, согласились на все уступки, требуемые папою; что они были отвергнуты другими епископами, несмотря на жестокое преследование, привлеченное на них этим отвержением; наконец, что единение вместо того, чтобы быть установленным

¹ Raynald., *Annal Eccles.*; Wading., *Annal. Min.*; Pachymere, *Hist. Orient.*, liv. V: *Собрание Соборов* P.Labbe, t. XI.

посредством этих интриг и этих жестокостей, сделалось чрез это еще более затруднительным.

Такова в кратком изложении история того, что происходило на втором Лионском соборе (1274) в отношении к соединению Церквей. Все это была политика, не имевшая никакого религиозного характера. Григорий X провозгласил в Лионе мир на основах, положенных Климентом IV. Но этот мир был заключен только с Михаилом Палеологом и с несколькими людьми без убеждений. Восточная же Церковь признала это единение ничтожным. Сам Рим был убежден в нем настолько, что Мартин IV отлучил Михаила Палеолога за то, что он играл папством, под предлогом единения (1281). Андроник, ставший императором после Михаила (1283), отказался от политики столь мало искренней. Но политика эта была возобновлена Иоанном Палеологом на соборе Флорентийском.

Между двумя соборами Лионским и Флорентийским происходили еще некоторые переговоры между папами и императорами; но они не привели ни к какой цели; потому что Восточная Церковь, вместо приближения к Римской Церкви, очутилась удаленною от нее настолько более, насколько папство стало более гордым и требовательным.

Однако же Иоанн Палеолог, пользуясь всей своей властью, успел привлечь известное число епископов на Флорентийский собор.

На Флорентийских заседаниях надобно различать два отличные периода: период изложения учения, и период уступок.

Посредством изложения учения было доказано, что Восточная Церковь стоит в разногласии с Римской Церковью по многим основным вопросам, и что она сохранила свое учение вопреки папским нововведениям; потому что это учение было завещано ей и древними отцами.

Уступки же оказались с учительным изложением. Почему? Потому что папа и император восточный прибегали ко всем пособиям своего деспотизма, чтобы сломить сопротивление греков; потому что папа, вопреки своему формальному приглашению, оставял умирать с голоду греков, не подчинявшихся его требованиям; а Восточный император в то же время сделал для них невозможным возвращение в свое отечество; потому что папство сумело привлечь на свою сторону несколько честолюбивых людей, коих измену оно наградило кардинальской шапкой и другими почестями. Несмотря на все эти средства, папство не могло достигнуть на Флорентийском соборе ясного признания своего верховенства. Ибо Флорентийское собрание, в то самое время как провозгласило верховенство по божественному праву, этим самым включило в свое определение оговорку, которая уничтожала его и объявляла его святотатственным хищением. В самом деле, это верховенство могло быть только хищением, коль скоро прибегали к вселенским соборам для определения этого его характера. Итак, *неправда солгала сама себе* в этом пресловутом собрании, бывшем только за-

говором против святого учения, — утвердившем лишь лживую мировую сделку, уничтоженную прежде приведения ее к концу. Восточная Церковь анафематствовала виновников этой сделки. Да и Западная Церковь, имевшая на Базельском соборе огромное число своих представителей, осудила главного виновного ее папу Евгения, как *еретика, схизматика и возмутителя против Церкви*.

После печальной Флорентийской драмы папство не пыталось более подчинить Восточную Церковь. Оно предпочло трудиться над постепенным расстройством ее, чтобы прогрессивно достигнуть порабощения ее. Его политика была следующая: по наружности уважать учение и обряды восточные; но пользоваться всеми обстоятельствами и преимущественно разногласиями между национальностями, чтобы влиять и выставять свой авторитет, как защиту и как охрану национальных прав; довольствоваться в начале шатким и неопределенным признанием этой власти; затем всеми возможными средствами лицемерия и притворства укрепить эту власть, чтобы наконец злоупотребить ею против учения и обрядов, притворно уважаемых вначале.

Вот объяснение всех противоречивых булл, обнародованных папами по поводу *уний* всех Церквей: греков-униатов на Востоке и русских, *униатов-армян, униатов-болгар, униатов-маронитов* и пр. и пр.

Если, как надеемся, мы издадим специальное сочинение о пунктах разногласия, которые существуют между Церковью Восточную и Церковью Римскую, то изложим подробно папскую политику в этом отношении на основании документов. Мы рассмотрим эту политику в действии на соборах Лионском и Флорентийском, при всех сношениях, существовавших между папами и Константинопольскими императорами, со времени основания латинских царств на Востоке; мы увидим ее во всех противоречивых буллах, истекавших из Рима со времени этой эпохи до наших дней.

В настоящем же сочинении мы имели целью доказать: 1) что папство с девятого столетия захотело наложить на Вселенскую Церковь, — и притом во имя Божие, — иго, неизвестное в первые восемь веков; 2) что это честолюбие вызвало со стороны Восточной Церкви законное сопротивление; 3) что именно папство было главной причиной разделения; 4) что оно укрепило и увековечило его своими новшествами и преимущественно признанием как догмата, незаконного верховенства, присвоенного им себе; 5) что оно превратило это разделение в настоящую *схизму*, установивши *папскую Церковь* в недрах самой католической Восточной Церкви, воздвигнувши алтарь против алтаря, учредивши незаконное епископство против епископства *апостольского*.

Мы доказали все эти пункты неопровержимыми фактами.

Поэтому мы справедливо возвращаем самому папству то обвинение в *схизме*, которым оно пользуется столь свободно в отношении к тем, которые отказываются признать его авторитет, и

которые во имя Слова Божия и кафолического предания восстают против его хищений и против святотатственных захватов.

Теперь скажем каждому искреннему человеку: вы слышали, с одной стороны, св. Писание, объясняемое согласно с кафолическим преданием, вы слышали вселенские соборы и Отцов Церкви; вы слышали Римских епископов первых восьми веков; с другой — вы слышали пап, следовавших после восьмого века: можете ли вы сказать, что учение и тех и других есть одно и то же? Не должны ли вы согласиться, что относительно папства существуют два противоречивые учения? Учение божественное, сохраняемое в течение первых восьми веков, даже в Римской Церкви, — учение осуждающее всякую идею автократии и верховенства в Церкви Иисуса Христа; и существует учение *папское*, которое делает из этой автократии существенный и основной догмат Церкви — догмат, без которого Церковь не может существовать.

Какое же учение каждый христианин должен предпочитать: учение ли Бога, или учение папы? Учение ли Церкви, или учение Римского двора?

Надобно избрать одно из двух. Стоите ли вы за учение божественное, сохраняемое Церковью? — вы христианин кафолический. Стоите ли вы за учение папства? — вы *папист*, но вы не *кафолик*. Только тот заслуживает этого последнего наименования, кто в вере своей следует правилу *кафолического предания*. Это предание противоположно папской системе; поэтому вы не можете быть *кафоликом*, принимая эту систему. Пора перестать играть словами, пора говорить откровенно. Будьте *папистом*, если вам угодно, но тогда не называйтесь уже *кафоликом*. Хотите ли вы быть *кафоликом*? Тогда не будьте более *папистом*. Нет какой-либо другой, возможной мировой сделки; кафолик и *папист* суть два слова, взаимно исключаящие друг друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика 5

ПАПСТВО КАК ПРИЧИНА РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ, ИЛИ РИМ В СВОИХ СНОШЕНИЯХ С ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

I	13
II. Папская власть, осуждаемая Словом Божиим	15
III. О власти римских епископов в течение первых трех веков Церкви	27
IV. О власти епископов Рима в течение четвертого и пятого веков	54
V. Власть римских епископов в течение шестого, седьмого и восьмого веков	120
VI. Папство, своими честолюбивыми притязаниями и новшествами, сделалось причиною разделения между Церквами Востока и Запада	173
VII. Папство, будучи причиною разделения Церквей, увековечивает и утверждает это разделение своими нововведениями; оно создает ими схизму	210